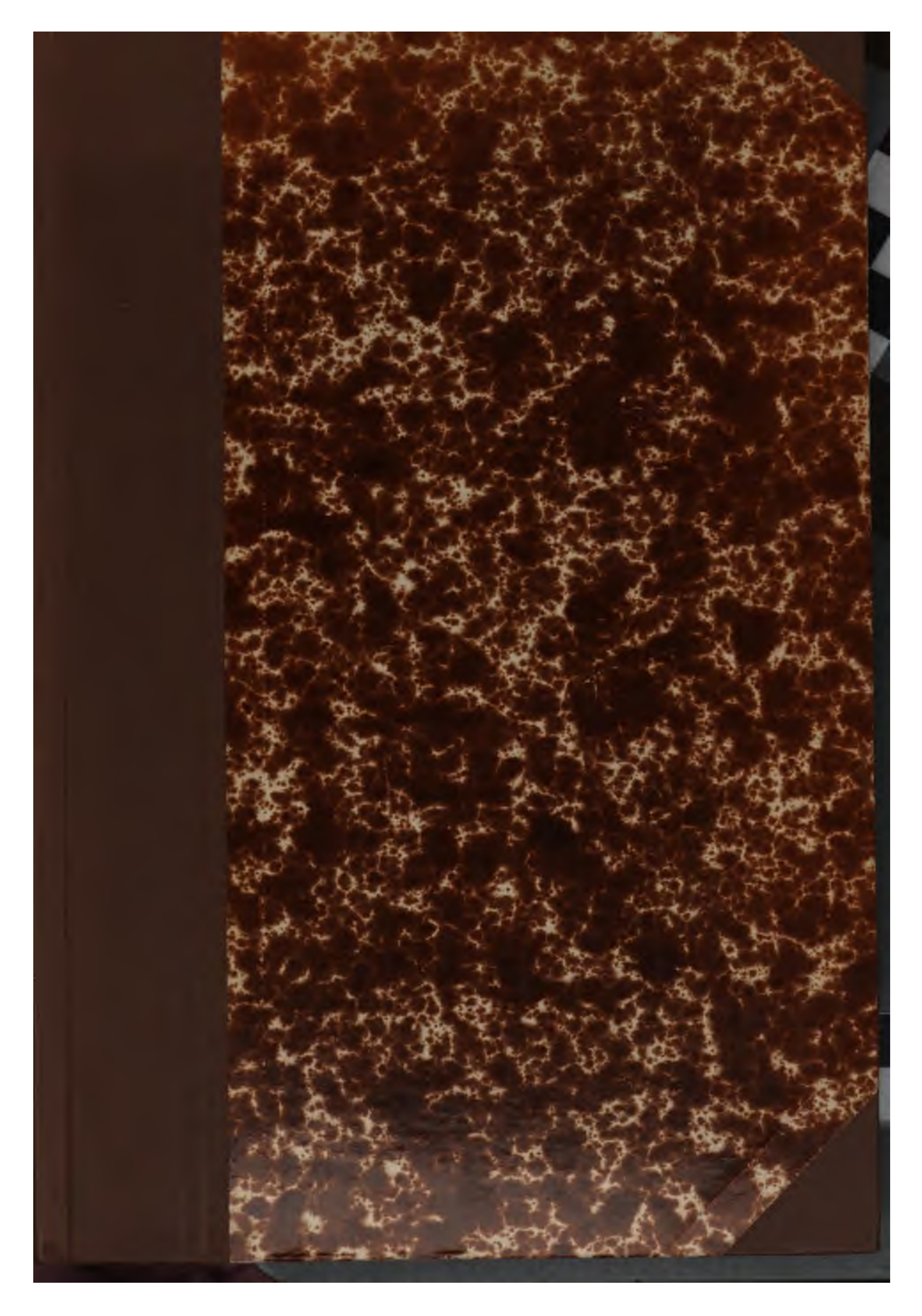

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Dobrynin, G. I.

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ

ИЛИ

ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,

(пожившаго 72 г. 2 м. 20 дней)

ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ ВЪ МОГИЛЕВѢ И ВЪ ВИТЕБСКѢ.

1752—1823.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15, кв. № 3.
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЗАПИСОКЪ ДОБРЫНИНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1810—1823 гг.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Подлинная рукопись: „Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина“, съ которой напечатана настоящая книга, состоитъ изъ двухъ переплетенныхъ тетрадей, въ листъ. Писаны записки крупнымъ, четкимъ, весьма своеобразнымъ почеркомъ Добрынина. Бумага синяя, но нѣкоторые листы сѣрые и видно, что эти послѣдніе явились взамѣнъ прежде написанныхъ и уничтоженныхъ самимъ авторомъ. Дѣло въ томъ, что Добрынинъ принялся за начертаніе своей автобіографіи, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ (стр. 23), въ 1785 г., на 35-мъ году отъ рожденія, т.-е. въ первый періодъ пребыванія на службѣ въ Бѣлоруссіи; третью же часть написалъ—на восьмомъ десяткѣ. Это обстоятельство важно для того, чтобы понять происхожденіе тѣхъ помарокъ, которыя довольно часто пестрятъ страницы „Истиннаго повѣствованія“. Конечно, авторъ тщательно отдѣлывая свой разсказъ, мѣстами исправлялъ слогъ, но большая часть его поправокъ составляютъ ничто иное какъ смягченія тѣхъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ подробностей, которыя спустя тридцать лѣтъ, по первоначальномъ ихъ написаніи, показались Добрынину рѣзкими. Есть основаніе думать, что помарки въ первыхъ двухъ частяхъ сдѣланы авторомъ въ 1818 г. Вообще же всѣ таковыя передѣлки оговорены въ нашемъ изданіи, причемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ возстановленъ и первоначальный текстъ подлинника.

Независимо отъ этого мы во многихъ словахъ придерживались правописанія подлинника. Какъ человѣкъ остроумный, начитанный и, по своему времени, довольно образованный, Добрынинъ не писалъ зря; онъ, какъ видно изъ его же труда, — во все вдумывался, во всемъ старался дать себѣ отчетъ и поэтому уклоненія его отъ общепринятыхъ

грамматическихъ правилъ — составляютъ не незнаніе этихъ правилъ, а нѣкоторую своеобразность причудливаго писателя. Другая особенность изложенія Добрынина состоитъ въ томъ, что онъ часто пестритъ свой разсказъ примѣчаніями, которыя и помѣщаетъ въ выноскахъ. Такъ какъ эти примѣчанія иногда весьма длинны, притомъ же интересны и вполнѣ вяжутся съ общимъ ходомъ повѣствованія, то мы нашли удобнѣйшимъ бо́льшую ихъ часть помѣстить въ текстъ.

Первый томъ рукописи занимаетъ 253 страницы: здѣсь помѣщена первая часть. На заглавномъ листѣ уже позднѣйшимъ почеркомъ автора написано слѣдующее заглавіе:

„Истинное повѣствованіе или жизнь Г. Д., имъ самимъ писанная. Часть первая. Въ Могилевѣ и въ Витебскѣ“.

Второй томъ рукописи 328 стр. заключаетъ вторую и третью части повѣствованія. Сбоку, въ кружку — неизвѣстною рукою, противъ буквъ „Г. Д.“ написано: „пожившаго 72--2--20“. То-есть: 72 года, 2 мѣсяца, 20 дней: а такъ какъ авторъ родился въ 1752 году 20 марта, то время кончины его оказывается 10 іюня 1824 года.

Первое изданіе записокъ Добрынина напечатано нами въ „Русской Старинѣ“ 1871 г. т. III стр. 119, 247, 395. 562 и т. IV стр. 1, 97, 177, и 305.

Настоящее второе изданіе отличается отъ предъидущаго значительными исправленіями, сдѣланными по подлинной рукописи автора. Въ приложеніяхъ къ 1-му изданію (Р. Ст. т. IV стр. 372) объяснено, что §§ I—XXIII печатались съ копіи; по сличеніи сей послѣдней съ розысканной впослѣдствіи подлинною рукописью автора въ копіи оказались нѣкоторыя, противъ подлинника, погрѣшности.

Главнѣйшія изъ нихъ вполнѣ исправлены въ настоящемъ изданіи, такъ что страницы: 19—22, 63—74 и 81—94 совершенно перепечатаны и текстъ подлинника возстановленъ.

Михаилъ Семевскій.

Записки Добрынина, изданіе второе, напечатаны въ количествѣ 700 экземпляровъ.

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ
или
ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,
ИМЪ САМИМЪ НАПИСАННАЯ.

1752—1827.

Сынъ священника, затѣмъ пѣвчій, келейникъ и секретарь Сѣвскихъ архіереевъ, впослѣдствіи чиновникъ въ Бѣлоруссіи въ эпоху возвращенія этого края нашему отечеству—Добрынинъ оставилъ послѣ себя весьма интересныя записки. Подлинникъ ихъ занимаетъ двѣ толстыя тетради и дѣлится на три части: первая—обнимаетъ время съ 1752 по 1777 г., вторая—останавливается на 1810 г. и, наконецъ, третья—доведена до 1827 г. Въ первой, самой обширной, авторъ описываетъ дѣтство и молодость, проведенныя имъ въ средѣ низшаго и особенно высшаго духовенства. Эта часть написана Добрынинымъ въ 1787 году, именно въ то время, когда онъ только что вырвался изъ прежней колеи своей жизни, написана имъ на 35-мъ году отъ роду, въ полномъ развитіи физическихъ и душевныхъ силъ, чѣмъ и объясняется необыкновенная свѣжесть и живость красокъ его разсказа. Пишетъ Добрынинъ весьма своеобразно: слогъ его для современнаго читателя покажется мѣстами тяжелъ, какъ вообще языкъ „книжныхъ“ людей прошлаго столѣтія, но тяжеловѣсность слога искупается мастерствомъ разсказа и весьма замѣчательнымъ юморомъ. Съ самымъ спокойнымъ тономъ Добрынинъ повѣствуетъ объ уморительнѣйшихъ эпизодахъ изъ своей жизни—причемъ нерѣдко является совершеннымъ художникомъ: такъ поразительно живы набрасываемыя имъ бытовыя картины, типы духовныхъ сановниковъ, помѣщиковъ, чиновниковъ, губернаторовъ... Необходимо при этомъ замѣтить, что Добрынинъ писалъ не для печати; тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ его труда, весьма близко знакомый съ современною ему переводною и оригинальною русскою словесностью (иностранныхъ языковъ онъ не зналъ), авторъ усвоилъ себѣ всѣ пріемы даровитыхъ писателей: онъ почти вовсе не

даетъ мѣста такимъ мелочамъ, которыя бы не имѣли ни интереса, ни значенія, но почти всегда выдвигаетъ только такія подробности, которыя чрезвычайно ярко окрашиваютъ современное ему общество и болѣе крупныхъ въ немъ дѣятелей, съ которыми только приходилось ему сталкиваться. Въ этомъ отношеніи особенно хороша первая часть записокъ Добрынина; на нее мы обращаемъ особое вниманіе читателей: многія страницы въ ней положительно напоминаютъ то исполненныя смѣха и слезъ картины великаго художника Гоголя,— то яркіе очерки писателя, столь безвременно сошедшаго въ могилу— Помяловскаго....

Независимо отъ несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ, записки Добрынина дороги еще и тѣмъ, что они какъ бы восполняютъ другой замѣчательный историко-литературный памятникъ: мы разумѣемъ записки Болотова. Какъ автобіографія Болотова, является цѣлою эпопеею быта русскаго дворянина XVIII вѣка, во всевозможныхъ сферахъ его дѣятельности, такъ „Жизнь“ Добрынина выдвигаетъ на страницы нашего изданія длинный рядъ мастерски набросанныхъ картинъ быта русскаго духовнаго лица того же вѣка, почти тѣхъ же годовъ (1750—1780) и также на всѣхъ ступеняхъ его положенія, начиная съ причетника сельской церкви и кончая архіерейскою каѳедрою....

Рукопись записокъ Добрынина найдена, если не ошибаемся, въ одномъ изъ погостовъ Могилевской губерніи, даровитымъ малороссійскимъ писателемъ, Алексѣемъ Петровичемъ Стороженко и подарена имъ Лукѣ Николаевичу Антропову, отъ котораго „Русская Старина“ пріобрѣла эти записки для печати.

Отрывокъ изъ нихъ былъ помѣщенъ въ „Виленскомъ Сборникѣ“, изданномъ г. Кулинымъ въ 1869 г.; отрывокъ этотъ не великъ и взятъ изъ начала второй, а также изъ третьей части, именно изъ разсказа автора о его служебной дѣятельности, въ качествѣ чиновника, въ Могилевскомъ намѣстничествѣ *). **М. Семевскій.**

*) Добрынинъ даетъ довольно много мѣста біографическимъ очеркамъ нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей прошлаго вѣка: необыкновенно типично обрисованы имъ Сѣвскіе архіереи Тихонъ Якубовскій и Кириллъ Флоринскій, епископъ Анатолій Мелесъ, извѣстный ученый архимандритъ Карпинскій, Кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій, Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, нѣкогда знаменитый участникъ въ іюнскомъ переворотѣ 1762 г., Пассекъ, ученикъ Вольтера — Полянскій и многіе другіе, не столь высоко стоявшіе, тѣмъ не менѣе по характерамъ, складу своего развитія или по своей жизни—интересныя лица. Вообще авторы историческихъ монографій, а также повѣстей и романовъ изъ эпохи XVIII вѣка—найдутъ въ «Истинномъ повѣствованіи» Добрынина весьма богатый матеріалъ при составленіи своихъ произведеній.
Ред.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Нѣтъ, думаю, ни одного человѣка изъ могущихъ мыслить, которому бы не приходила когда-нибудь мысль: кто я? гдѣ я? откуда я пришелъ? что вижу я? и куда пойду? и подобныя сему задачи. Но всѣ мыслящіе такъ, и желающіе постигнуть и разрѣшить сію сокрытую отъ смертныхъ тайну остаются по прежнему въ глубокомъ о ней невѣдѣніи.

Послѣ сего, осталось ли мнѣ мѣсто писать на тотъ конецъ, чтобы другіе читали? Намѣренье мое состоитъ въ томъ, чтобъ писать сущую правду для собственнаго въ настоящее и будущее время приведенія на память прошедшихъ моихъ лѣтъ и приключеній; писать такъ, какъ пишутся дневныя записки. Слѣдовательно писать небылицы или выдумки было бы тожъ самое, что обманывать самого себя. Во избѣжаніе сего и тонъ моей повѣсти и порядокъ въ ней всего безпорядка основалъ я на пословицѣ покойника моего дѣда: «мѣшай дѣло съ бездѣльемъ — лучше, съ ума не сойдешь».

Сродное однакожъ человѣку любочестіе заставило меня примкнуть сію пословицу, дабы блеснуть, что я мудраго дѣда внукъ......

§ I.

Время отъ рожденія моего до смерти отца моего, заключающее въ себѣ пять лѣтъ.

Въ бездне безначальнаго и безконечнаго времени, предъ разсвѣтомъ, уже былъ 20-й день марта 1752 г., по старому грекороссійскому счисленію, когда природа, по непремѣнному своему закону, употребя орудіемъ мою невинность, слабѣйшіе и едва существующіе члены и невѣдѣніе, терзала утробу моей матери, и наградила ее такимъ во мнѣ подаркомъ, котораго цѣна извѣстна, говорятъ, однимъ только матерямъ. Это значитъ: я родился. Всѣ мои предки, коихъ глубокое начало покрыто неизвѣстностью, — можетъ быть потому, что они не охотники были писать собственныхъ исторій, посвящаемы были на службу ал-

тарю Господню. Въ семъ священномъ званіи нашелъ я въ мірѣ двухъ моихъ дѣдовъ и отца. Изъ коихъ дѣдъ мой по отцу жительствовалъ отъ Москвы въ разстояніи пяти-сотъ верстъ, Сѣвскаго уѣзда*) въ селѣ Радогожѣ**), гдѣ я и родился, а дѣдъ по матери жилъ того-жъ уѣзда въ селѣ Неварѣ.

Въ 1756 году, радогожской мой дѣдъ уѣхалъ въ Москву для докончанія тяжебнаго дѣла съ соперниками своими, а въ 1757 г. апрѣля 12 умеръ отецъ мой. Мать моя столько о немъ сокрушалась, сколько недоброхоты нашего семейства радовались, потому что зло во всѣ состоянія вмѣшивается. А дѣдъ, извѣстясь въ Москвѣ о потерѣ сына, впалъ въ горячку, и едва за нимъ не послѣдовалъ. И хотя отецъ мой былъ въ такомъ состояніи, что не могъ бы дать сыну своему лучшаго счастія, нежели имѣлъ самъ, однакожъ то неоспоримо, что я остался сиротою, а мать моя вдовою, да сверхъ того, получилъ я въ наслѣдство шестой годъ отъ рожденія и чувствительное сердце не по мѣрѣ лѣтъ. Я и теперь***) еще не забылъ, какъ въ одну пору въ печальномъ размышленіи уединился въ сарай, и началъ на свободѣ плакать подобно Исмаилу, о которомъ, правду сказать, я еще и не слыхивалъ. Мать, не видя сына дольше обыкновеннаго, по многимъ поискамъ нашедъ меня въ семъ положеніи, спросила о причинѣ плача; я отвѣтствовалъ: «мнѣ скучно, что отецъ мой умеръ!» Она, схвативъ меня на руки, отвѣчала мнѣ на это горькими слезами. Потомъ стала меня утѣшать обѣщаніемъ, что мы поѣдемъ къ дѣду неварскому, — т.-е. къ отцу ея, что и въ самомъ дѣлѣ исполнила, къ чему не меньше принуждена была и притѣсненіями отъ недоброхотовъ радогожскаго моего дѣда, а ея свекра.

*) Городъ Сѣвскъ нынѣ Орловской губ. М. С.

**) По исторіи россійской, писанной княземъ Щербатовымъ, Радогожъ былъ городъ, и въ разныя времена потерпѣлъ отъ набѣговъ татаръ многія разоренія. При одномъ изъ набѣговъ, какъ говоритъ царственная книга царя Ивана Васильевича и князь Щербатовъ, былъ въ немъ воевода Сыновъ (?). А въ мои дѣтскія лѣта, были тамъ, да несомнѣваюсь и нынѣ еще суть, остатки земляной маленькой крѣпости, близъ бывшаго тамъ, при рѣкѣ Нерусѣ, Спасскаго монастыря; но Радогожъ принадлежалъ уже графу Петру Григорьевичу Чернышову по женѣ, которая была изъ роду Ушаковыхъ, а отъ Чернышова достался, по наслѣдству, одному изъ князей Голицыныхъ. Г. Д.

***) Я сіе пишу 1787 г. апрѣля 19; слѣдовательно мнѣ теперь тридцать пfive лѣтъ отъ роду. Г. Д.

§ II.

Переселеніе къ дѣду.

По прибытіи къ дѣду неварскому, жили мы у него съ матерью почти съ годъ, слѣдовательно исполнилось мнѣ шесть лѣтъ, а на седьмомъ, велѣлъ мнѣ дѣдъ положить три поклона въ землю предъ иконою, и началъ мнѣ вступленіе въ науку азбуку, по которой доучилъ меня до «буки-аз-ба». Говорятъ, что «доброе начало—половина дѣла», и на сей-то половинѣ кончилъ мой дѣдъ свой надо мной трудъ. Между тѣмъ, радогожской дѣдъ прибылъ изъ Москвы въ Сѣвской Спасской монастырь, для докончанія въ ономъ, по указу московской духовной консисторіи, тяжебнаго его съ своими непріятелями дѣла. Пишетъ то уда письмо за письмомъ о присылкѣ къ нему внука его, въ Сѣвскъ, но неварскій ненаходитъ надобности отяготить себя нарочною подводою; такимъ образомъ, жребій мой между двухъ дѣдовъ колебался не малое время, наконецъ, послѣ свѣтлаго праздника десятая пятница рѣшила быть мнѣ у радогожскаго дѣда, ибо въ день оныя бываетъ въ Сѣвскѣ ярмарка, на которую неварскій дѣдъ послалъ племянника своего Степана для покупки сухой донской рыбы, называемой тарань, которая потребна ему была для постныхъ дней на покосъ. При сей оказіи я и отправился, благодаря дѣда, десятую пятницу и сухую рыбу тарань.

§ III.

Переселеніе отъ одного дѣда къ другому.

Радогожскій дѣдъ, увидя меня, схватилъ на руки съ несказаннымъ восхищеніемъ, и прижимая къ груди поминутно, называлъ меня оставленнаго ему отъ Бога на утѣшеніе отраслью и другими именами, какія влагала ему въ уста сердечная горячность. Все сіе меня оживляло, а теченіе цѣлой жизни дало мнѣ отжить и безпримѣрно-нѣжную ко мнѣ любовь моего дѣда, и (убѣдиться) что чувствительность во мнѣ открылась очень рано, и даже всегда предіиествовала моему разсудку, сколько я ни работалъ, чтобъ она уступала ему первенство. Истина стиха славнаго Лафонтена владѣетъ мною и теперь во всей силѣ:

«Мы вѣчно тѣмъ, чѣмъ намъ быть въ свѣтѣ суждено:
Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно».

Отскочивши отъ матеріи, возвращаюсь къ ней. Дѣдъ далъ мнѣ, доставши отъ монастырскихъ малярей, нѣсколько деревянныхъ, выточенныхъ, позолоченныхъ и посребренныхъ яицъ. Они мнѣ въ ту пору пріятнѣе были вылитыхъ изъ золота и серебра. Онъ обнадеживалъ меня довести до той премудрости, что буду я умѣть читать и писать. Время доказало, что онъ не солгалъ. Достигши подъ юной возрастъ, могъ я видѣть, что онъ былъ по натурѣ боекъ, памятливъ, понятенъ, горячъ, предпріимчивъ, неустрашимъ въ злоключеніяхъ и терпѣливъ въ горестяхъ, которыхъ ему въ его жизни не недоставало. Долговременные по присутственнымъ мѣстамъ иски правосудія противъ злодѣйскихъ и разбойническихъ на него нападеній, послужили ему къ знанію въ судовѣдѣніи *), и еслибъ къ природнымъ его способностямъ доставало ему воспитанія, которымъ тогда въ Россіи и богачи не всѣ могли пользоваться, то былъ бы онъ человѣкъ со способностями къ дѣламъ государственнымъ. А посему не удивительно, что многіе люди бываютъ не тѣмъ, чѣмъ бы они быть могли, еслибы имъ доставало способовъ къ воспитанію и содержанію себя. Я не оспориваю мнѣнія многихъ, «что бѣдность есть мать наукъ и другихъ полезныхъ изобрѣтеній»; но сколько сія мать породила невѣжества и зла, сколько погасила дарованій и добродѣтелей въ самомъ ихъ зародышѣ, на это еще

*) Радогожъ, принадлежавшій съ деревнями графу Петру Григорьевичу Чернышову, управляемъ былъ смоленскимъ шляхтичемъ Іосифомъ Краевскимъ. Сей Краевскій, не помню, по младенчеству, за что злобствуя на моего дѣда, захватилъ его насильно, затащилъ въ конюшню и мучилъ тамъ на смерть. Я, по возрастѣ моемъ, видѣлъ заросшіе знаки тиранства на тѣлѣ моего дѣда. Смерть жены священника, по тогдашнимъ духовнымъ правиламъ, обязывала вдовца иттить въ монастырь, дабы тѣмъ сохранить святость сана отъ грѣхопаденія. Симъ противосильственнымъ правомъ, и вмѣстѣ съ симъ дѣда моего несчастіемъ пользуясь, его злодѣи потащили его по монастырямъ. Первая вышесказанная тяжкая обида, и другія почти ей подобныя, сдѣлали ему тяжбу на половину жизни, а потеря жены и дѣтей увеличили горесть! Сіе послѣднее возвоградится хоть на томъ свѣтѣ, поелику здѣсь несчастный заплатилъ наличною монетою; но то останется въ безконечномъ удивленіи, что во всѣ времена трудно или невозможно обиженному найти удовлетвореніе соразмѣрное его обидѣ. Кто первый сказалъ, что «богатство всегда будетъ имѣть предъ всѣмъ перевѣсъ», тотъ не хотѣлъ никого обманывать. Въ дни безсмертныя Екатерины II, ея дѣянія и ея законы: «не бить дворянина, священнослужителя, гражданина, не бить, безъ суда, мѣщанина и простолюдина», ежели не истребили, по крайней мѣрѣ поколебали, ослабили и уменьшили насиліе и варварство сильныхъ и богатыхъ. Г. Д.

никто не сдѣлалъ выкладки. Равно какъ неоспоримо и то, что достатокъ не меньше можетъ колебать всеобщее и частное спокойствіе смертныхъ въ краткой ихъ жизни, когда къ нему недостаетъ воспитанія, или, при воспитаніи, нравственности. Склонность и нужда познакомили его отчасти съ рукодѣліями: токарнымъ, столярнымъ, портнымъ и книго-переплетнымъ. Онъ ни въ одномъ не былъ совершенъ, потому что никоторому не учился, но все зналъ и занимался для пользы собственной и для услуги другимъ. Между тѣмъ, пока отроческія мои при немъ лѣта протекали, время отдохновенія,—сидя въ лѣтній особливо вечеръ подъ деревомъ подлѣ жилья—сопровождалъ онъ любимою своею пѣснію, которой я по нынѣ не забылъ, потому что и самъ эту, по побужденію его, иногда подтягивалъ. Она слѣдуетъ подъ симъ:

Ахъ! какъ трудно человѣку
Жить безъ счастья въ младомъ вѣку,
Печаль тяжко сокрушаетъ.
Сердце въ скорбѣхъ всегда таетъ.
Ахъ, младыя мои лѣта!
Что дражайши всяка цвѣта!
Въ несчастіи уплываютъ,
Дряхлу старость ожидаютъ;
Когда-жъ пройдетъ цвѣтъ младости,
Не чаешь быть ужъ въ радости.
Съ весны зима непріятна,
Ахъ! жизнь наша такъ превратна!
Въ старомъ вѣкѣ нѣтъ покою,
Только болѣзни съ бѣдою;
Тогда счастье хоть бы было,
Ужъ въ старости не такъ мило!
Счастье, гдѣ ты пребываешь?
Или съ звѣрьми обитаешь?
Престань счастье съ звѣрьми жити
Пріиди бѣдну послужити.

Сихъ старинныхъ стиховъ смыслъ открываетъ то, что́ у него было на сердцѣ. Онъ, по чувствамъ своимъ, выбралъ или случайно напалъ на такую пѣсню, которая сходствовала съ его жребіемъ въ жизни. Но не прерывая болѣ собственной исторіи, скажу, что я, подъ опекою моего дѣда живя въ семъ подгородномъ монастырѣ почти три года, выучился не только читать, но и писцомъ уже у монаховъ прослылъ. Архимандритъ, будучи доволенъ чтеніемъ и пѣніемъ моимъ въ церкви, подарилъ мнѣ съ

себя полукафтанье зеленой китайки, стеганое на бумагѣ, которое хотя мнѣ и перешили, однакожъ я много въ немъ похожъ былъ на самого архимандрита.

Сей архимандритъ именовался: Иннокентій Григоровичъ. Онъ сдѣланъ архимандритомъ изъ казначеевъ Троицкой Сергіевской лавры въ Сѣвскъ, а изъ сего вскорѣ переведенъ въ Серпуховской Высокой монастырь, а пока еще другой на мѣсто его не прибылъ, управлялъ монастыремъ казначей, отецъ Савва Требартенскій.

Во время сего междовластія, начала братія, по силѣ допускаемыхъ въ монастыряхъ обыкновеній, стомаха ради*) (испивати). Въ такихъ упражненіяхъ, случилось въ одинъ вечеръ старому монаху Иліодору поссориться съ моимъ дѣдомъ. Послѣ сего дѣдъ, повидимому не думая много о пустой ссорѣ—легъ спать, а меня положилъ подлѣ себя. Но чернецъ не былъ столько забывчивъ. Онъ, когда погасили свѣчу и всѣ позаснули, взялъ изъ дровъ полѣно, и пришелъ на соннаго моего дѣда, съ намѣреніемъ въ потемкахъ его поколотить; но вмѣсто дѣда потрафилъ съ перваго удара по внуку. Я вскричалъ безъ памяти; а дѣдъ, не понимая причины моего вопля, насилу добился отъ меня, что я ударенъ. Тогда дѣдъ мой, не сомнѣваясь, что сей невидимый ударъ есть дѣйствіе человѣколюбія непамятозлобнаго чернца, пошелъ тотчасъ къ казначею. Разбудя его, объявилъ причину своего прихода, и просилъ, чтобъ сіе дѣло разсмотрѣно было сей же часъ на мѣстѣ преступленія. Вслѣдствіе чего, казначей учреждаетъ коммисію изъ собственной персоны, и беретъ къ себѣ въ ассесоры монастырскаго Варѳоломея. Приходятъ они въ нашу келью со свѣтильниками. Допрашиваютъ чернца, чернецъ чинитъ запирательство. Дѣдъ настоитъ, чтобъ черноризца допрашивать подъ пристрастіемъ**), яко по дѣлу уголовному,

*) Въ монастыряхъ употребляемое слово: «выпить стомаха ради». Стомахъ есть слово греческое, значитъ желудокъ, а монахи, уповательно, взяли сей полезный для себя текстъ — изъ святого Павла, который въ посланіи своемъ говоритъ Тимоѳею: «не пій воды, но мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ» (Тим. 5, 23). Г. Д.

**) Слово: «пристрастіе», происходящее отъ слова: «страхъ» значило въ тѣ времена на правномъ, или юридическомъ языкѣ, «правду открыть посредствомъ истязанія тѣлеснаго». А нынѣ на діалектѣ новѣйшихъ временъ «пристрастіе» значитъ: «правду затмить посредствомъ монополіи, или интересовъ». Г. Д.

или онъ «то сдѣлаетъ, что завтрашній день и судимый и судьи забраны будутъ въ Сѣвскую провинціальную канцелярію». Судьи, симъ выговореннымъ изо всей мочи словомъ, приведены были въ страхъ и замѣшательство, тѣмъ болѣ, что ключникъ (былъ) безграмотной, а казначей снараливалъ моему дѣду за сочиненіе приходныхъ и расходныхъ книгъ. Они отдаютъ чернца дѣду головою; чернецъ, сколько ни былъ простъ, понялъ, что нѣтъ ничего хуже какъ быть судиму обиженнымъ судьею, признается въ своемъ злодѣяніи и падаетъ дѣду въ ноги. Дѣдъ настоитъ, чтобъ виноватый былъ наказанъ по крайней мѣрѣ, ежели не больше, трапезными чотками, съ медленнымъ прочтеніемъ трехъ разъ покаяннаго Давыдова пятдесятаго псалма, по силѣ монастырскаго устава. Чернецъ проситъ пощады, и во избѣжаніе большаго зла, проситъ наложить на себя цѣпь. Дѣдъ, по многимъ преніямъ, остановился на одномъ, чтобъ по наложеніи на монаха цѣпи, посадить его въ пустую башню на цѣлую седмицу подъ запрещеніемъ вкушенія вина и елея, что тогда же и учинено. Такимъ образомъ кончилось дѣйствіе, послѣ котораго монахъ Иліодоръ, хотя уже никогда никого не искалъ по ночамъ бить, однакожъ часто мнѣ снился съ полѣномъ въ рукахъ.

Вскорѣ потомъ прибылъ изъ Москвы въ монастырь полный начальникъ, архимандритъ Пахомій, мужъ старый до дряхлости, въ подагрѣ. Не успѣлъ еще онъ осмотрѣться, какъ ужъ братія и вознегодовала на него за нарушеніе прежнихъ монастырскихъ обыкновеній:

1) что онъ въ праздничные и торжественные дни не проситъ братію къ себѣ на водку; 2) что уничтожилъ печеніе по субботамъ блиновъ, а по воскресеньямъ—пироговъ. Въ сіе общество вмѣшался монастырскій, по тогдашнему называемый, «служка» Семенъ Малышевъ, которому было не болѣе 26-ти лѣтъ отъ роду, и который не меньше моего дѣда почитался искусникомъ въ приказныхъ дѣлахъ. Сіе искусство почерпнулъ онъ будучи въ бѣгахъ, и проживая въ городѣ Кинешмѣ въ качествѣ слуги, у тамошняго воеводы Борноволокова, котораго доносомъ своимъ, состоявшимъ не знаю въ какихъ важностяхъ, заставилъ отвѣчать въ тогдашней тайной канцеляріи.

Сей опытный человѣкъ кричалъ и увѣрялъ монаховъ, что

архимандритъ богопротивникъ, и что за это надобно на него закричать по первому и второму пункту.

Я, слушая сего скопища заговоры, въ которыхъ сильно охотился понять, что значатъ слова: «по 1-му и 2-му пункту», и догадывался, что 1-й пунктъ значитъ, запрещеніе печь блины, а 2-й—пироги, и винилъ въ моихъ мысляхъ безъ пощады архимандрита за такое преступленіе. Сей скопъ и заговоръ не кончился словами. Служка Малышевъ вбѣжалъ въ Сѣвскую провинціальную канцелярію, закричалъ тамъ употребительное тогда «слово и дѣло» *); почему провинціальная канцелярія, во исполненіе тогдашнихъ законовъ, наложила на премаститую архимандричью старость оковы, отослала съ доносителемъ и свидѣтельми, кои всѣ были монахи, за крѣпкимъ карауломъ, въ тайную канцелярію, гдѣ открылся доносъ, что архимандритъ, во время всенощнаго на торжественный день моленія, приказалъ стихиры читать, а не пѣть. Вслѣдствіе сего, хотя ревностный защитникъ 1-го и 2-го пункта наказанъ тѣлесно и отданъ въ солдаты, однакожъ старый архимандритъ, вѣроятно, во всѣ остальные свои дни, не отговариваясь подагрою, всенощныя отправлялъ на распѣвъ.

Окончившаяся такимъ образомъ экспедиція не оставила безъ подозрѣнія и дѣда моего, хотя онъ и не былъ ни доносителемъ, ни свидѣтелемъ, почему оправданный архимандритъ испросилъ отъ московскаго митрополита Тимоѳея повелѣніе, о переведеніи его съ тяжебнымъ дѣломъ въ Николаевскій Столбовскій монастырь, отстоящій отъ Сѣвска на 50 верстъ, куда и я послѣдовалъ за дѣдомъ, 1762 года, на страстной недѣлѣ.

§ IV.

Пребываніе мое въ Столбовскомъ монастырѣ.

По прибытіи моемъ въ Столбовскій монастырь, отстоящій отъ Радогожа верстъ на 7, тамошній архимандритъ Варлаамъ Маевскій, снисходя на просьбу моего дѣда, уволилъ его на житье

*) «Слово и дѣло» значило донесть на кого по 1-му пункту, то-есть, что тотъ виновенъ въ дерзновеніи противъ Бога и церкви. По 2-му пункту,— въ оскорбленіи или въ знаніи намѣреній противъ государя и государства и проч.... Для производства таковыхъ дѣлъ учреждено было въ Москвѣ особливое присутственное мѣсто, называемое «тайная канцелярія», подобная во всемъ «инквизиціи», существующей еще и нынѣ въ нѣкоторыхъ католицкихъ государствахъ. Г. Д.

въ подсудственную сему монастырю Радогожскую пустынь *), отстоящую отъ дому дѣда моего, слѣдственно и отъ дому моего рожденія, на одну версту, а меня оставилъ у себя яко почетную особу въ достоинствѣ аманата, въ самомъ же дѣлѣ для того, что мой дышкантъ ему понравился. Къ тому же, удаленіе моего дѣда надежнымъ было для архимандрита средствомъ, что онъ не будетъ отвѣчать по 1-му и 2-му пункту. По порядку теченія времени, долженъ я себѣ припомнить, что мать моя, жившая по нынѣ у своего отца, а моего дѣда, избрала для себя сего 1762-го года, августа 31 д., блаженное жилище въ Сѣвскомъ женскомъ монастырѣ, съ намѣреніемъ принятія монашества. Припомнивши о семъ, возвращаюсь къ Столбовскому монастырю.

У столбовскаго архимандрита единолѣтное мое пребываніе ничего въ себѣ важнаго и достойнаго свѣдѣнія всему міру не заключаетъ, кромѣ что иногда меня монахи запрашивали въ свои кельи и внушали желаніе, чтобы я отъ юныхъ лѣтъ старался возлюбить добродѣтель и удостоиться полученія ангельскаго чина — такъ они свой называли,— между тѣмъ, одинъ нечаянный случай произвелъ въ нихъ обо мнѣ худое мнѣніе. Во время вечерняго въ церкви моленія, въ небытность въ оной архимандрита, — поелику онъ начальникъ,— одинъ изъ черноризцевъ, отецъ Арсеній, соскочилъ съ лѣваго клироса, поднялъ свою мантію, схватилъ ее въ одинъ узелъ, прижалъ къ самой груди, и началъ по церкви прыгать, какъ обезьяна. Онъ былъ пьянъ. Но мнѣ сіе показалось очень забавно. Я чувствовалъ, что онъ тѣмъ искрасилъ всю нашу вечерню, и мнѣ казалось, что если я сіе дѣйствіе перескажу архимандриту, то онъ заставитъ отца Арсенія еще такъ же попрыгать для забавы; но совсѣмъ противное вышло моему ожиданію. Онъ послалъ о. Арсенія на недѣлю въ хлѣбню—монастырская поварня—дрова рубить, воду носить, муку сѣять, и проч. За сіе всѣ черноризцы меня возненавидѣли, какъ будто всѣ они въ заговорѣ были прыгать по церкви, а архимандритъ полюбилъ (меня) больше прежняго, и, неоднократно заставляя меня представлять дѣйствіе прыгающаго чернца, смѣялся со всѣхъ силъ и прихлопывалъ въ ладони.

---

*) Такъ назывались въ Россіи малые монастыри, а особливо гдѣ нѣтъ архимандрита или игумна, а начальствуютъ въ нихъ іеромонахи, титулуемые «строителями.» Г. Д.

До окончанія еще года, архимандритъ переведенъ на ваканцію въ Калугу; а Столбовскій монастырь велѣно приуготовить къ обращенію въ приходскую церковь, съ прочими, уничтожаемыми тогда по всей Великой Россіи, — кромѣ Малой Россіи, — монастырями, а я

§ V.

изъ Столбовскаго монастыря очутился въ Радогожской пустынѣ.

Отправился къ моему дѣду, въ Радогожскую пустынь, гдѣ прожилъ года три слишкомъ, посвящая все время на должность въ церкви чтеца и пѣвца, и, пользуясь праздностью, перебѣгалъ изъ монастыря въ Радогожъ домой, а изъ дому обратно въ монастырь. Иногда же отъѣзжалъ въ столбовское духовное правленіе для помочи тамошнему канцеляристу писать духовныя вѣдомости о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди, отправляемыя каждогодно въ Московскую консисторію, и притомъ учился у находящагося въ Радогожской пустыни монаха Онуфрія пѣть «по нотѣ». Понятно, что наука сія не дѣлаетъ ни дѣльцомъ штатскимъ, ни служивымъ въ полѣ, ни ученымъ, ни ремесленникомъ, и не заключаетъ въ себѣ нравственности; но я послѣ видалъ многихъ, учившихся въ классахъ, пансіонахъ и проч.— видѣлъ даже самыхъ учителей и чувствовалъ побужденіе къ подозрѣнію, что они писали духовныя вѣдомости и учились у монаха Онуфрія пѣть по нотѣ.

Въ теченіе сего времени, учреждена въ Сѣвскѣ епархія, почему и прежнее мое обиталище, Сѣвскій Спасскій монастырь, преобразованъ въ домъ архіерейскій, а Радогожская пустынь съ другими многими монастырями, давно уже назначенными къ уничтоженію, уничтожена. Куда же мнѣ дѣваться?

Въ 1765-мъ году повезъ меня дѣдъ въ Сѣвскъ, съ намѣреніемъ пристроить меня тамъ въ консисторію, но консисторіи секретарь Звѣревъ отвѣчалъ, что консисторія уже укомплектована. Надобно вновь искать предмета должностнаго или училищнаго.

Народныхъ училищъ тогда не было въ Россіи; изъ семинарій самая ближняя въ пятистахъ верстахъ, то-есть въ Москвѣ. Да и оныя тѣмъ только хороши, что лучше ихъ не было. А университеты и гимназіи не для насъ, да правду сказать, мы съ дѣдомъ ни о чемъ этакомъ, чего нѣтъ, и помышлять не могли. А пишу о семъ въ настоящемъ времени для того только, чтобъ

дать мѣсто разсужденію, каковы у насъ были времена для наставленія и просвѣщенія юношества, и припомнить самому для себя, что непостижимая смертному судьба печется о немъ, какъ мать о младенцѣ, непонимающемъ того, что его берегутъ. Но пока сія мать воздѣйствуетъ съ бóльшею матернею силою, ходилъ я каждодневно, по желанію моего дѣда, въ домовую вотчинную графа Петра Григ. Чернышова контору, для усовершенствованія себя въ писаніи. Конторы сей образованіе было въ надлежащемъ порядкѣ, а именно: вотчинный управитель, капитанъ Як. Иван. Макрушинъ, прикащикъ и бурмистръ, были присутствующіе члены; земскій писарь — въ качествѣ секретаря. Прочіе рядóвые приказные были какъ и всѣ, кромѣ управителя — изъ собственныхъ его домовыхъ людей.

Контора состояла изъ двухъ чистыхъ горницъ и раздѣлялась на столы или на повытьи. Судейскій столъ въ первомъ мѣстѣ горницы, за перилами, покрытъ краснымъ сукномъ. На немъ уложеніе царя Алексѣя Михайловича, также повелѣнія и формы графскія, о управленіи вотчиною. Стѣны конторы уставлены изображеніями царской фамиліи въ эстампахъ, и (тутъ же) генеральная всей вотчины ландкарта. Напротивъ конторы, чрезъ большія сѣни кладовая для храненія государственныхъ денежныхъ сборовъ, и караульня съ комплектомъ сторожей и разсыльщиковъ, и въ особомъ отдѣленіи архивъ. По возрастѣ моемъ, увѣрился я изъ опыта, что порядокъ по всякой части, между большими боярами, исключительно принадлежалъ роду графовъ Чернышовыхъ и графа Шереметева. Итакъ, продолжая усовершенствованіе своихъ талантовъ въ сей академіи, не знающей правописанія, поѣхалъ я, въ 1766-мъ году мая 8-го, съ дѣдомъ моимъ, въ уничтоженный уже, однакожъ не совсѣмъ еще разоренный Столбовской монастырь къ николаеву дню на ярмарку. — Знавъ тамошнія во время сего праздника обыкновеніи, не пропустилъ я для себя полезнаго случая. Схватилъ въ канцеляріи духовнаго правленія чернильницу и бумагу, и побѣжалъ въ церковь и сталъ къ окну. Горячіе богомольцы, коими набита была церковь, и кои нанимая священномонаховъ, остававшихся еще тамъ до нѣкотораго времени, отправляли непрерывные молебны, начали ко мнѣ подходить, прося о написаніи именъ ихъ на карточкахъ къ подачѣ священнослужителю, приносящему за нихъ молитвы. Я

принялся охотно содѣйствовать горячему усердію однихъ и другихъ, за добровольную плату. И какъ проходя сію должность нѣсколько часовъ, почувствовалъ въ карманѣ плодъ моего труда, состоящій въ нѣсколькихъ гривнахъ, то усугубилъ мою ревность къ услугамъ богомольцевъ и возвысилъ цѣну, что, однакожъ, горячихъ богомольческихъ сердецъ не могло отвратить отъ исполненія ихъ добрыхъ намѣреній, хотя иные и сморщившись мнѣ платили; а я, не разсуждая о грѣхѣ, хотя и въ монастыряхъ живалъ, бралъ спокойно деньги до тѣхъ поръ, какъ уже увидѣлъ, что время пробѣжало къ вечеру на куртагъ, въ каретѣ заложенной безчисленными минутами, въ препровожденіи неисчетнаго числа жребіевъ человѣческихъ, кои всѣ межъ собою столькожъ различествовали, какъ и человѣки,—кромѣ самаго времени, которое сидѣло столь важно и постоянно, что перемѣняя непремѣнно и безпрерывно все, само казалось презирало перемѣну. Сіе явленіе обольстило меня, какъ смертнаго; почему бросился я вслѣдъ за нимъ къ вечеру; но оно, повернувшись тамъ на скользкой и незыблемой своей ногѣ, мгновенно поскакало въ бездну самого себя, оставя мнѣ одну мечту, да тѣ 60 копѣекъ, которыя собралъ я съ богомольцевъ, и которыя за вычетомъ на фунтъ черносливу, отдалъ всѣ безъ исключенія любезному моему радогожскому дѣду.

§ VI.

Дѣйствіе судьбы.

По возвращеніи нашемъ изъ Столбова домой, объявилъ дѣду моему управляющій вотчиною графа Петра Григорьевича Чернышова, коллежскій секретарь Яковъ, повелѣніе Сѣвскаго архіерея Тихона Якубовскаго, полученное имъ въ бытность его у сего преосвященнаго на поклонѣ, чтобы дѣдъ представилъ меня къ нему, поелику онъ отъ многихъ уже обо мнѣ извѣщенъ, въ томъ числѣ и отъ управителя, и что я, по общему гласу и мнѣнію, долженъ принадлежать къ штату архіерейскому.

Такая вѣсть тѣшила мое честолюбіе, ибо, въ чувствительныхъ честолюбіе открывается очень рано.—Я мечталъ, не знаю почему, что мнѣ надлежитъ быть при архіереѣ не послѣднимъ лицомъ; къ сему увеличивала еще мою мечту и знакомость прежняго моего жилища.

Но дивиться надобно силѣ привычки! Я желалъ быть при

домѣ архіерейскомъ, предузнавалъ, или предчувствовалъ будущую пользу, и не хотѣлъ разстаться съ настоящею жизнію, съ которою разставаясь, грустилъ и плакалъ сильно, воображая, что долженъ быть подъ правилами, или наукою, которыя мнѣ еще неизвѣстны, и которыя стѣсняютъ природу. Мудрено-ли, что простыя дѣвки, а иногда и благородныя, плачучи идутъ замужъ!

Дѣдъ мой, внимая пастырскому гласу, дошедшему къ нему хотя и не по командѣ, повезъ меня въ Сѣвскъ, гдѣ, лишь только вошли мы въ ограду прежняго моего обиталища, встрѣтился намъ самъ архіерей съ немалою ассистенціею. Я хотя и не видывалъ до тѣхъ поръ архіереевъ, однако не сомнѣвался, что съ такою пышностію нельзя быть лицу простого монаха. Но дѣдъ мой, будучи въ сомнѣніи, подошедъ спрашивалъ самого архіерея: въ какую можно пору удостоиться намъ видѣть своего архипастыря? — Архіерей, примѣтя замѣшательство, улыбнулся и отвѣчалъ, чтобъ дѣдъ мой завтра въ 9-мъ часу поутру пришелъ къ архіерею въ переднюю и велѣлъ о себѣ доложить.

Тотъ старый монахъ Иліодоръ, который ударилъ меня ночью соннаго полѣномъ, былъ тогда уже іеромонахомъ и архіерейскимъ духовникомъ, и видѣлъ изъ окна своей кельи нашу незнакомую съ архіереемъ аудіенцію; послѣ которой запросилъ онъ насъ къ себѣ, весьма смиренно принялъ, увѣдомилъ насъ, что мы видѣли архіерея, и обѣщалъ свою помощь, если бы она въ какомъ случаѣ понадобилась.

На завтрашній день, по заплатѣ келейному десяти копѣекъ, допущены мы были къ его преосвященству. Онъ сидѣлъ на вызолоченныхъ деревянныхъ креслахъ, въ гарнитуровой темновишневаго цвѣта рясѣ, и въ штофномъ зеленаго цвѣта подрясникѣ. Панагія на немъ висѣла не очень блестящая, кругленькой фигуры, величиною съ мѣдный пятакъ.

Сему православія столпу мы благоговѣйно поклонились въ ноги, а онъ тихимъ голосомъ сказалъ: «А! это тотъ мальчикъ, о которомъ говорили мнѣ многіе; для чего ты давно его ко мнѣ не привезъ? я его назначилъ въ пѣвчіе». Имя пѣвчаго поразило меня, какъ громомъ; мракъ покрылъ чело мое, какъ грозная туча, и слезы покатились дождемъ. Архіерей, примѣтя во мнѣ сырую погоду съ мятелицею, подозвалъ меня къ себѣ

поближе, спросилъ о причинѣ плача; мой отвѣтъ былъ, что «я ноты не учился» — смалчивая плутовато о монахѣ Онуфріѣ — «почему и пѣвчимъ быть не гожусь», «а мнѣ бы хотѣлось быть, продолжалъ я чистосердечно, въ консисторіи при перѣ». Тогда архіерей приказалъ мнѣ на столикѣ, стоявшемъ по правую его руку, написать на чистой бумагѣ, диктуя мнѣ самъ: «Премудрости наставникъ, и смысла податель, Слово отчее, Христосъ Богъ».

— «Ты пишешь не худо», сказалъ мнѣ преосвященный: «Надобно теперь поучиться тому, чего мы не знаемъ. У меня и секретарь знаетъ ноту, и самъ я по нотѣ пѣть умѣю; ты, обучившись партесу нотѣ — можешь со временемъ также быть», примолвилъ онъ съ улыбкою, «консисторскимъ у меня секретаремъ». Потомъ, приказано мнѣ съ дишкантистымъ пѣвчимъ запѣть для пробы кантъ, — сочиненія св. Димитрія: «Іисусе мой прелюбезный, сердцу сладосте» и проч., въ которомъ, хотя я и старался слукавить моимъ голосомъ, — ибо партесъ меня тревожилъ, и я думалъ, что такой премудрости немногіе достигаютъ, — однакожъ, несмотря на мою осторожность, его преосвященство, призвавъ изъ консисторіи канцеляриста Андрея Михайлова, велѣлъ ему написать отъ имени моего прошеніе объ опредѣленіи меня куда его преосвященство заблагоразсудитъ, и съ тѣмъ насъ отпустилъ въ консисторію.

На другой день, послѣдовала на прошеніи резолюція: «Регенту, преподобному отцу Палладію, обучать подателя прошенія партесу, имѣя его въ особенномъ своемъ надзираніи и попеченіи». — Это случилось, если память меня не обманываетъ, мая 16 дня, того (1765-го) года.

Съ симъ жестокимъ для меня декретомъ, — ибо я не желалъ быть пѣвчимъ, — отведены мы къ отцу Палладію, у котораго первому нашему взгляду представилась на столѣ большая бутыль съ настоенною на трифоліи хлѣбною водкою *).

Въ семъ архіерейскомъ домѣ прожилъ я одиннадцать лѣтъ и

*) Трефоліумъ, по-россійски троелистникъ, трава горькая, ростетъ по мѣстамъ болотнымъ. Она очень полезна людямъ скорбутнымъ-цынготнымъ. Мнѣ она извѣстна стала отъ тѣхъ поръ, какъ я для отца Палладія ее собирывалъ и вялилъ въ тѣни. Ботаники, аптекари и медики знаютъ ее прежде, нежели я зналъ отца Палладія. Г. Д.

одинъ съ половиною мѣсяцъ, въ теченіи которыхъ что со мною случилось, означу я слѣдующимъ порядкомъ:

§ VII.

Начало жизни моей въ Сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ.

Архіерей Тихонъ Якубовскій былъ, по своему сану, особа важная, безъ спѣси. Особа въ поведеніи препорядочная, постоянная и по всему образцовая. Всякой день онъ въ обѣднѣ, а утреня и вечерня обыкновенно бывали у него въ залѣ, называемой въ домахъ архіерейскихъ: «крестовая келья». Слѣдственно рано вставать на утреню и потомъ быть готовымъ къ обѣднѣ съ концертомъ и напослѣдокъ въ крестовую къ вечернѣ, было вседневною и непремѣнною обязанностію капелліи.

Послѣ утрени, почти каждодневно, выходилъ преосвященный изъ внутреннихъ покоевъ въ крестовую. Давъ общее всѣмъ осѣненіе и принявши, по уставу греко-восточному, отъ хора пѣвчихъ пѣсенное поздравленіе на греческомъ языкѣ: «исъ полла ети деспота», т. е. на многая лѣта владыко, — давалъ каждому благословеніе. Останавливался на нѣсколько минутъ, велъ обыкновенный разговоръ, а иногда вмѣшивалъ нравоученіе, какое придется по случаю разговора. Онъ, бывши въ Кенигсбергѣ — будучи уже духовнымъ — при миссіи, также въ С.-Петербургѣ, не помню въ которомъ кадетскомъ корпусѣ, учителемъ закона, былъ просвѣщеннѣе, нежели обыкновенный, учившійся и учившій въ семинаріи учитель или проповѣдникъ *).

Въ одну пору архіерей, по обыкновенію своему вышедъ послѣ утрени къ намъ въ крестовую и давъ каждому свое благословеніе, спросилъ отца Палладія о успѣхѣ моемъ въ партесѣ. Услыша отвѣтъ, что я понимаю очень хорошо, приказалъ сдѣлать для меня шинель зеленаго тонкаго сукна, не въ примѣръ прочимъ. Всѣ пѣвчіе, особливо тѣ, которые были ближе ко мнѣ лѣтами, завидуя моей шинели, и зная, что я въ обществѣ ихъ быть не имѣлъ охоты, прозвали меня секретаремъ. Но какъ эти насмѣшки меня не безпокоили,—слѣдственно и намѣренье ихъ

*) Болотовъ, знавшій Тихона Якубовскаго въ Кёнигсбергѣ въ 1760 г. отзывается о немъ такъ «...мужъ прямо благочестивый, кроткій, ученый и такой, который не дѣлалъ стыда нашимъ россіянамъ, но всѣмъ поведеніемъ своимъ приобрѣлъ почтеніе и отъ самыхъ прусскихъ духовныхъ» (См. «Русскую Старину» 1870 г., прилож. стр. 1000).. Мих. Семевскій.

раздосадовать меня оставалось безъ успѣха, то присовокупили другія двѣ. Они упрекали меня тѣмъ, что я не ношу на шеѣ креста и на рубашкѣ пояса. Это довольно доказываетъ, какимъ невѣжествомъ омрачалось утро моей жизни.

При началѣ осени, отправился преосвященный, по долгу званія апостольскаго, для посѣщенія христіанъ своей епархіи, обитающихъ въ городахъ: Трубчевскѣ, Брянскѣ и Карачевѣ. По пріѣздѣ въ каждый отправлено было въ церквахъ священнослуженіе съ надлежащимъ сану архіерейскому величіемъ. Вездѣ простой народъ тѣснился видѣть святителя, а духовные и дворяне угощали преосвященнаго съ приличнымъ уваженіемъ.

Въ семъ небольшомъ путешествіи хотя должность моя состояла въ томъ, чтобы смотрѣть безочередно за партесными книгами, — поелику я по службѣ былъ всѣхъ моложе, и раздавать ихъ по рукамъ пѣвчимъ, когда надобно было пѣть концертъ, оставляя при себѣ книгу своего голоса и хранить ихъ, однакожъ въ награду того, не малое количество въ одной точкѣ людей, перемѣнные предметы невиданныхъ мѣстъ, достатокъ въ столовомъ содержаніи, свобода и неподверженность строгимъ отчетамъ за такія важныя дѣла, какихъ по духовной службѣ совсѣмъ нѣтъ, производили во мнѣ чувствительное удовольствіе, да и были, могу сказать, бо̀льшимъ для меня образованіемъ, нежели какъ кто никуда не выѣзжалъ изъ мѣста, въ которомъ родился или кто, выѣхавши въ чужіе краи, предоставлялъ вмѣсто себя замѣчаніе всего хорошаго своимъ слугамъ, а самъ занимался героическимъ подвигомъ—псовою охотой, наилучшимъ въ природѣ даромъ—любовницами, — способомъ къ поощренію ума, къ пріобрѣтенію знакомства и друзей—картами.

Карачевскаго уѣзда, въ Полбинской пустынѣ, назначенной тогда къ уничтоженію, разладился нѣсколько нашъ порядокъ и возмутился покой. Учитель и опекунъ мой о. Палладій, имѣя повидимому врожденную любовь, подъ именемъ золотой вольности къ самоволію, скрылся невѣдомо куда. Вскорѣ узнали, что въ ту же пору убѣжалъ изъ Сѣвскаго архіерейскаго дома экономъ, іеромонахъ Арсеній. Единовременное ихъ изъ разныхъ мѣстъ бѣгство, не безъ основанія приписывали тайному ихъ согласію; и какъ сіе случилось въ началѣ октября, то слышно

было, или догадывались, что они, подражая нѣжнымъ птицамъ небеснымъ, слетѣли противъ зимы въ теплые Волохскіе края *).

На возвратномъ въ Сѣвскъ пути посѣтилъ преосвященный, въ Карачевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кретовѣ помѣщика, гвардіи отставного секундъ-маіора Евтиха Ивановича Сафонова. Хозяинъ былъ хоть старикъ, однако радъ гостю; угощалъ два дни хорошо, а проводилъ еще лутче. Сколько архіерей ни уговаривалъ его, чтобъ онъ возвратился домой; однакожъ Сафоновъ на эту пору былъ упрямъ. Онъ чрезъ нѣсколько верстъ, провождая преосвященнаго по старинному манеру, не давалъ ему, можно сказать, на всякомъ шагу покою: поилъ разными напитками, кормилъ закусками, плодами — архіерея и сущихъ съ нимъ. Вся архіерейская скромность и трезвенность не могли устоять противъ чистаго усердія Сафонова. Архіерей расходился и воспѣлъ: Спаси Господи люди твоя, и благослови достояніе твое», и проч. Хоръ пѣвчихъ вступилъ въ свою должность, — и было за что! хозяинъ того стоилъ. «Спаси Господи» повторяемо было не щадно. Разставшись почти въ ночь, поспѣли въ вышесказанной мною уничтожаемой Столбовской Николаевской монастырь, знакомое мнѣ мѣсто. Сіе угощеніе трезвенной архіерейской натурѣ не дешево обошлось. Онъ проболѣлъ, однакожъ напослѣдокъ, собравшися съ силами, приказалъ передъ полуднемъ собрать всѣхъ своихъ официіалистовъ. Велѣлъ, чтобъ имъ поднесли по рюмкѣ, кто чего хочетъ, а самъ, сидя и опираясь на трость, улыбался, между тѣмъ, позирая, какъ каждый поправлялъ свое здоровье и желалъ онаго своему доброму архипастырю. Одинъ же только и былъ Сафоновъ, которому удалось искусить преосвященнаго; болѣе никогда и нигдѣ, во всю мою при немъ бытность, не поддался онъ подобному искушенію.

Я обтекъ монастырь, переходилъ прежнія тропинки, вошелъ въ огромную, но недостроенную, знакомую мнѣ каменную церковь, тамъ повторилъ видѣть кучи кирпича, обратившагося отъ времени въ мелкіе куски; вырѣзанный искусною рукою иконостасъ сложенъ былъ въ одномъ углу и въ половину уже согнилъ и осыпался; крыша церкви огнила; но стѣнъ ничто не коснулось, — онѣ сложены прочно. Карнизы и около оконъ и дверей

*) Въ тѣ времена россійское монашество находило для себя пріятное убѣжище или праздную и независимую жизнь въ Валахскомъ и Молдавскомъ княжествахъ. Г. Д.

пиластры *) и проч. изъ бѣлаго камня, желѣзныя въ окнахъ рѣшетки сработаны наилутчимъ образомъ. Внутри и извнѣ на высотахъ церкви поютъ безперерывно воробьи и ласточки, кои отъ давнихъ времянъ наслѣдственно вьютъ тамъ свои гнѣзда. Въ обширныя и никогда еще незакрыванныя двери и окны тиснется свистъ вѣтра и глухой раздается по церкви вой.

Мое рожденное къ живѣйшимъ чувствованіямъ сердце, въ неизобразимой какой-то унылости, пѣло мнѣ точно такъ:

«Дѣла, дѣла человѣческія! на что вы похожи? Ежели созиданіе подобныхъ храмовъ есть жертва благоугодна Всевышнему,—то для чего же сей храмъ не конченъ? Если же—неблагоугодна, то для чего же онъ и начатъ? И какое различіе въ дѣяніяхъ человѣческихъ съ дѣяніями муравья, паука, пчелы, кои, также какъ и человѣческія, подвержены недокончаніямъ и разрушеніямъ?»

Философствуя тако, обращался паки къ моему предмету и вопрошалъ: гдѣ ты князь Димитрій Кантемиръ, который не успѣлъ довершить сего храма **)? А вы, сыновья его, князь Матвѣй и князь Сергій, для чего не кончили отцовскаго намѣренья и воли? Потерпѣло-ль бы чрезъ то обыкновенное ваше въ Москвѣ упражненіе во псовой охотѣ, еслибы каждодневно возглашаемо здѣсь было: «Создателей святаго храма сего да помянетъ Господь Богъ?»... **).

Мы выѣхали изъ Столбова. Путь намъ лежалъ чрезъ Радогожъ, мѣсто моего рожденія. Тамъ заночевалъ преосвященный въ господскомъ домѣ, принадлежащемъ графу Петру Григорьевичу Чернышеву. Я видился съ моимъ дѣдомъ и со всѣми знакомыми. Но мнѣ, особливо при пасмурной осенней погодѣ, показалось уже тамъ всіо скучнымъ и непріятнымъ, какъ рабенку грудь, отъ которой онъ уже давно отнятъ. Спасской Радогожской пустыни, частаго моего мѣсто пребыванія, уже не было. Она по уничтоженіи распродана, а церковь, по повелѣнію преосвященнаго, перевезена въ село, принадлежавшее прежде Сѣвскому Спасскому монастырю, обращенному въ домъ архіерейскій. Оставшіяся кучи щебня, глины, знаки мѣстъ гдѣ было строеніе, охранявшее нѣкогда и мои еще хрящевые составы, дѣйствовали сильно на мою чувствительность. Итакъ, отъ Столбова до Радогожа и Радогожской пустыни всіо для меня было покрыто душевнымъ мракомъ.

---

*) Зачеркнуто: «рюстики». М. С.

**) Еще будучи я при архимандритѣ Варлаамѣ Маевскомъ слыхалъ, что сія церковь заложена и возведена князь-Дмитріемъ Кантемиромъ, повидимому, по случаю близости сего монастыря къ его владѣнію, изъ коего теперь первое его село обращено въ уѣздной городъ, называемый Дмитровскъ, и что одинъ, наипаче, изъ его сыновей, Матвѣй занимался только псовою охотою. Г. Д.

***) Такъ размышлялъ я въ 15-ть лѣтъ. Такъ чувствовалъ и размышлялъ въ 10-ть лѣтъ. Видно, что чувствительность во мнѣ, съ наклоннымъ къ меланхоліи нравомъ, открылись рано. Г. Д.

По пріѣздѣ въ Сѣвскъ, я уже не имѣлъ надъ собою особаго инспектора послѣ отца Палладія; я почувствовалъ новую пользу свободы. Онъ былъ человѣкъ съ латинью; до побѣга еще своего онъ успѣлъ меня обрекомендовать ученымъ домовымъ и другимъ чиновникамъ, ЯКО ТО: катихизатору, экзаминатору, казначею, консисторскимъ членамъ, ризничему и проч., которые, полюбя меня, не пропускали иногда внушать преосвященному, что я малой доброй и добрымъ моимъ поведеніемъ отличаюсь отъ всѣхъ тѣхъ, которые хуже меня. Говорятъ, что мнѣніе людей о человѣкѣ производитъ въ мірѣ великія шалости: оно дѣлаетъ нестоющаго счастія — счастливымъ, дурака — умнымъ, умнаго — дуракомъ. Слѣдственно, мнѣніе и жребій суть одно и тоже. Вслѣдствіе сего, преосвященный приказалъ мнѣ изъ пѣвческой перейти жить къ казначею, для помощи казначейскому приказному, — и притомъ поручено мнѣ было «прописаніе» поповскихъ и дьяконскихъ печатныхъ грамотъ *), кои доставляли мнѣ годового дохода около шестидесяти рублей, безъ лишенія меня и пѣвческихъ прибылей съ титуломъ того званія. Симъ отличіемъ имѣлъ я причину быть довольнымъ; къ тому-же цвѣтущій вѣкъ, при свободѣ и вольности, натурально многаго не желалъ, и ни какими дальновидностьми или предвѣдѣніями, часто пустыми, однакожъ свойственными людямъ, вошедшимъ въ зрѣлой возрастъ, — меня не безпокоилъ.

§ VIII.

Продолженіе жизни въ Сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ.

Въ началѣ 1768 года, преосвященный Тихонъ Якубовскій переведенъ на Воронежскую епархію. Но прежде отъѣзда своего на оную, ѣздилъ со всѣмъ штатомъ своимъ для прощанія съ матерью своею, въ малороссійское мѣстечко Коропъ — нынѣ уѣздный городъ **), — а на мѣсто его произведенъ во епископа Сѣвскаго Кирилъ Фліоринскій, который, по пріѣздѣ своемъ, въ недѣлю православія посвятилъ меня въ стихарь. Опредѣлилъ держать передъ нимъ во священнодѣйствіи чиновникъ, — книга, по которой архіереи священнодѣйствуютъ. Принимать и подавать ему пастырской жезлъ. Стихари разныхъ матерій очень меня веселили, а близость къ архіерею вливала въ меня нѣкое любочестіе. Сей архипастырь, яко видѣвшій большой парижскій свѣтъ, приказалъ, чтобъ всѣ окружающіе его, въ его священнодѣйствіи, молодые люди были причесаны съ пуклями, подъ пудрою. Не бу-

*) Въ сихъ грамотахъ вписывается на порожнихъ мѣстахъ, оставленныхъ между печатными строками, имя новопоставленнаго попа или дьякона, такожъ — куда? къ какой церкви? когда посвященъ? и проч. и напослѣдокъ въ началѣ грамоты надписываетъ ее самъ архіерей по формѣ: «Божіею милостію... смиренный N... епископъ» или [illegible] проч. Г. Д.

**) Коропъ — заштатный го[illegible] губ., Кролевецкаго уѣзда. М. С.

*

демъ вопрошать, кстати ли пудра и пукли къ алтарю и къ распущеннымъ по плечамъ волосамъ? Но скажемъ о томъ, что ему не малаго стоило труда приучивать къ сей прихоти закоснѣлую монастырщину; напротивъ чего, я, склоненъ будучи отъ природы къ опрятности до счегольства, всегда его веселилъ смѣшною чоскою моихъ волосъ, и былъ у него образцомъ для другихъ...

Кириллъ Флоринскій родился въ малороссійскомъ мѣстечкѣ Барышовкѣ. Онъ, будучи въ Кіевѣ студентомъ, взятъ былъ съ протчими ко двору императорскому въ пѣвчіе, но, не пожелавъ продолжать сей должности, ходилъ на лекцію експериментальной физики къ профессору Модраху. Оттуда взятъ митрополитомъ новогородскимъ Дмитріемъ Сѣченовымъ въ учители 4-го класса новгородской семинаріи и посвященъ въ сортъ людей клянущихся быть нищими и отрекающихся произвольно отъ всего того, что въ жизни есть для смертнаго пріятнымъ. Посему можно догадаться, что онъ постриженъ въ монахи. Потомъ, посланъ въ Парижъ, для отправленія при россійскомъ полномочномъ послѣ священнической должности, откуда, по прошествіи пяти лѣтъ, возвратился въ Россію, сдѣланъ архимандритомъ въ новоторжской Борисоглѣбской монастырь, изъ коего посвященъ въ архіереи, въ сѣвскую епархію. По его словамъ, онъ избранъ въ сіе достоинство самою императрицею Екатериною Второю, по случаю говоренной имъ къ особѣ ея рѣчи, во время путешествія ея изъ Петербурга, чрезъ Тверь и Торжокъ, въ Москву. Онъ былъ чрезмѣрно пылкаго, высокомѣрнаго и горячаго свойства, твердаго духа и остраго разума. Даръ слова и присутствіе памяти—были первыми его дарованіями; а латинскій и французскій языки, которые онъ хорошо зналъ, придавали ему со стороны другихъ хорошее мнѣніе. Но не знаю, къ какому царству природы надлежитъ приписать ту силу, которая сильна была отвлечь его отъ трезвости, скромности въ языкѣ и въ рукахъ. Свойства его яснѣе будутъ видны изъ описанія его дѣяній, присоединяющихся по временамъ и обстоятельствамъ въ моей исторической матеріи.

Въ прибавку къ счастію моихъ волосъ, архіерей вошелъ единожды съ архимандритомъ Карпинскимъ *) въ казначейскую

---

*) Рыльскій архимандритъ Іакинфъ Карпинскій. Онъ былъ особа въ числѣ ученыхъ; въ латинскомъ языкѣ называли его Цицерономъ. Его сочиненія есть книга печатныхъ проповѣдей. Онъ былъ малорослъ и тонокъ; чрезмѣрно честолюбивъ и горячъ, а иногда чрезмѣрно скромевъ, иногда же чрезмѣрно

контору, и увидѣвъ меня пишущаго, похвалилъ мое письмо. Архимандритъ прибавилъ къ тому, что я дѣтина скромный и постоянный, и что бывшій архіерей меня жаловалъ. Я въ первый разъ тогда услышалъ, что скромность и постоянство въ людяхъ не меньше значатъ, какъ и чоска волосъ.

Въ семъ архіерейскомъ домѣ было обыкновеніе, занятое отъ московскаго архіерейскагѡ дома *), что производящіеся во священно и церковнослужители, посылаемы были отъ архіерея для наученія ихъ читать, писать, познанію церковнаго устава и проч. къ почетнымъ заслуженнымъ монашествующимъ и къ пѣвчимъ, и до тѣхъ поръ не были они посвящаемы и опредѣляемы къ мѣстамъ, пока не получали письменныхъ къ архіерею отъ своихъ учителей засвидѣтельствованій. Сіи засвидѣтельствованія могли умножать годовые всякаго учителя доходы, до двухъ сотъ рублей, смотря по числу и достатку учениковъ. Его преосвященство удостоилъ и меня сей не безкорыстной должности, чѣмъ сравнялъ меня съ продолжавшими двадцати-лѣтнюю при домѣ службу, хотя мнѣ и отъ роду не было еще 20-ти лѣтъ. Но какъ я не былъ еще искусенъ пользоваться сими неокладными доходами, то и довольствовался всегда тѣмъ, что мнѣ дадутъ. Просители, узнавъ одинъ отъ другого мою добродѣтельную простоту, начали многіе просить посредства консисторскаго члена крестоваго іеромонаха Иринарха Рудановскаго, который близокъ былъ къ архіерею, чтобъ они въ наученіе отсылаемы

веселъ, говорливъ и забавенъ. Всѣ архіереи, его временъ, знали его и почитали за ученость, но не любили за самолюбіе. Многіе были изъ его учениковъ архіереями, въ томъ числѣ и оба сѣвскіе, т.-е. Якубовскій и Флоринскій. Ему неоднократно по старшинству и учености доставалось быть епископомъ,— но,—какъ я слыхалъ отъ преосвященнаго Флоринскаго,—одинъ изъ синодальныхъ членовъ на сей случай сказалъ: «Онъ по натурѣ пигмей, а думаетъ о себѣ, что онъ съ ивановскую московскую колокольню». А другой: «онъ достоинъ быть архіереемъ, но всю ризницу по своему росту перепортитъ». и, между тѣмъ, какъ великаны пересуживали пигмея и переводили его изъ монастыря въ монастырь, съ архимандріи на архимандрію, то-есть изъ Сѣвскаго-Спасскаго,— что потомъ архіерейскій домъ,—въ Рыльскій Николаевскій; изъ Рыльскаго—въ Голутвинъ, изъ Голутвина въ Бѣлоозерскій Кириловскій,—Карпинскій дожилъ до глубокой старости, и скончался мирно, не получа архіерейства, по причинѣ. что былъ малаго роста и высокаго ума. Г. Д.

*) Сѣвская епархія отдѣлена отъ московской; почему и сѣвскій архіерей именовался съ первыхъ лѣтъ учрежденія: «московской епархіи викарій». Г. Д.

были ко мнѣ, а не къ другимъ. Простосердечные просители не постигали, что они симъ прошеніемъ обижаютъ правосуднаго консисторскаго судію. Оскорбленное его корыстолюбіе проникнуло, что по мѣрѣ умноженія у меня ставлениковъ, уменьшилось бы у него количество оныхъ. Онъ не имѣлъ слабости пренебречь простоту просителей, и разсмѣяться моей невинности. Вмѣсто того, онъ заблагоразсудилъ оклеветать меня архіерею, что будто я изъ корысти подговариваю просителей проситься ко мнѣ въ наученіе; сію клевету объявилъ мнѣ пріятельски судейской фаворитъ. Извѣстно, что отъ фаворитовъ ничего не скрываютъ; а фавориты, такъ же, не всегда все и не передъ всякимъ скрываютъ. Архіерей, однакожъ, оставилъ докладъ безъ вниманія. Можетъ быть, онъ видѣлъ что тутъ дѣйствовали корыстолюбіе и зависть. Но чѣмъ меньше имѣлъ Рудановскій успѣха въ своемъ подвигѣ, тѣмъ болѣе я нажилъ въ немъ для себя непріятеля. Зло возвышается тѣмъ же правиломъ, которымъ и добродѣтель; оно никогда на первомъ шагу не останавливается. Однакожъ, пока что послѣдуетъ, счастье мое по сему духовному департаменту восходило постепенно, а слѣдующій случай возвысилъ его еще больше.

Во всякую четыредесятницу принялся его преосвященсвто толковать каждодневно въ церкви народу псалтирь. Къ чести его должно сказать, что онъ многія въ оной непонятныя многимъ неученымъ и многимъ ученымъ мѣста, кратко и ясно открывалъ; а мнѣ, стоя въ олтарѣ, вздумалось, пока онъ говорилъ, любопытнѣйшія изъ его толкованій мѣста записывать на-скоро въ тетрадку. Продолжая нѣсколько дней мои замѣчанія, понерадѣлъ единожды схватить съ окна мою тетрадку, какъ архіерей, по окончаніи своего къ народу поученія и изъясненія псалтири, вошелъ въ олтарь. Онъ увидѣлъ и сталъ смотрѣть записки, а я не зналъ за что почтется моя канцелярія. Къ счастію, я сомнѣвался напрасно; ему не противно было читать свое разсужденіе, изъясняющее самыя темныя въ псалтирѣ мѣста.

Онъ подозвалъ меня къ себѣ, и держа въ одной рукѣ мою тетрадку, а въ другую взявъ мою руку, говорилъ мнѣ привѣтствіе и поученіе, почти въ точныхъ словахъ:

«Не одинъ тотъ бываетъ ученъ, кто многимъ учился нау-

камъ; но и тотъ, кто съ примѣчаніемъ живетъ. Я въ тебѣ нахожу послѣднее. Продолжай такъ, какъ ты началъ. Примѣчай всякое мое слово, не только въ публичныхъ поученіяхъ, но и въ обыкновенныхъ разговорахъ, вѣрь мнѣ, что ты, будучи подъ моимъ руководствомъ, будешь умнѣе всякаго кіевскаго студента; ибо я, по благости Господней, имѣю столько знанія, что меня уже никто учить не въ состояніи».

При моемъ радостномъ замѣшательствѣ, хотя трудно мнѣ было узнать, себя ли онъ больше хвалилъ, или меня одобрялъ, однакожъ я не забылъ, по обыкновенію духовныхъ, пасть ему въ ноги. Казалось мнѣ, что я уже на третьемъ небѣ, и слышу неизреченные глаголы; о свѣтскихъ степеняхъ тогда слабое имѣлъ я понятіе, и мнѣ онѣ казались больше препятствіемъ къ наслѣдованію царства небеснаго, нежели знаками внутреннихъ достоинствъ, и заслугъ государю и отечеству, тѣмъ болѣе, что люди, находящіеся въ свѣтской службѣ, ѣдятъ по постамъ мясо, такъ какъ всѣ иноземцы *).

По семъ явленіи и дѣйствіи, я уже никогда не выпущалъ изъ рукъ пера и тетрадки во время толкованія его преосвященствомъ псалтири. Помни, говорилъ я самъ себѣ, что учителя твоего никто учить не въ состояніи, и вѣрно потому, что онъ былъ въ Парижѣ, о которомъ нѣкоторые вояжиры разсказываютъ, что тамъ и ослы перерождаются въ подобныя имъ манежныя лошади».

Питаясь гордыми и всѣмъ псалтырьникамъ свойственными мыслями, надулся я не меньше, какъ тотъ кіевской филіозофусъ, которой попался на уѣздъ въ инспекторы къ дѣтямъ богатаго господина, и преобразился изъ длинной черкески въ куцый кафтанъ.

§ IX.

Путешествіе.

Въ маѣ мѣсяцѣ (1768 г.) послѣдовалъ отъѣздъ преосвященнаго въ Глинскую пустынь, отстоящую отъ Сѣвска 70, а отъ Глухова 10 верстъ. Двѣ причины побудили его къ сему отъѣзду: 1-я) при-

*) Въ среднемъ уже моемъ вѣкѣ я образумился, что «ежели грѣхъ мясо ѣсть въ постъ, то грѣшнѣе еще убивать животныхъ въ мясоѣдъ», и что какъ духовные, такъ и свѣтскіе наружные знаки достоинствъ не рѣдко бываютъ вывѣсками качествъ дурныхъ и пронырливыхъ людей. Г. Д.

ниманіе соковъ, 2-я) защищеніе принадлежащаго той пустынѣ прекраснаго и достаточнаго лѣса, отъ князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго, который на ту пору былъ въ рыльскихъ своихъ деревняхъ, и которому тотъ лѣсъ потребенъ былъ на винокурни. состоящія въ ивановской его отчинѣ.

По возвращеніи въ Сѣвскъ, послѣдовалъ — съ дозволенія сѵнода—отъѣздъ преосвященнаго, іюня 9-го въ Кіевъ, на 29 дней. со всѣмъ клиромъ. Путешествіе было очень пріятное въ разсужденіи немалолюдства и погоды.

Въ Батуринѣ сказанный мною выше архимандритъ Карпинскій пошелъ изъ любопытства въ домъ и садъ фельдмаршала графа Разумовскаго, котораго на ту пору не было дома. Потомъ въ старинной земляной зàмокъ, къ церкви, построенной гетманомъ Мазепою и разбитой Петромъ Великимъ по извѣстному въ исторіи происшествію. Я ввязался за нимъ. Стѣны церкви и внутри два столба, поддерживавшіе нѣкогда куполъ или арку. были еще въ цѣлости. Онъ, зная, что произошло съ сею церковью, съ Батуриномъ и съ Мазепою, во время войны противъ шведовъ и повидимому разсуждая мысленно о происшедшихъ на сихъ мѣстахъ между смертными дѣйствіяхъ, и о проклятіи. съ печальнымъ видомъ сказалъ текстъ изъ пророка Давида: «проклянутъ тіи, и ты благословиши».

Въ Нѣжинскомъ греческомъ монастырѣ преосвященный литургисалъ. Послѣ чего, греки запросили его изъ церкви на водку. и поднесли ему на тарелкѣ, въ подарокъ, имперіалъ. Архіерей. взглянувъ на жертвоприношеніе, благодарилъ ихъ слѣдующими словами: «Даръ Духа Святаго на сребрѣ не продается. Архіереи россійскіе пользуются опредѣленнымъ монаршимъ содержаніемъ. а въ Греціи они живутъ подаяніемъ. Отдайте-жъ этотъ имперіалъ своимъ нищимъ архіереямъ. Они вамъ спасибо скажутъ».

Македоно-византійцы *) не разсудили испытать десяткомъ имперіаловъ не продающаго на сребрѣ даръ Духа Святаго. Они. будучи знатоки въ оригиналѣ священнаго писанія, боялись чести услышать другой священный текстъ: «Кто пасетъ стадо, тотъ отъ млека его ѣстъ, и отъ шерсти одѣвается», и: «служащіи

*) Примѣтить надлежитъ, что всякій грекъ, когда его спросишь, изъ которой онъ страны Греціи? отвѣчаетъ: «изъ Македоніи», дабы придать себѣ важности славою Александра, великаго завоевателя. Г. Д.

алтарю, съ алтаремъ дѣлятся». Посему, взявши назадъ импе-ріалъ, кончили сіе дѣйствіе пантомимомъ: «не введи насъ во искушеніе».

Прибывъ въ городъ Козелецъ, заѣхалъ преосвященный, для отдохновенія, къ тамошнему протопопу Дубянскому. Протопопъ, или не предваренъ будучи о прибытіи гостя, или надутъ корыстью полученною отъ двора*) царскаго, не только не встрѣтилъ архіерея, но и въ самыхъ своихъ покояхъ заставилъ дожидать себя довольное время. Архіерей, между тѣмъ, ходя по горницѣ и разговаривая съ архимандритомъ Карпинскимъ, который всегда при немъ находился, услышавъ шумъ хозяйскаго изъ дальнихъ покоевъ шествія, обратился лицомъ къ большому на стѣнѣ зѣркалу. Протопопъ, подошедъ съ низкимъ поклономъ въ бокъ къ архіерею, «проситъ благословенія архипастырскаго». Архіерей, не отвѣтствуя ему, продолжаетъ съ архимандритомъ разговоръ, на счетъ гордости духовныхъ и любостяжанія. Архимандритъ, сообразуясь, какъ ученый, — философіи, какъ духовный— религіи, продолжаетъ лицемѣрно: «порфироносный пророкъ обладалъ цѣлымъ царствомъ, но кротость и незлобіе его суть для насъ, и будутъ для потомковъ нашихъ вѣчнымъ примѣромъ».

Архіерей: «Кое общеніе свѣту во тьмѣ! кое общеніе Христови съ Веліаромъ!»

Протопопъ сталъ какъ осужденный; принужденъ былъ дослушивать драму, представленную на его счетъ въ его домѣ, а архимандритъ сказалъ погромче: «ваше преосвященство! отецъ протопопъ здѣсь». Архіерей повернувшись сказалъ: «а! я думалъ васъ и дома нѣтъ». Протопопъ извинялся, какъ умѣлъ, и какъ требовало обстоятельство дѣла; а архіерей прекратилъ его извиненіе сими миролюбивыми словами: «Богъ да проститъ и помилуетъ всѣхъ васъ, и подобныхъ вамъ дураковъ».

Такимъ образомъ, смиренный**) епископъ исправя протопопскую неисправность своею гордостью, выѣхалъ, по отдохновеніи, изъ Козельца съ Карпинскимъ впередъ. Въ числѣ оставшагося назади обоза, находился и я.

Въ обозѣ нашемъ случилось напереди ѣхать поварнѣ, подъ

*) Онъ былъ духовникомъ государыни императрицы Елисаветы Петровны. Г. Д.

**) Общій титулъ всѣхъ архіереевъ. Г. Д.

которою вскорѣ что-то повредилось. Пьяный поваръ Степанъ хотѣлъ слѣзть для поправки, но силы ему измѣнили. Онъ упалъ головою внизъ къ лошадямъ, а ноги остались на оглоблѣ, и въ семъ положенiи пребылъ спокоенъ надолго. По сей причинѣ, весь обозъ остановился и разъѣхался безъ порядка по дорогѣ.

Въ самую ту пору, усмотрѣли мы сзади себя скачущихъ вдалекѣ по дорогѣ двѣ кибитки тройками во весь опоръ, съ которыхъ всѣ пассажиры, будучи еще въ самой дальности, машутъ руками и кричатъ, повторяя почти безперерывно: «съ дороги—съ дороги! право—право!» я понялъ ясное требованiе, свернулъ не только съ дороги, но и убрался въ сторону саженей на 10, съ моею кибиткою. А прочiе, хотя и не всѣ были пьяны, однакожъ вознерадѣли исполнить требованiе скоробѣгущихъ, которые, наскакавши въ одинъ мигъ, выскочили изъ кибитокъ 4 человѣка съ толстыми калмыцкими плетьми. Пьяный поваръ покоился еще въ прежнемъ положенiи, и лежа между колесъ кричалъ: «Государева дорога широка». Но какъ неизвѣстные наши прыткачи накрыли его толстыми своими плетьми то онъ, мгновенно встрепенувшись, началъ бѣгать въ обѣ стороны дороги, а они, въ догонку, не переставали подгонять его къ измѣренiю широты государевой дороги, приговаривая за каждымъ ударомъ: «кабинетъ-курьеру давай дорогу! кабинетъ-курьеру не указывай». Изъ сей приговорки я узналъ о ихъ званiи, если только правду они говорили. Удовольствовавъ такимъ образомъ повара, бросились къ ближней кибиткѣ, въ которой сидѣлъ бѣловолосой дьяконъ Степанъ Лукьяновъ. Онъ былъ боленъ лихорадкою, отъ которой, въ прибавку къ бѣлымъ его волосамъ, поблекъ цвѣтъ его лица, посему они сочли его за сѣдого старика, и за господина всего обоза. Кричатъ на него: «для чего ты, сѣдой хрѣнъ, не учишь своихъ подкомандныхъ? чортъ ты, или протопопъ?» съ сими вдругъ словами, выдергиваютъ его за руки изъ кибитки. Дьяконъ уже былъ на готовѣ къ измѣренiю въ свою очередь широты государевой дороги; однакожъ великодушные курьеры, продержавъ его на одномъ мѣстѣ и влѣпивъ ему въ спину съ полдюжины нагаекъ, ускакали въ свой путь. Они безъ сомнѣнiя были бы дальше, если бы не останавливались для такихъ дракъ, безъ которыхъ всякому курьеру обой-

титься можно, а особливо такому, которому время назначается отъ кабинета.

Изъ сей трагедо-комедіи вышла польза та, что съ повара соскочилъ хмѣль, а дьякона покинула лихорадка. Посему, посовѣтовалъ я дьякону и повару догнать курьеровъ, и купить хоть одну изъ тѣхъ цѣлительныхъ плетей, которые исцѣляютъ пьяныхъ и лихорадочныхъ. Увѣрялъ ихъ, что въ лицахъ курьеровъ были кіевскіе чудотворцы, которые знали, что двумъ Степанамъ нужно было исцѣленіе. Но дьяконъ, какъ въ горячкѣ, сильно меня бранилъ, даже до того, что бросилъ въ меня бутылку съ микстурой, которая разбилась объ колесо. Я обѣщалъ ему купить бутылку микстуры, если его возобновится лихорадка.

Въ Браварахъ, 18 верстъ отъ Кіева, дождалъ преосвященный всѣхъ своихъ, простоялъ тамъ цѣлый прекрасный день и переночевалъ въ домѣ, принадлежащемъ не помню какому-то монастырю. Изъ сего дома всѣ зданія Кіевопечерской лавры представляются зрителю во всемъ своемъ совершенствѣ. Архіерей во все время своего здѣсь отдохновенія, какъ магнитъ на сѣверъ направлялъ свой взоръ на Кіевъ, и иногда съ сопровожденіемъ вздоха. Безъ сомнѣнія, внутреннее движеніе приводило ему на память прошедшую юную кіевскую жизнь; потомъ Петербургъ, Новгородъ, Парижъ, Торжокъ, и, напослѣдокъ, настоящее состояніе, отличное совсѣмъ отъ того, въ которомъ онъ выѣхалъ изъ Кіева студентомъ.

§ X.

Кіевъ.

Назавтра, въѣздъ въ Кіевъ преосвященнаго ознаменованъ былъ колокольнымъ звономъ въ печерской лаврѣ, гдѣ и квартира приготовлена по приказанію начальника лавры архимандрита Зосимы Валькевича.

На другой съ пріѣзда день, преосвященный со всѣмъ своимъ штатомъ пошелъ, въ предшествіи начальника пещеръ, на поклоненіе святымъ мощамъ, почивающимъ въ пещерахъ.

Долгій, подземельный съ закоулками ходъ, изъ-подъ сводовъ котораго души преподобныхъ вознеслись въ селенія небесныя, былъ еще невиданнымъ для меня зрѣлищемъ. Лежащіе по обѣимъ сторонамъ въ сдѣланныхъ впадинахъ гробы съ тѣлами святыхъ, умножили во мнѣ священное почитаніе къ мѣсту, и наво-

дили какое-то неизобразимое удовольствіе. Нетлѣніе, напримѣръ, избіеннаго отъ Ирода младенца—котораго хотя я не видалъ, но видѣлъ ящикъ, довольно высоко прибитый къ стѣнѣ, увѣряло меня въ истинѣ происшествія сихъ временъ, и въ неправости дѣяній сего іудейскаго владѣтеля, котораго вѣра проклинаетъ, а исторія чтитъ великимъ и проч... Мое тогдашнее понятіе покоилось на лонѣ вѣры, и не знало, что міръ сей для человѣка есть лавиринѳъ и загадка.

Въ Кіевѣ прожили мы недѣли съ двѣ, въ теченіе которыхъ преосвященный священнодѣйствовалъ во многихъ монастыряхъ. Кіевскій митрополитъ, Арсеній Могилянскій, принялъ нашего іерарха въ своемъ кіево-софійскомъ архіерейскомъ домѣ и угостилъ обѣденнымъ столомъ.

Прочихъ монастырей начальники принимали сѣвскаго первосвященника *) со всевозможною почестью, и съ обыкновенною въ системѣ духовенства униженностію. Можно сказать, что сіе, украшающее столицу благочестія, общество умѣетъ почтить своихъ іерарховъ. А въ Золотоверховскомъ Михайловскомъ монастырѣ прожилъ преосвященный нѣсколько дней съ ряду со всѣмъ штатомъ, въ воспоминаніе проведенныхъ въ семъ монастырѣ юношескихъ своихъ лѣтъ, въ должности писаря, крылошеница,—пѣвчаго—и канонархистра. Архимандритъ сего монастыря Ѳеоктистъ Мачульскій, давно преосвященному знакомый, знающій языки и счастливыхъ качествъ, принялъ преосвященнаго дружески и угостилъ всѣхъ**).

Кіевскій губернаторъ Воейковъ далъ для преосвященнаго обѣденный столъ.

Въ бытность архіерея въ братскомъ училищномъ монастырѣ, обступили его учители академическихъ классовъ и, между многими задачами, сдѣлали вопросъ: «если бы турокъ или жидъ тонули вмѣстѣ съ христіаниномъ, то котораго изъ нихъ скорѣе должно спасать?» Архіерей отвѣчалъ: «котораго попало». Каждый на этотъ отвѣтъ сдѣлалъ свое движеніе, пошли разныя мнѣнія, и разные толки, потому что не имѣли лучшаго дѣла. А архіерей, между тѣмъ, потребовалъ академическаго

*) Тогда малороссійскіе монастыри владѣли еще деревнями. Г. Д.

**) Сей архимандритъ былъ потомъ архіеремъ сѣвскимъ и наконецъ бѣлоградскимъ. Имя его есть въ печатномъ словарѣ. Г. Д.

журнала того года, въ которомъ обучался поэзіи, и нашелъ въ немъ отмѣтку, сдѣланную рукою учителя Карпинскаго, которая не одобряла ученика Фліоринскаго, и удерживала въ томъ же классѣ еще на одинъ срокъ, какъ такого ученика, который худо учился.

Архіерей, подозвавъ къ себѣ архимандрита Карпинскаго, показалъ ему пальцемъ худое о себѣ свидѣтельство; архимандритъ покраснѣлъ, а архіерей дополнилъ: «ложная ваша отмѣтка опорочила весь академическій журналъ; однакожъ я не истребляю ее теперь. Пусть она служитъ свидѣтельствомъ вашей слабости». О сей отмѣткѣ, послѣ уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, случилось мнѣ слышать отъ самого преосвященнаго обстоятельнѣе слѣдующее:

«Архимандритъ Карпинскій,—говорилъ преосвященный,—будучи въ кіевскихъ школахъ учителемъ піитическаго класса, при выпускѣ изъ онаго въ высшій классъ учениковъ, въ числѣ которыхъ и я находился, неудостоилъ меня высшаго класса, мстя за то, что я, когда-то проходя мимо его, и не примѣтя его, не снялъ шапки; почему и принужденъ я былъ пробыть въ поэзіи до будущаго перевода, при которомъ,— продолжалъ преосвященный—отомстилъ я въ свою очередь своему учителю; ибо когда онъ отмѣтилъ меня достойнымъ, то я противъ того объявилъ, что я, со всею моею прилежностію, худо научился подъ руководствомъ моего учителя, хотя онъ меня и аттестуетъ, почему и продолжалъ ученіе въ поэзіи третій срокъ, въ противность одобренія меня моимъ учителемъ. По сей-то причинѣ,— заключилъ учащій: «не воздавать зла за зло, ни досажденія за досажденіе», памятна мнѣ та отмѣтка, которую я, въ глазахъ Карпинскаго, во искушеніи былъ выдрать изъ книги».

Нѣтъ сомнѣнія, что такое неугомонное свойство основывается не на слабой памяти и не на добромъ сердцѣ; но объ этомъ не умѣю какъ сказать, что преосвященный всегда, и даже въ самомъ священнодѣйствіи обыкновенно доходилъ до такого позора, что иному изъ окружающихъ его подчиненныхъ или сослужащихъ, трикиріями *), — бороду подожжотъ, иному клокъ волосъ вырветъ, иному кулакомъ дастъ въ зубы, иного

*) Трикиріями называются подсвѣчники, которыми архіереи осѣняютъ въ церкви предстоящихъ. Г. Д.

пхнетъ ногою въ брюхо. Все сіе дѣлаетъ онъ при чрезвычайномъ на всю церковь крикѣ бранными словами, гдѣ бы то ни было, въ олтарѣ или среди церкви, а особливо въ ту пору, когда его облачаютъ въ священныя одежды. Можно сказать, что онъ тогда похожъ бываетъ на храбраго воина, отбивающагося отъ окружившихъ его непріятелей.

Кіевскіе священнослужители, яко не его подчиненные, хотя свободны были отъ таковыхъ его наглостей, однакожъ необыкновенное позорище, а иногда и касавшееся ихъ ругательство въ мѣстахъ богопочитанія, показалось имъ ужаснымъ, такъ, что они уже въ слѣдующіе дни не хотѣли съ нимъ священнодѣйствовать, почему митрополитъ Кіевскій имѣлъ необходимость употребить всю свою кротость на соглашеніе ихъ къ священнодѣйствію съ нашимъ архіереемъ.

Каково оно ни есть, хорошо или худо, я пишу истину. «Изъ пѣсни слова не выкинешь!» Умудрись-же, кто мастеръ, трафить въ любовь къ такому владыкѣ!

Тако, сѣвскія церкви смиренный епископъ, показавши въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ душевныя и тѣлесныя свои дарованія, отбылъ, по обыкновенномъ со всѣмъ начальнымъ духовенствомъ и съ губернаторомъ прощаньи, изъ Кіева, и прибылъ въ Сѣвскъ около 10 іюня (1768 г.).

§ XI.

Пребываніе въ Сѣвскѣ и возложеніе на меня новой должности.

По прибытіи въ Сѣвскъ отдѣлилъ преосвященный отъ консисторіи производство ставленическихъ дѣлъ *), учредилъ особую для нихъ контору, назвалъ ее: «Ставленческою конторою», велѣлъ въ ней присутствовать ризничему, а письмоводителемъ быть мнѣ. Предписалъ своеручно брать со всякаго производящагося въ попы—за производство дѣла, за выучку катихизиса, за бумагу, за письмо и проч. 7 руб., съ дьякона 5 руб., а съ посвящаемыхъ въ стихарь 3 руб. 50 к. съ тѣмъ, чтобы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ собранную сумму раздѣлять на всѣхъ пѣвчихъ. Сіе собственноручное предписаніе прибито въ ставленической конторѣ на стѣнѣ, для свѣдѣнія и исполненія. Такое учреж-

*) Ставлениками при архіерейскихъ домахъ называются тѣ просители, которые производятся къ церквамъ, во священно и церковно-служители. Г. Д.

деніе, какъ онъ самъ говаривалъ, «казалось ему безгрѣшнымъ, поелику оно малою цѣною освобождало просителей отъ тяжкихъ, издревле введенныхъ взятковъ, а наиболѣе обыкновенныхъ по консисторіи: что самое и побудило его отдѣлить отъ оной ставленическія дѣла». Но онъ пропустилъ замѣтить, что большія взятки не видны, ежели они берутся безъ предписанія, а предписаніе меньшихъ, есть уже преступленіе противъ закона государыни императрицы, благоволившей для содержанія духовныхъ сдѣлать достаточное штатное положеніе.

Всѣхъ кандидатовъ на священство и діаконство поручилъ обучать катихизису консисторскому члену крестовому іеромонаху Иринарху — который былъ человѣкъ съ латынью, — и брать съ нихъ въ кружку вышеопредѣленное число денегъ, а мнѣ поручилъ всѣхъ стихарныхъ свидѣтельствовать въ чтеніи, писаніи, знаніи церковнаго устава и катихизиса, и сіе свидѣтельство подписывать на дѣлѣ, которое свидѣтельство было удостоеніемъ ихъ къ посвященію въ стихарь; буде же бы который изъ нихъ не заслуживалъ еще таковаго одобренія, тотъ доучивался въ опредѣленной на то ставленической школѣ; при засвидѣтельствованіи же долженъ мнѣ былъ каждый положить, по предписанію, въ общую кружку 3 р. 50 к., а чѣмъ скорѣе кто хотѣлъ засвидѣтельствованія, тѣмъ меньше жалѣлъ прибавки для меня сверхъ кружки, почему и былъ я въ состояніи получше другихъ одѣться, имѣть порядочное бѣлье, и побольше денегъ, нежели кто получаетъ изъ кружки. Хотя преосвященный мнѣ этого и не предписывалъ, однакожъ подалъ случай догадаться, какъ употребить благотворительную его довѣренность. Догадка моя не основывалась на строгой добродѣтели, но на подражаніи людямъ, слывущимъ большею частію честными и расторопными, а притомъ, сама скромность требовала избѣгать честолюбія, чтобъ не прославляли меня слишкомъ добродѣтельнымъ.

Новое сіе введеніе родило во всемъ архіерейскомъ штатѣ, а особливо въ консисторскомъ секретарѣ и приказныхъ, жестокое противъ архіерея негодованіе, а противъ меня самую ядовитую зависть.

Какія изъ сего вышли слѣдствія, сказано будетъ ниже въ 1770 году, а теперь, не прерывая времени, скажу, что въ зиму сего года угодно было преосвященному приняться самому по

вечерамъ и по утрамъ учить меня, своего келейнаго, и еще двухъ пѣвчихъ латинскому языку и ариѳметики. Я увѣренъ будучи, что ученье его не легко достанется, ускорилъ сыскать для ариѳметики изъ города купца, который былъ прежде у виннаго откупщика повѣреннымъ и бухгалтеромъ, но за пьянство лишенъ сего достоинства, и держалъ его на своемъ винѣ, пока узналъ, какъ счислять, слагать, вычислять, умножать и раздѣлять.

Будучи подъ его руководствомъ, являлся я всегда къ преосвященному съ исправными рѣшеніями на заданные уроки, а бѣдняки, мои соученики, всегда являлись на ученье подставляя архи-учителю руки, для битья по нимъ деревянною лопаткою, называемою на духовномъ языкѣ, въ именительномъ смыслѣ, паля.

Какъ нѣкогда архіерей представлялъ меня имъ образцомъ, то одинъ изъ нихъ во оправданіе свое донесъ, что я имѣю особаго для ариѳметики учителя, но за это архіерей меня похвалилъ, принявъ содержаніе учителя за доказательство моей охоты и прилежности къ наукѣ.

Когда дошли мы, т.-е. одинъ я,—до извлеченія радикса квадратнаго и кубическаго, то архіерей для лучшаго намъ понятія ставилъ на столъ деревянную кубическую вершка въ два фигуру, сдѣланную нарочно на сей случай, но фигура наша имѣла почти совсѣмъ другое употребленіе, нежели для чего была сдѣлана. Архіерей часто бросалъ ее черезъ столъ по лбамъ, по головамъ непонятныхъ учениковъ, которые должны были всѣ разомъ за нею бросаться подъ стулья, подъ канапе, подъ столики, если она туда закатится, и паки подавать ее архи-учителю. Посему, извлеченіе нашего радикса похоже было нѣсколько на игру въ мячикъ.

По первому зимнему пути, послѣдовалъ походъ намъ въ городъ Рыльскъ, Бѣлополье, въ мѣстечко Михайловку, и въ прочія по сему тракту лучшія селенія «для осмотра благочинія», къ наблюденію котораго обязаны пастыри данными имъ отъ сунода правилами, коими велѣно имъ каждые три года посѣщать единожды свою епархію, обозрѣвать: «како пребываютъ братія». Сѣять имъ сѣмя евангельскаго ученія, и утверждать въ единовѣріи; явить имъ собою правило вѣры, образъ кротости, воздер-

жаніе учителя, и проч.: все это сдѣлать во столько времени, сколько онаго станетъ на то, чтобъ заѣхать имъ въ лучшіе монастыри и домы, попокоиться и попировать, а не рѣдко получить и подарки.

Въ Рыльскѣ преосвященный говорилъ свои поученія къ народу, наполненныя гоненіемъ на старовѣровъ, и жаркимъ доказательствомъ ихъ заблужденія. А какъ сей старой вѣры держался одинъ изъ дворянъ, оберъ-офицеръ въ отставкѣ, Сисой Воропановъ, то преосвященный столь ярко на него наступилъ, что принудилъ его торжественно въ церкви «проклясть и анаѳемѣ предать» всѣ старообрядческіе толки, и раскольникамъ не покровительствовать. Купцы, выслушавъ съ христіанскимъ терпѣніемъ архіерейскую, въ сильныхъ выраженіяхъ, проповѣдь, и угостя его жирными своими обѣдами, пивами, медами и добрыми наливками, остались по прежнему при старой вѣрѣ и при своихъ промыслахъ. А ревностный свой подвигъ архіерей напослѣдокъ увѣнчалъ обрѣзаніемъ бороды Воропанова; но какъ, по силѣ древней пословицы: «волосъ глупъ, онъ вездѣ ростетъ», то и Воропанова борода послѣ выѣзда архіерейскаго выросла по прежнему, не меньше архіерейской.

Въ Бѣлопольѣ архіерей изъяснялъ обѣдню; въ прочихъ мѣстахъ говорилъ поученія, сообразжаясь свойствамъ и состояніямъ паствы своей. Я и въ семъ походѣ не остался безъ труда. Переписка поученій занимала меня не рѣдко по цѣлой почти ночи, но трудъ сей растворяемъ былъ наградою, отъ часто-посвящаемыхъ ставлениковъ.

Издержки дорожныя не тяготили не только преосвященнаго, но и весь его штатъ, потому что вездѣ было всего совершенное довольство. Промыслъ Вышняго не оставлялъ безъ награжденія труждающихся, поющихъ и предстоящихъ на тотъ конецъ, чтобъ имѣть велію и богатую милость, почему и возвратились домой сыти.

§ XII.

Имянины.

1770 года, января 18-го наступило торжество тезоименитства его преосвященства. Я, отъ угобзѣнія моихъ доходовъ, сдѣлалъ себѣ новую пару платья. Нарядясь въ нея, пошелъ я въ числѣ прочихъ официалистовъ поздравить его преосвященство

по утру. Архіерей, увидя меня нечаянно-переодѣтаго въ нѣмецкое платье, ибо я до того времени какъ и всѣ, кромѣ консисторскихъ, одѣвался въ обыкновенныя шинели и сюртуки и, не говоря ни съ кѣмъ, спросилъ: «давно ли ты сдѣлалъ обновку?» «Къ дню тезоименитства вашего преосвященства», отвѣтствовалъ я. «Спасибо», потѣшилъ меня архипастырь.

Потомъ, давъ благословеніе и отпустивъ насъ отъ себя, вскликалъ меня изъ передней кельи, и сѣдше на канапе, говорилъ мнѣ почти точно такъ, какъ слѣдуетъ подъ симъ: «Послушай Добрынинъ, ты знаешь, что у меня сегодня много запрошено гостей къ обѣду; знаешь сколь я люблю порядокъ, и знаешь сколь я нетерпѣливъ тамъ, гдѣ я вижу непорядокъ; посуди-же и познай, могу-ли я быть нынѣшній день спокоенъ? ты знаешь, что у меня келейный Васильевъ, отъ котораго долженъ зависѣть весь порядокъ, любитъ хлебнуть черезъ край; человѣка не имамъ! Иному бы моему брату, русскому архіерею, было сіе нечувствительно, но я—французъ! я имѣлъ случай быть въ Парижѣ разъ, но не буду и не желаю имѣть случая выбить изъ себя порядка и чистоты парижской. При такихъ моихъ обстоятельствахъ нужна мнѣ твоя служба, которую прими ты на нынѣшній только день вмѣсто моего келейнаго. Я надѣюсь, что ты и въ семъ случаѣ не меньше мнѣ угодишь, сколько я былъ тобою до нынѣ доволенъ».

Я отвѣтствовалъ, что «всѣми силами стараться буду угодить вашему преосвященству; прошу только милостиво перенесть, если я по неопытности моей къ теперешней должности, и по краткости времени,—ибо былъ ужъ 9-й поутру часъ—въ чемъ-нибудь проступлюсь противъ правилъ порядка и чистоты парижской».

Архіерей при семъ всхохотнулъ - можно сказать — противъ природы; ибо онъ не былъ сотворенъ къ искреннимъ веселостямъ и смѣяться не умѣлъ.

— «Нѣтъ, мой другъ, сказалъ онъ, я теперь отъ тебя требую одного только твоего усердія».

Потомъ, взявъ меня за руку, привелъ въ свой кабинетъ, поручилъ шкапъ съ серебромъ и комодъ съ бѣльемъ, принадлежащимъ къ столу.

Когда преосвященный пошелъ въ публичной церемоніи въ

церковь на служеніе, то я, именемъ его, потребовалъ отъ консисторіи запискою двухъ канцеляристовъ, стряпчаго, двухъ подканцеляристовъ и двухъ копіистовъ. Каждому опредѣлилъ должности: одному поручилъ подъ счетомъ серебро, другому бѣлье, третьему стекло.

Стряпчему, какъ блюстителю интереса, приказалъ быть въ кухнѣ, чтобъ кушанье отпускаемо было на столъ, подъ собственнымъ его присмотромъ и наблюденіемъ, дабы, паче чаянія, иное блюдо не зашло, вмѣсто архіерейскаго стола, къ какому-нибудь старцу въ келью по прежнему обыкновенію, которымъ и мнѣ пользоваться случалось, а остающееся отъ стола относилось бы въ опредѣленный на то покой.

Буфетъ принялъ я на себя. Потребовалъ отъ ключника по нѣскольку бутылокъ всѣхъ напитковъ, какія въ погребу имѣлись, давъ ему на то реестръ. Остальнымъ приказнымъ приказалъ быть у перемѣны тарелокъ съ помощью гостинныхъ слугъ.

Сей новый штатъ учредилъ я по той нуждѣ, что комплектъ слугъ преосвященнаго состоялъ изъ одного молодого пьянаго келейнаго, одного изъ пѣвчихъ малолѣтнаго, отправлящаго должность ординарца, одного ключника и двухъ истопниковъ.

До возвращенія изъ церкви, столъ былъ накрытъ въ залѣ, а въ гостинной набрана закуска. За столомъ кушали персонъ до 50. Изъ знатнѣйшихъ, кромѣ духовныхъ—были госпожа полная генеральша Катерина Григорьевна Племянникова, рожденная графиня Чернышова съ дочерью и внучкою, и прочими госпожами и барышнями, изъ мущинъ были воинскіе, штатскіе и гражданство.

Въ продолженіе стола, сталъ я по правую сторону креселъ архіерейскихъ, гордясь представленіемъ изъ себя перваго архіерейскаго служителя. Г-жа генеральша молвила за столомъ: «я у васъ вижу, преосвященный, новаго дворецкаго». Архіерей отвѣтствовалъ: «да, можетъ быть онъ заступитъ это мѣсто». Ея превосходительство, смотря на меня, примолвила: «благородное лицо»; дамы, услыша о благородномъ лицѣ, кинули на меня благородные взгляды. Я простоялъ нѣсколько на семъ смотрѣ; но дабы болѣ не краснѣть, ускорилъ пойти отъ стола, для отправленія по должности своихъ гостей.

Понеже я въ наложенномъ на меня теперешнемъ званіи былъ

не опытенъ, то отозвавши въ буфетъ воеводскаго лакея, на знаніе котораго могъ я попадѣяться, потому что господинъ его на столы былъ великой щеголь *), и почествовавши виномъ, спросилъ: «за что мнѣ приниматься, когда встанутъ изъ-за стола?» Онъ меня наставилъ, что «послѣ обѣда пьютъ кофій и проч. и проч., но прежде всего надобно набрать въ гостиппой десертъ», заключилъ добрый рабъ и побѣжалъ.

Не мало мнѣ стоило труда узнать и отъискать архіерейскій кофій, а занять было не у кого, въ россійскихъ монастыряхъ не во употребленіи. А домъ архіерейскій, не что иное какъ монастырь. Служители, собранные мною для открытія кофія, согласно показали, что кофій есть, но гдѣ онъ хранится, долженъ знать келейный Васильевъ, для поиска котораго отправлены были нарочные; но только что онъ появился въ буфетъ, тотчасъ и бросился на рюмки стоявшія на подносѣ, какъ желѣзо на магнитъ. А какъ онъ сильно уже былъ намагниченъ, то сброся ихъ съ подноса на столъ, почти всѣхъ ихъ ранилъ, нѣкоторыхъ разогналъ по столу, въ полонъ ни одна не досталась, потому что всѣ были порожни; за что я, — возбужденъ будучи тогдашними суетами, бросаясь часто самъ по всѣмъ рядамъ, и находя на всѣхъ почти пунктахъ безтолковщину, — далъ ему сгоряча самую сильную подщочину, на основаніи воинскаго права: «кто пьянъ, тотъ дважды виноватъ».

Между тѣмъ, кофій сысканъ и изготовленъ вышеупомянутымъ моимъ менторомъ, воеводскимъ человѣкомъ.

По окончаніи стола, свѣтскія госпожи вскорѣ разъѣхались по домамъ, а преосвященный, оставшись со своими домашними и съ пріѣзжими гостьми, какъ время сближалось къ вечеру, отдалъ приказъ подавать горячій пуншъ.

Въ продолженіе попойки, при свѣчахъ, преосвященный сдѣлалъ мнѣ милостивое предложеніе: «не хочу-ль я опредѣлиться въ консисторію копіистомъ?»

Но, какъ говорится, «другое время, другія и мысли», что самое и со мною случилось. Еслибы званіе консисторскаго копіиста, предложено мнѣ было при вступленіи въ домъ архіерейскій, я охотно бы его принялъ; а въ настоящемъ моемъ

---

*) Новгородскій помѣщикъ Иванъ Осіевичь Пустошкинъ. Г. Д.

положеніи казалось мнѣ, какъ будто меня жалуютъ алтыномъ въ такую пору, когда я не нуждаюсь въ рублѣ. Итакъ, когда я объявилъ мое нежеланіе на предложенную милость, архіерей разсудилъ за благо приняться доказывать мнѣ, при помощи пунша, многія преимущества сопряженныя съ достоинствомъ копіиста. Убѣдительныя его доказательства, столько во мнѣ подѣйствовали, «какъ горохомъ объ стѣну».

Подобаетъ вѣдати, что будучи я взятъ къ услугамъ его преосвященства на одинъ только день, продолжалъ оныя чрезъ всѣ дни пированія.

§ XIII.

Продолженіе и періодъ имянинъ.

Оставшіеся съ архіереемъ духовные гости, изъ которыхъ первые были: рыльскій архимандритъ Іакинфъ Карпинскій, путивльскій игуменъ Мануилъ Левицкій, брянскій игуменъ Тихонъ Забѣла, чолнскій игуменъ Антоній Балабуха, брянскій протопопъ Василій Константиновъ и проч., принуждены были нѣсколько сутокъ съ ряду, торжествовать день тезоимянитства своего архипастыря, такъ что по неволѣ были совершенно духовными, ибо тѣлесныя ихъ лица потеряли образъ свой и подобіе, кромѣ архимандрита Карпинскаго, который по натурѣ не могъ ничего пить кромѣ чаю и чистой воды.

Всякое дѣло имѣетъ свои послѣдствія: нѣкоторые изъ гостей заболѣли обыкновенными послѣ такихъ трудовъ припадками, и съ изнеможенными чувствами разъѣхались по домамъ. Но игуменъ и протопопъ брянскіе дороже заплатили за имянины. Первый, отправившись въ свой монастырь, почувствовалъ на пути водяную болѣзнь, къ которой онъ былъ почти по природѣ склоненъ, и которую противъ воли раздражилъ и ускорилъ напитками и безсонницею, не въ правѣ будучи выступать изъ шеренги командуемой архипастыремъ; мѣсяца чрезъ четыре полученъ рапортъ, что его преподобіе отправился въ царство безсмертныхъ.

Второй—получилъ горячку, и въ безпамятствѣ забѣжалъ на архіерейскую конюшню; тамъ встрѣтился онъ съ бывшимъ въ числѣ гостей, малорослымъ изъ города Карачева священникомъ Осипомъ Соколовымъ. Соколовъ счелъ, что протопопъ «по дѣйству діяволю съ ума сошолъ». Началъ увѣщевать его отъ пи-

санія, и читать заклинательныя молитвы, дабы отступилъ отъ него злой духъ, который, по словамъ Соколова, «вогнѣздился въ протопопа». Но какъ сія операція ничего путнаго не произвела, кромѣ что протопопъ изрѣдка тихонько вскрикивалъ: «архипастырь Божій! помилуй! Я пить не хочу!» то благоговѣйный Соколовъ, взнесъ сіе дѣло къ архіерею на благоразсмотрѣніе и коль-скоро вступилъ въ келью и сталъ передъ архіереемъ, тотъ-часъ сцѣпилъ руки, вздернулъ плечьми, и подпустивъ глаза подъ лобъ, вѣщалъ: «вотъ до чего, владыко святый, науки доводятъ человѣка! Отецъ протопопъ брянскій, не возмогши ихъ вмѣстити во главу свою, изступи ума, и не вѣсть что глаголетъ, являяся яко неистовъ». «Да не сошолъ-ли ты самъ съ ума?» спросилъ его архіерей, потомъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «поди съ лѣкаремъ посмотри, что сдѣлалось протопопу?»

Мы нашли его стоящаго въ стойлѣ подлѣ конскихъ яслей. Волосы у него висѣли равномѣрно на всѣ стороны, губы сдѣлались темновишневыми, и когда лѣкарь просилъ его показать языкъ, то онъ отвѣтствовалъ: «нѣтъ-нѣтъ, господа келейники, не удастся вамъ меня запоить». Мы тотъ часъ приказали отвести его для пользованія на квартиру къ архіерейской сестрѣ, жившей на братнемъ содержаніи, гдѣ, когда лѣкарь хотѣлъ ему дать холодительный порошокъ, то больной нашъ вскричалъ: «вино-вино-вино!»

Лѣкарь Павелъ Ивановичъ Вицъ не пропустилъ увѣрять его дружески, что это не вино, а холодительный порошокъ, который нужно ему принять по наукѣ медицины теорической и практической, дабы не допустить себя до облирукціи альви, и внутренной гангрены. «Сіе средство—продолжалъ лѣкарь—употребляемъ мы упредительно кровопусканію и визикаторіямъ; ибо теперь у васъ засорившіеся нервы, не имѣютъ надлежащей циркуляціи сангвинисъ, отчего и біеніе пульса у васъ непорядочно». Послѣ сей рѣчи, имѣли мы нужду отца протопопа придержать, и влить въ него насильно красной порошокъ съ водою, на тотъ манеръ, какъ поступаютъ коновалы съ лошадьми.

Протопопъ оздоровѣлъ и уѣхалъ во свое жилище. А между тѣмъ какъ всѣ гости, или лучше сказать страдальцы, разъѣзжались, какъ игуменъ былъ въ водяной болѣзни, протопопъ въ

горячкѣ, а Соколовъ читалъ заклинательныя молитвы, келейный Васильевъ принесъ на меня жалобу, за вышесказанную данную ему отъ меня подщочину. За что преосвященный сильно на меня вознегодовалъ, и жалуясь мнѣ прежде на пьянство своего келейнаго, теперь какъ будто предпринялъ защищать оное. Въ заключеніе же своего гнѣва, приказалъ, чтобъ я заплатилъ келейному его Васильеву рубль. Очень ясно, что онъ все сіе дѣло, состоящее въ трехъ канцеляріяхъ, то-есть, въ его гнѣвѣ, въ безпутствѣ келейнаго, и въ подщочинѣ, оцѣнилъ не дороже рубля. Симъ кончилось временное мое служеніе, и я обратился къ первымъ должностямъ.

§ XIV.

Путешествіе въ Кромы и Орелъ и возвѣщеніе.

Отдохнувши отъ тезоимянитства, двинулись «осмотрѣть благочинія» чрезъ Кромы въ Орелъ въ мартѣ мѣсяцѣ.

Въ городѣ Кромахъ, лишь только вступилъ преосвященный въ соборную церковь, тотчасъ обратилъ свое вниманіе на рѣзную женскую статую, вырѣзанную въ ростъ не малорослой женщины, и въ подобіе поселянокъ тамошняго уѣзда, которую Кромскіе жители называли святою пятницею; велѣлъ ее тогда же принять, обшить въ рогожку и поставить подъ колокольню за замокъ на вѣчныя времена.

Народъ жалѣлъ о пятницѣ *), проклиналъ архіерея; архіерей увѣренъ былъ и увѣрялъ, что онъ избавилъ народъ отъ суевѣрія. Смѣяся же, — не знаю къ стати ли, — слѣпой народной привязанности къ дереву, приказалъ своему подьяку Петру Максимову цѣловать зашитую въ рогожку статую пятницы, когда ее выносили изъ церкви. Бѣдный Максимовъ вскорѣ послѣ сего заболѣлъ простудною горячкою и бывши потревоженъ переѣздомъ чрезъ 30 верстъ въ сырую и холодную погоду изъ Кромъ въ Орелъ, умеръ тамъ, на 24-мъ году отъ рожденія. Онъ одинъ былъ сынъ у матери, и архіерей объ немъ жалѣлъ; я плакалъ, а Кромскіе жители, узнавъ о его смерти,—причли смерть его цѣлованію пятницы.

Въѣздъ преосвященнаго въ Орелъ ознаменованъ былъ по

---

*) Городъ Кромѣ состоялъ изъ однодворцовъ, и былъ не лучше обыкновенной деревни, въ которой живутъ, обыкновенно, хлѣбопашцы. Г. Д.

всѣмъ церквамъ колокольнымъ звономъ. При каждой проѣзжаемой церкви, священство было въ ризахъ со крестами, дьяконы въ стихаряхъ съ кадилами, дьячки и пономари со святою водою въ чашѣ, со свѣчами въ подсвѣчникахъ. Народъ — по улицамъ, народъ—по заборамъ, и по всѣмъ возвышеніямъ, гдѣ только можно пристать и удержаться. А въ богоявленской церкви, въ которую было ожидаемо вшествіе преосвященнаго, набилось всякаго чина и званія, пола и возраста православныхъ христіянъ такъ плотно, какъ въ Ригѣ на корабляхъ укладываютъ мачты.

По выходѣ изъ церкви, поздравляли пастыря съ пріѣздомъ градоначальникъ со всѣми чиновниками. На завтрѣ, все духовенство и купечество,—вчерашніе поздравители,—это было въ 1-мъ часу пополудни, пили у насъ водку, ѣли хлѣбъ, икру, семгу, голандскія сельди, сыръ и проч. Севоднѣшніе — нанесли намъ хлѣбовъ, сахару, чаю, кофію, лимоновъ, рыбы, и проч....

Мы прожили (въ 1770 г.) въ Орлѣ до самаго праздника Вознесенія. Въ продолженіе сего времени были частыя архіерейскія священнослуженія, частыя посвященія ставлениковъ, частые у гражданъ обѣды и вечеринки съ хоромъ пѣвчихъ до бѣла-свѣта, подобныя торжеству тезоименитства его преосвященства. Когда же преосвященный не въ гостяхъ, то содержаніе намъ было отъ приготовленной заблаговременно складки священно-и церковно-служителей, по заведенному обыкновенію. Все хорошо! слѣдующее только приключеніе помѣшало благу нашего пастыря:

Во единъ отъ дней, во время толкованія въ церкви псалтири, когда началъ преосвященный, по обыкновенію, присовокуплять нравоученіе къ народу, то разсудилось ему, для придачи силы и краснорѣчія своему нравоученію, называть старообрядцевъ с...ными сынами, и плевать на суевѣрной народъ, чрезъ налой *), на которомъ лежалъ передъ нимъ псалтырь. Орловцы, народъ торгующій и несѣдячій, вездѣ бывающій и нигдѣ неслыхавшій проповѣдей подобнаго стиля. Они начали разно объ нихъ толковать, а одинъ изъ гражданъ, по прозванію Овчинни-

---

*) Налой—греческ.—на которомъ кладутъ и читаютъ книги въ церквахъ.
Г. Д.

ковъ, гдѣ-то проговорился, что архіерей часто заговаривается въ забывчивости, какъ такой человѣкъ, у котораго голова всегда не порожня. Къ большой архіерейской досадѣ, стало всѣмъ извѣстно, что Овчинниковъ это говорилъ не аллегорически, не метафорически, не иронически и не критически, но исторически. Архіерей увѣдомленъ о семъ отъ вѣрнаго Архангельской церкви священника, который искалъ быть протопопомъ, требовалъ отъ гражданскаго правительства купца сыскать и сѣчь безъ милости, яко разорителя свѣта ученія. Онъ желалъ и самъ, по примѣру святого Иліи, схватить ножъ, но рѣзать уже было нѣкого: Овчинниковъ былъ осторожнѣе студныхъ вааловыхъ пророковъ, онъ убрался изъ города заблаговременно, не дожидаясь, чтобъ его уловили, а священникъ Архангельской церкви не получилъ протопопства, вѣроятно потому, что всѣ знатнѣйшіе старообрядцы упросили архіерея, убѣдительнѣйшими способами, возвысить въ сіе достоинство богоявленскаго отца Алексѣя, который на нихъ и на Овчинникова не доносилъ.

Обидѣвшійся пастырь жалился письменно Сѵноду. Онъ защищался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ обвинялъ Овчинникова, то-есть: вѣрою, закономъ, саномъ, должностію и проч. и просилъ отмщенія. Сѵнодъ ему не отвѣчалъ, безъ сомнѣнія потому, что многіе слушатели орловскихъ поученій — имѣющіе по торговлѣ съ Петербургомъ связь — перетолковали тамъ дѣло не столь важнымъ, чтобы обвинить Овчинникова или оправдать архіерея.

Обращаясь къ собственной исторіи, долженъ повторить, что ставленническая контора и въ походѣ была въ моемъ письмоуправленіи, почему, въ какую бы улицу въ Орлѣ я ни пошолъ, вездѣ находила меня толпа просителей, кои потомъ составляли мой конвой, провождали безотвязно до самой квартиры, представляя между тѣмъ свои мнѣ просьбы, съ обѣщаніемъ точнаго числа за мою имъ помочь воздаянія. А другіе ничего такъ не твердили, какъ «что они бѣдны! они прожились! они проѣлись! Дóма у нихъ остались старики, да малые дѣти и проч...» Первый сортъ просителей выслушивалъ я съ пріятнымъ видомъ и чистосердечнымъ увѣреніемъ о моемъ имъ пособіи и отпускѣ въ домы, и устанавливалъ на словѣ; а второй разрядъ просителей отбывалъ какимъ-нибудь пустословіемъ, изъ котораго нельзя было ни надѣяться, ни отчаяваться.

Случай и интересъ острятъ разумъ и учатъ злу такихъ людей, которые, родяся въ бѣдности, лишены были надлежащаго образованія сердца и разума! Такъ я думалъ въ созрѣлыхъ уже лѣтахъ, ощущая въ себѣ недостатокъ воспитанія, которому я не причиною и которой отвращать, самому собою, стоило мнѣ не малаго труда. Но въ дальнѣйшее теченіе моей жизни и службы испыталъ, что многіе благовоспитыванные ничего меньше не имѣютъ, какъ истинной чести и добродѣтели; кромѣ наружныхъ пріятностей, служащихъ не рѣдко для добрыхъ, но простыхъ сердецъ пищею, которая въ пріятномъ вкусѣ бываетъ смертоносна.

Въ одну ночь, трудясь я обыкновенно за ставленическими дѣлами, положилъ руки на голову па бумаги, лежащія предо мною на столѣ, дабы до тѣхъ поръ, пока страница, которую я дописалъ, засохнетъ, минутно себя успокоить—это былъ разсчетъ тогдашнихъ моихъ лѣтъ!—но минута меня обманула. Она протянулась на столько времени, во сколько свѣча оплыла, обвалилась на столъ, хватила за бумаги, и допустила пламя до моихъ пальцевъ. Я вскочилъ такъ, какъ вскакиваютъ ожогшись, началъ руками и платкомъ бить по бумагамъ, утушилъ пожаръ скорѣе, нежели тушатъ его въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть полицмейстеры. Мнѣ принесли сѣдящему уже во тьмѣ свѣчу, и я нашелъ, къ счастію моему, что сгорѣли пустыя, ненужныя бумаги; да въ одномъ только дѣлѣ отгорѣли понемногу углы, которые тотчасъ я подклеилъ вишневымъ клеемъ, и отгорѣвшій упадокъ приписалъ собственною рукою. Потомъ, когда началъ приклейку и подложенной вмѣстѣ съ нею допросъ обрѣзывать, дабы сравнить съ дѣломъ, то перехватилъ неосмотрительно пополамъ ножницами архіерейскую собственноручную резолюцію съ помѣтою. Эта бѣда хуже пожара! Я подклеилъ и резолюцію; но боясь архипастырскаго правосудія, пошелъ я къ нему съ дѣлами и слѣдующими къ подписанію грамотами попозднѣе обыкновеннаго, дабы между дневнымъ и свѣчнымъ свѣтомъ удобнѣе могла скрыться моя приклейка.

Архіерея встрѣтилъ я ѣдущаго съ оберъ-провіантъ-мейстеромъ Д. В. Астафьевымъ, который ему еще въ Торжкѣ былъ добрый пріятель. Онъ, увидя меня съ ношею бумагъ, и притомъ расчесаннаго въ нѣсколько пуколь, распудреннаго и въ башмакахъ съ блестящими пряжками, приказалъ остановить карету

велѣлъ мнѣ сѣсть напротивъ, и примолвилъ Астафьеву: «Это у меня такой надежной». Потомъ, взявши меня за свободную отъ бумагъ руку, сказалъ: «продолжай Добрынинъ такъ, какъ ты началъ».

Милостивыя слова, и первой разъ сидѣнье съ архіереемъ въ каретѣ, произвели бы во мнѣ безпримѣрную радость, если бы не тревожила меня приклейка.

Архіерей, прибывъ къ Астафьеву и въ продолженіе тамъ пріятельской вечеринки, всѣ грамоты подписалъ и надлежащія резолюціи положилъ, не примѣтивъ къ успокоенію моему моей подклейки, чему я не меньше радовался, какъ дозволенію сѣсть въ карету.

Въ прохожденіе сей должности, по мѣрѣ прибытка въ моемъ карманѣ, умножалась противъ меня и зависть, какъ натуральной спутникъ планеты счастія, а можетъ быть сіе зло было и противъ зла. Оставимъ это разсуждать искусникамъ въ моральный химіи. — Въ проходной канцеляріи злобились и роптали на меня приказные, кои производили дѣла только слѣдственныя, въ которыхъ трудъ безъ награды, а къ ставленическимъ, въ которыхъ награда почти безъ труда, не имѣли права касаться.

Съ другой стороны, всѣ оставшіеся въ Сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ, практикованные любостяжатели напряженную противъ меня питали злобу. Консисторскій судья Иринархъ, о которомъ я выше говорилъ, былъ въ семъ комплотѣ не послѣдній, — потому, что и его кружечный сборъ, по случаю нашего похода, порученъ былъ мнѣ съ тѣми же правилами.

Сопостаты мои, до возвращенія еще нашего въ Сѣвскъ, приняли въ наступательной противъ меня союзъ архіерейскую сестру *). Всѣ они вмѣняли мнѣ въ важное преступленіе, что я, пользуясь, по ихъ мнѣнію, одинъ прибытками, не присылаю имъ подарковъ.

Правда, что я худой былъ политикъ; но то еще справедли-

*) Она была за соборнымъ ключаремъ, котораго преосвященный пощупалъ палками въ своей спальнѣ, за какое-то празднословіе, и потомъ сослалъ въ какой-то Кіевскій монастырь, по сношенію съ начальникомъ онаго, гдѣ и скончался сей несчастный человѣкъ, а сестра осталась при братѣ съ малолѣтними дочерьми, изъ которыхъ старшая помолвлена была за меня, о чемъ скажется на своемъ мѣстѣ. Г. Д.

вѣе, что я и самъ пользоваться не умѣлъ. Двадцатилѣтній мой вѣкъ и монастырское, въ протчемъ хотя ограниченное воспитаніе, но въ семъ случаѣ весьма достопочтенное, чтобъ не обидѣть ближняго, были тому основаніемъ.

§ XV.

Выѣздъ изъ Орла и проч. и проч.

Наконецъ, въ день Вознесенія выѣхали мы изъ Орла такъ же, какъ и въѣхали, при колокольномъ звонѣ, поелику священство и звонари не смѣли не сдѣлать сего грома; но на заборахъ и на крышахъ никого уже не было, кромѣ обыкновенно ходящихъ по улицамъ, у которыхъ какъ будто на лбахъ было написано, что они всѣ сердятся за толкованіе псалтири, или пошептываютъ: «по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ».

По пріѣздѣ уже въ Сѣвскъ, открылся мнѣ яснѣе вышесказанный противъ меня заговоръ. Прибывшіе изъ Орла увѣряли сѣвскихъ моихъ завистниковъ, что я по меньшей мѣрѣ вывезъ изъ Орла тысячу рублей.

Сочтено у нихъ было точное число посвятившихся ставленниковъ, и положено, по произвольному примѣру, какое число каждый могъ мнѣ дать. Можетъ быть они и не ошибалися въ своей смѣтѣ, но ошиблись во мнѣ.

Послѣ, но нескоро узналъ я изъ опытовъ и примѣровъ заслуженныхъ корыстолюбцевъ, что я вмѣсто капитала пользовался только процентами, ибо вывезъ только сто руб. да пару платья.

Консисторскій секретарь Звѣревъ, хотя впрочемъ и добрый человѣкъ, не вытерпѣлъ, чтобы не сказать, что онъ согласился бы помѣняться со мною на мѣста, если бы ему чинъ не мѣшалъ.

Какъ искра въ пеплѣ, такъ злобная зависть въ моихъ непріятеляхъ тлѣла донынѣ, и дѣйствовала минами, или подкопомъ; но вскорѣ воздѣйствуетъ она порядочнымъ приступомъ или штурмомъ.

Уже мой владыка, начиненъ будучи дурнымъ обо мнѣ мнѣніемъ, началъ громогласно при многихъ случаяхъ гласить: что, «онъ до меня давно добирается», изреченіе, несообразное ни

съ саномъ, ни съ правиломъ воспитанія, но въ духовномъ деспотизмѣ — обыкновенное.

Между тѣмъ, какъ я тревожился и ожидалъ не зная самъ чего, архіерей разрѣшилъ мое недоумѣніе слѣдующимъ маневромъ.

Во время оно, егда его преосвященство священнодѣйствовалъ, и по принесеніи безкровныя жертвы шествовалъ отъ престола къ своей каѳедрѣ *), на которой, по чиноположенію грековосточной церкви, долженъ онъ былъ сѣсть и выслушать читаемыя мною, вмѣсто его, благодарственныя молитвы, за то, что онъ удостоился приобщиться святыхъ таинъ; то, вмѣсто всего этого, схватилъ онъ меня за волосы обѣими руками весьма плотно, и впился въ нихъ, какъ клещъ въ тѣло. Мужчина онъ былъ большой, сухощавый и сильный; слѣдственно руки его не были похожи на пуховыя. Во всемъ пространномъ алтарѣ не осталось мѣста ни на вершокъ, съ котораго бы мы не подняли пыли. Первый ударъ моими ногами былъ объ ноги малорослаго архимандрита Карпинскаго, который въ надлежащей важности отпрыгнулъ къ окну,—хотя мнѣ и не досужно было разсматривать, въ какой кто важности, куда прыгалъ. — Нѣкоторые сослужащіе и причетники разсѣялись по разнымъ мѣстамъ алтаря, нѣкоторые выбѣжали въ церковь, всѣ высматривали изъ-за плечей одинъ другого, ожидая съ благоговѣніемъ, со страхомъ и трепетомъ окончанія святительскаго на мнѣ рукоположенія. Кадмъ дракона не убивалъ съ такимъ мужествомъ, волкъ агнца не терзалъ съ такою жадностью, Сампсонъ, злясь на филистимлянъ, не связывалъ съ такимъ проворствомъ лисицамъ хвостовъ, и даже самый Духъ праотцу Іакову не ломалъ лядвіи столь безжалостно, какъ сей пастырь меня по алтарю Господню потаскивалъ. Онъ до тѣхъ поръ меня изъ рукъ не выпустилъ, пока не осталось въ нихъ все то, что оными захватываемо было, кромѣ самой головы и шеи, по которымъ досталось только нѣсколько кулачныхъ совковъ и оплеухъ, подъ пѣніемъ концерта. Можно сказать: что онъ для того и облачился, чтобы отправить

*) Кресла или стулъ съ положенною на немъ пуховою подушкою, которая обыкновенно покрывается бархатомъ или атласомъ. На сей каѳедрѣ архіереи садятся въ церкви во время своего служенія, въ доказательство, — какъ они говорятъ, что «онъ властелинъ церкви». Г. Д.

надо мною во всей славѣ сію церемонію. Я не расположенъ былъ замѣчать и видѣть повѣствуемую мною акцію, но меня удостовѣряли объ ней послѣ всѣ самовидцы единословнымъ сказаніемъ.

Наконецъ гнѣвъ утолился, разъяренный іерархъ утрудился, настала тишина, открыта моя вина. Какая вина? Вина та, что предъ каоедрою не было орлеца *). Тогда архимандритъ, посмотрѣвъ на архіерея учительски, далъ ему знать, сдѣлавъ изъ себя полную мину, о добротѣ сего происшествія,—не знаю только, для меня ли онъ сдѣлалъ сей видъ неудовольствія, или для архіерея, или для своихъ ногъ, по которымъ ему досталось моими.

Архіерей сѣлъ уже на каоедрѣ; — разумѣется, что орлецъ былъ уже у него подъ ногами; — я началъ ему сгоряча драть благодарственныя по причащеніи молитвы, которыхъ ни онъ, ни я отъ жару не понимали. Онъ однакожъ ѣлъ, сидя, мягкую просфору и запивалъ краснымъ кагорскимъ виномъ, а я читалъ въ молитвахъ, чтобы «благодареніе его преосвященства было ему въ радость, здравіе и веселіе; въ страшное же и второе пришествіе сподобленъ онъ былъ стати одесную».

Пришедъ я въ мою горницу, пустился въ глубокое малодушіе. Предался самой горькой печали, не меньше отъ побоевъ, какъ и отъ стыда, не разсуждая, что сей стыдъ раздѣлялъ со мною самъ архіерей. Пораженный скорбію въ душѣ и тѣлѣ, сѣлъ я на стулъ и просидѣлъ безчувствительно до самаго вечера, положа голову на столъ. Казалось мнѣ, что я не спалъ и видѣлъ, какъ архіерей въ алтарѣ, инымъ бороды рветъ, иныхъ свѣчами подпаливаетъ, а ко мнѣ бросается таскать. Предъ вечеромъ я образумился и узналъ, что все это мнѣ мечталось въ жару. Мнѣ сказали, что я, сидя на стулѣ, спалъ и бредилъ. Ночь мнѣ была такова-же, какъ и день; а въ наступившее утро архіерей посѣтилъ меня самъ: онъ не спрашивалъ, чѣмъ я боленъ, а только осмотрѣлъ пульсъ и языкъ, и вышедши изъ моего покоя, возвратилъ ко мнѣ служителя своего съ увѣреніемъ, что «его преосвященство гнѣва на меня не имѣетъ». Я обрадовался крѣпко сему благоволенію. Какое различное дѣйствіе радостнаго духа съ печальнымъ! Я вдругъ сдѣлался здоровъ или,

*) Орлецъ, на которомъ становятся архіереи вмѣсто подстилки. Онъ круглой фигуры на подобіе блина. Въ діаметрѣ вершковъ около 12-ти, съ вышитымъ изображеніемъ орла. **Г. Д.**

по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось. Одѣлся и пошолъ въ ставленическую контору къ должности. Не писалъ я тамъ и получаса, какъ пронялъ меня жестокій ознобъ. Ризничій, от. Гедеонъ *), въ покояхъ котораго была и контора, видя, что со мною дѣлается худо, далъ мнѣ тотчасъ свою постелю, въ которую я и повалился, ибо не въ силахъ уже былъ пройти чрезъ подворье до своего покоя.

Послѣ озноба слѣдовалъ жаръ, которой хотя лишилъ меня памяти, однако-жъ не отнялъ мученія, чувствуемаго въ жестокой горячкѣ. Уже болѣзнь меня осилила такъ, что и помощь подать было поздно, по мнѣнію городового лекаря. Мать моя пришла изъ женскаго монастыря. Она видѣла, что положеніе мое предвѣщаетъ мою кончину, а ей самой непрерывную болѣзнь во всѣ остатки дней. Отдавшись натуральной любви, начала она горько сокрушаться, произнося такія слова, какія матерняя любовь могла изобрѣсть при потерѣ ея послѣдняго сына. Ее увѣрили, что присутствіе ея для меня вредно; почему и убѣдили ее возвратиться въ монастырь, хотя на нѣсколько времени.

Самая жестокость болѣзни продолжалась девять дней, въ продолженіи которыхъ совершили надо мною священныя таинства. Всѣмъ казалось, что перевѣсъ былъ къ смерти; а особливо, когда я напослѣдокъ приутихъ такъ, что сомнительно было, заснулъ ли я, или уже испустилъ послѣднее дыханіе—какъ вдругъ, неожиданно,—я чихнулъ!

Секунда чиханія была для меня столь несносный и премучительный ударъ, какъ-бы голова моя въ мелкія части разлетѣлась. Но тотъ же самой ударъ произвелъ собою теченіе изъ носа крови, которая сперва полилась почти непрерывною струею, а потомъ, мало-по-малу уменьшаясь, перестала, наполнивши тарелки три глубокихъ. Я тотчасъ заснулъ спокойно на цѣлыя сутки. Проснувшись, припомнилъ что я боленъ, и самъ себѣ не вѣрилъ, въ самомъ ли дѣлѣ голова моя не болитъ, или не въ другой ли уже я жизни? На ту пору вошелъ ко мнѣ пѣвчій Козьма Вышеславцевъ**), который во всю мою болѣзнь былъ при

*) Братъ его родной Ириней Братановскій въ Вологдѣ былъ епископомъ. Г. Д.

**) Онъ былъ изъ «архіерейскихъ дѣтей боярскихъ» по стариннымъ россійскимъ правамъ, и принадлежалъ къ новогородскому архіерейскому дому; но по нерадѣнію предковъ его, попалъ въ служители Хутынскаго монастыря.

мнѣ безотлучно изъ единаго ко мнѣ доброхотства и пользовалъ холодительнымъ питьемъ и перевязками по пульсамъ. Онъ меня спросилъ: каково мнѣ послѣ крови? Но городовой лекарь, который меня не пользовалъ, потому что ему опоздали сказать о моей болѣзни, пресѣкъ, вошедши, нашъ разговоръ. Онъ, посмотря на мой языкъ, сказалъ съ веселымъ видомъ: «жаръ миновался, заштра вели для себя сдѣлать ячменную кашицу съ курицею; а послѣ надобно будетъ дать не очень крѣпкое пургаторіумъ для очищенія внутренностей отъ вредныхъ гнилостей». Вскорѣ пришелъ ко мнѣ изъ архіерейскихъ покоевъ осмидесятилѣтній старикъ, называемый Палѣй*). Онъ мнѣ разсказалъ, что архіерей въ продолженіе моей болѣзни часто меня посѣщалъ, а его, Палѣя, призывая иногда къ себѣ, вопрошалъ: какъ онъ думаетъ? выздоровѣю-ль я? Онъ бранилъ вспыльчиво — разсказываетъ Палѣй—свою сестру, и отдавалъ, въ случаѣ моей смерти, весь грѣхъ на ея душу.

Черта прекрасная! но похожа на Пилатову, который, давши

Онъ былъ хорошій чтецъ, пѣвецъ, писецъ, игрокъ на гусляхъ, и умѣлъ услужить, почему и взятъ былъ хутынскимъ архимандритомъ Парфеніемъ, бывшимъ потомъ преосвященнымъ епископомъ, въ келейные; но при всѣхъ его полезныхъ способностяхъ и добрыхъ качествахъ, имѣлъ онъ несчастіе пить запоемъ, почему, отставъ отъ смоленскаго, присталъ къ нашему архіерею въ число пѣвчихъ. Во время одного запоя ознобилъ онъ лѣвой руки всѣ персты, которые ему и отпилили; излечившись, присталъ въ капеллію къ рыльскому помѣщику Алексѣю Васильевичу Ширкову, и тамъ вскорѣ умеръ. Вѣчная ему память! если бы сей полезный пьяница меня не приберегъ, то можетъ быть я умеръ бы между трезвыми и проповѣдывающими добродѣтель — воздержаніе. Читавши въ моей жизни словарь о людяхъ, отличившихся дарованіями или добродѣтельми, по истинѣ, нахожу многихъ не лучше его. Напр. «онъ былъ искусной проповѣдникъ слова божія. Процвѣталъ въ 1598 году, но его проповѣди до насъ не дошли». Подобное въ житіяхъ св. отцовъ: «бѣ нѣкто Авва въ пустынѣ, пріиде къ нему нѣкій братъ и бесѣдова съ нимъ о спасеніи души. Богу нашему слава». Г. Д.

*) Сей Палѣй вывезенъ былъ преосвященнымъ въ прошломъ году изъ Кіева, по старому между ими знакомству, и жилъ при архіереѣ безъ всякой должности, кромѣ что иногда архіерей шучивалъ надъ нимъ - сколько можно шутить праву крутому и свирѣпому, слагая на имя его канты, и описывая въ оныхъ охоту его къ водкѣ и худое портное мастерство,--худыми кіево-малороссійскими стихами. Исторія его потому была архіерею извѣстна, что они были пріятельми въ кіевскомъ петропавловскомъ монастырѣ, ѣдали изъ одного горшка и пивали изъ одной бутылки. Очень ясно, что были старые артельщики. Г. Д.

іудеямъ воинскую команду распять Христа, умылъ руки въ доказательство своей невинности въ убивствѣ праведника.

Вскорѣ послѣ болѣзни, я предпринялъ выпрыгнуть изъ постели; но слабость не удержала меня на секунду на ногахъ, и я нѣсколько времени спустя имѣлъ нужду свалиться опять въ постелю. Потомъ, мало-по-малу укрѣпляясь, оздоровѣлъ такъ, какъ обыкновенно оздоравливаютъ больные. А преосвященный тѣмъ временемъ отправился, по указу святѣйшаго Сѵнода, въ Черниговъ, погребать тамошняго преосвященнаго Кирилла Ляшевецкаго († 14 мая).

По случаю прикосновенія къ матеріи о смерти сего преосвященнаго, разскажу я приключеніе, случившееся предъ его смертію, которое причинило, или по крайней мѣрѣ ускорило его кончину, и о которомъ слышалъ я отъ своего архіерея вотъ какъ:

Преосвященный черниговскій былъ нѣсколько времени боленъ. Потомъ болѣзнь прошла, оставалась одна слабость; почему онъ и не оставлялъ шолковаго, стеганаго шлафрока, по обыкновенію духовныхъ, съ двумя или тремя парами застежекъ.

Въ семъ-то роковомъ шлафрокѣ легъ онъ, будучи въ слабости, въ постель, въ вечернее время, раньше обыкновеннаго, и читая книгу заснулъ. Во время сна свѣча оплыла, обвалилась на подушку, часть постели мгновенно охватилась огнемъ, а преосвященный не пробуждается, къ чему уповательно причиною было и слабое его здоровье, требовавшее, натурально, послѣ болѣзни пріятнаго сна. Огонь коснулся шлафрока. Преосвященный почувствовалъ, что это не ванна. Онъ выскочилъ изъ постели, началъ рвать на себѣ горящій и всѣми застежками застегнутый шлафрокъ. Но гдѣ ни хватитъ руками, вездѣ находитъ огонь; а шлафрокъ, чѣмъ болѣ размахивается, тѣмъ скорѣе на воздухѣ охватывается огнемъ. Между тѣмъ, пока на отчаянной его крикъ сбѣжались усердные архіерейскіе служители, которые на ту пору, по обыкновенію монастырскому, заботились о томъ, какъ бы ѣсть, пить и спать исправно, и разорвали огненный шлафрокъ, преосвященный, не совершенно еще оправившійся отъ первой болѣзни, перепугался, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обгорѣлъ. Послѣ чего заболѣлъ вторично и — умеръ.

Кто хочетъ чтеніемъ заняться при свѣчи,
Тотъ берегись дремать, чтобъ не сгорѣть спючи.

Уже я дописался до того времени, въ которомъ кончится настоящее мое званіе и въ которомъ начнется будущее. До сихъ поръ былъ я пѣвчимъ съ кантатою *), былъ подьякомъ съ чиновникомъ **), маршаломъ съ пастырскимъ жезломъ, былъ въ ставленической конторѣ канцлеромъ, и собирая въ кружку деньги, былъ вѣрнымъ казначеемъ, съ помочью преподанной мнѣ отъ его преосвященства ариѳметики; былъ иногда у переписки поученій и другихъ рукописей; но теперь послѣдуетъ со мною такая важная эпоха, которою долженъ я начать.

§ XVI.

Новое достоинство.

Сего 1770-го г. августа въ 24-й день очень рано потребованъ я къ архіерею. Предсталъ я къ нему въ пол-лежащему на канапе и встрѣтившему меня сими священными словами: «слыши! приклони ухо твое, забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея», — (слова прор. и царя Давида), — потомъ продолжаетъ:

«Отъ давняго времяни намѣреніе мое было, сдѣлать тебя къ себѣ поближе. Прилежность и исправность твоя во всѣхъ возлагаемыхъ на тебя должностяхъ, и точное исполненіе всѣхъ моихъ приказаній, давно побуждаютъ меня отличить тебя отъ всѣхъ, находящихся въ моемъ домѣ. Отъ сего дня долженъ ты быть при мнѣ келейнымъ на мѣсто отринутаго за пьянство В.»

Услыша объявленіе, на священномъ языкѣ, жестокой для меня милости, остолбенѣлъ я, какъ Лотова жена. Зналъ я, что въ теченіе трехъ годовъ, девять келейныхъ бѣжали отъ святительскихъ его рукъ, вслѣдствіе чего и отвѣтъ мой состоялъ въ томъ, чтобъ его преосвященство оставилъ меня при прежней милости, а вновь бы къ ней ничего не прибавлялъ; ибо я отвѣчать за нея не въ силахъ по слабости моего здоровья и сложенія. Представлялъ я необыкновеніе мое и несклонность къ службѣ такого рода. Не пропустилъ, что природныя его преосвященства дарованія, просвѣщенныя наукою и зрѣніемъ иностранныхъ государствъ, требуютъ опытнаго человѣка. «Ты-то

*) Книга партесная, нотная. Г. Д.

**) Книга, по которой отправляютъ архіереи священнослуженіе. Г. Д.

и будешь у меня, прервалъ архіерей горькую мою рѣчь, такой келейный, какого я давно предполагалъ въ мысляхъ, если ты такъ обо мнѣ понимаешь». Я тысячу разъ на себя досадовалъ, что я самъ свое дѣло испортилъ своимъ объясненіемъ, досадовалъ, не понимая того, что своенравный сильный—всякое безсильнаго объясненіе можетъ обращать во свою пользу.

«Не тревожить-ли тебя то», спросилъ архіерей, какъ будто зная мои мысли, «что отъ меня 9 келейныхъ отошли нечестнымъ образомъ? Инако и быть не могло, продолжалъ онъ, ибо ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ ни ума, ни вѣрности, ни порядочнаго поведенія. А человѣкъ, неимѣющій совокупно сихъ трехъ квалитетовъ, ни въ какую благородную должность не годится. По крайней мѣрѣ, быть такому не при мнѣ. Напротивъ того, качества добрыя въ тебѣ я найти не сомнѣваюсь, а паче съ моимъ наставленіемъ. Сверхъ того, съ талантомъ твоего правильнаго письма, ты можешь быть при мнѣ кабинетнымъ секретаремъ; ты же знаешь,—примолвилъ онъ,—что прежніе мои служители назывались келейными только отъ моихъ подчиненныхъ, а отъ меня въ семъ достоинствѣ признаваемы не были».

Симъ послѣднимъ словомъ могъ я быть увѣренъ, что архіерейскіе келейники суть такое твореніе, которое должно быть возводимо на свою степень самими архіереями, посвящаемыми Сѵнодомъ, слѣдовательно такой келейный не дальше отъ сѵнодальнаго члена, какъ третье лицо.

Между тѣмъ, какъ чувствительность меня томитъ, неумолкавшій архіерей продолжаетъ: «Мое намѣренье выше и благороднѣе, нежели ты думать можешь: мое намѣренье, чтобъ различествовать мнѣ съ моимъ келейнымъ именемъ только и должностію, но душу имѣть съ нимъ одну». Много еще подобнаго говорено, чего ни припомнить нельзя, ни писать нѣтъ нужды; но что написано, то самая истина, изъясненная точными архіерейскими словами, такъ какъ и вездѣ, гдѣ только бываетъ онъ прикосновенъ къ моему перу, есть вѣрный списокъ и тонъ его слова.

Я долженъ признаться, что до тѣхъ поръ не весьма былъ добраго мнѣнія о характерѣ его сердца; ибо когда онъ смѣется, то смѣхъ его бывалъ самый ядовитый, съ сопровожденіемъ ругательства на весь свѣтъ, а не сангвинической. Когда онъ гово-

ритъ, то кричитъ съ написаннымъ на лицѣ его недоброхотствомъ и злобою ко всему человѣческому роду. Когда кому что даритъ, то съ бранью и съ упрекомъ, что принимающій того не стоитъ и проч.

Но выговоренныя въ теперешней авдіенціи съ сильнымъ увѣреніемъ, и съ важнымъ видомъ, послѣднія его слова, перемѣнили меня въ одну минуту. Они впечатлѣлись во мнѣ и произвели самое хорошее мнѣніе о справедливости и нѣжныхъ чувствованіяхъ преосвященнаго, или лучше сказать, неопытность моя ослѣпилась великолѣпными увѣреніями, не зная того, что нѣтъ ничего легче, какъ большому человѣку заставить маленькаго всему вѣрить, подобно какъ модному и бывалому въ свѣтѣ щеголю не трудно обмануть невинную дѣвку; вслѣдствіе чего, и бросился я преосвященному въ глубокомъ молчаніи въ ноги, по обыкновенію монастырскому, которое есть изъ главнѣйшихъ артикуловъ воспитанія въ оградѣ словеснаго стада. А онъ, поднявъ меня, благословилъ, поздравилъ и призналъ келейнымъ. Такимъ обрядомъ совершилось посвященіе мое въ новое достоинство, обязывавшее меня «имѣть съ архіереемъ одну душу, и быть при немъ кабинетнымъ секретаремъ».

Излишне было бы описывать подробно начало и продолженіе келейничихъ моихъ занятій; однако-жъ, чтобы не совсѣмъ объ нихъ умолчать, скажу хоть о такихъ, которыя мнѣ скорѣе въ мысль впадутъ.

Прежде всего сдѣлано мнѣ отъ преосвященнаго наставленіе наблюдать чистоту въ покояхъ, имѣть на своемъ трудѣ и отчетѣ гардеробъ и буфетъ; что и отправляемо было мною нѣсколько дней постоянно, въ продолженіе которыхъ я самъ собою былъ доволенъ и въ первый разъ узналъ на опытѣ извѣстное мнѣніе, что «порядокъ есть душа вещей». Но мое узнаніе на опытѣ владыко святый *) не замедлилъ въ пухъ разбить, о чемъ слѣдуетъ ниже.

Потребно вѣдать, что его преосвященство страстный былъ охотникъ до черныхъ работъ, кирпичъ и известь обжигать, и проч., почему имѣлъ обыкновеніе, вставая очень рано, забирать на оныя съ собою весь свой келейный штатъ, состоящій

*) Титулъ россійскихъ архіереевъ въ Малороссіи. Г. Д.

изъ дежурнаго, малаго пѣвчаго, изъ двухъ истопниковъ и нѣсколькихъ сторожей и дровосѣковъ, дабы они, по его словамъ, праздны дома не оставались; а посему, такъ какъ я оставался дома, то мнѣ одному настояла необходимость, сверхъ предписанныхъ мнѣ должностей, приниматься своеручно за метлы и щетки, за почистку столовыхъ ножей, подсвѣчниковъ, тазовъ и проч., не раздѣляя ни съ кѣмъ сей чести. За все сіе сперва совѣстился я приниматься, но видя, что всего сего требовалъ отъ меня архіерей безъ церемоніи, на силу опомнился, что мнѣ рокъ судилъ, безъ суда, попасться въ чорную работу. При всякомъ пріёмѣ за сіи работы, мечталось мнѣ какъ въ горячкѣ и звенѣло въ ушахъ: «помни, что ты имѣешь съ архіереемъ одну душу, и что ты теперь у него кабинетный секретарь».

Между тѣмъ, кабинетный секретарь и общая душа стѣсняли чувствительную иль слабую мою душу до глубокой унылости; ибо, хотя я родился и росъ въ бѣдности, однакожъ чувствовалъ въ высочайшей степени, что природа меня не сотворила рабомъ, и что сама она противится теперешнему моему жребію. Правило «молись и трудись» мнѣ было извѣстно, но я вѣрилъ ему не слѣпо. Я разумѣлъ, что оно принадлежитъ человѣку благородному, должностному, гражданину, и проч., а не рабу, или невольнику, стенящему подъ игомъ самонравія. Однакожъ, не выпуская изъ памяти архіерейскихъ, при принятіи меня, обнадеживаній, мечталъ я въ свое облегченіе (сіе называютъ, не знаю почему, надеждою, безъ которой, увѣряютъ насъ же называльщики, будто бы и жить нельзя), что неприличная и непринадлежащая мнѣ работа владыкѣ моему въ примѣтѣ, что не хочетъ ли онъ испытать мое терпѣніе и трудъ и что, наконецъ, прекращающая всѣ поземельныя работы зима, возвратитъ къ своимъ должностямъ весь архіерейской штатъ, и тѣмъ поставитъ меня на пьедесталъ кабинетнаго секретаря, имѣющаго съ архіереемъ одну душу. Но сія мечта была не что иное, какъ мечта.

Въ одинъ день послѣ полудня, когда я занимался около бѣлья, считая бѣлое и готовя въ мытье чорное, прибѣжалъ ко мнѣ архіерей запыхавшись, и въ зѣльной ярости оглушилъ меня громогласнымъ вопросомъ: «былъ ли ты сегодня въ церкви?» Я въ страхѣ и трепетѣ, противъ неожиданнаго грома, отвѣтство-

валъ, что былъ; «слышалъ ли евангеліе?» слышалъ! — Потомъ опомнился, что я лгу, ибо нельзя мнѣ было быть, во-первыхъ за недосугомъ, а во-вторыхъ потому, что и самъ архіерей, кромѣ посвященія ставлениковъ, никогда въ церковь не жаловалъ. Но его ярому преосвященству не было нужды ни во лжи моей, ни въ правдѣ, ни въ церкви, ни въ евангеліи. Онъ продолжаетъ въ жаркомъ гнѣвѣ: «въ церкви читано евангеліе: «идѣже есмь азъ, ту и слуга мой будетъ», а тебя цѣлый день нѣтъ при мнѣ, да еще и въ такую нужную пору, когда я самъ съ работниками изъ новостроющейся церкви вычищаю щепу».

Я, не дожидаясь болѣ, и радуясь что понялъ, къ чему клонился изреченный его преосвященствомъ съ толикою ревностію священный текстъ, поскакалъ въ новостроющуюся церковь, и очищалъ съ работниками на ряду щепу и всякой соръ, подъ собственнымъ надзираніемъ преосвященнаго; а вечеромъ, возвратясь въ покои, не ушолъ отъ жестокой брани за дневныя по покоямъ запущенія во время бытности моей на работѣ, равно и за оставленную на полу черноту, которая лежала до возвращенія нашего въ покои.

На завтра, на разсвѣтѣ, приказалъ подавать чай, но вмѣстѣ съ приказаніемъ схватилъ на себя теплые сапоги, полушубокъ, ухатую шапку, и ускакалъ подъ колокольню, гдѣ тогда планировали землю. А когда я пошелъ доложить, что чай готовъ, то на докладъ мой состоялась конфирмація, чтобъ я взялъ носилки и носилъ съ прочими работниками землю; во исполненіе которой, и трудился я цѣлое утро въ потѣ лица за грѣхъ праотца Адама. Прочее время проходило въ подобныхъ упражненіяхъ, дающихъ мнѣ преимущество имѣть съ архіереемъ одну душу. Сверхъ того, казнилъ онъ меня всякой день бранью за то, что у меня волосы становились малы. Я приносилъ оправданіе, что причиною тому недавно прошедшая горячка, и что посему они еще меньше станутъ, или и совсѣмъ вылезутъ. Но мое оправданіе отвергаемо было съ пущею бранью, отъ которой я во искушеніи уже былъ суевѣрить, не заключали-ль въ себѣ и мои волосы такъ, какъ Сампсоновы, какой-нибудь тайны?

Но мое подозрѣніе было основательнѣе, когда я началъ замѣчать, не тронулся ли преосвященный въ умѣ, или не имѣетъ ли отъ природы нѣкотораго степени сего несчастія. И въ самомъ дѣлѣ,

когда я не былъ къ нему такъ близокъ, то странная его натура не столько мнѣ была подозрительна. Я сообщилъ мое подозрѣніе выше-упомянутому мною К. Вышеславцеву.

«Ты этимъ не шути, отвѣчалъ онъ мнѣ. Я помню, продолжалъ Вышеславцевъ, когда покойный преосвященный новгородскій Димитрій Сѣченовъ назначилъ его на проповѣдь, то онъ надъ сочиненіемъ оной съ ума сошолъ и былъ долго боленъ» *).

Хотя такая вѣсть меня еще не удостовѣрила, однако, приложа къ ней образъ архіерейскаго поведенія, она увеличила мое подозрѣніе.

Вскорѣ за симъ услышалъ я (не подавая уже повода къ сей матеріи), города Путивля отъ священника Стефана, бывшаго прежде при архіереѣ служителемъ, что преосвященный часто бываетъ сердитъ въ безпамятствѣ, и часто говоритъ безъ надобности и понятія, подобно лунатику. Отецъ Степанъ былъ постарше меня вдвое. Онъ примѣтя, что я ничего ему не отвѣчаю, продолжалъ: «я вижу, что ты мнѣ не вѣришь! посмотри же, какъ архіерей одинъ будетъ въ кельи во время новомѣсячія, и прислушай! Ты увидишь, что я тебѣ не солгалъ».

§ XVII.

Новомѣсячіе.

Преосвященный избавилъ меня отъ терпѣнія. Въ первое новомѣсячіе примѣтилъ я, что онъ сердитѣе и задумчивѣе обыкновеннаго, и чаще началъ меня бранить за умаленіе волось. Я уже не думалъ болѣ и примѣчать, какъ, сверхъ моего недуманья, случилось мнѣ, будучи въ буфетѣ, услышать разговоръ, происходившій въ гостиной. Зная, что нѣтъ никого съ архіереемъ, вскочило мнѣ на умъ новомѣсячіе, вслѣдствіе чего взялся я, по наставленію отца Стефана, посмотрѣть и прислушать. Изъ темнаго буфета, сквозь стеклянныя и недотворенныя двери, виднѣе и слышнѣе мнѣ было, нежели изъ-за кулисъ, и абіе очи мои узрѣша и уши услышаша сицевая:

Архіерей, ходя по гостиной горницѣ, то съ важностію, то съ скоростію, говорилъ нѣсколько тихо; потомъ, остановившись вдругъ, крикнулъ:

*) Онъ тогда былъ іеромонахомъ и учителемъ въ новгородской семинаріи Синтаксическаго класса. Г. Д.

Я принцъ-архіерей, я не такой лапотникъ, какъ другіе русскіе архіереи. Я былъ на театрѣ свѣта, меня учить никто не въ состояніи! Пріидите—истяжемся, сице глаголетъ сѣвскій архіерей.» Много еще было подобнаго въ сей рѣчи, въ которую вмѣшивалъ его свѣтлость и священные тексты. Потомъ, слышны были имена звѣрей, скотовъ, плавающихъ, пресмыкающихся и насѣкомыхъ, какъ-то: медвѣдей, лосей, слоновъ, лошадей, коровъ, лягушекъ, сверчковъ, мухъ.

Я очень былъ увѣренъ, что сей разговоръ не есть чтеніе Аристотеля, который, какъ я слыхалъ отъ ученыхъ, писалъ о естествѣ животныхъ. Наконецъ вотъ развязка: его княжеское преосвященство именами вышесказанныхъ тварей называлъ тѣхъ персонъ, которыхъ онъ, ходя и бѣгая по горницѣ, бранилъ, и изъ которыхъ мнѣ многія извѣстны были по именамъ, а особливо сунодальные члены и другіе архіереи.

Тутъ уже я увѣрился о сказанномъ мнѣ отъ Вышеславцева, отъ патера Стефана и о своемъ подозрѣніи, но купно и потерялъ съ симъ остатокъ надежды къ лучшей когда-либо жизни; ибо, что можетъ быть бѣдственнѣе въ жизни, какъ служить начальству и пастырю, который увѣренъ о себѣ, что онъ умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, и долженъ быть выше и блистательнѣе всѣхъ на свѣтѣ! Уже я пересталъ думать о достоинствѣ кабинетнаго секретаря и объ одной въ двухъ тѣлесахъ душѣ, какъ въ одну ночь преосвященный, проснувшись, кликнулъ меня, лежа въ постели. А когда я въ темнотѣ подошелъ для принятія приказа, то онъ спросилъ меня:

«Хочешь ли ты жениться?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

«Когда хочешь, то вотъ тебѣ невѣста, которая живетъ у сестры. Она мнѣ доводится своя. Ну, когда хочешь, такъ женись».

— Нѣтъ, не хочу, отвѣтствовалъ я.

«Да для чегожъ?»

— Мнѣ еще рано жениться.

«Ну поди», заключилъ архіерей темную нашу авдіенцію.

Я зналъ эту толстую дѣвку. Она иногда прихаживала ко мнѣ въ постные дни за рыбою для архіерейской матери и сестры. Она еще не имѣла 26-ти лѣтъ, и была одна изъ находившихся

при архіерейской сестрѣ бѣдныхъ ея сродницъ, отправлявшихъ у нея должность прачекъ и служительницъ.

Возлегши на мою постелю, далъ я свободу своему разсудку руководствовать мною, какъ онъ хочетъ. Съ помощію его, толконулся я ко внутреннимъ моимъ движеніямъ, и не нашелъ въ нихъ ни пылинки согласія съ архіерейскимъ предложеніемъ. Разсудокъ говорилъ мнѣ: «ты еще молодъ, ты долженъ о себѣ мыслить и промышлять, сколь можно лучше. Предложеніе тебѣ архіерейское есть доказательствомъ, что онъ тобою не дорожитъ, а если онъ предлагаетъ тебѣ изъ доброхотства, то посуди, что должно думать о его смыслѣ?» — Словомъ: сей путеводитель, надѣлавши много вопросовъ, отвѣтовъ, задачъ, разрѣшеній, одобрилъ превосходно мое заключеніе, что я отказался отъ чести свойства съ принцемъ-архіереемъ и его новомѣсячіемъ.

Я, поблагодаря моего наставника, уснулъ и спалъ такъ, какъ всѣ спятъ молодые люди, съ тѣмъ только изъятіемъ, что мнѣ ложась послѣ архіерея, и вставая прежде его, не оставалось въ сутки болѣ $4^1/_2$ часовъ на успокоеніе. Природа же съ настоящею моею участью столь не соглашалась, что я не возроптал бы на время, если бы оно мнѣ позволило выспать 10 часовъ съ ряду. А если владыко нашъ, въ теченіе дня найдетъ кого спящимъ, то тотчасъ подпимаетъ изо всей мочи крикъ и бросается искать палки, если ее на ту пору въ рукахъ не случится. Пробужденный симъ обрядомъ, спрашивай сколько хочешь: что прикажете? что надобно? ничего не услышишь, кромѣ брани, крика, ругательства; и тѣмъ кончится вся церемонія, хотя-бъ это было и не въ новомѣсячіе.

Въ наступившее утро никакихъ изъ нашей ночной матеріи не видно было слѣдовъ; но за обѣдомъ преосвященный далъ знать, что онъ предлагалъ мнѣ о женитьбѣ не спросонья, ибо когда поставили на столъ плоды, то онъ, схвативши яблоко, бросилъ его въ меня изо всей силы такъ, что креслы его на аршинъ откатились съ нимъ назадъ, напоминая вмѣстѣ съ замахомъ ночныя мои слова: «тебѣ еще рано жениться», и когда бы я не уклонился въ сторону, то лобъ мой не остался бы безъ контузіи. А у его преосвященства такой обычай, что когда разъ не попадалъ, то въ другой разъ тогда же не повторялъ, до-

вольствуясь первымъ импетомъ *), каковъ бы онаго успѣхъ ни былъ, а сія благотворительная въ мудреной природѣ черта показывала, какъ будто онъ опомнивался, что сдѣлалъ ужъ слишкомъ много.

Всѣмъ, сидящимъ за столомъ **), непонятна была наша роль, однакожъ никто не смѣлъ вопросити объ открытіи таинства, въ ней заключающагося.

Но какъ я послѣ стола и по отшествіи архіерея открылъ ся родникъ всѣмъ желавшимъ нетерпѣливо его знать, то всѣ меня поздравили непрерывнымъ на мой счетъ смѣхомъ. Мнѣ однакожъ было не до смѣха. Примѣчанія достойно, что самый робкій человѣкъ дѣлается отважнымъ, когда доводятъ его до крайности. Я смекнулъ дѣломъ, и пошолъ тотчасъ къ архіерею.

Онъ, сѣдя въ спальнѣ на постелѣ, стригъ маленькую собачку, приговаривая къ ней по-французски, и взглянувъ на меня сказалъ: «это значитъ: бархатныя лапы», а я отвѣтствовалъ: «нижайше прошу ваше преосвященство уволить меня отъ теперешней должности къ прежней». Онъ бросилъ ножницы на одѣяло, вздернулъ носомъ къ верху, покраснѣлъ, собачка соскочила, все это сдѣлалось въ одинъ моментъ.

Вопросъ: Что тебя къ этому побудило?

Отвѣтъ: Тѣ же самыя причины, которыя я, и при принятіи меня, представлялъ вашему преосвященству. Я не сроденъ къ такой должности, какую теперь имѣю...

«То-есть, ты не хочешь», сказалъ архіерей, и не давши мнѣ на то отвѣчать, примолвилъ священный текстъ: «маловѣре! почто усумнился еси?» Потомъ, помолчавши нѣсколько секундъ, скочилъ, какъ уколотый булавкой, вбѣжалъ въ кладовую, которая граничила со спальнею, — и началъ оттуда чрезъ порогъ бросать на помостъ цѣлыя выдѣланныя лисицы ***).

*) Латинское слово impetus — нападеніе, ударъ.

**) Съ нимъ тогда обѣдали братъ его, кіевской академіи студентъ, и инспекторъ брата Трипольскій, партикулярный еще учитель семинаріи, Сидорскій и членъ консисторіи Рудаковскій. Г. Д.

***) Лисица живая или мертвая, есть та, которая съ мясомъ, и еще неободрана. Мѣхомъ лисьимъ называется много подобранныхъ и сшитыхъ лисицъ въ одно мѣсто. А какъ назвать должно однимъ словомъ содраную съ лисицы кожу съ волосомъ, и выработанную для раздѣленія ее на лисьи мѣхи, того я въ россійскомъ академическомъ словарѣ не нашелъ. Можетъ быть, не въ томъ мѣстѣ искалъ, гдѣ надобно искать. Г. Д.

Набросавши дюжины съ полторы: «вотъ возьми»—сказалъ, «сдѣлай себѣ шубу, а чего не достанетъ, тогда скажи. Сукна на покрышку можешь самъ купить». Я желалъ разумѣть, что онъ мнѣ ввѣряетъ только выборъ сукна, но то разумѣлось, противъ моего желанія, чтобы я и деньги свои употребилъ, ибо онъ примолвилъ: «Деньги имѣешь». Итакъ, двое мы съ преосвященнымъ соорудили одну шубу, которая явилась въ міръ въ достоинствѣ мирнаго нашего трактата, и которую получилъ я вмѣсто отпуска, благодаря сватовства и новомѣсячія.

Въ сіе время—въ сентябрѣ—проѣзжалъ изъ Петербурга на митрополію кіевскую, митрополитъ Гавріилъ Кременецкій, бывшій с.-петербургскій архіепископъ. Онъ угощаемъ былъ у нашего преосвященнаго, и у сѣвскаго воеводы Пустошкина. Погостивши на семъ перепутьи дни съ три, выѣхалъ изъ Сѣвска въ Гамалевскій, епархіи своей, монастырь, созданный въ лѣсу гетманомъ Скоропадскимъ, гдѣ и прожилъ болѣе года, по причинѣ свирѣпствовавшей тогда въ Кіевѣ заразы, увѣренъ будучи, что для него нужнѣе всего отъ чумы предосторожность, а для кіевскихъ жителей молитвы его могутъ и издали дойти.

По первому зимнему пути запросилъ преосвященнаго въ гости дѣйствительный камеръ-геръ Михайло Ивановичъ Сафоновъ, въ домъ его, состоящій Путивльскаго уѣзда въ слободѣ Тернахъ, которая пожалована ему отъ императрицы Елисаветы Петровны при крещеніи ею сына его, и которая разстояніемъ отъ Сѣвска верстъ на полтораста.

§ XVIII.

Гостепріимство.

Камеръ-геръ встрѣтилъ преосвященнаго на крыльцѣ. Тогда сдѣлалась мокрая съ холодомъ непогодь; вслѣдствіе чего преосвященный и возгласилъ камеръ-геру при первой встрѣчѣ, что хотя время и не хорошо, однакожъ въ эту пору года и въ лучшихъ климатахъ бываетъ худо.

По входѣ въ залъ, хозяинъ сдѣлалъ гостю наиучтивѣйшее привѣтствіе, ловкія и ласковыя его слова давали въ немъ знать человѣка придворнаго *); тогда было три часа пополудни, и ку-

*) Онъ былъ женатъ на придворной же, рожденной графинѣ Гендриковой и былъ вдовъ, имѣлъ пьянаго сына и двухъ дочерей прекрасныхъ. Г. Д.

шанье было уже на столѣ; не тратя времени, хозяинъ сказалъ: «пора кушать, ваше преосвященство».

Съ началомъ стола, загремѣла вокальная и инструментальная музыка. Музыканты одѣты были чисто, пѣвцы въ бѣломъ одѣяніи, и большею частію похожи были то на мопсовъ, то на борзыхъ; брюнетки были какъ мухи въ сметанѣ, а блондинки, какъ сыръ въ молокѣ,—иной бы подумалъ, что это сдѣлано въ угодность ревнивой женѣ, если-бы камеръ-геръ не былъ вдовъ. Они начали концертомъ, кладки г-на Рачинскаго*) «Радуйтеся Богу помощнику нашему», играли и пѣли прекрасно. Я слушалъ и зѣвалъ съ восхищеніемъ, потому что зрѣлище сіе было для меня еще новое въ такомъ совершенствѣ. Слуги услуживали проворно, а господа за кушаньемъ не уступали имъ въ проворствѣ. Хозяинъ былъ веселъ и привѣтливъ. Все шло своимъ чередомъ, и всѣ, казалось, готовы были продолжать веселости, какъ владыка нашъ, повернувшись къ своему дежурному малому пѣвчему, стоявшему за нимъ съ тарелкою, крикнулъ-гаркнулъ, громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ:

«— Посмотри, скотъ! какой малой»—указывая на одного изъ музыкантовъ—«да какъ хорошо на скрыпкѣ играетъ, а ты съ вора выросъ и ничего не умѣешь! Становись на колѣни!»

Малой грянулъ на колѣни. Я съ горестію потерялъ желаніе видѣть его преосвященство порядочнымъ въ такомъ домѣ, гдѣ каждому пріятно было веселиться. Я сердился на новомѣсячіе. Всѣ на это странное явленіе обратили глаза. Архимандритъ Карпинскій покраснѣлъ. Хозяинъ отворотился къ оркестру, видя, что гость имѣлъ дерзновеніе домъ его сдѣлать публичнымъ мѣстомъ наказанія, во время обѣденнаго стола. Каждый почувствовалъ непріятное въ себѣ движеніе. Одинъ только преосвященный продолжалъ спокойно обѣдъ, и всталъ изъ-за стола въ одну пору съ осужденнымъ.

Въ послѣдующіе два дни видѣли мы домовую церковь, довольно хорошо украшенную, хотя деревянную, конюшню, манежъ; были зрителями одного театральнаго представленія и натуральнаго въ горѣ погреба, гдѣ ставилось и хранилось вино собствен-

*) Славный капельмейстеръ, при музыкѣ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Мнѣ случилось послѣ видѣть его въ Новгородѣ-сѣверскомъ. Мужъ, на лицѣ котораго ознаменовано наичувствительнѣйшее сердце. Г. Д.

наго винограда. Я видѣлъ въ залѣ картину дома, въ которомъ родился великій Петръ. Наружныхъ лѣстницъ много; окны квадратныя, во вкусѣ русской простоты; подъ рисункомъ написаны стихи Александра Сумарокова:

Къ россійской области въ семъ домѣ рокъ былъ щедръ.
Дохнулъ отъ небеси небесный россамъ вѣтръ.
Природа извела сокровище изъ нѣдръ:
Въ семъ домѣ родился, великій россамъ Петръ!

Преосвященный во всю нашу бытность, препровождаемую кушаньемъ, десертомъ, закусками, музыкою и ласковымъ хозяйскимъ пріемомъ, былъ очень недоволенъ, что такое гостепріимство связано съ порядкомъ, связывающимъ у него руки, ноги и языкъ.

На четвертый день, позавтракавши, отъѣхали домой. По пути заѣхали въ путивльскій Молчанскій монастырь, гдѣ приняты были игуменомъ Мануиломъ Левицкимъ и угощены. Подъ образомъ и подъ именемъ «благочинія» забавлялись осмотромъ церкви и церковныхъ утварей. Въ одной,—помнится воскресенской,—церкви, показали преосвященному большой молитвенникъ въ листъ, въ переплетѣ подъ бѣлымъ пергаментомъ, въ позолоченномъ обрѣзѣ. Очень новъ и чистъ. Повидимому, его хранили, какъ рѣдкость. При началѣ книги, на первомъ бѣломъ листѣ, написанъ рукою вкладчика стихъ стариннымъ малороссійскимъ, смѣшаннымъ съ польскимъ языкомъ, тако:

«Гды будешъ по сей кнызѣ благаго благаты,
Не рачь, молю, и мене въ увъ часъ забуваты!»

Писано твердымъ и, по тогдашнему времени не худымъ малороссійскимъ почеркомъ, и подписано: «Иванъ Мазепа, полковый асаулъ».

Преосвященный взялъ его въ свою библіотеку, которая потомъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ и съ молитвенникомъ умерла. А если-бы любостяжательность іерарха не тронула сей вещи съ своего мѣста, она бы и теперь и на будущія времена служила для церкви памятникомъ тѣхъ извѣстныхъ*) по исторіи временъ, въ которыя жилъ вкладчикъ, бывшій потомъ гетманъ Мазепа, и кончившій жизнь свою вмѣстѣ съ измѣною Петру Великому, во время войны противъ Карла XII, короля шведскаго.

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «знаменитыхъ». М. С.

Многіе путивльскіе купцы, которые были побогаче другихъ. удостоены архипастырскаго посѣщенія, гдѣ обыкновенно, при воплѣ вокальной архіерейской музыки, пили и ѣли чрезъ цѣлой день, а въ монастырь къ игумну возвращалися спать.

Хозяинъ нашъ былъ человѣкъ бывалой, видалой и доброй. Въ младолѣтствѣ своемъ находился онъ при кіевскомъ митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ, дворецкимъ и въ управленіи деревень; слѣдственно старинный архіерейскій солдатъ и знатокъ всѣхъ по части духовной обрядовъ и подробностей. Онъ находилъ удовольствіе заслуживать любовь и доброе о себѣ мнѣніе у знатныхъ духовныхъ лицъ и имѣлъ непорочное любочестіе, кому можно тѣмъ хвалиться. Чему всегдашнимъ у него доказательствомъ была книга въ переплетѣ съ подлинными къ нему письмами отъ преосвященнаго митрополита московскаго Тимоѳея Щербацкаго, Тихона епископа воронежскаго, бывшаго сѣвскаго и другихъ духовныхъ властей.

Сіи письма, хотя не заключали важной въ себѣ матеріи, но поелику писаны особами, посвятившими себя словеснымъ наукамъ и регулярной жизни, то и не была въ нихъ потеряна граматическая правильность, риторическая пріятность, и иногда дружескія, благопристойныя и остроумныя шутки. Все сіе было для меня полезнымъ навыкомъ, а паче въ такія времена, когда рѣдко гдѣ умѣли правильно мыслить и говорить, кромѣ академиковъ, которые питаются очень жирно и не приносятъ государству пользы ни на булавочную головку, кромѣ задачъ праздностью порожденныхъ.

По выѣздѣ изъ Путивля, заѣхали на пути, въ селѣ Есманѣ къ священнику отцу Ивану Лѣвицкому, кіевской епархіи. На ту же самую пору случилось туда же заѣхать одному изъ малороссіянъ, котораго попъ-хозяинъ поименовалъ намъ полковникомъ Гриневымъ.

Лишь только сей Гриневъ сошолся съ нашимъ архіереемъ, то вдругъ невѣдомо изъ чего начались у нихъ диспуты философическіе, ѳеологическіе, физическіе, метафизическіе, астрономическіе, астрологическіе, мизантропическіе, филантропическіе и проч. Они бросалися изъ матеріи въ матерію, другъ противъ друга кричали, утверждали, опровергали, важничали, смѣялись, сердились, хохотали, садились, вставали, ходили, бѣгали,—крику полны горницы,

а дѣла ничего. Двадцать часовъ съ лишкомъ у меня изъ рукъ невыходилъ подносъ — съ рюмками, стаканами, чашками безъ кушанья, въ спорахъ при попойкѣ, а конца ничему не было видно. Уже я лишался силъ, хотя подвигъ сей былъ уже для меня и не новой, какъ къ счастію моему и ихъ, они поссорились.

Гриневъ бросился въ свой покой, архіерей, возсѣвъ на лавку, не могъ уже встать, завалился за столъ и заснулъ. Проснувшись, незаботились другъ съ другомъ видѣться и спросить о здоровьѣ. Они разъѣхались по домамъ, оставя споръ свой рѣшить академикамъ, которымъ нѣтъ лучшаго дѣла.

Вышеупомянутый игуменъ Мануилъ вскорѣ послѣ сего, будучи въ Сѣвскѣ череднымъ консисторскимъ членомъ, сообщилъ мнѣ, что отъ камеръ-гера Сафонова приготовлены были для архіерея, въ бытность его въ Тернахъ, многіе подарки, состоящіе въ лошадяхъ, коврахъ, коляскѣ, салфеточныхъ и скатертныхъ полотнахъ и прочихъ своего завода и работы вещахъ, кои работаются у него съ отличнымъ искуствомъ. «Но все сіе, говорилъ игуменъ, оставлено, когда увидѣлъ Сафоновъ, что онъ у себя, вмѣсто архіерея и вояжира, угощаетъ бурлака, который тѣмъ опаснѣе, что знаетъ языки и во многомъ свѣдущъ».

Таковъ онъ былъ и тогда, когда ему было за пятьдесятъ лѣтъ. Мы съ сожалѣніемъ соглашались съ Левицкимъ въ томъ, что нельзя ему исправиться, будучи на степени великаго начальства, если онъ въ молодости, въ бѣдности и подчиненности былъ таковъ же *).

Еслибы я исторію мою наполнилъ важнѣйшими или достойнѣйшими любопытства описаніями, то не имѣла бы она исторической истины. Природа не сотворила меня лгать и любить ложь, почему миѳологію, метафизику, астрологію, кабалистику и романсы безъ нравственности почитаю и для себя мертвыми, и себя для нихъ мертвымъ. Я люблю говорить то, что понятно, и люблю слушать то, что ясно и полезно. Для меня понятно, напримѣръ, возстановить и утвердить порядокъ правленія, но не на мой вкусъ: «поставить зданіе на незыблемыхъ столпахъ политическихъ». Я могу написать: изнеможеніе или остатокъ законной силы и власти, но никогда не напишу: «единая тѣнь ко-

*) Все, напечатанное здѣсь съ новой строки, въ подлинникѣ зачеркнуто. М. С.

лоссальнаго могущества». Я могу написать: паденіе государства и его законовъ, но не напишу: «потеря тяжести, равновѣсія политическихъ постановленій». Кто такъ пишетъ, тотъ моей своеобычливости кажется такимъ аптекарямъ, которой въ одной ступѣ толчетъ исторію съ механикой.

Я могу говорить: французы уклонились отъ порядка, истины, должности, но не скажу, что: «французы уклонилися отъ знаменъ философіи». Я могу говорить, что духовенство произвело бы споры за вѣру, проклятіи и казни, но не скажу: «что духовенство зажгло бы религіозную войну». Я разумѣю значеніе: отвратительнаго самолюбія, но гнушаюсь «гнуснымъ егоизьмомъ». Мнѣ понятно: изступленіе народа во время всеобщаго мятежа, но отвратителенъ «ентузіазьмъ народа въ сію епоху революціонной бури». Мнѣ понятно: французы, зараженные изступленіемъ своихъ соотечественниковъ, но смѣшно: «наелектризованные сообщительнымъ ентузіазьмомъ французскихъ патріотовъ». Я разумѣю: ужасное смятеніе народа въ такомъ уже было степени, что всякая преграда благоразумія — безсильна была отвратить его, но стыжусь разумѣть: «рѣка революціонная, которой берега низко опущены, разливалась съ такою быстротою, что уносила съ собою всѣ оплоты, которыми хотѣли поздно удержать ее». Ежели все къ чему нибудь годится, то сей куплетъ хорошъ для образца какъ должно соединять исторію съ навигаціею и землетрясеніемъ *).

Нѣтъ никакого таинства, что кровожаждущему Робеспьеру отрублена голова на ешафотѣ, 9-го термидора, при радостномъ рукоплесканіи всего народа. Но не кстати **) загадка: «Глухой ревъ, которой бываетъ предтечею бури, возвѣстилъ ея приближеніе. 8-го термидора громъ загремѣлъ, а 9-го термидора ударъ совершился». Стрѣльцы, физики и канонеры говорятъ, что прежде совершается ударъ, а послѣ ударитъ громъ ***); у нашихъ ораторовъ напротивъ. Пусть такъ пишетъ современникъ мой Сегюръ: онъ человѣкъ государственный. Пусть такъ переводитъ соотечественникъ мой Измайловъ: онъ умѣетъ говорить по-французски и я люблю читать его Евгенія Лукича, представляющаго

*) Весь этотъ періодъ въ подлинникѣ зачеркнутъ. М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго «непонятна». М. С.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «громъ гремитъ». М. С.

не «Картину», по истинную исторію. Я люблю собственный тонъ моихъ родовитыхъ предковъ, кои переводили, напримѣръ, троянскую исторію, писали царственную книгу царя Ивана Васильевича, не исключая и чудесъ, безъ которыхъ въ тѣ времена нельзя было обойтися. Люблю «Древнюю Россійскую Вивліоѳику» и еще, если угодно, люблю «Жизнь Никона патріарха», которой не былъ умнѣе моего архіерея. А келейникъ его Шушеринъ, которой писалъ его жизнь, былъ тоже что и я, съ тою только разницею, что онъ писалъ жизнь своего патріарха съ примѣсомъ къ ней чудесъ, а я пишу дѣянія моего принца-архіерея безъ прибавки къ нимъ посторонних чудесъ.

§ XIX.

Новый годъ 1771.

Въ новой годъ съѣхались въ домовую архіерейскую церковь къ обѣдни всѣ штатскіе чиновники и гражданство, а послѣ обѣдни были у преосвященнаго съ поздравленіемъ. Я для того новымъ годомъ начинаю, чтобы привязать къ нему слѣдующую, нашего покроя, повѣсть:

Всѣ архіереи имѣютъ обыкновеніе принимать въ новой годъ поздравительныя рѣчи отъ находящихся при нихъ ученыхъ людей и отъ учащагося юношества. Въ соблюденіе сего обыкновенія и нашему преосвященному были таковыя говорены, послѣ обѣдни, въ большомъ залѣ, при вышесказанной публикѣ, Кіевской академіи слушателемъ богословіи студентомъ Иваномъ Трипольскимъ, который былъ при братѣ архіерейскомъ инспекторомъ, студентомъ Василіемъ Садорскимъ, который обучалъ малыхъ пѣвчихъ латинскаго языка, и нѣсколькими учениками. Но какъ между симъ дошло, по очереди, говорить архіерейскому брату*), то онъ, сказавши нѣсколько словъ, пришелъ въ замѣшательство и остановился на сихъ словахъ: «ваши святые подвиги», стараясь возбудить свою память повторилъ снова: «ваши святые подвиги». Боряся съ смятеніемъ, которое сильно имъ овладѣло, лишь началъ говорить въ третій разъ: «ваши святые подвиги», какъ вдругъ архіерей крикнулъ изо всей силы: «а ваши какіе?» Вся публика, не исключая и самыхъ стариковъ-купцовъ, не удер-

*) Петръ Флоринскій. Ему тогда былъ 18-й годъ отъ роду. Г. Д.

жалась отъ смѣха. А архіерей подъ это продолжалъ проповѣдническимъ громкимъ голосомъ: «и ты скотина, и тотъ асіолъ, кто тебя училъ. Поди корова ѣжь сѣно, видно, ты не за свое принялся дѣло».

Такимъ образомъ братъ брата поздравя съ праздникомъ, увеселили публику больше, нежели всѣ риторическія *) студентскія привѣтствія. Однакожъ инспекторъ Трипольскій, будучи человѣкъ чувствительный, или малодушный, не выдержалъ публичной брани. Онъ бросился въ свой покой и тамъ, взвалясь на постель, питалъ цѣлой день глубокую задумчивость, безъ пищи и питія. Я, сжалясь надъ его чувствительностію **), ослабилъ къ вечеру страданія души его нѣсколькими рюмками вина и кускомъ жареной телятины. Онъ мнѣ былъ благодаренъ и сказалъ: «ты лутче умѣешь утѣшать, нежели мой ученикъ говорить поздравительныя рѣчи».

Между тѣмъ бывалъ я иногда у вышесказаннаго консисторскаго члена Иринарха Рудановскаго. Онъ тѣмъ союзнѣе началъ со мной жить, что я, со вступленія моего въ новую должность, не управлялъ уже по конторѣ ставленическими дѣлами, почему всѣ мнѣ перестали завидовать, а стали бояться и искать моей дружбы, не для того, чтобы кто ею дорожилъ, и не для того, что я имѣю иногда честь тазы чистить, но для того, чтобъ я, по обыкновенію архіерейскихъ ѳаворитовъ, не наушничалъ архіерею на виновныхъ и невинныхъ.

Къ намъ присталъ въ союзъ вышесказанный учитель латинскаго языка Садорскій, который вкрался къ Рудановскому въ полную дружбу, а на похвалу меня истощалъ краснорѣчіе всѣхъ латинскихъ авторовъ. Онъ, при всякомъ свиданьи, находилъ во мнѣ новое достоинство, коимъ имѣлъ охоту занимать свой панегирической языкъ. Иринарха онъ обыкновенно называлъ «отцомъ», а меня—«братомъ и другомъ». Теперь понятна вся наша родословная. Я иногда говорилъ ему, что онъ небрежно льститъ; но онъ умѣлъ насъ обоихъ увѣрить, что онъ говоритъ отъ чистаго сердца, безъ лести, почему и были иногда разговоры наши о преосвященномъ общи и откровенны, которые хотя ничего въ себѣ, кромѣ правды, не заключали, однакожъ, правду-матку ска-

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «церемоніальныя». М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «слабостію». М. С.

зать*) тѣмъ нарушается всеобщій порядокъ правленія, если подчиненные присвоиваютъ себѣ право говорить о начальникахъ худо**). Мнѣ эта политическая логика тогда была незнакома; напротивъ чувствовалъ я нѣкоторое облегченіе, когда говорилъ съ человѣкомъ, охотно со мною, какъ казалось, раздѣлявшимъ мою горесть.

Въ прибавку къ такому облегченію, показалъ я Рудановскому письмо, писанное преосвященному отъ сvнодскаго оберъ-секретаря Остолопова. Оно было отвѣтное на то, которымъ преосвященный изъяснялъ сдѣланную ему сvнодомъ несправедливость, когда многіе архіереи, будучи, по его мнѣнію, ниже его во всемъ, переведены на высшія, или на лутчія епархіи, а онъ позабытъ или обойденъ. Остолоповъ отвѣтствовалъ ему: что «я хотя истинный вашему преосвященству другъ, но мое по сvноду дѣло секретарское, почему и услужить вамъ, въ разсужденіи перемѣщенія, былъ не въ правѣ, да и впредь увѣрять не осмѣливаюсь» и проч. Письмо сіе увѣрило насъ, что намъ не остается надежды сбыть съ рукъ святаго владыку и избавиться отъ его архипастырскаго ига. Сіе самое и было побужденіемъ къ показанію мною Остолопова письма Рудановскому.

Въ зрѣлыхъ уже моихъ лѣтахъ, я самъ чувствую ошибки юныхъ моихъ лѣтъ, но нахожу неоспоримою истиною то, что и самаго опытнаго, пожилого можно испортить, если всегда его обижать.

Рудановскій вскорѣ послалъ въ сvнодъ прошеніе о переводѣ его на житье въ который-нибудь изъ малороссійскихъ монастырей. Вскорѣ послѣдовалъ желаемой указъ съ помочью брата его, сvнодскаго секретаря Григорія Ивановича Рудановскаго, вслѣдствіе чего и отбылъ онъ—подъ шумомъ громогласнаго ругательства нашего архипастыря—къ епархіальному своему архіерею, кіевскому митрополиту, имѣвшему тогда пребываніе свое, какъ выше сказано, въ Гамалѣевскомъ монастырѣ.

Теперь, по всѣмъ правамъ тогдашняго моего легковѣрія,

---

*) Эти три слова въ подлинникѣ зачеркнуты. М. С.

**) Можетъ быть кто вопроситъ: «когда ты можешь такъ разсуждать, такъ для чего же ты теперь пишешь о другихъ, забывая скромность?»

Отвѣтъ: «для того, что я теперь нахожусь въ качествѣ историка, который, по званію своему, долженъ трудъ свой украшать правдою, такъ какъ піитъ—ложью, ораторъ—празднословіемъ». Г. Д.

надлежало мнѣ играть съ Садорскимъ дуетъ; но онъ разсудилъ съиграть соло, какъ слѣдуетъ ниже:

Во единъ отъ дней примѣтилъ я, что архіерей мой пришелъ съ работы изъ рощи, весьма съ задумчивымъ лицемъ, которое мнѣ было тѣмъ замѣчательнѣе, что тогда не было новомѣсячія. Мое примѣчаніе увеличилось, когда я узналъ, что онъ, противъ обыкновенія, цѣлой день въ рощѣ пробылъ безъ работы, ходя и разговаривая съ Садорскимъ наединѣ, отославъ отъ себя даже и дежурнаго малого, котораго должность была ходить всегда за нимъ и который о семъ меня увѣдомилъ. Сіе увѣдомленіе просвѣтило меня, что Садорскій снялъ съ себя маску сыновства и дружбы и явился въ своемъ природномъ видѣ. Подозрѣніе мое было справедливо.

По утру архіерей натощакъ, когда я къ нему явился по должности, сѣлъ въ кресла и потирая рукою то чело, то бороду, при томъ краснѣя и чмыхая, спросилъ меня такимъ тономъ, изъ-подъ котораго видна была его досада и смятеніе:

— «Какіе у васъ съ Иринархомъ происходили обо мнѣ разговоры?»

— Я не могу припомнить,—отвѣчалъ я:—а ежели что случилось, то мы необыкновеннаго ничего не говорили.

— «А письмо,—возгласилъ архіерей—какое ты показывалъ Иринарху? и какую ты имѣлъ причину вступать съ нимъ въ столь тѣсной союзъ?»

По счастію, нападеніе сдѣлано не въ расплохъ: приготовленъ будучи замѣчаніемъ, я тотчасъ отвѣчалъ: «письмо я показать не усумнился потому, что въ немъ не было никакого секрета, и мы читали его съ сожалѣніемъ, что другіе архіереи перемѣщаются, а ваше преосвященство остаетесь забытыми...»

— «Нѣтъ, неблагодарный,—закричалъ архіерей вскочивши съ кресслъ: тебѣ не въ пору меня обманывать! Я тебя увѣряю архіерейскимъ словомъ, что одинъ тебѣ остался путь къ спасенію, то-есть: ежели ты откроешь всѣ ваши скопы и заговоры».

Я по истинѣ не зналъ и не имѣлъ что ему открывать, кромѣ того, что мы иногда обнаруживали другъ другу противъ его справедливое свое неудовольствіе. Видно, что Садорскій въ полной мѣрѣ сохранилъ достоинство своей подлой души; видно, что онъ навралъ много небывалицы. Вслѣдствіе чего началъ я его преосвященству кабинетныя нашего тріумвирата дѣла изъяснять безъ трусости тако:

«Я все, что могу припомнить, донесу вашему преосвященству чистосердечно. Прошу только имѣть терпѣніе меня выслушать».

— «Ври все!» крикнулъ лихой владыко.

«Когда въ разговорахъ нашихъ, продолжалъ я, доходило до

вашего преосвященства, то мы оба были согласны въ томъ, что ваше преосвященство весьма обидно поступаете съ подчиненными и вмѣстѣ приверженными къ вамъ. Вы ихъ ругаете безперерывно и повсемѣстно, а иногда и рукамъ даете волю, единственно для того, что вамъ такъ угодно, отъ чего натурально подчиненный теряетъ къ вамъ преданность. Притомъ мы сердечно желали, чтобъ ваше преосвященство получили бóльшаго степени епархію для того, чтобъ намъ остаться покойнымъ; но когда увидѣли изъ письма Остолопова, что вы остаетесь у насъ по прежнему, то такая вѣсть нанесла намъ уныніе и мы почли сіе знакомъ божія гнѣва къ намъ. Позвольте ваше преосвященство имѣть подчиненному нѣжныя чувства и не запретите ему чувствовать всю тягость обиды, причиняемой отъ васъ...»

— «Ба!»—крикнулъ архіерей,—«да кто тебя научилъ етакому краснорѣчію? а терпѣніе гдѣ?» еще сильнѣе онъ гаркнулъ.

«Да будетъ ли пріятно, — отвѣчалъ я: — вашему преосвященству, чтобъ подчиненные ваши были увѣрены, что они осуждены на терпѣніе единственно для того, что вамъ досталось быть въ Сѣвскѣ? Однакожъ я оправдать себя не смѣю, а прошу меня простить, — и съ симъ словомъ кинулся ему въ ноги, безъ чего духовные отнюдь не прощаютъ, говоря при томъ, — «что я всю истину сказалъ, которую, не сомнѣваюсь, подтвердитъ и Садорскій».

— «А онъ почему знаетъ?» спросилъ лукаво архіерей закраснѣвшись.

«Онъ, отвѣтствовалъ я чистосердечно, былъ межъ нами второй членъ, да не сомнѣваюсь, что онъ же и смутилъ душу вашего преосвященства по обыкновенію подлыхъ людей, кои хотятъ сыскать для себя счастье на пагубѣ другого».

— «Нѣтъ, сказалъ архіерей, онъ поступилъ какъ честной и благодарной человѣкъ; я ему больше вѣрю, нежели тебѣ; а ты долженъ благодарить его за то, что онъ подалъ случай истребить возрастающее въ тебѣ зло».

Проговоря еще нѣсколько подобныхъ словъ, окончилъ невкусную для меня авдіенцію, а къ себѣ потребовалъ Садорскаго, съ которымъ и пробылъ до самаго полудня, не допущая къ себѣ никого.

Послѣ полудня конференцъ-секретарь, еже есть Садорскій, приходитъ ко мнѣ и возглашаетъ: «я твой предатель!» А я ему отвѣчалъ, повторяя архіерейскія слова: «я долженъ тебя благодарить за то, что ты подалъ случай истребить возрастающее во мнѣ зло, которому однакожъ не ты ли самъ больше былъ причиною, нежели я?» Онъ началъ пересимѣнивать глазами, какъ воръ при уликахъ. Потомъ принялся-было за фразы и силлогисмы, но я сказалъ ему на отрѣзъ, что не хочу ни слушать,

ни говорить. Тогда онъ вытащилъ изъ кармана листъ бумаги, на которомъ написано было рукою его, по мысльми общими съ архіереемъ, прошеніе отъ имяни моего съ обясненіемъ: якобы я предъ Иринархомъ «порицалъ его преосвященство человѣкомъ злобнымъ, обидчикомъ, лихоимцемъ и проч. И что я, убѣжденъ будучи совѣстію, раскаяваюсь въ моемъ согрѣшеніи и прошу прощенія съ тѣмъ, что уже болѣе никогда вышеписанными именами изображать его преосвященство не стану, ни на словахъ, ни на письмѣ, ниже какими гіероглифами, ни на пескѣ, ни на водѣ, ни на воздухѣ ни на.... словомъ: ни на чемъ, а прошедшее потщусь загладить вѣрною моею службою и приверженностію» и проч.:.

Сія челобитная тотчасъ была мною, въ угодность архіерею, переписана и подписана, почти такъ:

«Словесная овца и
«безсловесный рабъ».

Обильная матерія челобитную распространила на третью страницу. По всему было видно, что работали ее двое ученыхъ заперлись. Архіерей, получа ее отъ меня лично, съ обыкновенными монастырскими поклонами, положилъ на столъ свою панагію и велѣлъ мнѣ на ней присягнуть во утвержденіе челобитной. Отъ сего времени служилъ я его преосвященству по присяжной должности, а онъ противъ меня остался на прежнемъ основаніи, потому что не присягалъ.

Дѣло сіе тѣмъ не кончилось. Преосвященный, подъ видомъ посѣщенія кіевскаго митрополита, поѣхалъ къ нему въ Гамалѣевскій монастырь*). Тамъ, призвавъ Иринарха, взялъ его на испытаніе и увѣщаніе*) Иринархъ—какъ я послѣ отъ него самого слышалъ,—со мною въ рѣчахъ не разбился, поелику «истина всегда бываетъ единогласна». Слѣдовательно много открылось лжи на сторонѣ Садорскаго. Какъ бы то ни было, когда я сообщилъ Иринарху, что сіе изслѣдованіе родилось отъ предательства насъ Садорскимъ, то онъ объявленіе мое выслушалъ безъ удивленія и безъ досады; а я столько былъ простъ и увѣренъ въ немъ, что изъ равнодушія его ничего не заключилъ, а только недоволенъ былъ за то, что онъ не сердится на Садорскаго такъ, какъ я.

Съ годъ уже времени спустя, архіерей, при случаѣ наитія на него добраго духа, сказалъ: что Садорскій оклеветалъ ему

---

*) Гамалѣевскій пустынно-харлампіевскій Рождества Богородицы, 2-го класса мужской монастырь, бывшій въ кіевской, нынѣ въ черниговской епархіи, находится близъ мѣстечка Воронежа, въ лѣсу подлѣ села Гамалѣевка. **М. С.**

) Въ семъ мѣстѣ надлежитъ замѣтить, что архіерей зналъ за собою что-нибудь такое, чего онъ сильно опасался; ибо для такихъ пустяковъ, кои мною выше обнаружены, кажется нельзя ему было столько суетиться и безпокоиться. **Г. Д.

меня по согласію съ Иринархомъ. Изъ чего я заключаю,—но заключаю уже тогда, когда пишу мою исторію, т.-е. тогда, когда мнѣ отъ роду течетъ четвертый десятокъ — что архіерей почиталъ молодость мою за простодушную и неопытную, а Садорскаго и Иринарха за исправныхъ мошенниковъ, кои, можетъ быть, хотѣли что-нибудь извлекать изъ моего простодушія на счетъ погубленія меня. Но для чего онъ опасался и самого, подобно какъ тѣ воры, которые воруя вмѣстѣ истребляютъ слабѣйшаго для полученія по немъ наслѣдства, или для окрытія своего злодѣянія *). И ежели преосвященный не болѣ во мнѣ находилъ вины, какъ только неопытную молодость, то, казалось бы, надлежало меня наставить, а я всякое добро понимать и его держаться **) былъ способенъ. Но ежели безъ причинъ ничто не бываетъ, то я слуга покорной новомѣсячію, доставившему мнѣ причину воскликнуть въ горести:

«О всесильная непостижимость! почто ты не сотворила человѣковъ столь крѣпкими какъ скотовъ, для собственнаго ихъ спокойствія, слѣдовательно и блаженства! Но я первой не хочу пользоваться блаженствомъ такого рода, которое нераздѣльно съ природою скота. Итакъ, по волѣ твоей святой, пользуясь существомъ, правомъ и жребіемъ человѣка, имѣя недостатокъ въ воспитаніи, не имѣя помочи отъ истинныхъ, благоразумныхъ и благотворительныхъ друзей человѣчества, выходя самъ собою изъ круга простоты народной, и доходя безъ руководства до лутчаго политическаго состоянія, пилъ я на семъ топкомъ и болотистомъ пути неоднократно полную чашу горести!»

Въ сію бытность мою въ Гамалѣевскомъ монастырѣ, видѣлъ я въ церкви портреты создателей и снабдителей его деревнями — гетмана и гетманшу Скоропадскихъ. Гетманъ изображенъ нѣсколько сухощавымъ, съ булавою въ рукѣ, а гетманша—пріятнѣйшаго, молодаго, полновиднаго, нѣсколько продолговатаго лица, съ хусточкою (платокъ) въ сложенныхъ рукахъ. Оба въ національномъ малороссійскомъ одѣяніи.

А ежели у большихъ особъ ничего не должно пропущать безъ замѣчанія, то скажу, что́ я могъ замѣтить у нашего хозяина митрополита кіевскаго. Онъ во время обѣда, часто подвигая къ себѣ разныя съ вялою рыбою блюды, провозгласилъ: что, его «мать съ малолѣтства вялою рыбою закормила» и потому онъ до нея великой охотникъ.

Въ продолженіе стола, его святѣйшество опытами удостовѣрилъ всѣхъ, что онъ говорилъ сущую правду.

Опорожнивши нѣсколько тарелокъ съ любимымъ его кушань-

*) Четыре послѣднихъ строки въ подлинникѣ зачеркнуты. М. С.
**) Вмѣсто зачеркнутаго «и къ нему прилѣпляться». М. С.

емъ, повелъ разговоръ, что онъ, живши долгое время въ Петербургѣ, привыкъ къ тамошнимъ обрядамъ и обыкновеніямъ. А теперь, когда приѣдетъ въ Кіевъ, не знаетъ, что начать: слѣдовать ли малороссійскимъ обыкновеніямъ, или малороссіяне должны припаровляться къ его петербургскимъ ухваткамъ?

Весь, сѣдѣвшій за столомъ, свято-кіево-митрополитанскій штатъ, приподнявшись благочестно и благоговѣйно, отвѣтствовали, почти въ одно слово, что весь Кіевъ долженъ себѣ за образецъ взять его святѣйшество. Мой принцъ-архіерей видя, что все уже съиграно, заключилъ монологомъ: «ваше преосвященство,—сказалъ онъ,—заслужили уже то у отечества, чтобъ ни въ какомъ случаѣ себя не женировать». Далѣ, сколько я въ митрополита ни вслушивался, ничего отъ него основательнѣе не слыхалъ, какъ «разсужденія о пользѣ и преимуществѣ вялой рыбы, и его самого» *).

По возвращеніи нашемъ въ Сѣвскъ, Садорскій взялъ верхъ. Отворенъ ему сталъ входъ къ архіерею во всякое время.

Я неоднократно въ моей жизни былъ свидѣтелемъ той истины, что ежели человѣкъ старается всегда повредить другому, то надобно оставить его на произволъ судьбы съ симъ несчастнымъ ремесломъ. Онъ произвольно добѣжитъ съ нимъ до участи достойной себя. Сіе случилось и съ Садорскимъ. Онъ, не покидая ремесла, началъ вывѣдывать пѣвчихъ, кои обучалися у него латинскаго языка и дежурили у архіерея, въ чемъ проводитъ архіерей время чрезъ всѣ 24 часа. Можетъ быть намѣреніе его было и невинно, ежели онъ хотѣлъ **) собственно для себя занять благой примѣръ. Но я зная, что архіерей великій непріятель такимъ невиннымъ ***) намѣреніямъ, не почелъ за нужное обращать плутовство въ невинность, а объявилъ ему доносъ и доносителя.

Какъ вѣрный бытописецъ, слѣдственно и любитель правды, не долженъ я сердиться, если кто обвинитъ меня за то, что я со-

*) Рѣчь идетъ о митрополитѣ кіевскомъ и галицкомъ Гавріилѣ Кременецкомъ. Пожалованъ онъ митрополитомъ кіевскимъ изъ санктпетербургскихъ архіепископовъ—22 сентября 1770 г., скончался 1783 г., августа 8 дня. М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «дабы занять». М. С.

***) Вмѣсто зачеркнутаго «благимъ». М. С.

грѣшилъ противъ священнаго закона, который зла за зло воздавать не велитъ. Впрочемъ, кто знаетъ? можетъ быть, я тогда смотрѣлъ на текстъ, который не запрещаетъ платить тою же мѣрою, какую мы отъ другихъ получили, хотя бы то было «око за око и зубъ за зубъ».

Итакъ, почти въ одну минуту дѣла мои приняли хорошій видъ. Архіерей почелъ меня за вѣрнаго человѣка, который въ точности наблюдаетъ свою присягу, а Садорскаго за такого, какимъ я—его, а архіерей—меня не задолго предъ симъ признавали.

Садорскій, приглашенъ былъ, по частому обыкновенію, къ столу. За столомъ архіерей, по обыкновенію, но сверхъ обыкновеннаго, началъ обнаруживать свой гнѣвъ самымъ жаркимъ, яркимъ, язвительнымъ гласомъ, проницающимъ отъ поверхности земной до предѣловъ превыспреннихъ, отъ поверхности земной діаметрально до Америки, просверливая землю и все встрѣчающееся въ ней, не изъясняясь никому, что ему надобно, чего онъ тамъ ищетъ, и кто прогнѣвалъ его смиреніе. Въ такихъ попыхахъ, схватываетъ со стола графинъ съ водою, ударяетъ со всѣхъ силъ объ полъ: графинъ въ мелкія части разбивается, брызги воды въ туманъ обращаются. Громъ по залѣ и покоямъ раздается.

Садорскій вздрогнулъ на своемъ стулѣ.

— «А ты чего дрожишь, спросилъ его изо всей мочи архіерей: — видно ты чувствуешь свое плутовство? Ты бродяга! Каналья! вонъ изъ-за стола! вонъ изъ зала! вонъ изъ дому! въ метлы его!»

Такимъ образомъ, его преосвященство самъ разсмотрѣлъ дѣло, самъ написалъ опредѣленіе и самъ исполнилъ, въ одинъ часъ; присутственнымъ мѣстамъ было бы работы на три мѣсяца, не полагая въ сіе число справокъ и аппеляціонныхъ сроковъ. Садорскій выгнанъ изъ дому навсегда.. Изгнаніе его въ чувствительнѣйшемъ моемъ сердцѣ не произвело жалости, напротивъ скажу, что оно произвело, къ стыду человѣчества, склонное во мнѣ удовольствіе.

Вскорѣ послѣ сего донесено преосвященному, что собственноручное его росписаніе *) унесено изъ ставленической конторы

*) Росписаніе, о которомъ я упомянулъ въ § XI-мъ. Г. Д.

невѣдомо кѣмъ. Вскорѣ открылось, что это смастерилъ сѣвской воздвиженской церкви дьячокъ **Захарка**, что и дѣйствительно было. Онъ, сорвавши его со стѣны, препроводилъ при своей бумагѣ въ сvнодъ. Преосвященный приказалъ его взять, посадить въ цѣпь и отдалъ въ солдаты. Къ поступленію съ нимъ такимъ образомъ не трудно было сыскать причину. Онъ былъ гуляка, почти до пьянства, буянъ, лѣтъ ему не было еще 30-ти. Взглянувъ на него, тотчасъ прочитаешь на лбу его: «смерть—копѣйка, голова—наживное дѣло». Какъ бы то ни было, архіерей отдалъ въ солдаты своего доносчика, не дождавшись ничего отъ сvнода, и тѣмъ съ самаго начала далъ худой видъ своей справедливости и своей невинности.

Въ постъ Филипповъ *) дьячка велѣно сенатомъ и сvнодомъ возвратить изъ воинской службы, а преосвященному велѣно, чтобъ онъ далъ въ сvнодъ объясненіе противъ донесенныхъ на него пунктовъ, изъ коихъ первый былъ — собственноручное предписаніе, второй, собственныя взятки. Прочіе же пункты, относящіеся къ должностямъ природы, или, какъ говорятъ, слабостямъ человѣческимъ, больше имѣли правдоподобія, нежели доказательства. Однакожъ на все надлежало отвѣтствовать, когда уже дошло до вопросовъ.

До сего времени, казался мнѣ преосвященный твердаго и непобѣдимаго духа; но по полученіи сvнодскаго указа, храбрость его уснула. Онъ сдѣлался вдругъ изъ лютаго тигра (котораго я не видывалъ) кроткимъ ягненкомъ, пересталъ клясть Овчинникова, пересталъ проклинать Орловскихъ старовѣровъ, перестала бранить членовъ святѣйшаго сvнода, прекратилъ драки и брань въ церкви и дома. Уныніе и печаль на лицѣ его изобразились. Онъ прибѣгнулъ къ совѣтамъ многихъ законоискусниковъ**), которые, повидимому, худо его обнадеживали, ибо, когда

*) Постъ Филипповъ не потому называется, что Филиппъ — постился, но потому, что начинается сряду послѣ праздника св. апостола Филиппа 15-го ноября (Праздникъ въ честь св. апостола Филиппа 14-го ноября) и въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ я родился и жилъ, больше знаютъ постъ Филипповъ, нежели ноябрь и декабрь; больше употребляютъ названіе дней, нежели названіе мѣсяцевъ и чиселъ, какъ будто они живутъ только 7 дней. Г. Д.

) А законоискусники-то въ провинціи кто? Два въ провинціальной канцеляріи секретаря, третій протоколистъ, а четвертый отставной губернскій секретарь, славный во всей Бѣлогородской и Орловской губерніи ябедникъ тогдашнихъ временъ, Иванъ **Коробовъ. Г. Д.

я къ нему, по выходѣ ихъ, входилъ, то находилъ его въ пущемъ смущеніи и задумчивости. Онъ иногда говаривалъ и къ нѣкоторымъ въ Петербургъ писывалъ, что «не клевета доносчика его тревожитъ, которая сама по себѣ разсыплется, но то одно съ ногъ его валитъ, что сѣвскій архіерей подъ судомъ». По моему же мнѣнію, весьма несносно для человѣка гордаго, когда его допрашиваютъ.

§ XX.

1772-й годъ.

1772-го года февраля 8-го, брата своего и инспектора Трипольскаго отправилъ онъ въ Петербургъ, перваго въ пансіонъ къ профессору Морбаху, а второго къ преосвященному петербургскому съ рекомендаціею, яко человѣка учившагося въ Кіевѣ латинскаго языка и принявшаго смиренное намѣреніе вступить въ монашество, дабы послѣ достигнуть архіерейской шапки. Ему препоручены были отвѣтные въ синодъ пункты и просительныя ко многимъ по сей матеріи письма.

Трипольскій отписалъ изъ Петербурга, какъ оные, кѣмъ приняты и что въ комъ произвели. Объяснилъ, между прочимъ, сколь худо онъ принятъ сvнодальнымъ оберъ-прокуроромъ Чебышевымъ, который выговаривалъ ему суровымъ образомъ, что въ Петербургѣ подарки не въ обыкновеніи въ такомъ случаѣ, въ какомъ ему сѣвскій архіерей подноситъ. «А когда я, пишетъ Трипольскій, усиливался съ просьбою о принятіи ихъ, то онъ закричалъ: «слуги, возьмите это все и выбросьте вонъ съ этимъ докучнымъ человѣкомъ».

«Тогда я,—продолжаетъ коммиссіонеръ:—видя, что хотятъ со мною поступить не въ силу просьбы, подхватилъ ящикъ съ конфектами и проч. и съ пособіемъ слугъ трафилъ на извощика безпрепятственно. Изъ сего ваше преосвященство видите, заключилъ Трипольскій, что мнѣ съ грибами къ нему вызваться было нельзя».

Ежели грибы сіи были архіерейскіе, то тѣмъ-то Трипольскій и худо сдѣлалъ, что не вызвался съ ними прежде.

Какъ бы то ни было, такое увѣдомленіе не порадовало преосвященнаго; но мнѣ оно было не безполезно, потому что чѣмъ болѣе имѣлъ онъ съ какой стороны непріятныхъ вѣстей, тѣмъ

болѣе изъ свирѣпаго становился тихимъ и скромнымъ. И онъ довольно могъ бы поправить свое дѣло, еслибы на семъ остановился, ибо сунодъ на отвѣтные его пункты долго молчалъ—какъ будто желая примѣтить, не перемѣнится ли онъ въ образѣ жизни. А между тѣмъ сунодальные члены весьма искренно, благосклонно и прямо братски къ нему писывали, обнадеживая, «что собственноручное его предписаніе не относится къ корыстолюбію, или къ противорѣчію законамъ, но къ истребленію большихъ закрытыхъ взятокъ» и проч.; однакожъ отвѣтчикъ не умѣлъ воспользоваться добрыми къ нему сунодальныхъ членовъ расположеніями.

Скромность свою чувствовалъ онъ тягостію несносною для него; терпѣніе—ненавидѣлъ, какъ природнаго своего врага. Онъ, покрѣпившись съ небольшимъ полгода, свергнулъ съ себя обѣ сіи ноши, которыя для другихъ въ своихъ поученіяхъ называлъ «добродѣтелями, пробивающими дорогу къ вѣчному блаженству».

Онъ началъ гласить съ помощью рюмокъ, стакановъ, чашекъ, что сунодъ, не въ силахъ будучи найти резолюцію на премудрые его отвѣтные пункты, не знаетъ, чѣмъ рѣшить дѣло. Сунодъ, по его мнѣнію, былъ бѣдный судія, которому отъ сѣвскаго архіерея пришло въ тупикъ! Тако ему вѣщающу, часто возглашалъ: «Кого Богъ хочетъ наказать, у того прежде отниметъ умъ, и нечестивый, пришедъ въ бездну золъ, нерадити начинаетъ»,—не остерегаяся и не подозрѣвая, къ кому служитъ сей священный текстъ.

Одобряемъ будучи во всемъ такими знатоками приказныхъ дѣлъ, которые за блаженство почитали, что архіерей раздѣляетъ съ ними крикливую бесѣду, рюмку и стаканъ—пустился во все больше обыкновеннаго и, чѣмъ многолюднѣе случалось у него собраніе, тѣмъ больше распространялся онъ съ ругательствомъ на сунодальныхъ членовъ, именуя каждаго выдуманными имъ прозвищами. Оберъ-прокуроръ Чебышевъ не былъ забытъ въ сихъ поэмахъ. Словомъ, онъ возстановилъ и умножилъ прежній безпорядокъ жизни.

Уже сунодальные члены, слыша, безъ сомнѣнія, о его поведеніи, перестали къ нему писать и отвѣчать, а онъ, не переставая пить, бранить и бить встрѣчнаго и поперечнаго, бро-

саясь на нихъ самъ, сдѣлалъ изъ себя человѣка неистоваго больше, нежели былъ прежде.

Сколь такой родъ поведенія былъ ему безполезенъ, откроется послѣ, а теперь отправляюсь я съ его преосвященствомъ и совсѣмъ штатомъ или клиромъ въ Трубчевскъ, Брянскъ и Карачевъ для обозрѣнія, по долгу званія апостольскаго, «како пребываютъ братія» и чтобы утвердить ихъ въ правилахъ вѣры, посѣять зерна добродѣтели, гдѣ должно утвердить насажденная, гдѣ можно, служащимъ олтарю съ олтаремъ подѣлиться.

Августа въ первыхъ числахъ (1772 г.) мы выѣхали и прибыли проѣздомъ въ Площанскую богородицкую пустынь.

Благодатная пустынь! Нельзя о тебѣ замолчать! Ты уединяешься въ лѣсу сосновомъ и березовомъ, имѣешь каменную церковь, довольное число келій, хотя деревянныхъ, но покойныхъ и теплыхъ. Написанные на вратахъ твоихъ лики являютъ собою обитателей твоихъ, посвятившихъ себя уединенію, съ намѣреніемъ трудиться для спокойствія душевнаго и для избѣжанія суетъ мірскихъ. Ты имѣешь чистѣйшую воду рѣчную и ключевую. Тебя отъ солнечнаго зноя осѣняютъ деревья; тебя же они охраняютъ отъ свирѣпыхъ вѣтровъ. Ты вмѣщаешь въ себѣ до 60-ти человѣкъ, монашествующихъ и бѣльцовъ, именующихся братіями. Твой начальникъ, титулуемый строитель, тѣмъ только отличаетъ свое начальство отъ рядовыхъ братій, что онъ первый на молитвѣ въ церкви,—гдѣ вечеръ, заутро и полудне благословляютъ Господа,—и первый на работѣ, гдѣ копаютъ, сѣютъ, садятъ и собираютъ плоды. Твоя чада вяжутъ мрежи, работаютъ рѣзцами и другими орудіями. Они подносятъ посѣтителямъ прекрасно сработанныя и окрашенныя трудовъ своихъ ложки, блюдцы, тарелки; сплетенныя искусно разныхъ мѣръ и величинъ корзинки и проч., не требуя за то вознагражденія и не подавая ни малѣйшаго къ тому вида желанія, благодарны отъ всего сердца тѣмъ, что имъ дадутъ. Твой уставъ ведетъ каждаго, посѣщающаго тебя, въ общую трапезу, предлагаетъ ему свой хлѣбъ и все то, что сварено для братьевъ. А для отличнаго гостя начальникъ и братія не опасаются соблазна изготовить птицу, а если угодно, такъ и барана; хотя сами строжайше удалены отъ брашенъ сего рода, даже до того, что самые юные бѣльцы не соглашаются, ни подъ какимъ видомъ, нарушать сей добро-

дѣтели воздержанія. Часы на колокольнѣ опредѣляютъ время, положенное для молитвы и работъ. Притекающіе въ твой храмъ, истинные поклонники, не находятъ въ твоей оградѣ ничего оскорбляющаго чистоту ихъ сердечныхъ расположеній.

Да будетъ слава и честь господину Апраксину, хранящему тебя въ нѣдрахъ своего владѣнія:

Здѣсь услышалъ я исторію, частію отъ самого настоятеля и частію отъ братій и даже отъ послушниковъ, которая, повидимому, всѣхъ ихъ занимала и которую собравши въ одно, выйдетъ слѣдующая!

Въ началѣ временъ сего монастыря или пустыни, былъ въ ней настоятель инокъ Іоасафъ. Онъ, по нѣсколько-лѣтнемъ сею обителью управленіи, сдалъ ее другому брату, а самъ удалился въ непроходимую пустыню *); тамъ живя многія лѣты, препровождалъ время въ молитвѣ, въ постѣ, въ рукодѣліи келейномъ, рубилъ дрова, носилъ воду, копалъ, садилъ, сѣялъ. Его притомъ добрый нравъ привлекалъ къ нему много посѣтителей. Многіе, приходя, просили у него постриженія въ монашество, а онъ имъ и не отказывалъ. Сими постриженіями наполнялъ онъ свои любимые монастыри, или пустыни: Площанскую, Бѣлобережскую, Полбинскую, Барщевскую, изъ которыхъ, по всеобщемъ въ Россіи уничтоженіи лишнихъ монастырей, осталась только одна Площанская, на собственномъ содержаніи.

Сѵнодъ провѣдалъ о ревностномъ его собираніи словеснаго стада, и неоднократно посылалъ повелѣнія его взять; но святого мужа грѣшнымъ людямъ уловить было трудно. Его многочисленные ученики, подобно разставленной стражѣ, узнавали обо всемъ заблаговременно и наставнику давали время спокойно переходить изъ одного скита въ другой **). Да и самыя тогдашнія правительства, почитая святость его, попускали ему охранять себя; а онъ, между тѣмъ, постригая въ монашество желающихъ, гласилъ: «грядущаго ко мнѣ не ижжену вонъ». Первенствующій сѵнода членъ, митрополитъ Димитрій Сѣченовъ, видя, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ, возгласилъ нѣкогда:

*) Казалось бы, что это брянскій и карачевскій лѣсъ, называемый Кривой. Г. Д.

**) Скитъ—пустынное обиталище, родъ монастыря, только безъ церкви. Г. Д.

«кто можетъ сказать, что у насъ нѣтъ патріарха? Есть патріархъ, который не боится ни епархіальнаго архіерея, ни синода». А отецъ Іоасафъ, продолжая постоянно принятый имъ образъ жизни, скончалъ благополучно въ пустыни дни свои въ старости маститѣ и погребенъ въ Площанской пустынѣ.

Достойно замѣчанія, что сей престрогой — по словамъ его учениковъ—для себя пустынножитель, былъ снисходителенъ для своихъ учениковъ. Онъ имъ говаривалъ: «пейте и яждьте, дѣти мои. Бѣсъ никогда ни пьетъ, ни ѣстъ, да народу пакость творитъ! пейте и яждьте во славу Божію; вашъ вѣкъ того требуетъ; но не упивайтеся и не объѣдайтеся, да не возрадуется врагъ нашъ о васъ!»

Мои вѣтреныя тогдашнія лѣта не были любопытны узнать и видѣть его могилу; вмѣсто того я охочь былъ взлѣзть на колокольню, и видѣлъ нечаянно большой колоколъ съ надписью имяни сего почтеннаго старца.

Пробывши два дни въ Площанскомъ сіонѣ*), выѣхали на третій—въ Трубчевскъ. Въ Трубчевскѣ осматривалъ преосвященный благочинія въ церквахъ. Мы пробыли въ немъ дней семь безъ скуки.

Чолнскаго монастыря, подвѣдомственнаго Кіевопечерской лаврѣ, отстоящаго отъ города верстъ на 7, игуменъ Антоній Балабуха, прибывъ къ архипастырю на поклонъ, способенъ былъ умножить удовольствіе на пирахъ трубчевскихъ. А потомъ, запросилъ онъ преосвященнаго со всѣмъ штатомъ и прочими гостьми въ свой монастырь**). И тамъ-то дали дёру всему тому, отъ чего смертной въ жизни бываетъ мертвецки пьянъ! Изъ всѣхъ гостей, гостинныхъ слугъ и архіерейскаго штата, коихъ было всего народа человѣкъ болѣе 40, едвали четвертая часть осталась праведниками. Само по себѣ разумѣется, что моя душа не была въ числѣ первыхъ трехъ частей, ибо авторъ долженъ

---

*) Человѣкъ обогащенный знаніемъ можетъ сказать: «Сіонъ есть гора въ Іерусалимѣ, на которой стоялъ домъ Давидовъ, а Площанская пустыня значитъ: плоскость. Почему же писатель жизни своей называетъ ее сіономъ?» Ну, виноватъ, какъ Каинъ, а перемѣнять не стану. Г. Д.

**) Чолнскій Спасскій Трубчевскій 3-го класса мужской монастырь находится въ Орловской губ., въ восьми верстахъ отъ города Трубчевска. Выстроенъ монастырь въ XVI ст. однимъ изъ кн. Трубецкихъ. М. С.

другихъ только глушить пороками, хотя бы и не было ему противно, на случай надобности, англійское пиво.

На второй день къ вечеру возницы наши разсудили запрягать лошадей, что и побудило къ выѣзду гостей и хозяина, которые не заботились знать, какимъ мановеніемъ вывезены они изъ дома молитвы для доставленія ихъ обратно въ Трубчевскъ.

На пути архіерей, по обыкновенію, остановился со всѣмъ караваномъ, сталъ въ кругѣ всѣхъ и велѣлъ подавать англійское пиво. Потомъ увернувшись отъ всѣхъ, кромѣ меня, прочь и пользуясь тишиною и пріятностью ночи, началъ инкогнито обходить всѣ повозки и засматривать въ нихъ.

Продолжая должность страннаго дозора, нашелъ на 60-ти лѣтняго старика, иподіакона Гавріила Антонова, который, обремененъ будучи лѣтами и напитками, лежалъ брюхомъ на повозкѣ, а нижняя половина тѣла висѣла съ повозки, и касаясь слегка земли, опиралась объ нее такъ, что нельзя было отгадать виситъ ли онъ, стоитъ ли онъ или лежитъ? Архіерей, подскочану гвоздить его ногою въ задъ, какъ будто отгадывая загадку.

Старикъ, почувствовавъ привѣтствіе, собралъ силы, встрепенулся, схватилъ архіерея въ охапку. Архіерей покушался вырваться, но старикъ ему доказалъ, что онъ безъ силы въ рукахъ. Они оба подняли шумъ, на который сбѣжались всѣ до единаго, и старикъ между тѣмъ разсмотрѣлъ, что онъ имѣетъ дѣло съ своимъ владыкою. Вслѣдствіе чего игуменъ Балабуха, трубчевскій протопопъ, трубчевскій воевода и прочіе духовные и свѣтскіе сановники, принявъ на себя должность судей, кричали всѣ разомъ и порознь и какъ кому пришлось. Иной говорилъ: «біяй вѣрна или невѣрна, да извержется»; иной восклицалъ: «его же любитъ, наказуетъ». Свѣтскіе гласили статьи изъ третьей главы воинскаго артикула, а архіерей вопилъ: «Князю людей твоихъ да не речеши зла»!

Наконецъ, не отступая отъ большинства голосовъ, соблюдаемаго на всемъ земномъ шарѣ, — можетъ быть потому, что большинство голосовъ имѣетъ на своей сторонѣ и большинство рукъ — отдали въ полную и беззащитную волю овцу сильному пастырю; вслѣдствіе чего овца иподіаконъ повалился ему въ ноги. Приказано ему лезть на большое сухое дерево, стоявшее тутъ же при дорогѣ. И когда старость его съ ослабѣвшими отъ вина

силами и съ помочью другихъ вскарабкалась по сучьямъ на высоту, то архіерей велѣлъ ему кричать по-кукушечьи. Странно, забавно было и жалко слышать, или лучше сказать: каждому слышалось по-своему, какъ плачущій старикъ, истончавая басистой свой голосъ, віолончелилъ сквозь слезы: «куку-куку». Ему подладило громогласнымъ смѣхомъ все духовное и свѣтское сумасбродство, отчего чрезъ все время нашего простоя разливалося по лѣсу непрерывное эхо.

Обрядъ выѣзда нашего изъ Трубчевска въ Брянскъ производился по сему же церемоніалу.

§ XXI.

Брянскъ.

Въ Брянскѣ на первой случай остановились въ Новопечерскомъ Свѣнскомъ монастырѣ*), подвѣдомственномъ Кіевопечерской лаврѣ, отъ города въ верстахъ въ 2-хъ, по приглашенію того монастыря начальникомъ, игуменомъ Палладіемъ.

Начавши съ хозяина, скажу, что игуменъ сей былъ человѣкъ соединяющій въ себѣ духовнаго со свѣтскимъ. Хорошъ собою, брюнетъ, благообразный, съ лакированными глазами и чистымъ голосомъ, великій мастеръ шутить и умѣлъ этотъ даръ употреблять кстати. Его критической разумъ никого не обижалъ, напротивъ съ каждаго скучнаго лба сбивалъ морщины и заставлялъ смѣяться. Не диковинка, что его всѣ тамошніе дворяне любили, а можетъ быть — и дворянки. Ярманка тогдашняя, продолжающаяся тамъ каждогодно въ сентябрѣ, около 4-хъ недѣль, па которую обыкновенно съѣзжается множество дворянства, умножила торжества архіерейскія.

---

*) Свѣнскимъ называется по рѣкѣ пмянуемой Свѣнь. Но простой народъ но-нынѣ называетъ его «Свинскій монастырь». Монастырь преогромный, богато и выгодно отстроенный — весь каменный, кромѣ настоятельскихъ келій. Бывшій печерскій архимандритъ, Лука Бѣлоусовичъ, имѣлъ охоту и возможность, при тогдашнемъ владѣніи деревнями, выстроить его превосходно, хотя безъ наблюденія орденовъ архитектуры и назвалъ Новопечерскимъ; а церковь выстроена на коштъ государыни императрицы Елисаветы Петровны при жизни еще ея величества. Сія чадолюбивая мать—которыя царствованіе у многихъ называется златымъ вѣкомъ – любила свой законъ и свою церковь, чтила духовенство и уничтожила смертную казнь.

Г. Д.

Потомъ, переѣхали въ Брянскій Петропавловскій монастырь, подвѣдомственный нашему іерарху, въ которой собралось на проѣздъ все духовенство, штатскіе тамошніе чины и нѣсколько дворянства. Въ продолженіе дней 15-ти архіерей въ монастыряхъ и въ нѣкоторыхъ церквахъ священнодѣйствовалъ, когда ему заблагоразсуждалось. Всякой почти день прошенъ онъ бывалъ къ знатнѣйшему купечеству на обѣды, куда и слѣдовалъ всегда въ сопровожденіи немалочисленной свиты.

Къ усугубленію роскоши, истинный сынъ церкве, старой помѣщикъ Ѳаддей Петровичъ Тютчевъ запросилъ пастыря въ свой дворянской домъ, отстоящій отъ Брянска верстъ на 15, со всѣмъ множествомъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ.

Обозъ или караванъ нашъ состоялъ изъ многочисленныхъ разноманерныхъ колесницъ, принадлежащихъ людямъ разнаго состоянія,—архіерею со штатомъ, игуменамъ, протопопу, дворянамъ, чиновникамъ воинскимъ и штатскимъ.

Мы пріѣхали къ г. Тютчеву подъ вечеръ. У воротъ его дома церковь каменная, снаружи хороша, и внутри, какъ мы послѣ видѣли, украшена не скупою рукою. Двуэтажной домъ, хотя деревянной, однакожъ выгоденъ и огроменъ. Меблированъ богато и со вкусомъ, и при свѣчахъ показался онъ мнѣ еще великолѣпнѣе, нежели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Расположеніе покоевъ, ихъ многочисленность, обои, картины, комоды, шкафы, столики, бюро,—краснаго дерева; все сіе въ надлежащемъ порядкѣ и чистотѣ, а затѣмъ уже слѣдуетъ по порядку: вмѣсто подсвѣчниковъ — шандалы, вмѣсто занавѣсъ — гардины, вмѣсто зеркалъ и паникадилъ—люстра; вмѣсто утвари—мебель, вмѣсто приборовъ—куверты, вмѣсто всего хорошаго и превосходнаго— «тре біенъ» и «сюпербъ». Вездѣ вмѣсто размѣра — семитрія, вмѣсто серебра — аплике, а слугъ зовутъ «лаке».

Камердинеръ, который былъ въ шелку и въ натяжкѣ, показалъ мнѣ покой, назначенный для архіерея со всѣми принадлежностями.

Архіерей, вопреки своей неутомимости, сказалъ, напившись чаю, что ему надобенъ покой. Раздѣвшись съ помочью моею и возлегши на одръ, сказалъ онъ мнѣ: «посмотри-ка мимоходомъ, что нашъ хозяинъ и гости? гдѣ и какъ»?

Я, перешедъ покоя съ три отъ архіерейской спальни, уви-

дѣлъ изъ дверей послѣдней горницы въ залѣ гостей, коихъ было персонъ болѣе 50-ти обоего пола, сидящихъ за великолѣпнымъ ужиномъ, а въ первомъ мѣстѣ хозяина въ халатѣ и колпакѣ. Его старость, богатство и дружба гостей давали ему на сію вольность привиллегію, несмотря на то, что онъ имѣлъ чинъ выпущеннаго изъ гвардіи армейскаго поручика.

Возвратясь, донесъ я о сіяніи на столѣ хрусталя, серебра, о числѣ гостей и о всемъ великолѣпіи и чистотѣ, сколько можно было вскользь примѣтить. На досугахъ прибавилъ я, что я видѣлъ нашего хозяина, какъ Юпитера на Олимпѣ въ сонмѣ боговъ и богинь.

«Да каково-жъ эти боги, спросилъ архіерей, нападаютъ на нектаръ и амврозію»?

— «Безъ пощады, отвѣчалъ я: стукъ ложекъ, ножей и вилокъ похожъ на пальбу бѣглымъ огнемъ».

По такомъ, подобномъ сему празднословіи, архіерей сказалъ мнѣ напослѣдокъ: «ну, принимай же свѣчи, поди — оканчивай свое любопытство, какъ тамъ боги ядятъ».

Я заспѣлъ подъ конецъ ужина. Лишь только я сталъ обокъ кресла господина хозяина, какъ онъ оглянулся, схватилъ съ себя колпакъ и вдругъ опять вскинулъ его на голову, соскочилъ съ креселъ, схватилъ меня обѣручь за плечи, говоря между тѣмъ: «сядь, мой другъ, сядь на моемъ мѣстѣ, пожалуй покушай; я вижу, что тебя его преосвященство жалуетъ, пожалуй сядь, а я на тебя посмотрю, какъ на преосвященнаго». Отъ сихъ послѣднихъ искреннихъ словъ, ближайшіе гости довольно неосторожно засмѣялись, а я тѣмъ временемъ успѣлъ изъясниться, что «я доволенъ буду, когда мнѣ позволено будетъ на эту пору быть на ряду съ вашими офиціантами».—«Ну, воля твоя», кончилъ доброй господинъ. При окончаніи стола, онъ выбирая блюда съ кушаньемъ, отдавалъ ихъ слугамъ и приказывалъ, посматривая на меня: «ето его милости».

По окончаніи ужина готовъ уже былъ для меня особой столъ. Кушанья и напитковъ поставлено было столько, что можно было удовольствовать двухъ Максиминовъ или четвертую часть Кротонскаго Милона. Слуги предстояли мнѣ тѣмъ порядкомъ, какъ и барину своему. Чѣмъ болѣ я старался держать себя въ надлежащей позиціи, тѣмъ болѣ чувствовалъ тягость чести.

На завтрѣ увѣдомилъ я преосвященнаго обо всемъ, какъ надлежитъ исторіографу. Онъ выслушалъ, очень былъ доволенъ хозяиномъ и мною. Лишь только я вышелъ, чтобы одѣться по формѣ, встрѣтился со мною въ залѣ самъ хозяинъ, въ коротенькой епанечкѣ гишпанскаго покроя малино-цвѣтнаго бархата, на соболяхъ. Онъ спросилъ меня: «можно ли войти къ его преосвященству»? Я отвѣчалъ: «кто смѣетъ въ вашемъ домѣ затворить двери вашему высокородію?» Онъ меня обнялъ и поцѣловалъ, говоря между тѣмъ: «о, мой другъ! ты умный слуга». Приписавъ мнѣ сію честь, явился онъ къ архіерею въ спальню, а я пошелъ одѣваться.

Еще я не причесался, какъ камердинеръ г. Тютчева, пришедъ ко мнѣ, разсказалъ разговоръ своего барина съ моимъ архіереемъ. «По сдѣланіи утренняго привѣтствія баринъ мой— говоритъ камердинеръ:—заговорилъ объ васъ и непрестанно хвалилъ васъ, отдавая притомъ справедливость преосвященному, что онъ васъ выбралъ. А преосвященный отвѣтствовалъ, что онъ не жалѣетъ, что сдѣлалъ къ вамъ привычку и что вы, кромѣ другихъ должностей, отправляете у него должность и кабинетнаго секретаря». Я, поблагодаря камердинера за искренной переносъ доброй вѣсти, ничего столько въ продолженіе цѣлаго дня не слыхалъ, какъ многочисленныхъ о себѣ во всѣхъ углахъ дома похвальныхъ разговоровъ.

Уже въ тогдашнія мои лѣта, могъ я дивиться и самъ себя вопрошать: «не съ ума-ль сошли эти люди? за что они меня хвалятъ»? Но съ теченіемъ жизни пришло время, что я не имѣлъ нужды въ подобныхъ случаяхъ вопрошать себя, поелику присмотрѣлся и видѣлъ, что люди суть такое созданіе, которое въ одну и ту же пору хвалитъ, порочитъ, клевещетъ съ равномѣрнымъ жаромъ, успѣхомъ, основаніемъ, легкомысліемъ; а нерѣдко бываетъ, что и на важныхъ степеняхъ люди хвалимы бываютъ по ихъ степенямъ и счастію, не чѣмъ по ихъ заслугамъ и достоинствамъ.

Это еще не конецъ. Угодно было року, чтобы похвалилъ меня и капельмейстеръ г. Тютчева, которой былъ породою изъ смоленской шляхты*), росту выше средняго, лѣтъ съ небольшимъ

*) Въ царствованіе уже Екатерины Великія дворяне Смоленской губерніи упривиллегированы называться и писаться «россійскими дворянами», а до тѣхъ поръ называли ихъ и писали: «смоленскою шляхтою». Г. Д.

30-ти, лицо имѣлъ кругленькое, подобное маетнику стѣнныхъ часовъ. Клубо-подобную его небольшую головку прикрывалъ осыпанный пуклями куцый паричокъ; взглянувъ на него, нельзя было не замѣтить, что онъ самъ собою былъ доволенъ. Такой манерной капельмейстеръ, дабы участвовать въ тотъ день во всеобщей матеріи, подступилъ ко мнѣ по-рицарски, и отведши къ окну, зачалъ со мною дружескую рѣчь.

«Братецъ,—говорилъ онъ:—ты мнѣ полюбился. Я о тебѣ слышалъ много хорошаго; да скажи. пожалуй, для чего ты вчера за столъ-та не сѣлъ? вѣдь Өаддей-то Петровичъ, знашъ-ли какой человѣкъ? онъ хуже тебя садитъ съ собою».

Я отвѣчалъ ему, что, «въ этомъ не сомнѣваюсь, потому, что я самъ это вчера примѣтилъ изъ послѣдней тарелки». По счастію моему или обоихъ насъ, я говорилъ съ такимъ человѣкомъ, который на все былъ согласенъ, или изъ вышеприписанной явленной ко мнѣ любви, или позабылъ, что онъ вчера занималъ за столомъ послѣднюю тарелку.

Въ семъ домѣ слышалъ я, какъ вся фамилія Тютчевыхъ—собравшись изъ разныхъ домовъ въ гости—мущины, женщины, юноши, дѣвицы и малыя дѣти, проклинали память фельдмаршала графа Миниха, за то, что онъ, подъ образомъ службы, за собственную будто-бы личную обиду, велѣлъ разстрѣлять полковника Тютчева,—помнится, родного брата нашему гостепріимцу—въ царствованіе Анны императрицы.

§ XXII.

Другой Тютчевъ и третій Тютчевъ.

На третій день выѣхали со всею здѣсь бывшею кампаніею на обѣдъ къ дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Никифоровичу Тютчеву же. Тутъ пріемъ, хотя не столько былъ пышенъ, однако соотвѣтствующъ генеральскому дому; а тѣмъ еще лучше, что во всемъ была благоразумная умѣренность. Отобѣдавъ, поскакали, почти всѣмъ соборомъ—кромѣ нѣскольких мало по малу разъѣзжавшихся—къ маіору Николаю Андреевичу Тютчеву же, имѣющему домъ и владѣніе свое въ смежности.

Праведное небо! тебѣ единому извѣстно, сколько здѣсь пролито, или лучше сказать, влито англійскаго пива, бишеву, вина, пуншу! Сіе страшное сраженіе началось при самомъ пріѣздѣ вечеромъ, и при самой пріятнѣйшей погодѣ въ саду, хотя уже былъ и сентябрь. Самъ хозяинъ прежде всѣхъ доказалъ, что онъ радъ гостямъ. Его повели точно такъ, какъ понесли изъ саду въ спальню, лишеннаго зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія. Но съ симъ геройскимъ изнеможеніемъ онъ напалъ не на слабыхъ.

Іерархъ, будучи хотя въ томъ же подвигѣ, но еще въ крѣпости силъ, возгремѣлъ на хозяйскихъ слугъ, предстоящихъ ему со всѣми принадлежностьми гостепріимства, что «баринъ ихъ сдѣлалъ смертный грѣхъ, уступя преждевременно съ своего мѣста, въ противность всѣхъ регламентовъ, за что и подлежитъ онъ духовному суду».

Игуменъ Палладій и протопопъ брянскій стараясь потушить бѣду, крикнули слугамъ, чтобы они подавали поскорѣе все, что есть въ погребу, какъ можно больше. Весь хоръ гостей апплодировали проектъ. До двухъ тысячъ зажженныхъ плошекъ, и расположенныхъ по саду, по рѣшеткѣ окружающей садъ, и частію на дворѣ имѣли зрительми только слугъ.

Уже въ 10-мъ часу по утру, хозяинъ воскресъ, а преосвященный предъ тѣмъ только-что уснулъ; било три часа по полудни, а преосвященный въ самую пору покоится. Тщетно хозяинъ и многіе изъ гостей навѣдывались и вопрошали о его пробужденіи. Забавно было слышать, какъ всякой изъ нихъ, отходя отъ дверей архіерейской спальни, бурчалъ сморщившись: «пора обѣдать, четвертый часъ».

Наконецъ, въ началѣ 5-го часа, пробудило преосвященнаго среди самаго покоя нечаянное приключеніе, безъ котораго бы ему не проснуться до полуночи. Онъ кликнулъ меня раза съ три сряду весьма скоропостижно, и очень негромко. Нетрудно было понять, что надобно быть чему-нибудь необыкновенному. Лишь только я показался въ дверь, какъ поразилъ меня непріятный запахъ. Со всевозможною скоростію, сказалъ онъ мнѣ сидя въ постели: «не впускай никого». О проклятое англійское пиво,— подумалъ я въ сердцахъ,— надѣлало ты намъ

хлопотъ полонъ носъ! По счастію, преосвященный не сдѣвалъ ш......овъ. Но что я говорю: по счастью! Какое тутъ счастье, если они всѣ были не порожни? вслѣдствіе чего, я разставилъ караульныхъ съ такою поспѣшностью, какой требовала важность приключенія, съ запрещеніемъ впущенія въ нашу комнату какого бы кто чина и званія ни былъ. А между тѣмъ съ перемѣною ш..... въ и съ помочью таза, воды, утиральниковъ, душистаго спирта и куренія, кончили все съ желаемымъ успѣхомъ.

Архіерей, показавшись хозяину и гостямъ, преподалъ всѣмъ миръ и благословеніе. Хозяинъ спросилъ по обыкновенію: покойно-ль ночевалъ его преосвященство? Архіерей отвѣчалъ правду, что спалъ спокойно; но само по себѣ вышло лучше, что объ окончаніи сна не случилось вопроса, а то бы архіерею надлежало рѣшиться солгать противъ своего сана, въ коемъ находясь, должно всегда говорить правду.

Сію тайну скрывала по днесь непроницаемая завѣса временъ. Изъ сего можно заключить, что есть на свѣтѣ великое множество такихъ неизвѣстностей, которыя оставили потомство въ вѣчномъ о себѣ невѣдѣніи, и которыя могли бы быть украшеніемъ историческаго пера.

Отобѣдавши при свѣчахъ, простился преосвященный съ хозяиномъ, и уѣхалъ, по предназначенію, въ домъ помѣщицы Марьи Родіоновны Безобразовой, состоящій въ селѣ Морачевѣ, по пути въ Брянскъ. Тамъ, въ ожиданіи гостя, сдѣлано было свѣчное освѣщеніе ко всѣмъ многочисленнымъ въ покояхъ окнамъ.

Гость принятъ былъ со всѣми обрядами, приличными его сану, угощенъ ужиномъ. Отужинавши, разсудилъ за благо совершить въ туже ночь кругъ своего путешествія возвращеніемъ въ Брянскъ. Но на выѣздѣ сего села, выскочилъ изъ кареты и пошелъ къ стоящей тамъ церкви. Я послѣдовалъ за нимъ; а онъ сѣлъ на обширной надгробной камень и началъ возглашать, повторяя: «кто здѣсь погребенъ?»

На голосъ прибѣжали: игуменъ Палладій, протопопъ брянскій, десятоначальникъ, а потомъ мало-по-малу собрался весь штатъ.

Протопопъ отвѣчалъ, что здѣсь погребенъ помѣщикъ этого села г. Безобразовъ. «А, это тотъ, — крикнулъ архіерей, — который попа убилъ?»

«Такъ носилась молва»—отвѣчалъ протопопъ, «однакожъ по дѣлу не дойдено».

— «Пой ему анаѳема!» воскликнулъ архіерей.

Весь хоръ пѣвчихъ загремѣлъ «анаѳема», такъ точно, какъ поютъ въ недѣлю православія, когда проклинаютъ Мазепу, Гришку Атрепьева и всѣхъ грѣшниковъ, потомъ всѣмъ усопшимъ христіанамъ вѣчную память, а живущимъ—многая лѣта. Но какъ все сіе сопровождаемо было всѣмъ тѣмъ, что случилось въ бутылкахъ и въ погребцахъ, то часто, въ несоблюденіи командующаго архіерейскаго гласа, пѣли — въ мѣсто вѣчной памяти — многая лѣта, а въ мѣсто анаѳемы - вѣчную память.

Такимъ нашимъ порядкомъ простоявши часа съ полтора, пустились при тихой темнотѣ, прямо въ Брянскъ, и прибыли туда вмѣстѣ съ днемъ.

Напослѣдокъ, наступило время оставить Брянскъ и посѣтить Карачевъ. Усердное, при напиткахъ, провожанье брянскими духовнаго и свѣтскаго чина жительми, причиною было, что намъ нѣсколько дней сряду запрягали и отпрягали лошадей. Наконецъ мы выѣхали въ ночную пору; ибо всякой день для насъ былъ малъ, однако-жъ при колокольномъ въ ближайшихъ церквахъ звонѣ, которой въ такую пору не меньше походилъ на церемонію, какъ и на тревогу.

Одинъ изъ усердныхъ провожателей, г. маіоръ Петръ Аѳанасьевичъ Бахтинъ, сѣлъ въ берлинѣ съ архіереемъ и игуменомъ Палладіемъ, а мнѣ пришлось сѣсть на его верховую лошадь въ качествѣ предводителя его людей,—коихъ было человѣкъ съ восемъ, обмундированныхъ по-карабинерски, потому что баринъ ихъ служилъ въ карабинерномъ полку, и воспѣвающихъ за мною самыя солдатскія пѣсни:

«Сударушка
Варварушка,
Не гнѣвайся на меня
Что я не былъ у тебя, и проч.»

По переѣздѣ нѣсколькихъ верстъ г. Бахтинъ, высунувшись изъ берлина, кликнулъ меня, повторяя громогласно: «твоя—лошадь! твое—сѣдло! твои—пистолеты!». Принимать подарки было для меня дѣло не новое, почему и не пропустилъ я, подъ громомъ его пѣсенниковъ, селютовать его шляпою.

Потомъ преосвященный далъ ему отпускное свое благословеніе; а онъ, сѣвши на запасную лошадь, отъѣхалъ съ миромъ и съ потеряніемъ, какъ я думалъ, лошади съ приборомъ. Но мы съ архіереемъ обманулись. Бахтинъ, въ наступившую зиму будучи у архіерея въ гостяхъ на именинахъ, истребовалъ и отобралъ все деньгами, говоря, что онъ продалъ, а не подарилъ. Отецъ Палладій хотя могъ бы быть свидѣтелемъ подарка или продажи, но его на именинахъ не случилось, къ тому же и по закону для доказательства истины одного свидѣтеля не довольно. Итакъ, г. Бахтинъ получилъ плату за подарокъ. Но ежели подарокъ былъ выпрошеной, то онъ дурнѣе дурной продажи и дурного подарка.

Исторія не должна умолчать, что отецъ Палладій слѣдуетъ за нами повсюду, и присутствіе его съ нами во всѣхъ дворянскихъ домахъ дѣлаетъ всегда всѣмъ удовольствіе. Онъ, не помышляя быть забавнымъ, никогда безъ новой матеріи въ собраніе не является. Напримѣръ, либо описываетъ печерскихъ соборныхъ старцевъ, либо подражаетъ русскимъ бурлакамъ, нѣжинскимъ грекамъ, сельскимъ попамъ, извощикамъ, престарѣлымъ боярамъ, и словомъ: всякой родъ состоянія могъ онъ представлять въ такомъ смѣшномъ и непринужденномъ видѣ, что ни архіепископъ Платонъ на каѳедрѣ,—ни господинъ Дмитревскій на театрѣ—не могли лутче отправить своихъ должностей.

На границахъ Брянскаго съ Карачевскимъ уѣзда, встрѣтилъ насъ карачевскій протопопъ—нощи сущей—со свѣтильники и съ небольшимъ числомъ священно-и-церковно-служителей, не помню въ какомъ-то селеніи, въ которомъ онъ столько времени дожидался своего архіерея, сколько дней и ночей звонили при провожаніи насъ изъ Брянска.

§ XXIII.

Карачевъ.

Подъ Карачевъ подъѣхали вечеромъ, и остановились при церкви бывшаго Тихонова монастыря, котораго каменное и деревянное строеніе, еще и по уничтоженіи его, въ цѣлости пребывало и часть онаго занята была, повидимому, какою-то казенною складкою. Тутъ прошенъ былъ преосвященный съ дороги на чай отъ нѣсколькихъ дворянъ, штатскихъ чиновниковъ и отъ бывшаго карачевскаго воеводы, Елисея Алексѣевича Хитрова, отставленнаго — не припомню — за грѣхи, или за дѣла богоугодныя. Помню только, какъ всѣ тогда говорили, что онъ отставленъ не за добродѣтель, — если это говорили люди добродѣтельные.

Сей Елисей, будучи тогда въ кампаніи, вызвался къ отцу Палладію—держащему въ рукѣ покалъ съ виномъ: «Что, отецъ Палладій! если бы къ этакому винцу, да прежнія монастырскія деревеньки!» - «Да! отвѣчалъ отецъ Палладій, подлаживая тѣмъ же тономъ: если бы къ этакому винцу, да прежняя карачевская воеводская канцелярія!» Весь Карачевъ захохоталъ, апплодировалъ громко, и Палладію на камилавку наложилъ лавровой вѣнокъ за то, что онъ не зная Хитрова близко, трафилъ въ него какъ въ мишень.

На ночь отъѣхали въ Николаевскій Одринскій монастырь, отстоящій отъ города верстъ на восемь.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней бытія нашего въ немъ преосвященный не пробылъ безъ дѣла. Онъ, осматривая въ церкви благочинія, обрѣлъ рѣзной образъ св. Николая, которой былъ въ длину почти съ пол-аршина, а въ ширину по препорціи, и былъ изображенъ въ полномъ своихъ временъ архіепископскомъ облаченіи, то-есть: въ ризахъ, подризникѣ, епитрахилѣ, амофорѣ, въ митрѣ на головѣ, съ набедреникомъ на бедрѣ. Въ одной протянутой рукѣ евангеліе, а въ другой мечъ. Сей послѣдній былъ, безъ сомнѣнія, ревностнымъ знакомъ сего мирликійскаго пастыря, на защищеніе ученія евангельскаго. Но дѣло не въ символахъ и не въ позиціи, а вотъ въ чемъ:

Онъ весь былъ осыпанъ мастерски жемчугомъ различной величины, дабы симъ удобнѣе различить одно одѣяніе отъ другого и живѣе изобразить складки или сгибы одеждъ. А митра, амо-

форъ, епитрахиль, евангеліе, и другія приличныя мѣста, всѣ были наложены бриліантами самой, — какъ говорили знатоки,— лучшей воды *).

Епископъ церкви Сѣвскія, нашедъ въ такомъ изображеніи и убранствѣ архіепископа церкви мирликійскія, велѣлъ его при себѣ очистить, какъ мать родила, а обнаженную деревянную рѣзьбу поставить въ церковную ризницу для храненія, на манеръ кромской пятницы, поставленной подъ колокольню. (См. § XIV).

Изъ жемчуга и каменья сдѣлалъ потомъ архіерей, прикупя къ нимъ потребное количество, архіерейскую шапку, крестъ и панагію, — которыя, думаю, находятся и по нынѣ въ ризницѣ Сѣвской каѳедральной церкви, ежели послѣ не случилось тамъ еще такогожъ архіерея, который охотникъ обдирать и передѣлывать церковныя вещи.

Потомъ переѣхалъ въ городъ и остановился въ полковомъ домѣ, сдѣланномъ отъ города для полковника князя Долгорукова, квартировавшаго тамъ съ коннымъ полкомъ, а на ту пору отсутствовавшаго.

Въ городѣ преосвященный священнодѣйствовалъ въ разныхъ храмахъ, посвящая обыкновенно во священники и церковнослужители. Не нужно повторять, что трудъ сей сопровождается всегда какою-нибудь наградою.

Нескучный нашъ игуменъ от. Палладій не отлучался отъ архіерея, забавляя его и всю компанію пріятными для всѣхъ шутками, да и благую онъ часть избралъ! ибо, попивая и покушивая, не обходился онъ и безъ подарковъ, какъ отъ преосвященнаго, такъ отъ помѣщиковъ и протчихъ, принимавшихъ у себя архіерея.

Комнатную архіерейскую компанію умножалъ еще собою Карачевскій помѣщикъ артиллеріи капитанъ Иванъ Осиповичъ Соколовъ съ отцемъ своимъ, священникомъ, тѣмъ самимъ, который въ запрошедшемъ 1770-мъ году, надъ Брянскимъ протопопомъ,получившимъ на архіерейскихъ имянинахъ горячку, читалъ заклинательныя молитвы.

Напослѣдокъ, его преосвященство, преподавъ городу Кара-

*) Образъ сей—какъ тогда говорили—дала въ церковь нѣкая игуменья, по имени Ираида. Она была изъ какой-то знатной фамиліи. Помнится изъ фамиліи Воейковыхъ. Г. Д.

чеву миръ и благословеніе, отъѣхалъ, аки второй Язонъ со златымъ руномъ, или какъ Діонисій съ эскулаповою ризою и брадою *), къ вышесказанному капитану Соколову въ деревню, гдѣ принятъ былъ со всею свитою, какъ домашній гость, безъ дальнихъ церемоній, понеже въ продолженіе нашего путешествія капитанъ съ отцомъ и съ нами, а мы съ ними и съ Палладіемъ составляли одно семейство.

Сверхъ сего, было у преосвященнаго и другое намѣреніе, родившееся отъ внушенія ему капитаномъ Соколовымъ и женою его. Вслѣдствіе чего, и пробирался онъ въ домъ къ помѣщику, гвардіи капитану Андрею Ивановичу Касагову, въ родѣ своемъ послѣднему, о которомъ внушено преосвященному, что онъ, по примѣру премудраго іудейскаго царя Соломона, имѣетъ у себя турецкій гаремъ и держится обыкновеній златаго вѣка, когда всѣ люди, какъ говорятъ, были въ естественномъ законѣ**). Почему преосвященный часто проговаривалъ: «Гряду обрѣсти заблудшую***) овцу и наставить ее на путь правый».

Между тѣмъ, въ домѣ Соколова происходили у насъ пѣніе и лики. Мы часто пѣвали, такъ-называемую, «столповую греческаго распѣва херувимскую», которая еще и до нынѣ въ московскомъ успенскомъ соборѣ во употребленіи, и другую столповую же «напѣва кіево-печерской лавры». Когда пѣли первую, то командовали артиллеріи капитанъ съ отцомъ; а когда вторую, то брали первенство архіерей съ Палладіемъ и со мною, а они только подтягивали, подобно какъ мы въ первой. Само по себѣ разумѣется, что у насъ не было безъ примо и секундо, однакожъ вообще хоръ нашъ не былъ удивительнаго совершенства, а особливо въ столповомъ русскомъ напѣвѣ, въ которомъ если бы употребить примо и секундо, то надобно испортить оригиналъ.

Въ одну пору, только что мы распѣлись, и не успѣли еще

---

*) Учившіеся въ классахъ должны лучше знать, а мнѣ помнится, что одинъ изъ Діонисіевъ, государей Сиракузскихъ, пришедъ въ капище, снялъ съ эскулапа золотую ризу, говоря, что «она лѣтомъ тяжела, а зимою не грѣетъ». Потомъ, отвязавъ отъ него же золотую бороду сказалъ: «и отецъ твой Аполлонъ былъ безъ бороды». Мой архіерей не лучше поступилъ со святымъ Николаемъ. Г. Д.

**) Въ подлинникѣ слѣдуютъ зачеркнутыя слова: «то есть онъ дѣлаетъ все то, чего ему хочется». М. С.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «погибшую». М. С.

исполнить всего каждодневнаго порядка, какъ вбѣжавшій къ намъ Соколова слуга, запыхавшись доложилъ: «Касаговъ пріѣхалъ».

Архіерей приказалъ тотчасъ всѣмъ заступить свои мѣста, оставилъ пѣніе и все что было въ рукахъ, дабы нуждающагося, но не требующаго исправленія гвардейца, не совратить собственнымъ примѣромъ еще больше съ пути праваго, или бы, по крайней мѣрѣ, не утвердить его въ настоящемъ его положеніи. На сей конецъ онъ, вскоча въ спальню, порядочно расчесался и опрыскался духами; на сей конецъ,—говорю я, какъ честный повѣствователь,—а не на тотъ, чтобы заглушить обоняніе арака; а Касаговъ, между тѣмъ занялся въ особомъ покоѣ съ Палладіемъ. Палладій, поговоря съ нимъ малое время, вошелъ къ архіерею и донесъ, что Касаговъ дрожитъ, «очень примѣтно, что онъ вѣдаетъ о внушенномъ вашему преосвященству его поведеніи». Архіерей отвѣчалъ важно: «невѣжду страхомъ спасаютъ, отъ огня восхищающе». Потомъ вышелъ къ Касагову въ препровожденіи моемъ и игуменовомъ.

Касаговъ, по принятіи благословенія, сказалъ, что онъ за долгъ свой почелъ быть у его преосвященства, и—просилъ къ себѣ въ домъ, а преосвященный легко согласился къ такому дѣлу, которое и безъ просьбы намѣренъ былъ исполнить, почитая посѣщеніе свое долгомъ апостольскимъ и зная изъ опыта, что прошло уже то чорствое время, въ которое пастыри словесныхъ овецъ не носили при поясѣ мѣди, и почитали временную нищету вѣчнымъ богатствомъ.

Въ Касаговѣ видѣлъ я человѣка тихословнаго и совсѣмъ не похожаго на такого буяна, какъ объ немъ говорено со стороны г-на Соколова. Росту онъ былъ средняго, сложенія слабаго. Лицо имѣлъ круглое, хотя не сухое, однако блѣдноватое; лѣтъ съ небольшимъ 30-ти. Въ немъ видны были слѣды барина и надлежащаго воспитанія, но примѣтно было, что онъ въ разговорахъ силился припомнить то, что повидимому отъ неупотребленія позабылъ. Онъ откланялся и отъѣхалъ домой, а мы принялись опять продолжать и оканчивать свои дѣла.

По прибытіи въ его село, преосвященный, по обыкновенію,—для отличныхъ церквей—пошелъ прежде всего, въ препровожденіи своего клира въ церковь. Церковь хотя была каменная,

но въ крайнемъ запущеніи и нечистотѣ. Священно и церковнослужители отъ взысканія за сіе были свободны, потому что преосвященному внушено, якобы они отъ безпорядочнаго помѣщика загнаны до чрезвычайности. Но вопреки сему безпорядку, когда приблизились къ дому, господинъ Касаговъ встрѣтилъ гостя съ порядочною пушечною пальбою, съ учрежденныхъ у него батарей.

Обѣденной столъ былъ достаточенъ, но безпорядоченъ. Слуги его услужить не умѣли; примѣтили всѣ, но никто не зналъ, отчего хозяинъ за столомъ сдѣлался пьянъ. Преосвященный во все это время соблюлъ свою важность, пилъ очень мало и велъ бесѣду приличную доброму пастырю. Евангельская притча о заблудшемъ сынѣ, растворенная больше природнымъ ему велерѣчіемъ, нежели школьною риторикою, растрогала возлежащихъ на трапезѣ до того, что ихъ чуть бы не проняло до слезъ, если бы это было не за столомъ; одинъ только Касаговъ былъ ни тронутъ, ни равнодушенъ, ни твердъ, ни слабъ, ни веселъ, ни печаленъ, и для того, былъ онъ внѣ всѣхъ характеровъ *).

Пастырь, не говоря ни слова съ хозяиномъ съ самаго пріѣзда, всталъ изъ-за стола, приказалъ закладывать лошадей къ отъѣзду. Очень ясно, что на исправленіе совратившейся съ пути праваго души не много было употреблено труда. Однакожъ, хозяинъ, какъ будто поправляя пастырское нерадѣніе, двинулся просить его погостить; съ убѣдительными просьбами онъ не собрался, хотя и довольно уже протрезвился, рѣчь его была хладнокровна, вяла, медлительна. Когда же увидѣлъ, что преосвященный просьбѣ его не внимаетъ,—бросился въ другую комнату къ Палладію и Соколову съ прошеніемъ, чтобъ они помогли ему упросить преосвященнаго, по крайней мѣрѣ переночевать, ежели не болѣ. Они охотно взялись за то, чего **) ожидали отъ Касагова, но какъ преосвященный и на ихъ просьбу еще упорствовалъ, или притворствовалъ, то гвардеецъ нашъ грякнулъ передъ нимъ на колѣни, и вспыльчиво заговорилъ: «если ваше преосвященство у меня не заночуете, то я застрѣлюсь». Сіе краснорѣчіе убѣдило пастыря ночевать, который тогда же рекъ: «душу спасти, или погубити!»

*) Далѣе зачеркнуто: «натуральнымъ людямъ». М. С.
**) Зачеркнуто: «по согласію съ архіереемъ». М. С.

Когда архіерей, отужинавъ, легъ спать, и хозяинъ тоже, то мнѣ показалось еще рано, какъ и въ самомъ дѣлѣ было; я пошелъ въ комнату къ велегласному нашему игумну въ намѣреніи у него посидѣть, пока спать захочу. Тамъ нашелъ я Соколова съ женою и еще персоны съ четыре благороднаго люду. Лишь только я къ нимъ подъявился, то всѣ въ одно слово встрѣтили меня: «легóкъ на поминѣ». Соколова жена, взявши меня за руку, сказала: «мнѣ давно хотѣлось съ тобою поговорить». Мы пошли подальше отъ всѣхъ и сѣли въ углу на софѣ *), а Соколовъ вслѣдъ намъ не пропустилъ сказать:

«Смотри же, господинъ молодчикъ, не сведи жены-то моей съ ума!»

— Неизвольте опасаться, отвѣчалъ я, мы въ вашихъ глазахъ на этой софѣ все кончимъ, что намъ надобно будетъ.

Сей случайно-вырвавшійся двусмысленный отвѣтъ произвелъ во всѣхъ великой смѣхъ; а отецъ Палладій, радъ будучи оказіи, заигралъ въ свою лирическую трубу, а мы подъ симъ шумомъ начали нашъ разговоръ:

Г-жа Соколова. «Какъ вы думаете о здѣшнемъ господинѣ**) и о всемъ его домовствѣ?»

Я. Въ такъ короткую пору нельзя было ничего еще думать, сударыня! Однакожъ, безъ дальнихъ замѣчаній, не трудно видѣть: старинный домъ, множество слугъ, и, что г-нъ Касаговъ очень не бѣденъ; но для порядка, какому надлежало бы быть въ большомъ и достаточномъ господскомъ домѣ, не достаетъ, мнѣ кажется, его самого.

Г-жа Соколова. «Вы видѣли все, что можно было видѣть. Я вамъ прочее дополню: Андрей Ивановичъ Касаговъ родился въ Петербургѣ. Покойная, неподражаемаго милосердія императрица Елисавета Петровна была ему воспріемницею. Въ бытность отца его тамъ по долгу службы, воспитыванъ онъ былъ прилично его роду и достатку. Оставшись по смерти отца, отпросился онъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ въ домовой отпускъ. Прибывъ въ этотъ отцовской домъ, въ которомъ мы теперь, и будучи въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, пустился онъ во всѣ пороки, въ какіе только можетъ завлечь себя недозрѣлая молодость, при пособіи худыхъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «на канапе». М. С.

**) Зачеркнуто: «хозяинѣ». М. С.

склонностей, имѣя при себѣ, вмѣсто дядьки, полную волю, богатство и множество служителей, готовыхъ исполнять желанія молодого господина. А это ужъ вѣдомое дѣло, что для большей части слугъ нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ имѣть молодого барина, обращающагося въ своевольствѣ. Онъ сдѣлалъ изъ своихъ людей съ пол-роты солдатъ, самъ ихъ обучилъ, самъ ими управляетъ, предводительствуетъ и жалуетъ въ чины. Не было бы порицательно, еслибъ онъ употреблялъ ихъ для собственной съ гостьми забавы; но они употребляются имъ, или подъ именемъ его, его домоправительми къ обидѣ сосѣдей, къ наглости и притѣсненію людей безпомощныхъ, и даже самыхъ тѣхъ, которые у него въ гостяхъ бываютъ, почему никто уже у него изъ знаменитыхъ и благомыслящихъ людей никогда не бываетъ, ни его къ себѣ не принимаетъ. Онъ завелъ у себя гаремъ, наполнилъ его дѣвками разнаго состоянія. Въ числѣ ихъ находилась любимая его султаньша, сего села поповна, которую когда отецъ предпринялъ-было освободить, то заплатилъ своею жизнію; ибо неизвѣстно, куда онъ дѣвался. Всѣ объ этомъ ужасномъ злодѣяніи подозрѣваютъ, что попъ истребленъ по его приказанію, дабы не обличалъ явнаго его грѣха и не лишилъ бы любовницы. Но какъ нѣтъ въ семъ дѣлѣ истца и доказывателя, то злодѣйство можетъ быть навсегда останется закрыто, къ большей пагубѣ души его».

Я. Гдѣ-жъ этотъ его гаремъ, сударыня?

Г-жа Соколова. «Передъ пріѣздомъ преосвященнаго онъ его распустилъ. Дай Господь Богъ, — тутъ она вздохнула, — чтобъ онъ по отъѣздѣ опять его не собралъ! Вотъ примѣръ жалкаго сиротства при великомъ изобиліи *)»!

Я. Что-жъ онъ, сударыня, за сирота, если онъ въ своемъ гаремѣ имѣетъ много нянекъ?

Г-жа Соколова. «И въ подлинну такъ!»

Я. Для чего-жъ, сударыня, къ командѣ его не требуютъ, если прошелъ срокъ домовому отпуску?

Г-жа Соколова. «Требованъ онъ былъ неоднократно и въ команду; но онъ, то болѣзньми, то другими не дѣльными при-

*) Тогда еще не было дворянскихъ опекъ и опекуновъ, которые теперь, подъ своею священною должностью, нерѣдко оставляютъ питомцу въ наслѣдство разоренное имѣніе, неоплатные долги и на всю жизнь тяжбу. Г. Д.

чинами отговаривался, пока наконецъ узнали о его сумасбродной жизни, и, по волѣ монаршей, не исключая изъ службы формально, забыли объ немъ, какъ объ мертвомъ, оставя навсегда въ теперешнемъ чинѣ, который данъ ему въ его малолѣтствѣ, въ знакъ милости покойной императрицы къ его родителю. И такъ, годовой его отпускъ продолжается лѣтъ съ 10-ть, да и кончится безъ сомнѣнія съ его жизнію. Ему теперь не болѣе 33-хъ лѣтъ. Посмотрите-жъ! Не представляетъ ли онъ старика, болѣзньми отягченнаго, лишившагося крови и натуральной въ цвѣтущихъ лѣтахъ бодрости? а причиною тому любовныя дѣла и пьянство. Примѣтили-ль вы, каковъ онъ былъ за обѣдомъ? таковъ онъ и день и ночь! Стола ни обѣденнаго, ни ужиннаго у него не бываетъ. Лишь только онъ проснется, то подадутъ ему чайную чашку любезнаго его напитка, котораго онъ называетъ **чефрàсъ**, и который на какую-то траву настоянъ простою хлѣбною водкою. Около полудня поднесутъ ему на тарелкѣ двухъ жареныхъ воробьевъ. Рѣдко случается, чтобъ онъ ихъ обѣихъ съѣлъ. Вотъ весь его столъ! и я при всякомъ съ нимъ свиданьи умножаю болѣзнь моего сердца, видя жизнь его—Богу противную и людямъ несносную, и въ такомъ разстройствѣ со дня на день очевидно во гробъ его влекущую».

Я. «Ваше чувствительное разсужденіе, сударыня, дѣлаетъ честь вашему сердцу. Однако-жъ, судя по каждодневнымъ зрѣлищамъ, много на свѣтѣ требующихъ исправленія; но ихъ всѣхъ ни исправить, ни оплакать нельзя, если они сами о себѣ вознерадѣютъ».

Г-жа Соколова. «Да! Я васъ и не предувѣдомила! Онъ мнѣ свой доводится. И хотя свойство наше не ближнее, однако-жъ ближе меня нѣтъ никого, потому что онъ послѣдній въ родѣ; почему и надлежало бы мнѣ быть наслѣдницею его имѣнія, но онъ и помыслить объ этомъ не хочетъ. Та-та причина и побудила насъ согласить преосвященнаго къ посѣщенію его дома, дабы его преосвященство пастырски его наставилъ на истинный путь. Мы, съ помочью отца Палладія, нѣсколько уже предувѣдомили о семъ преосвященнаго. Вы, мой голубчикъ, жизнь моя! имѣете случай раньше всѣхъ завтре быть у его преосвященства. Не позабудьте ему внушить, что вы отъ меня слышали».

Такимъ образомъ я, дослушавъ жалостливую рѣчь, составленную на тотъ конецъ, чтобы добродѣтельной боярынѣ съ мужемъ быть наслѣдницею имѣнія послѣдняго въ родѣ, увѣрилъ ея нѣжность, что «я за счастіе почитаю, сударыня, услужить вамъ; всякое ваше препорученіе, легко мнѣ исполнить. *Но*» — при выговореніи *но*, боярыня примѣтно покраснѣла, хотя это было и при свѣчи; а я, совѣстясь не проговорился-ли чѣмъ, пришелъ также въ замѣшательство, — быть можетъ, что мое но къ чему-нибудь бы и послужило; но мнѣ въ тѣ поры, кромѣ простыхъ наружныхъ замѣчаній, ничто постороннее ни въ голову, ни въ сердце не входило, потому, что изъ монастырскихъ жителей, хотя и бываютъ иногда добрые и богобоязливые люди, но въ любовныхъ дѣлахъ всѣ вообще великіе невѣжи, отъ архіерея до звонаря. Между тѣмъ, намъ подносили, и мы, — кромѣ барыни, — по возможности, пили. Наконецъ, я пошелъ на ночлегъ, повторивъ напередъ боярынѣ увѣреніе, непремѣнно оклеветать Касагова, дабы послѣ сего, имѣя что прощать, скорѣе принудить его къ признанію наслѣдницею госпожу Соколову.

Она была изъ фамиліи Касаговыхъ; будучи дѣвицею, влюбилась въ поповича Соколова, когда онъ въ домѣ ихъ обучалъ дѣтей читать и писать, съ которымъ такъ скрытно обвѣнчалась, что не прежде о томъ узнали, какъ уже мать вознамѣрилась выдать ее за молодого дворянина. Тогда она безбоязненно открыла, что уже имѣетъ мужа, съ которымъ вѣнчана. Старуха, натурально, потревожилась и въ первомъ движеніи гнѣва изгрызла бы мужа и жену зубами, но на Руси вѣнецъ, дѣла консисторскія, равно какъ у католиковъ matrimonia consumata, имѣютъ свою силу и дѣйствіе. А Соколовъ былъ уже артиллеріи сержантомъ, и находился въ С.-Петербургѣ при канцеляріи фельдьцейхмейстера графа Шувалова, у котораго отецъ его, Соколова, будучи полковымъ священникомъ, былъ духовникомъ; все это совокупно содѣлало «бракъ честнымъ и ложе непорочнымъ» *), вслѣдствіе чего и мать нашлась матерью дѣтямъ; а Соколовъ происходя чинами, по милости духовнаго сына его отцу, вышелъ наконецъ въ отставку, съ чиномъ артиллеріи капитана, и жилъ въ деревнѣ съ женою, которую онъ приобрѣлъ трудами

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «ложе нескверным». М. С.

за ученье *). Сосѣди его, древніе дворяне, хотя не были ему непріятельми, однакожъ судили о немъ такъ, какъ судятъ мои соотечественники о часахъ, стальныхъ вещахъ, и проч.: «хороши! говорятъ они, однакожъ не англійскія и не французскія». Равно и тѣ говорили: «Онъ умный малый, да жаль что поповичъ». Подобно сему, старинные поляки говаривали отъ чистаго сердца: «что-жъ! что Кіевъ имѣетъ много святыхъ! Да они не изъ шляхетства». — Prostóta.

Поутру, только-что проснувшемуся, но еще утопающему въ пуховикѣ за спасеніе душъ пастырю, старался я докладъ мой сдѣлать случайнымъ, что называется: «къ рѣчи пришло».

Я началъ съ партретовъ **), представляющихъ во весь ростъ нашего хозяина и его дѣда, кои были въ нашей горницѣ. Дѣдъ написанъ былъ съ лысиною, почти до затылка, съ бородою сивою, клинообразною, и не очень долгою, въ длинномъ кафтанѣ русскаго стариннаго покроя, темнопесочнаго цвѣта, застегнутомъ во все брюхо, большими въ одинъ рядъ, шаровидными желтыми пуговицами, въ красныхъ сапожкахъ, и стоялъ натурально; а внукъ съ низенькимъ тупейчикомъ, припудренъ сѣдѣе своего дѣда, въ гвардейскомъ зеленомъ мундирѣ, стоялъ въ четвертую позицію, съ шляпою въ рукахъ.

Смотря на нихъ, заговорилъ я преосвященному, что: «различіе ихъ кафтановъ не дѣлаетъ ихъ различными въ образѣ жизни».

Архіерей. А почему?

Я. — «Я слышалъ отъ его домашнихъ, что дѣдъ его скончался отъ любострастной болѣзни, такъ — внуку и непростительно уже не быть похожу на своего предка». Словомъ, я, пересказавши все, что слышалъ отъ боярыни, и не щадя ни живыхъ, ни мертвыхъ, — хотя и зналъ наизусть всѣ десять заповѣдей — прибавилъ еще, что мнѣ на умъ взошло, по обыкновенію архіерейскихъ келейниковъ, за то, что Касаговъ не старался сдѣлать наслѣдницею своего имѣнія госпожу Соколову съ мужемъ, и что угощалъ насъ отъ всего сердца, какое онъ имѣлъ.

«Не знаю, сказалъ архіерей выслушавъ мой докладъ, что мнѣ съ этимъ извергомъ дѣлать! чуть ли я не отлучу его отъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «трудами причетническими за ученье». М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «картинъ». М. С.

сословія православныхъ, дондеже исправится и покажетъ житіе незазорное и благочинное». Но по выходѣ изъ спальни и послѣ чаевъ, кофіевъ, подана была закуска; за нею слово — за слово, о стороннихъ матеріяхъ; потомъ, послѣдовалъ обѣдъ; послѣ обѣда повторяемо было тоже, что передъ закускою, передъ обѣдомъ и за обѣдомъ. Не видали какъ прошелъ маленькій день, и явился вечеръ. Къ вечеру зажженъ былъ фейерверкъ, сдѣланный собственными его людьми. И хотя я потомъ въ жизни моей видалъ многократно лутчіе и безпримѣрно богатѣйшіе фейерверки, но никогда уже не случилось видѣть, чтобы каждая штука выгорала такъ совершенно и безостановочно, и чтобы между догараніемъ одной и зажиганіемъ другой штуки не проходило ни секунды празднаго времени. Ужинъ и почти вся ночь прошли не въ скукѣ.

Назавтра, Касаговъ поутру вывелъ свою армію, состоящую человѣкъ изъ 24-хъ и командуя оною самъ, на широкомъ своемъ дворѣ, производилъ свои маневры и сильной ружейной огонь. Архіерей и всѣ гости смотрѣли изъ оконъ и съ крыльца на сію эволюцію капральства, а Касаговъ, по воинскому артикулу, подходилъ къ архіерею для принятія приказовъ, архіерей же въ семъ случаѣ заимствовался наставленіемъ отъ капитана артиллеріи и отца его, бывшаго полковаго попа.

Потомъ, во время обѣденнаго стола, производилась на дворѣ за здоровье пьющихъ пушечная пальба, почти безпрерывно. Напослѣдокъ, хозяинъ, одаривши архіерея и всѣхъ находившихся въ его свитѣ вещами и деньгами, а меня однимъ имперіаломъ и дорогимъ турецкимъ ружьемъ, и отпустивши гостей пьяныхъ слишкомъ, остался по прежнему съ своимъ чефрасомъ и съ поповною.

Спустя мѣсяца четыре послѣ нашего отъѣзда, Касаговъ умеръ. Соколовъ предпринималъ вступить въ наслѣдство принадлежащаго ему по женѣ. На сей конецъ поѣхалъ онъ въ Петербургъ; тамъ онъ безъ труда приобрѣлъ благодѣтеля, господина Самойлова, Николая Борисовича, который былъ тогда сенаторомъ и временщикомъ по связи родства съ тогдашнимъ славнымъ счастливцемъ княземъ Потемкинымъ *). Онъ

*) Николай Борисовичъ Самойловъ, тайн. совѣтникъ, сенаторъ, былъ женатъ на старшей сестрѣ кн. Г. А. Потемкина — Маріи Александровнѣ. Это

принялъ Соколова въ Петербургѣ на все свое содержаніе, возилъ его съ собою по большимъ домамъ, рекомендовалъ его какъ человѣка достойнаго покровительства, которой ему по женѣ доводится свой. Послѣ оглашенія, что Соколова жена Самойлову родня — чему и самъ Соколовъ былъ свидѣтелемъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что быть въ свойствѣ съ большимъ бариномъ льстило его суетности — Самойловъ получилъ по Касаговѣ наслѣдство, состоящее изъ хорошихъ и достаточныхъ деревень, съ господскимъ домомъ, со всѣми къ нему принадлежностьми и важною движимостью, а Соколовъ возвратился домой съ надеждою, что онъ при открытіи Орловскаго намѣстничества получитъ предсѣдательское мѣсто въ верхнемъ земскомъ судѣ *).

§ XXIV.

Продолженіе возвратнаго путешествія.

1772—1773.

Соколовъ и Палладій отправились по домамъ, а мы, «творя извѣстнымъ званіе и избраніе преемничества апостольскаго», заѣхали того-жъ уѣзда въ село Кретово — на пути, ведущемъ въ Сѣвскъ, къ помѣщику отставному гвардіи секундъ-маіору Евтиху Ивановичу Сафонову, къ тому самому, о которомъ я говорилъ подъ § VII-мъ. Сей Сафоновъ давно уже велъ съ архіереемъ бранную переписку за то, что онъ желалъ выгнать изъ своего села попа за его грубости, а архіерей тому препятствовалъ.

Подъѣхавъ подъ крыльцо дому, архіерей остановился, лежа въ дормесѣ духовнаго колибра **). Хозяинъ вскорѣ показался въ халатѣ тѣлеснаго цвѣта и въ туфляхъ. Онъ былъ росту выше средняго, довольно тученъ, видъ имѣлъ барина въ старинномъ форматѣ. Скудоволосая, сивобѣлая маленькая коса перетянута шнуркомъ при самомъ затылкѣ. Архіерей межъ подушками спросилъ его — довольно громкимъ голосомъ: «что ты за человѣкъ»?

отецъ знаменитаго генералъ-прокурора и государственнаго казначея—Александра Николаевича Самойлова († 1812 г.). Дочь Николая Борисовича—Екатерина была въ замужствѣ за героемъ 1812 г.—Раевскимъ. М. С.

*) Повѣствованіе самого Соколова. Г. Д.

**) Это было около 3-го часа пополудни, слѣдственно давно послѣ деревенскаго и монастырскаго обѣда, или послѣ столичнаго завтрака. Г. Д.

«Я здѣшній хозяинъ», — отвѣтствовалъ старикъ твердымъ голосомъ.

Архіерей. Ты Евтихъ Сафоновъ?

Сафоновъ. «Я Евтихъ Сафоновъ».

Архіерей. А почему ты осмѣливаешься надписывать ко мнѣ на пакетахъ: «его преосвященству отцу Кириллу»? Будто бы къ [illegible]у попу! Развѣ ты не знаешь архіерейскаго титула?

Сафоновъ. «А какъ же тебя назвать? Вѣдь ты мой отецъ, а я твой сынъ, то я такъ къ тебѣ и пишу. А другихъ титуловъ между нами я не знаю».

Архіерей. А! ежели такъ, будь же ты мой сынъ! вотъ тебѣ — протягивая руку — мое отеческое благословеніе. Пиши ко мнѣ и впредь такъ, какъ писалъ: не перемѣняй своей формы.

По семъ странномъ переговорѣ, сынъ отца вытаща изъ колыбели *), пошли вверхъ по дурной широкой лѣстницѣ, въ огромные, дурной архитектуры хоромы, которые снаружи представляли старинной боярской, бревенчатой и необитой домъ о двухъ жильяхъ, а внутри изобильной, какъ полную чашу.

По первомъ простомъ и чистосердечномъ привѣтствіи, хозяинъ представилъ преосвященному своего сына, лѣтъ около 23-хъ, и изъяснился такъ: «Чувствую изнеможеніе силъ, для того и выпросилъ я въ отпускъ изъ Петербурга сына моего. Онъ прежде служилъ пажемъ при дворѣ, а нынѣ служитъ гвардіи офицеромъ.— Отецъ мой! Не забудь! помяни меня во время приношенія безкровныя жертвы. Погреби мой бренный трупъ. А ты, Иванъ Евтиховичъ — взглянувъ на сына — дай тогда знать преосвященному, какъ я умру».

У нѣжнаго сына — при цѣлованіи руки у отца и у архіерея, — слезы градомъ покатились.

Хотя рогъ изобилія и Церера хозяину по именамъ не были извѣстны, однакожъ они въ его домѣ обитали во всемъ своемъ могуществѣ. Правда, хозяинъ не дошелъ до изящнаго вкуса, а потому и не имѣлъ у себя ни капельмейстера, ни балетмейстера, ни фейерверкмейстера, ни кухмейстера, ни шталмейстера, ни гофмейстера, ни иллюминацій, ни душистыхъ помадъ, ни шампанскихъ, ни венгерскихъ, ни бургонскихъ, ни англійскихъ (винъ)—

*) Вмѣсто зачеркн.: «колесницы».

кои нерѣдко бываютъ очень яснымъ *) таинствомъ плоти и крови измученныхъ **) крестьянъ; — не было у него и аранжерей, для украшенія которыхъ иногда дорого покупается персикъ и абрикосъ, чтобъ наткнуть его на шпильку при деревѣ; но —

все его изобиліе изъ собственной домашней экономіи состояло не въ блестящихъ важностяхъ ***), но въ русскихъ бездѣлкахъ: у него было множество разнаго въ зернѣ и въ снопахъ хлѣба; полна пространная конюшня лошадей разныхъ породъ, коихъ онъ имѣлъ свой заводъ; полны скотные дворы скота и кладовыя—всякихъ мелочей, какъ-то: холста, суконъ, кожъ, воску, меду, масла коровьяго, коноплянаго и проч.—вся такая не малоцѣнная громада составляла одногодовой приходъ. Къ сему принадлежитъ превеликой подъ его хоромами погребъ, хранящій отъ временъ, покрытыхъ неизвѣстностію, разномѣрныя бочки, боченки, бутыли, бутылки, и дополняемый каждогодно, да живетъ безконечные вѣки, во славу и хвалу сотворшаго и назидающаго его. Тамъ, при нѣкоторыхъ стѣнахъ ****), на перекладинахъ, сдѣланныхъ на укрѣпленіяхъ, на подобіе наръ, отъ низу вверхъ до половины стѣны, а въ нѣкоторыхъ, въ сдѣланныхъ искусствомъ впадинахъ, на подобіе кіевскихъ пещеръ, помѣщены разнаго сорта водки, разныя наливки и меды, превратившіеся отъ времени, почти въ непонятные, но полезные и винообразные вкусы — а бѣлое его съ игрою пиво превосходитъ всѣхъ пивъ англійскихъ и нѣмецкихъ.

Въ сей-то бахусовъ храмъ, владыка дома, храня древнее свое обыкновеніе, завелъ на другой вечеръ угощенія, нашего владыку со всѣмъ его клиромъ; гдѣ учрежденной на таковыя случаи серебреной вызолоченой ковшъ, отвѣдавъ изъ нѣсколькихъ бочонковъ, далъ себя почувствовать всѣмъ вкушавшимъ отъ него, и былъ причиною, что архіерей задѣлъ словомъ хозяйскаго сына, которой съ ковшомъ не знакомился. Молодой человѣкъ почувствовалъ во всей силѣ, что онъ гвардіи офицеръ, и далъ объ этомъ знать архіерею въ самыхъ благородныхъ выраженіяхъ. Потомъ изъяснилъ, что неограниченная любовь, почтеніе и ува-

---

*) Вмѣсто зачеркн.: «понятнымъ». М. С.
**) Вмѣсто зачеркн.: «умученныхъ». М. С.
***) Вмѣсто зачеркн.: «бездѣлкахъ». М. С.
****) Вмѣсто зачеркн.: «около стѣнъ». М. С.

женіе*) къ его родителю, удерживаютъ его въ границахъ терпѣнія. Далѣ сцѣпился съ архіереемъ на французскомъ языкѣ; архіерей, которому повидимому отъ гвардейца приходило въ тупикъ, просилъ старика отца войти въ посредничество къ примиренію. Старый Сафоновъ сказалъ сыну: «Иванушка! оставь. Самъ старъ будешь, послушай меня старика». Сынъ бросился въ слезахъ цѣловать отцовскія руки, потомъ архіерейскія; потомъ всѣ трое перецѣловались. Потомъ, давно дожидавшійся ковшъ возобновилъ походъ форсированнымъ маршемъ. Потомъ архіерей, яко проповѣдникъ мира и непріятель тишины и спокойствія, напалъ на миротворца хозяина, за то, что тамъ на стѣнѣ усмотрѣлъ онъ образъ какого-то святаго, котораго, по мнѣнію архіерейскому, страдала святость въ погребу. Хозяинъ имѣлъ терпѣніе выслушивать и переносить все въ молчаніи. Но когда архіерей возопилъ: что «велитъ во всѣхъ бочонкахъ дны повыбивать»; тогда хозяинъ, какъ будто проснувшись, закричалъ во свою очередь изо всей силы: «Да кто тебѣ дастъ? знаешь ли, что я въ домѣ господинъ? ты имѣешь власть вязать меня въ церкви, а я тебя свяжу въ моемъ погребу».

Архіерей не помедлилъ защититься священнымъ текстомъ: «Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ», хотя это и по захожденіи уже солнца происходило. Въ знакъ примиренія, архіерей получилъ бочку наливки, несмотря на то, что подвластныхъ поповъ за подобные въ подрывъ откупа матеріалы разстригалъ, хотя они ихъ и покупали.

Хозяинъ и гость не были въ силахъ ужинать. А по утру, хозяинъ, въ залогъ христіанской къ архіерею любви, снялъ съ себя золотой крестъ, который носилъ отъ юныхъ лѣтъ, и надѣлъ на архіерея. А архіерей обязался, по пріѣздѣ въ Сѣвскъ, первымъ для себя поставить дѣломъ и долгомъ, сдѣлать для Сафонова новый, съ приличною надписью, и доставить или возложить на него во утвержденіе пріязни и братства. Послѣ вкуснаго обѣденнаго стола, мы отправились въ Сѣвскъ.

По пріѣздѣ, посѣтилъ преосвященнаго воевода Пустошкинъ въ тотъ же вечеръ, съ прочими чиновниками. Отъ него услышали мы съ патріотическимъ удовольствіемъ, что отъ правитель-

*) Вмѣсто зачеркн.: «повиновеніе». М. С.

ства послѣдовало уже обнародованіе о присоединеніи Бѣлорусскаго края къ имперіи россійской. Я не могъ тогда и помыслить, чтобы Бѣлоруссія когда-нибудь стала моимъ обиталищемъ, въ которой я теперь пишу мою исторію.

Союзомъ любви и братства Сафонова преосвященный не долго пользовался. Мѣсяца чрезъ полтора прибѣжалъ нарочный отъ сына съ извѣстіемъ, что отецъ перешелъ въ царство безсмертныхъ, и съ прошеніемъ о погребеніи его по сдѣланному завѣщанію. Преосвященный сильно опечалился *), съѣздилъ, похоронилъ, сказалъ надгробное слово; фамилія пожелала его имѣтъ. Я по дозволенію списалъ, мнѣ за то заплатили, а архіерею и всему его штату—за всѣ труды и подвиги, и мы возвратились тою же дорогою. Не помню, далъ ли преосвященный на память сыну врестъ, по силѣ сдѣланнаго съ отцемъ его обязательства.

Сохраняя сколько можно порядокъ времени, долженъ сказать, что въ сіе самое время, любезнѣйшій сердцу моему радогожской мой дѣдъ и воспитатель пріѣзжаетъ и входитъ ко мнѣ раздѣлить свою печаль: весь его домъ и съ пожитками въ ночную пору сгорѣлъ. «Любезный мой внукъ — продолжаетъ онъ – все бы еще эта бѣда не бѣда! Но я не задолго предъ пожаромъ лишился и своей любовницы, которая, самъ ты знаешь, сколько и тебя присматривала, обмывала и лелѣяла, какъ своего родного».

— Что ей сдѣлалось дѣдушка?

— «Смерть ее похитила! Если что было мнѣ въ моей старости отрадою и утѣшеніемъ, то все уже съ нею умерло. И самъ я не тотъ уже твой дѣдъ, которой тебя съ горячею любовію воспитывалъ, но тѣнь уже его ты видишь предъ собою».

— Что тебѣ теперь надобно, дѣдушка?...

— «Монастырь, любезный мой внукъ, монастырь, къ которому судьба завременно уже меня пріучила».

Я доставилъ ему мѣсто въ Глинской пустынѣ, отстоящей отъ Глухова верстъ на 10-ть, въ которой онъ въ силахъ еще былъ не поладить съ настоятелемъ. А по сей причинѣ—согласно его желанію и моей при архіереѣ возможности—переведенъ былъ

*) Далѣе слѣдуетъ въ подлинникѣ зачеркнутая авторомъ приписка: «ежели можетъ печалиться или радоваться человѣкъ находящійся подъ запрещеніемъ вкушенія всѣхъ въ одномъ пунктѣ радостей и печалей, горестей и сладостей». М. С.

онъ въ Рыльскій, Николаевскій монастырь, гдѣ поживши съ годъ времени, умеръ. Тамошній настоятель архимандритъ Вонифатій Борейко увѣдомилъ меня о семъ слѣдующимъ коротенькимъ письмомъ: «многія лѣты архипастырю нашему и тебѣ, другъ мой любезнѣйшій! А дѣдушка твой Богу душу отдалъ». Смерть его перенесъ я неравнодушно. Но описаніемъ моей жалости не нужно умножать моей исторіи. Я, не стараясь помнить, никогда уже не могу забыть его безмѣрнаго ко мнѣ доброхотства и любви. А между тѣмъ,

1773 г. Архіерей, будучи великой непріятель праздности, подвизаясь цѣлыя ночи за ужиннымъ столомъ съ сестрою, съ матерью, съ нѣкоторою монастырскою братіею, приглашаемою по его приказанію, съ консисторскими членами, иногда же съ приглашенными изъ города юриспрудентами, продолжалъ пѣніе, питье, разговоры, крики, задачи, силлогисмы, стихописаніе, игру на гусляхъ, и—если угодно—польскій танецъ, которому былъ великій мастерище выше упомянутый мною Рыльскій архимандритъ Вонифатій Борейко, бывшій прежде базиліяномъ, слѣдовательно урожденный для танцовъ полякъ. Такимъ образомъ убивая время, вспало единожды его преосвященству на умъ, написать для забавы пріятелю своему, сѣвскому воеводѣ Пустошкину, у котораго онъ часто обѣдывалъ, ругательной кантъ. Онъ начинается такъ:

Здравствуй, храбрый молодецъ,
Виждь, что чести есть конецъ.
Грудью достаютъ то многи
Смертной не страшась дороги,
Чтобъ отечеству служить,
И за то чинъ получить и проч....

. . . .

Вздумалъ паки наконецъ,
Чтобы въ службѣ не былъ льстецъ,
Патріота вдругъ личину
Принялъ *), чтобъ найтить причину
Человѣкомъ слыть честнымъ,
Въ штатской службѣ сталъ инымъ и проч....

Я столько его написалъ, сколько могъ припомнить. Для понятія же, каковъ онъ былъ весь, довольно и этого.

Можетъ быть кто потребуетъ симъ стихамъ перевода или

*) Вмѣсто зачеркн.: «вздумалъ». М. С.

толкованія. Ну, да какого тутъ перевода или смысла желать, когда что пишется за ужиннымъ, протяженнымъ на цѣлую ночь столомъ? Довольно, если риѳмы хороши, и нѣтъ ни одной полубогатой. Что же касается до меня, то я доволенъ былъ случаемъ положить его на ноту. Хоръ пѣвчихъ его воспѣлъ. Кантъ былъ безподобной, это правда. Кантъ былъ хорошъ, это неправда. Какъ бы то ни было, мы его полюбили какъ свое рожденіе. Слушайте, слушайте къ чему дѣло идетъ, и чѣмъ оно кончится!—

Кантъ пѣвали за обѣдами и ужинами, и какъ случилось. Архіерейскому удивлялись сочиненію всѣ попы и протопопы, а меня хвалили за ноту. Кантъ, архіерей и я вошли уже во всеобщую молву, но изъ разныхъ состоящую мнѣній, о узнаніи которыхъ никто меньше не заботился какъ я. Слушайте-жъ, слушайте! такъ кричатъ въ англійскихъ парламентахъ.

Лекарь городовой, тотъ самой, которой меня послѣ горячки лечилъ кашицею съ курицею, схватилъ у архіерея, съ дозволенія его, кантъ, дабы воспользоваться изящнымъ сочиненіемъ. На завтрѣ архіерей опомнился и послалъ меня въ городъ, возвратить отъ лекаря кантъ. Я встрѣтилъ его выходящаго изъ квартиры. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что пришлетъ кантъ, а теперь онъ идетъ въ Казанскую церковь къ обѣднѣ. «И я съ вами помолюсь».—

— Нѣтъ! За чѣмъ же вамъ дожидаться? Я тотчасъ пришлю послѣ обѣдни. — «Такъ вы теперь вернитесь».

Лекарь перемѣнился въ лицѣ, однакожъ не вернулся. Въ церкви онъ еще два раза принимался меня увѣрять, что онъ пришлетъ послѣ обѣдни; но я, не желая возвратиться безъ исполненія зачѣмъ посланъ, достоялъ обѣдню, до конца. Возвратясь въ квартиру, лекарь перевернулъ на столѣ свои каталоги, скотской лечебникъ, календарь, приподнялъ связку бумагъ, тронулъ иготь, звякнулъ пестикомъ и сказалъ, что кантъ куда-то завалился, и что онъ его отыщетъ и самъ доставитъ къ архіерею. Я, возвратясь, донесъ обо всемъ архіерею. Онъ немного призадумался, а я не сомнѣвался, что кантъ у воеводы. Между тѣмъ лекарь, недоволенъ будучи, что я, настоятельнымъ моимъ требованіемъ и неполученіемъ отъ него канта, открылъ въ половину его плутовство, сказалъ воеводѣ, что кантъ моего сочиненія, а не архіерейскаго; чему служитъ въ доказательство и рука, которою онъ писанъ, а нота подтверждаетъ. Архіерейской

же сестрѣ жалился, что я помѣшалъ ему въ церкви помолиться; сестра передала брату, а братъ мнѣ съ придачею, что я въ самомъ дѣлѣ не хорошо сдѣлалъ, что нарушилъ душевное спокойствіе человѣка молящагося. Это еще не конецъ. Кантъ лекарь возвратилъ; но вскорѣ послѣ сего воевода, мстя мнѣ за кантъ, у рилъ архіерея, что доноситель на него, Захарка, имѣетъ со мною сношенія. Воевода былъ не дуракъ. Онъ зналъ архіерейскій недовѣрчивый и легковѣрный нравъ *). Примѣтя же изъ движеній архіерейскихъ успѣхъ своихъ козней, припомнилъ онъ и о кантѣ на мой счетъ, выставляя свидѣтелемъ лекаря. Архіерей чистосердечно ему сказалъ, что это неправда, и что самъ онъ, архіерей, учинилъ сіе подъ веселое время и просилъ его, воеводу, простить ему дружески пастырское его дурачество **).

Дѣло на счетъ канта кончено, и я передъ воеводою правъ. Но гдѣ сыскать воеводѣ способъ признаться, что онъ меня, въ разсужденіи сношеній съ доносителемъ на архіерея, оклеветалъ въ отмщеніе за кантъ? такъ и осталось! А архіерей въ такихъ случаяхъ любилъ вѣру и ей безпрекословно повиновался.

Я не знаю, чтобы онъ со мною сдѣлалъ? Но движенія его ничего добраго не предвѣщали. Казалось по всему, что онъ рѣшился меня распять, не предавая понтійскому Пилату игемону. Бѣгство праведника не разъ уже бывало на земномъ шарѣ, въ силу права природы, внушающаго тако: «бѣжка не хвалятъ, а съ нимъ хорошо».

Къ покоямъ нашимъ примыкался храмъ Божій. Я скрылся въ него предъ обѣднею подъ жертвенникъ, и тамъ лежа выслушалъ обѣдню. Это было на день архангела Михаила, т.-е. 8-го дня ноября. Я слышалъ какъ архіерей, взошедши на клиросъ къ своимъ пѣвчимъ, затянулъ съ ними концертъ «Идеже осѣняетъ благодать твоя, архангеле, оттуда діяволя прогонится сила». По

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «характеръ». М. С.

**) Обо всемъ этомъ, спустя года полтора, самъ архіерей, будучи въ хорошемъ духѣ, мнѣ пересказывалъ, и мы по сему разсуждая, открыли одинъ другому глаза. Я долженъ сказать, что когда такой благотворной духъ на него находитъ, то представляетъ онъ особу, обворожающую каждаго слушателя своимъ основательнымъ, краткимъ, чистосердечнымъ словомъ. Но сіе такъ рѣдко съ нимъ случается, что едва ли въ цѣлый годъ можно считать нѣсколькими часами. Г. Д.

голосу и языку услышалъ я, что голова его преосвященства была уже слишкомъ полна благодати.

При окончаніи обѣдни, пономарь Назарій поднялъ занавѣсъ жертвенника для какой-то ему церковной надобности, и меня увидѣлъ. По окончаніи обѣдни, церковь и примыкающіеся къ ней боковые покои, чрезъ которые вошелъ я въ церковь и которыми надѣялся выттить, были заперты. Довольно ясно, что я святой арестантъ, и что пономарь Назарій прислужился предательствомъ меня. Большая въ окнѣ шиба найдена мною надежнѣе жертвенника, и справедливо: меня пришли взять въ чаяніи, что я ихъ буду дожидаться подъ жертвенникомъ. Но я уже покоился въ одной изъ стоящихъ въ каретномъ сараѣ каретъ, въ которой размышляя, не зналъ что̀ придумать, а между тѣмъ, сѣдя уже слишкомъ сутки, ослабѣлъ и почувствовалъ жаръ. Въ такомъ положеніи я найденъ и представленъ къ архіерею, крайне уже, къ моему счастію, изнемогшему и страждущему отъ обыкновенныхъ подвиговъ. Мы оба были больны, только отъ разныхъ причинъ. Архіерей одолѣлъ сказать мнѣ, почти невразумительно:

«А! ты явился!» и тотчасъ заснулъ на стульяхъ, а я пошелъ въ свою комнату. Мнѣ пришли сказать, что тотъ пономарь Назарій, которой объявилъ обо мнѣ архіерею, и которой за упускъ меня вчера былъ взятъ подъ стражу, только-что теперь повѣсился. Я отъ тѣхъ поръ закаялся класть канты на ноту *).

Еще архіерей не проснулся, какъ принесли съ почты указъ отъ синода, чтобъ онъ отвѣтствовалъ во всемъ безпрекословно коммиссіи, учрежденной по имянному повелѣнію, состоявшемуся на докладъ синода, поднесенный вслѣдствіе доноса дьячка Захарки, на которую наряжены: черниговскій архіерей Ѳеофилъ, Гамалѣевскаго монастыря архимандритъ Антоній Почека, да двое свѣтскихъ, полковникъ и маіоръ, потому что и воевода прикосновенъ былъ къ сей же коммиссіи, кажется по тѣмъ преступленіямъ, что архіерей у него часто обѣдывалъ, и что принялъ отъ архіерея въ солдаты доносителя.

Доноситель-дьячекъ столько былъ расторопенъ, что успѣлъ уже доставить къ первому своему доносу прибавленіе объ обод-

*) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: «а архіерей пить не закаявался».
М. С.

раніи жемчуга и каменья съ образа св. Николая, изъ которыхъ архіерей будто-бы сдѣлалъ сестрѣ своей пряжки. Сіе послѣднее, хотя была глупо-ядовитая ложь, однакожъ надлежало на все отвѣтствовать и признаться въ ободраніи, и въ употребленіи на архіерейское церковное украшеніе, чѣмъ соблазнялась вся народная простота, и оскорблялся общій порядокъ.

§ XXV.

Другое время, другія и мысли.

1773--1774.

Архіерей, проснувшись и прочитавши указъ,—оставилъ все, бросился въ постелю. Коммиссія по пріѣздѣ расположилась въ городѣ. Духовные коммиссіонеры имѣли вѣжливость предварить подсудимаго своимъ посѣщеніемъ; потомъ, чрезъ нѣсколько дней требуютъ его въ коммиссію, а онъ сказывается больнымъ. Коммиссіонеры, желая его посѣтить въ постели, пригласили съ собою *) городового лекаря; но лишь только показались къ нему въ келью, то онъ, увидя лекаря, выпрыгнулъ изъ постели и началъ имъ объяснять, что «онъ архіерей, а не мужикъ, и что ему должно вѣрить, если онъ сказывается больнымъ, а не свидѣтельствовать». Коммиссіонеры имѣли умѣренность сказать: что, «они пришли его посѣтить и пожалѣть о слабомъ состояніи здоровья его преосвященства». Архіерей стыдился уже признать себя больнымъ, потому что имѣлъ неосторожность громко и много говорить, скоро по покоямъ бѣгать и выгнать вонъ лекаря, котораго воротили уже изъ-за воротъ водки пить.

Въ продолженіе коммиссіи, у архіерея моего возобновилась задумчивость. Я въ эту пору вздумалъ поучиться дѣлать фейерверки. А поводомъ къ сему былъ одинъ изъ отпущенныхъ на волю предъ смертью господина Касагова человѣкъ, который, получа свободу искать пристанища, явился ко мнѣ. Мы, или лучше сказать, одинъ онъ, надѣлали ракетъ, колесъ, фонтановъ и другихъ штукъ; мы не забыли связать и узелка изъ двухъ начальныхъ литтеръ, знаменующихъ имя преосвященнаго: Кириллъ Фліоринскій: Все сіе дѣлано было въ особомъ отдаленномъ покоѣ и архіерею не было извѣстно. Въ самомъ параксизмѣ

*) Вмѣсто зачеркн.: «на завтра». М. С.

архіерейской задумчивости, я доложилъ ему, что у насъ передъ крыльцомъ радостные огни дожидаются приказа — которые тотчасъ и загорѣлись. — Онъ смотрѣлъ на нихъ съ удовольствіемъ. Задумчивость его пропала. А дабы она не возвратилась, велѣно подать — что Богъ послалъ — изъ погребцовъ или шкафовъ.

Случившіеся на ту пору домовой лекарь и сестра, которая не знаю почему-то подошла съ братомъ подъ одну коммиссію, составили сосіеté — бесѣду.

По утру преосвященный далъ знать консисторіи, что онъ въ сей день будетъ въ оной своею особою присутствовать. Его ожидали тамъ съ какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. И не обманулись; ибо ежели благодѣяніе не есть дѣло маловажное*), такъ онъ произвелъ меня формально канцеляристомъ. Въ семъ случаѣ похожъ я былъ на того фельдцейхмейстера, который получаетъ орденъ за талантъ своего артиллеріи сержанта.

Служащіе въ консисторіи, соперничествуя моему чину, приступили съ просьбами къ преосвященному. Они представляли, что давно вступили въ службу, ревностно трудятся, въ штрафахъ и наказаніяхъ не были, въ чемъ ссылаются на формулярные списки, и, того ради, просятъ произвести и ихъ канцеляристами. Архіерей имъ отвѣчалъ, что «произведеніе теперешняго канцеляриста не можетъ вамъ быть ни въ примѣръ, ни въ обиду, потому что онъ въ корреспонденціяхъ моихъ былъ и есть у меня правою рукою». Справедливъ этотъ отказъ или нѣтъ, получившій давшаго не судитъ, и это было, есть и будетъ: кого хотятъ наградить, заслугу сыщутъ, — кому хотятъ отказать, резолюція готова, а для меня неоспоримо то, что полезнѣе дѣлать фейерверки, нежели канты класть на ноту.

И тако проходили часы, дни, недѣли, мѣсяцы цвѣтущей моей юности, какъ наступилъ и 1774-й годъ.

1774 г. Вышесказанная прибывшая коммиссія, ни должности преосвященнаго не уменьшила, ни свободы его не связала. Почему въ самую лучшую лѣтнюю пору отправился преосвященный — Путивльскаго уѣзда въ слободу Терны, для посѣщенія г-на Сафонова, сына того порядочнаго — но уже скончавшагося — отца, о которомъ говорено въ 1770-мъ году моего повѣствованія.

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «есть истинное добро». М. С.

На пути заѣхали въ Глуховской Петропавловской монастырь, въ которомъ пребывающій на пенсіи и управляющій монастыремъ епископъ Анатолій Мелесъ, въ почесть гостю приказалъ звонить въ колокола и палить изъ можжиръ, а самъ встрѣтилъ его на крыльцѣ, въ китайчетомъ халатѣ цвѣта вороньяго крыла, съ непокровенною главою и босикомъ. Онъ прежде всего изъяснился, что хотя онъ и монахъ, но священнодѣйствуя въ прошедшую противъ турокъ войну на хребтахъ корабельныхъ, привыкъ къ пороху и къ пушечному грому. Гость отвѣтствовалъ: «я былъ въ Парижѣ при послѣ, куда военные громы не досязали, такъ у меня въ домѣ нѣтъ ни пушекъ, ни можжировъ». Послѣ сего вояжиры наши пошли въ покои къ обѣденному столу. Мой архіерей также раздѣлся, однакожъ не разувался. На другой день распрощались и мы выѣхали въ Путивль. Въ Путивльскомъ-Молчанскомъ монастырѣ переночевавъ у добраго хозяина игумена Мануила Левицкаго, взяли и его съ собою въ Терны, куда и прибыли подъ вечеръ.

Новой молодой владыка Терновъ съ деревнями, встрѣтилъ преосвященнаго передъ слободою въ каретѣ. Онъ былъ лѣтъ 22-хъ, роста средняго, круглолицъ, полонъ, бѣлъ, нѣженъ, хорошъ собою и жиренъ. Екипажи наши поставлены на гостинномъ дворѣ, и комнаты для архіерея и всего штата отведены тамъ же. Послѣ хорошаго ужина легли спать, и надѣялись, что завтра для насъ будетъ еще лучше *).

Возставше отъ одра и сна, увидѣлъ я, что въ господскомъ домѣ тѣже были люди и вещи, которыхъ я видѣлъ и при отцѣ, но не было никого и ничего на своемъ мѣстѣ, и все казалось безъ души. Послѣ чаевъ и кофіевъ молодой баринъ посѣтилъ архіерея, и походя оба кое-гдѣ, пошли въ большіе покои, гдѣ столъ накрывали. Я старался что-нибудь услышать отъ молодого Сафонова, но изъ него ни ползло, ни лѣзло. Смотря на него, по наружности онъ долженъ быть Аполлонъ бѣлокурый, но по внутренности вселился въ него Момусъ**), кромѣ момусова остроумія.

*) Далѣе зачеркнуто: «но надежда—цыганка». М. С.

**) Момусъ—шутъ боговъ. Митологисты наши говорятъ, что Момусъ единожды сказалъ: «Боги были пьяны, когда сотворяли человѣка. Проспавшись—не могли безъ смѣха взглянуть на свое твореніе». Г. Д.

Это примѣч. было первоначально въ подлинникѣ такъ: «Момусъ - богъ дурачества, ежели это богъ». М. С.

Когда пришло време садиться за обѣденный столъ, хозяинъ нашъ оказался пьянъ, аки вторый Касаговъ. Будучи въ семъ счастливомъ состояніи, схватилъ въ другой горницѣ крѣпостную свою пѣвицу за руку и тащилъ ее къ столу. Игуменъ Путивльскій Мануилъ Левицкій, будучи ему близко знакомъ, и бывши отцу его хорошій пріятель, подскоча вырвалъ ее у него, и пхнулъ обратно въ ту же горницу, изъ которой она вытащена, а его двинулъ *) въ ту, гдѣ сидѣлъ архіерей съ другими, и сказалъ ему: «кушанье на столѣ.» Сѣли за столъ, всего было преизбыточно. Сей прочнаго заведенія столовой части, сынъ не успѣлъ еще разрушить.

Музыканты потащились къ аркестру: иной ладилъ свой инструментъ, иной его клалъ, иной губы развѣся зѣвалъ, а пѣвицы всѣ смѣялись. Стали играть. Сколько играли, столько и ошибались, или не радѣли, на лицахъ написано было безпутство.

Все въ домѣ доказывало, что нѣтъ уже отца, господина и хозяина. Среди угощенья и музыки никогда во мнѣ унынiе столько не дѣйствовало, какъ при воспоминаніи порядочнаго отца, который, безъ сомнѣнія, не желалъ, чтобы наслѣдникъ разрушилъ всѣ его насажденія.

Послѣ обѣда, уже подъ вечеръ, архіерей подошедши къ аркестру, и будучи насыщенъ земныхъ благъ, крикнулъ: «играйте». Капельмейстеръ, — крѣпостной человѣкъ и мужъ сказанной пѣвицы и барской любовницы, — крикнулъ: «Не слушай.» Всѣ музыканты и пѣвицы пришли въ замѣшательство. Сюда же примкнулись, со стороны архіерея, ряды пѣвчихъ, протодіаконъ, игуменъ и я. Всѣ начали говорить кто какъ хотѣлъ, и поднялся шумъ. Насыщенный съ гостьми хозяинъ, чтобъ не быть праздньмъ лицомъ, пробился сквозь толпу, схватилъ архіерея за крыло клобука и крикнулъ во всю мочь: «собакъ!»

Архіерей, не дожидаясь, чтобъ его затравили, скокнулъ со всѣхъ ногъ въ квартиру со всѣмъ клиромъ, проповѣдуя на бѣгу: «Аще гонятъ вы — васъ — во градѣ, бѣгайте въ другой, и прахъ прилѣпшій отъ ногъ отрясая». А я вслѣдъ приговаривалъ: «Стопы моя направи по словеси твоему. Капитанъ же, хозяинъ, удовольствовавшись тѣмъ, что одержалъ храбро плацъ, препровожденъ

*) Вмѣсто зачеркн.: «сунулъ.» М. С.

съ капельмейстершею въ тріумфѣ цѣлымъ аркестромъ до самой спальни. О семъ послѣднемъ тогда же повѣствовали его домослужители, которые всегда бываютъ самые вѣрные повѣствователи.

Мы ночевали не въ Сафонова домѣ, но у протопопа той же слободы. По утру посланъ былъ нарочной за архіерейскою тростью, которую вчера схватить не успѣли. Посыланно́й возвратившись донесъ, что хозяинъ встрѣтился съ нимъ нечаянно въ дверяхъ залы, въ рубашкѣ, безъ всего и туфлей. Въ сей позиціи спросилъ о здоровьѣ преосвященнаго, и услыша, что преосвященный отъѣзжаетъ, вскричалъ въ удивленіи: «Ахъ! я думалъ онъ будетъ у меня обѣдать; карету! штаны! мыться! гнать!»

Архіерей, желая чтобъ за нимъ гонялись, выѣхалъ какъ можно скорѣе. На побѣгѣ завидя погоню, сдѣланную въ почесть ему, приказалъ скорѣе гнать. Мы—въ деревню, Сафоновъ тутъ. Архіерей въ крестьянскую избу, Сафоновъ на дворѣ. Его не пускаютъ къ архіерею, онъ просится, и увѣряетъ, что онъ трезвъ, что при немъ нѣтъ ни капельмейстера, ни капельмейстерши, ни собакъ, и что онъ гонится какъ тѣнь за тѣломъ, безъ котораго жить не можетъ. Будучи допущенъ, добился прощенія, закрывши лицо платкомъ, дабы показать, что прошеніе его было слезное. Архіерей тому повѣрилъ. Капитанъ былъ съ запасомъ, а и у насъ не безъ онаго. Начали мирный трактатъ поливать. Побранились. Сафоновъ закричалъ: «собакъ!» Архіерей ускакалъ впередъ, а хозяинъ не былъ столько плохъ, чтобъ въ другой разъ гнаться за такимъ епископомъ, которой не мастеръ прощать.

Бѣдный Сафоновъ, провождая жизнь пьяную и безпутную, вскорѣ послѣ отъѣзда преосвященнаго женился и вскорѣ умеръ. Преосвященный не имѣлъ причины жалѣть, что съѣздилъ и похоронилъ покойника, потому что тесть его изъ его имѣнія наградилъ за всѣ издержки, и даже за то, чтобы преосвященный покойника простилъ и разрѣшилъ отъ тѣхъ грѣховъ, когда онъ хотѣлъ преосвященнаго собаками травить.

Въ Путивльскомъ монастырѣ у Мануила нашего только-что переночевали. Выѣхавъ, поспѣли къ обѣду въ построенный въ лѣсу, на прекрасномъ возвышенномъ мѣстѣ, Петропавловскій Глуховскій *) къ ожидавшему уже нашего сухопутнаго,—мор-

*) Монастырь Петропавловскій, хотя называется Глуховскимъ, однако же онъ отъ Глухова отстоитъ на 20 верстъ. Г. Д.

скому епископу Анатолію Мелесу. Онъ принялъ гостя со всѣми прежними обрядами и съ прибавленіемъ къ онымъ, что во весь вечеръ и во всю ночь палили изъ можжировъ и звонили въ колокола. Оба архіерея съ игумномъ и прочими, всю лѣтнюю пріятную ночь ходили по монастырю и около церкви съ фонарями, а по утру очень рано, взлѣзли на колокольню и звонили съ прочими на ряду. Я видя, что колоколовъ довольно, и любя по натурѣ колокольной звонъ, кликнулъ туда же нѣсколько пѣвчихъ и начали звонить пуще прежняго. Кому не доставало тянуть за веревку, тотъ билъ по колоколу палкою. Словомъ, мы подняли такой звонъ и пальбу, каковыхъ безъ сомнѣнія не было во дни святого Дмитрія Ростовскаго, которой будучи въ семъ монастырѣ игумномъ, построилъ каменную церковь среди монастыря, которая и понынѣ въ совершенной крѣпости, съ надписью въ срединѣ надъ аркою имени построившаго.

Въ самый развалъ нашихъ торжествованій прибыла духовная коммиссія по указу святѣйшаго синода, слѣдовать и судить нашего хозяина, по доносу на него пречестнаго іеромонаха отца Антонія, который въ нашемъ же сословіи пилъ, ѣлъ, звонилъ и палилъ, и котораго доносъ состоялъ въ томъ, что архіерей Анатолій заключаетъ монаховъ въ тюрьму безвинно, бьетъ ихъ палками, не ходитъ никогда въ церковь, не одѣвается, всегда босикомъ, а только пьетъ, да гуляетъ и палитъ изъ можжиръ, которыя перелилъ изъ колоколовъ, снятыхъ имъ съ колокольни.

Коммиссіонеры Лубенскаго монастыря архимандритъ Паисій, Густынскаго монастыря игуменъ Іосифъ и письмоводитель попъ Продьма привезли съ собою запаснаго игумна, въ качествѣ администратора, которому велѣли тотчасъ принять весь монастырь съ доходами въ свое наблюденіе и распоряженіе.

Нашъ Анатолій въ одинъ мигъ истрезвился, пересталъ палить, обулся въ сапоги, умылся, расчесалъ волосы и бороду, одѣлся въ рясу, покрылся клобукомъ, навѣсилъ панагію, намоталъ на руку янтарныя четки. Въ такомъ видѣ явился онъ на другой день, очень рано, къ моему архіерею и повалился ему въ ноги, возглашая вмѣстѣ съ поклономъ: «Наставниче! спаси мя, погибаю!» А сей ему въ отвѣтъ: «Дуракъ! почто усумнился еси? Меня велѣно судить за взятки, за грабежи церковные, за ..., да я не робѣю». Потомъ намаркировалъ ему отвѣты

противъ доноса. Напослѣдокъ мы видя, что реформа монастырскаго правленія нарушила нашъ порядокъ, ну *) впередъ! и пріѣхали въ Глуховъ. Коммиссіонеры остались въ монастырѣ, и Анатолій—съ нами.

Въ Глуховѣ мы остановились у отца протопопа Корнилія Іезефовича. Земскій судья Сергій Сидоровичъ Дергунъ и коллежскій совѣтникъ Яковъ Павловичъ Козельскій**), Малороссійской коллегіи членъ***), посѣтили нашего преосвященнаго, и увидя нечаянно Анатолія во всей формѣ, знавъ напередъ, что онъ любилъ босоту, воскликнули: «Ахъ, ваше преосвященство! какъ къ вамъ все это пристало!... Ну для чего бы вамъ всегда такъ-то не одѣваться? Вы бы къ намъ пожаловали, а мы бы къ вамъ когда пріѣхали, и у насъ бы было райское препровожденіе времени». Анатолій отвѣчалъ въ постоянномъ видѣ: «А для чегожъ вы не упредили мое дурачество вашимъ благимъ совѣтомъ! Греки говорятъ: гдѣ проливается вино, тамъ купаются слова, а мое можетъ быть не одно и дѣяніе искупалося въ немъ». Полковникъ Козельскій былъ человѣкъ ученой и литераторъ: онъ сказалъ Анатолію: «Я, прочитавъ вашу рѣчь, которую вы говорили предъ государынею императрицею, и которую мнѣ изъ Петербурга прислалъ пріятель, всегда хранилъ почтеніе къ вашимъ дарованіямъ».

Мнѣ разсудилось эту рѣчь помѣстить здѣсь. Мой архіерей получилъ ее отъ Козельскаго. Она у меня понынѣ уцѣлѣла и нашлась между бумагами. Послѣ я ее видѣлъ уже и въ печати:

Рѣчь, говоренная епископомъ Анатоліемъ, возвратившимся изъ Архипелага, 1772 г. октября 7 дня.

Всемилостивѣйшая государыня!

Созерцая освященное лице вашего императорскаго величества, чувствую радость, коя ощущаема сердцемъ, неизреченна устами. Вижду предо мною всѣ красоты міра собранныя воедино. Се то средоточіе славы, которое на подобіе солнца кажется не-

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «отправились». М. С.

**) Козельскій знакомъ былъ моему архіерею отъ тѣхъ временъ, когда они вмѣстѣ ходили на лекцію экспериментальной физики въ Петербургѣ. Г. Д.

***) До открытія намѣстничествъ въ Глуховѣ была малороссійская коллегія. Г. Д.

движимо, но лучи свои по всему свѣту простираетъ. Се Екатерина! О! кто мнѣ дастъ витійство, соразмѣрное милостямъ, кои я пріялъ и пріемлю отъ руки монаршей. Кто устроитъ языкъ мой, да возглаголю слово царицѣ, моей матери? Я сидѣлъ во тьмѣ, и внезапу облиста мя свѣтъ велій. Узникъ сталъ свидѣтель чудесъ твоихъ на водахъ многихъ. Я зрѣлъ корабли твои между разсѣянными по Архипелагу островами, на подобіе острововъ колеблющіеся, и тысящами мѣдныхъ гортаней могущество твое морю и туркамъ возвѣщающія. Стоялъ на хребтахъ ихъ, среди героевъ, священникъ, и счастіемъ твоимъ осѣнялъ къ побѣдамъ твоихъ мореходцевъ. Малъ въ братіи моей посреди церкви, на далекихъ брегахъ громомъ имени твоего раздающихся, пѣлъ тя, и во храмѣ сердца моего дондеже есмь пѣти не престану. Не умру несчастливъ! Смерть закроетъ старцу очи, Екатерининой славою насыщенныя, славою и купно ея лицезрѣніемъ. Се верхъ моего благополучія! Но что воздамъ блаженства и дыханія моего виновницѣ? кромѣ единаго желанія: да будетъ, монархиня, жизнь твоя столь долголѣтна, сколь она, безъ сравненія, нужна Россіи. Да будетъ здравіе твое столь невредимо, сколь одолженія твои вселенной велики.—Яко же роса аермонская нисходитъ на горы сіонскія, тако да снидетъ на тя съ небесъ благословеніе. Живъ Господь Вседержитель и кто на ны? Живы Екатерина самодержица и Павелъ всероссійскій наслѣдникъ. Привергающіеся же къ стопамъ ихъ, во вѣки не погибнутъ».

Господинъ Дергунъ угощалъ во своемъ домѣ архіереевъ обѣденнымъ и ужиннымъ столомъ, а г. Козельскій компанировалъ, яко человѣкъ корпусо-кадетскій. Тутъ же былъ и малороссійской коллегіи прокуроръ Семеновъ, человѣкъ богатой, пузатой, скупой и неучоной. Говорили, что онъ хорошо знаетъ свою должность; а что онъ ѣлъ и пилъ хорошо, о томъ не нужно было и спрашивать. При окончаніи ужиннаго стола, шепнулъ я преосвященному, что у насъ есть нашей работы связка разныхъ горючихъ малыхъ фейерверочныхъ штучекъ. Архіерей далъ мнѣ сигналъ открыть канонаду въ горницѣ. Неожиданный трескъ, хлопотня, розданные людямъ колеса, все это вдругъ загорѣлось, зашумѣло и не меньше надымило. Дамы, сидѣвшія за столомъ повскакивали съ мѣстъ, а брошенные по полу огни тѣмъ болѣ за ними отъ волненія воздуха гонялись, чѣмъ болѣе они убѣгали. Мой

архіерей, зажегши самъ на свѣчѣ фонтанъ, бросилъ на петропавловскаго архіерея, и трафилъ ему въ самую бороду. Борода сильно засвирщѣла, и бросилась къ бѣгающимъ, смѣющимся, кричащимъ, ахающимъ чепчикамъ и токамъ, и вмѣшавшись между ими, составила странную труппу.

По сгорѣніи фейерверка, нашли прокурора Семенова въ жалкомъ положеніи, на котораго во время происходившихъ шалостей никто не имѣлъ вниманія. Онъ просилъ, Бога ради, милости, воды и кто чѣмъ можетъ ему помочь, ибо онъ, имѣя наклонную къ аппоплексіи природу, едва отъ порохового дыма не задохся, а причиною сему больше то, что онъ и по натурѣ не могъ терпѣть порохового запаха, почему и выскочить былъ не въ силахъ изъ покоевъ. Опамятовавшись, онъ напомнилъ, по должности, что таковыя шутки противны законамъ, поелику онѣ могутъ быть смертоносны; а архіерей мой отвѣчалъ, что блюстителю законовъ не было лучшаго времени умереть какъ въ этомъ дыму, потому что погребли бы его два архіерея, которые оба подъ судомъ.

§ XXVI

Параграфъ двадцать-шестой, а о чемъ? значитъ въ немъ.

1774—1777 г.

Возвратясь домой, занимался его преосвященство отвѣтствованіями по требованіямъ коммиссіи; а между тѣмъ, прогуливаясь единожды въ хорошій вечеръ и полнолунную ночь по саду, примыкающемуся къ покоямъ,—съ матерью, сестрою, племянницею, Путивльскимъ игуменомъ Левицкимъ,—вздумалъ мимоходомъ для забавы при небольшихъ, шумъ головной умножающихъ, капляхъ, заручить за меня родную свою племянницу, дочь находящейся при немъ сестры. Въ семъ случаѣ былъ я похожъ на Волтерова Гурона, котораго ловили окрестить. Что касается до невѣсты—Татьяна Осиповна ее звали,—она была ребенокъ милый, лѣтъ 14-ти, и мое сердце знало ей цѣну. Но что касается до страннаго и несчастнаго свойства моего благодѣтеля и будущаго дяди, не предвѣщалъ я для себя ничего добраго изъ нашего союза и страшился быть отягощенъ его милостями; а потому и чувствовалъ непреоборимое затрудненіе вступать съ нимъ въ свойство. Какъ-бы-то-ни-было, я получилъ перстень алмазный, а невѣста кольцо—алмазное же, которые повидимому у преосвященнаго приготов-

ленія уже были. Все это происходило въ саду, при лунномъ сіяніи, слѣдственно мы съ невѣстою были счастливѣе тѣхъ, которыхъ, при началѣ міра, за любовныя дѣла гнали изъ сада вонъ. Хотя все сіе, по мнѣнію нашему, происходило секретно, однакожъ, несмотря на секретъ, прослылъ я скоропостижно архіерейскимъ племянникомъ.

Въ послѣднемъ сего года мѣсяцѣ, разсудилъ преосвященный посѣтить городъ Орелъ. Коммисія негодовала за намѣреніе и отлучку, но онъ того не уважалъ.

1775 г. На пути, въ городѣ Кромахъ, остановились у протопопа Кромскаго и прожили все праздничное время до 8-го числа января новаго года. Причиною сему были отъѣзды архіерейскіе въ уѣздъ по домамъ дворянскимъ, куда онъ прошенъ бывалъ какъ рѣдкой гость и пастырь стада, а я оставался за болѣзнью на квартирѣ.

8-го числа января мы выѣхали изъ Кромъ и прибыли въ Орелъ того-жъ дня подъ вечеръ.

Съ самаго пріѣзда до свѣтлаго праздника, прожито въ Орлѣ хорошо. Порядокъ жизни былъ таковъ же, какъ и на всякомъ мѣстѣ; а послѣ праздника, многіе компаніоны разъѣхались по домамъ деревенскимъ, а иные скучившись единообразными бесѣдами и подвигами, оставили пастыря безъ овецъ и владыку безъ рабовъ.

Здѣсь преосвященный въ великій еще постъ увѣдомленъ былъ о смерти своего брата и сподвижника епископа Анатолія Мелеса. — Вздохнувши по немъ, сказалъ: «дуракъ былъ покойникъ! съ его ли умомъ переливать колокола въ можжиры?» А послѣ праздника пришла вторая вѣсть: что, коммиссіонеры Сѣвскіе, кончивъ что̀ имъ было предписано, разъѣхались по домамъ и по монастырямъ. Сіе обстоятельство и годовое время придали охоту преосвященному къ возвращенію домой. Но не всякое дѣло такъ скоро исполняется какъ говорится, и не человѣкъ случаемъ, а случай человѣкомъ управляетъ. Да какъ же онъ управляетъ? Онъ посылаетъ къ преосвященному проѣзжающаго чрезъ Орелъ переводчика Ивана Голѣневскаго, который былъ при должности въ Полоцкѣ; а знакомъ преосвященному еще отъ тѣхъ временъ, когда они были вмѣстѣ при дворѣ императорскомъ

пѣвчими *). Еще поручикъ Герасимъ Орловскій, который посланъ былъ изъ Глухова отъ начальства куда-то чрезъ Орелъ и который былъ знакомъ, частыми своими въ Сѣвскѣ пріѣздами и счастливымъ даромъ природы, которымъ пользуясь, напивался и наѣдался въ сопровожденіи шутокъ и уловокъ, дѣлающихъ для другихъ смѣхъ. Сей вскорѣ ускакалъ въ предписанной ему путь, а Голѣневскій дождался, пока оба возлегли съ хозяиномъ невзначай, одинъ—на канапе, а другой—на стульяхъ; обувенны въ сандаліяхъ и въ приличной каждому чистотѣ и опрятности, подобно тѣмъ воинамъ, которые и спящія имѣютъ осторожность, дабы непріятель не напалъ въ расплохъ.

Но какъ нѣтъ ничего на свѣтѣ вѣчнаго и постояннаго, то и спящимъ надлежало проснуться, и гость уѣхалъ, а хозяинъ формально возлегъ на одръ, поелику требовало того изнеможеніе силъ. Уже проходило двое сутокъ, какъ преосвященный недомогалъ и питался только чаемъ, кремортартари и лимонадомъ. Въ продолженіе сего, какъ я единожды вошелъ въ спальню, онъ сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ: «за чѣмъ сюда пускать Орловскаго? до шутокъ ли мнѣ теперь? Онъ съ одного угла горницы прыгнулъ на другой, и говоритъ: Богородица Дѣва радуйся». Я отвѣчалъ, что «уже четвертый день какъ Орловскаго въ городѣ нѣтъ».—«Да, отвѣчалъ преосвященный:—жаръ во мнѣ дѣйствуетъ»!

Напослѣдокъ, надобно было выздоровѣть и выѣхать. Зазвонили, но никто насъ не проводилъ, кромѣ протопопа и нѣсколькихъ священниковъ по должности; что походило не меньше на провожанье живыхъ, какъ и на провожанье мертвыхъ.

По пріѣздѣ домой, я уже не пошелъ къ преосвященному въ покои, къ первой моей должности. По мѣрѣ теченія лѣтъ моихъ и архіерейскихъ, и другихъ обстоятельствъ, власть его надо мною, натурально ослабѣвала, почему я и въ силахъ былъ дѣйствовать по собственному желанію, не прося на то отъ него позволенія.

---

*) Этому Ивану Голѣневскому принадлежитъ стихотвореніе, имѣющееся въ моей библіотекѣ: «Плачь по блаженной и вѣчно достойной памяти императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ»; напечатано въ листъ, при акад. наукъ, въ 1762 г. См. объ этомъ «Плачѣ» въ нашемъ очеркѣ царствованія Петра III-го «Отеч. Записки» 1867 г. кн. VIII, стр. 756 и друг. М. С.

Мнѣ не легко изъяснить мои тогдашнія внутреннія, сражающіяся между собою движенія. Мнѣ только то было ясно и чувствительно, что я, родившись человѣкомъ, не имѣю прочнаго названія въ обществѣ, и что имѣю непреоборимое отвращеніе къ образу жизни моего архіерея и къ его качествамъ.

Я передвинулъ мои пожитки въ стоящіе близъ воротъ два покоя, примикающіеся одною стороною къ тому же саду, къ которому и архіерейскіе покои, съ другой, боковой, полуденной стороны примыкались. Онъ въ неудовольствіи спрашивалъ причины, а я представлялъ слабость здоровья, что и въ самомъ дѣлѣ было. Онъ обнаружился удержать меня при себѣ по прежнему, а я требовалъ рѣшительно письменнаго увольненія, какъ отъ него, такъ и отъ консисторіи, — поелику былъ канцеляристомъ, — съ которыми бы могъ выѣхать для опредѣленія себя въ царскую службу. Наконецъ архіерей позволилъ мнѣ имѣть сіи, по желанію моему, особые покои.

Итакъ, началъ я жить отшельнически, не зная еще и самъ на какой конецъ; однакожъ ощущалъ въ моей душѣ, что сдѣланной шагъ для меня полезенъ. Покойцы мои прибралъ я не по монастырски. Архіерей иногда жаловалъ ко мнѣ посидѣть, а иногда присылывалъ весь свой столъ и самъ у меня кушивалъ, иногда съ консисторскими членами и секретаремъ, иногда съ сестрою и племянницею, а иногда одинъ со мною. Да въ сей только милости и состояло все его для меня содержаніе; — и, кромѣ сего, долженъ я былъ питаться собственнымъ иждивеніемъ. Такимъ образомъ протекло больше половины 1775, весь 1776 и первая половина 1777 года.

Въ первое лѣто моего отшельничества, въ августѣ мѣсяцѣ, выпросилъ я дозволеніе путешествовать въ Польшу на Бердичевскую ярмарку. Мой трактъ лежалъ чрезъ Глуховъ, Королевецъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Кіевъ, Васильковскую таможню и Бѣлую-церковь. Преосвященный далъ мнѣ письма: въ Глуховъ къ члену коллегіи Козельскому, дабы онъ снабдилъ меня подорожною въ Кіевъ; къ кіевскому митрополиту Гавріилу Кременецкому, къ архимандриту Кіево-печерской лавры, къ архимандриту Кіево-Михайловскаго монастыря Исаіи, которымъ препоручалъ меня въ ихъ милость и благословеніе; къ кіевскому купцу Дмитрóвичу, который, имѣя у се-

бя на процентахъ нѣсколько архіерейской казны, долженъ былъ вспомочь меня для ярмарки деньгами на покупки архіерейскія; въ Васильковъ, къ директору тамошней таможни Ивану Никитичу Болтину, дабы онъ позволилъ и помогъ мнѣ переѣхать чрезъ границу, яко человѣку не бѣглому. Итакъ, подъ сими парусами направилъ я мое сухопутное шествіе на долгихъ съ однимъ при мнѣ служителемъ, и подъ самою хорошею погодою прибылъ въ Глуховъ; остановился у тамошняго протоіерея отца Корнилія Іезефовича, — у котораго обыкновенно и преосвященный мой останавливался — и съ сей первой моей дистанціи отписалъ къ преосвященному съ возвратившимся при лошадяхъ человѣкомъ.

Пріятнѣйшая погода, хорошой и знакомой городокъ, солидной и благоразумной съ латинью и свѣдѣніями мужъ, хозяинъ, удержали меня тутъ $2^1/_2$ дня.

Мой отецъ Корнилій былъ для Глухова живой своихъ временъ историческій архивъ, и не мертвой—прошедшихъ. Вслѣдствіе чего и по случаю единовременнаго со мною чрезъ Глуховъ проѣзда сенатора Теплова, разсказалъ онъ мнѣ бывшій съ нимъ прежнихъ временъ разговоръ.

«Григорій Николаевичъ Тепловъ, — говоритъ отецъ Корнилій:—когда былъ въ Глуховѣ при гетманѣ Разумовскомъ правителемъ канцеляріи, или лучше сказать: политическимъ директоромъ, инспекторомъ, администраторомъ, манторомъ и проч., то иногда ко мнѣ прихаживалъ пріятельски посидѣть. — Говоря обо всякой всячинѣ, такъ, какъ вы теперь со мною» — прильстилъ мимоходомъ вѣжливый священникъ, — «разсказалъ онъ единожды два случая или произшествія изъ первоначальнаго своего состоянія.

«Въ ребячествѣ моемъ», — говоритъ Тепловъ: — «когда мнѣ было лѣтъ около 9-ти, играли равныхъ насъ ребятишекъ съ десятокъ на улицѣ, бѣгали, рылись въ пескѣ, глинѣ, и кто какъ хотѣлъ. Вдругъ увидѣли, что мимоѣзжая карета остановилась. Мы бросили игры и смотрѣли на нея. Узнали, что это былъ нашъ архіерей Ѳеофанъ Прокоповичъ *). Онъ также смотрѣлъ

*) Не могу припомнить, въ которомъ это городѣ. Судя по Прокоповичу должно быть въ одномъ изъ трехъ, то-есть, или во Псковѣ, или въ Новѣгородѣ, или въ Петербургѣ, въ которыхъ сей знаменитый архіерей имѣлъ свои должностныя пребыванія. Г. Д.

на насъ въ окно. Потомъ велѣлъ намъ подойти къ себѣ, далъ всѣмъ руку, и нѣкоторыхъ останавливая, о чемъ-нибудь спрашивалъ, желая повидимому узнать какъ кто отвѣчаетъ. Дѣло дошло до меня».

Прокоповичъ: Какъ тебя зовутъ, мальчикъ?

Тепловъ: Гриша.

Прокоповичъ: Кто твой отецъ?

Тепловъ: Солдатъ Николай Тепловъ.

Прокоповичъ: «Гдѣ онъ служитъ? Отчего имѣетъ пропитаніе? Сколько у него дѣтей?» и проч. и проч. — Напослѣдокъ, подавая еще руку: «скажи своему отцу, чтобъ онъ завтра пришелъ съ тобою къ архіерею, и сказалъ бы келейному, чтобъ онъ объ васъ доложилъ».

«Мы всѣ разбѣжались съ вѣстьми», — продолжаетъ Тепловъ, — «каждый куда хотѣлъ *), и вездѣ проповѣдывали, что архіерей насъ благословлялъ, и что Теплову съ отцомъ велѣлъ приттить къ нему. На завтрѣ, отецъ мой умылъ меня чистою водою, расчесалъ волосы, помылъ ноги, надѣлъ на меня бѣлую рубашечку, подпоясалъ по ней покромочкою, и возложилъ на шею мѣдный крестикъ на шнуркѣ. Тутъ весь мой былъ мундиръ. Мы пришли къ архіерею и стали въ пространныхъ сѣняхъ. Чрезъ нихъ изъ одной половины въ другую бѣжалъ келейникъ, и спросилъ отца моего скоропостижно: «что ты, старикъ?»....

«Когда мы допущены къ преосвященному, то онъ, взявъ меня за крестикъ, спросилъ: «кто тебѣ это далъ?».... «Батюшка».... — «Нѣтъ, сказалъ архіерей, это вамъ навѣсилъ Владиміръ». — Потомъ спросилъ отца: «хочешь ли ты отдать мнѣ своего сына?»....

Отецъ: Я съ радостью бы хотѣлъ, да онъ записанъ въ государеву школу....

Архіерей: Ты только пожелай, прочее все я на себя беру. Я въ немъ предвижу прокъ.

«Мой старикъ прослезился отъ благодарности, — и отпущенъ съ миромъ, а я остался въ пансіонѣ архіерейскомъ».

Второе происшествіе:

«Когда я» — продолжаетъ Тепловъ, — «учился уже въ Пе-

---

*) Зачеркнуто: «и куда и [illegible] М. С.

тербургѣ *), то оскудѣлъ въ одеждѣ, а наипаче износилъ штаны скорѣе другого платья. Нужда—изобрѣтатель всего. Я натянулъ полотно на блейтъ-рамы, и ну писать штаны, представляя ихъ на тесемкѣ, нацѣпленной на деревянный гвоздь, вколоченный въ стѣну. Мои соученики насмѣхались предмету, но моя твердость въ исполненіи намѣренія была непобѣдима. Я продолжалъ работу постоянно, а имъ это подавало больше причины къ смѣху и къ пасмѣшкамъ. Одинъ говорилъ: «пишетъ свой партретъ», другой—«для друга—подарокъ», иной мимоходомъ подкрикиваетъ: «не ошибись въ мѣркѣ!» иной съ важнымъ видомъ говоритъ: «не мѣшайте, братцы, Теплову приводить къ концу великія его намѣренія». Словомъ, я продолжалъ писать мои штаны подъ стрѣлами самыхъ язвительныхъ насмѣшекъ. Безъ нужды и безъ терпѣнія не могъ бы я кончить моей работы. По окончаніи же чувствовалъ внутренно, что работа удалась, и терпѣніе уже торжествовало, не зная еще, чѣмъ оно наградится. Схватя мою картину, понесъ ее въ домъ... **), въ которомъ я зналъ, что принимаютъ охотно всякія, подобныя моему произведенію, малости, дабы ободрять трудъ молодыхъ учащихся, награждая ихъ больше, нежели чего стòитъ вещь. Въ домѣ N N повеселились надъ картиною, хвалили ее передъ барынями, спрашивали ихъ мнѣнія, нѣтъ ли въ ней какого недостатка и дали мнѣ цѣлую горсть серебреныхъ денегъ. Я побѣжалъ въ ряды, выбралъ по мѣрѣ штаны, бросилъ старые, положилъ въ оба новые кармана деньги—которыхъ, за уплатою, осталось на добрый сюртукъ, явился къ моимъ соученикамъ, и ударяя передъ ними по обоимъ карманамъ, сказалъ моимъ насмѣшникамъ: «въ мѣркѣ не ошибся».

Отецъ Іезефовичъ, пересказывая мнѣ сію исторію, примолвилъ: «какъ мы были теперь у него на пріѣздѣ, и я замѣтилъ, что онъ обошелся со мною по прежнему, то сказалъ я ему тихонько: «теперь вашему превосходительству не нужны живописные штаны». Онъ разсмѣялся и сказалъ вслухъ: «напоминаніе

*) Не могу припомнить, въ казенномъ ли какомъ училищѣ, или въ томъ же архіерейскомъ пансіонѣ. Г. Д.

**) Протопопъ именно сказалъ, въ чей домъ, но я точно не могу припомнить, а похоже, какъ будто на одинъ изъ двухъ домовъ: или Шувалова, или Нарышкина. Г. Д.

прежнихъ временъ пріятно. Покойный преосвященный Прокоповичъ и самъ бы теперь доволенъ былъ, что онъ въ своихъ догадкахъ обманулся; онъ иногда на меня говаривалъ: этотъ мальчикъ имѣетъ немаловажные дары природы, да только несчастливъ;—а теперь я,—принявшись за орденъ,—по милости государыни, имѣю ленту» *).

§ XXVII.

Ѣзда въ Кіевъ, въ Польшу и возвращеніе въ Сѣвскъ.

Отъ Глухова до Кіева чрезъ триста верстъ перебѣжалъ я очень скоро. На пути встрѣтился съ турецкимъ посланникомъ, ѣхавшимъ послѣ войны и замиренія въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ.—Я свернулъ съ дороги саженей на 15, но арапъ, прискакавъ ко мнѣ верхомъ, сталъ напротивъ при самыхъ моихъ лошадяхъ. Я велѣлъ остановиться; а онъ поднялъ долгую свою клюку вверхъ, говорилъ громко по-турецки или по-арабски. Я сказалъ ему громогласно: «миръ, миръ!» онъ отвѣчалъ порусски: «ты туда пошолъ, я туда пошолъ», и поскакалъ отъ меня за своими. Послѣ, кому я это разсказывалъ, мнѣ говорили, или угадывали, что это долженъ быть шутъ.

---

*) Приведенные Добрынинымъ разсказы о Тепловѣ относятся къ Григорію Николаевичу Теплову, одному изъ замѣчательныхъ людей какъ на государственномъ поприщѣ, такъ и на литературно-ученомъ—въ царствованіе Екатерины II. Тепловъ род. во Псковѣ, по однимъ извѣстіямъ въ 1720 г. по другимъ въ 1725 г. Если вѣрить Гельбигу (Russische Günstlinge, изд. 1809 года, стр. 313), Тепловъ былъ сынъ истопника въ александро-невской лаврѣ, въ Спб. Такъ какъ у него не было фамиліи, то архіерей (?) далъ ему прозваніе Тепловъ, чтобъ тотъ помнилъ свое происхожденіе. Тепловъ воспитывался въ петербургской семинаріи, учрежденной на Новогородскомъ Карповскомъ подворьѣ архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. По окончаніи наукъ—былъ учителемъ семинаріи. Посланъ за границу, въ 1736 г. записанъ въ академія наукъ—студентомъ, въ 1741 г. сдѣланъ адъюнктомъ. Въ царствованіе Елисаветы—Тепловъ является воспитателемъ графа Кирилла Разумовскаго и именемъ его управляетъ съ 1745 г. всею академіею наукъ. Въ 1750 г. воспитанникъ Теплова сдѣланъ гетманомъ Малороссіи; въ теченіи четырнадцати лѣтъ Кириллъ Разумовскій правитъ обширнѣйшимъ краемъ подъ руководствомъ своего умнаго и хитраго воспитателя. Немилость Петра III къ Г. Н. Теплову (бывшему въ 1762 г., въ Спб., въ чинѣ дѣйст. ст. совѣтника) вдвинула сего послѣдняго въ рядъ сторонниковъ Екатерины II. Онъ дѣлается однимъ изъ усерднѣйшихъ заговорщиковъ, и въ дни низверженія Петра III — Тепловъ пишетъ извѣстный манифестъ, исполненный жестокихъ обвиненій, частью справедливыхъ, частью зло преувеличенныхъ противъ Петра III. За этотъ трудъ

Въ Кіевѣ принятъ я на квартиру въ монастырь Верхомихайловскій, архимандритомъ Исаіею. Онъ, получа отъ меня архіерейское письмо и при немъ сто рублей ассигнаціями въ церковь *), принялъ меня ласково и угощалъ во всѣ дни хорошимъ столомъ. Съ нами всегда садилось человѣкъ отъ 6 до 8-ми. Въ семъ числѣ были молодые монахи, которые хотя были не великіе мудрецы, но поелику были «мондровныя» **), не любили молчать, они знали, Валахію, Молдавію, Сербію, часть Греціи и Польши, и прочія мѣста, гдѣ возможно было мѣститься и проходить людямъ такого сорта какъ они; лекарь Ив... Кричевскій, который былъ немногимъ постарше меня, и съ которымъ мы, увидясь, скоро свели дружбу, какъ обыкновенно водится между молодыми людьми; нечаянной семидесятилѣтній патеръ іеромонахъ Ѳеофанъ Зеленевскій, который, показавшись за столомъ, и будучи еще бодръ, схватилъ меня за голову и началъ ее цѣловать, гдѣ попалъ, говоря: «вы мнѣ Ансона читывали». Я равномѣрно былъ радъ нечаянному свиданію. Но никто другой не зналъ, какихъ временъ знакомство мы воспоминали. Вскорѣ, однакожъ, самъ Исаія припомнилъ, что патеръ Зеленевскій прожилъ съ годъ у сѣвскаго архіерея

Тепловъ получилъ 20 т. руб. Въ ноябрѣ 1762 г. Тепловъ сдѣланъ членомъ коммисіи о духовныхъ имѣніяхъ; въ апрѣлѣ 1763 г. — онъ опредѣленъ статсъ-секретаремъ къ принятію прошеній поступающихъ къ государынѣ; въ 1767 г. — тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и т. д. Въ 1775 г. Тепловъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Умеръ 30 марта 1779 г. Тепловъ оставилъ по себѣ память человѣка обширной учености (ему принадлежитъ нѣсколько изданныхъ при жизни же его сочиненій), ревнителя просвѣщенія (онъ преобразовалъ академію наукъ, составилъ проектъ учрежденія университета въ Батуринѣ и т. д.); но въ тоже время, злого, лукаваго, пронырливаго честолюбца, не останавливавшагося ни предъ какими средствами для удовлетворенія жажды къ почестямъ и отличіямъ. Имя Теплова примѣшивается иноземными писателями къ нѣсколькимъ темнымъ дѣяніямъ второй половины XVIII вѣка.

Въ предѣлахъ епархіи Кирилла Флоринскаго, героя бытописанія Добрынина, именно въ Орловской губерніи, Карачевскомъ уѣздѣ находилось имѣніе Григорья Николаевича Теплова — село Молдовое. М. С.

*) Архіерей мой часто бывалъ въ этотъ монастырь вкладчикомъ, потому что онъ съ молодыхъ лѣтъ жилъ въ немъ на монастырскомъ содержаніи. Г. Д.

**) На славяно-духовно-польскомъ языкѣ «мондровный» значитъ на божественномъ-французскомъ: «вояжиръ». По значенію же слова: «мондровать» — кажется съ польскаго на россійскомъ — значитъ мудрствовать, а на греческомъ значитъ: философствовать. Слѣдовательно — по моему силлогисьму — всякаго праздношатающагося или безпашпортнаго бродягу, можно называть философомъ. Г. Д.

во мзду трудовъ, употребленныхъ имъ древле по долгу учителя въ синтаксисѣ для нашего архіерея, — который тогда былъ его ученикомъ.

Преосвященнаго митрополита Гавріила Кременецкаго нашелъ я, часу въ 9-мъ предъ полуднемъ, въ загородномъ домѣ. Поднесъ ему письмо, а онъ мнѣ далъ свое архипастырское благословеніе; такимъ образомъ поквитавшись, разстались. Отъ него заѣхалъ я къ намѣстнику катедральнаго его Софійскаго монастыря, игумену Мелхиседеку, который былъ мнѣ нѣсколько знакомъ, отъ свиданія въ Гамалѣевскомъ монастырѣ, когда его митрополитъ жилъ въ ономъ, опасаясь свирѣпствовавшей тогда въ Кіевѣ заразы.

Поговоря съ нимъ кое-о-чемъ, довольно долго, и сдѣлавшись знакомы больше нежели прежде, спросилъ я его, «что такъ скоро преосвященный митрополитъ меня отпустилъ? Здоровъ ли онъ? или не занятъ ли? или»....

Намѣстникъ: Онъ здоровъ и свободенъ, такъ какъ я и вы; тутъ нѣтъ никакого или.

Я: Что-жъ тутъ на мѣсто или?

Намѣстникъ: Сказать ли? Будь же скроменъ. Скромность есть тѣсная подруга съ благоразуміемъ. — Митрополитъ терпѣть не можетъ, ежели кто чисто, а наипаче щегольски одѣтъ. Это его болѣзнь или самонравіе. По особѣ его сана и его премаститыхъ лѣтъ позволительно и то, и другое.

Я: Ну кто-жъ это зналъ, что къ вашимъ премаститымъ лѣтамъ нельзя было показаться, не почиститши трубы?

Повеселившись со скромнымъ и благоразумнымъ отцемъ-намѣстникомъ на счетъ самонравія, и управившись съ водкою и закускою, разстались. — Въ Золотоверховскій монастырь поспѣлъ я къ самому обѣду. За столомъ услышалъ, что мнѣ на Бердичевскую ярмаку нельзя поспѣть, потому что до нея верстъ ста съ полтора, а она оканчивается сегодня и завтре; на Бѣлоцерковскую-же, — до которой верстъ съ 60, — поспѣю въ самую пору, потому что она простоитъ еще дней 12. — Узнавши, что мнѣ не для чего спѣшить, явился я на завтре, предъ полуднемъ, Кіевопечерскія лавры къ отцу архимандриту Зосимѣ Вальковичу, съ письмомъ моего архіерея. Онъ позволилъ, по просьбѣ моей, поводить меня по пещерамъ, и пригласилъ

обѣдать. За столомъ сидѣло всѣхъ человѣкъ съ шесть. Съ нами же обѣдалъ генералъ Масловъ, въ камлотномъ малиноваго цвѣта сюртукѣ, съ кавалерскою на немъ звѣздою, а самъ съ бородою *). Я прежде подумалъ, что онъ чѣмъ-нибудь боленъ, и для того, по нѣкоторымъ бываемымъ иногда въ такихъ случаяхъ душевнымъ наклонностямъ — похотѣлъ найтить на нѣкоторое время свой покой въ монастырѣ; но мнѣ сказали, что онъ живетъ здѣсь съ намѣреніемъ вступленія въ монашество. Онъ хотя былъ уже лѣтъ семидесятъ, однакожъ свѣжъ и крѣпокъ, и разсказывалъ за столомъ нѣкоторыя мѣста изъ жизни Петра Великаго довольно порядочно и памятливо, и согласно съ бытописаніемъ. Отъ Кіево-печерской лавры поспѣлъ я послѣ обѣда къ славному проповѣднику Левандѣ. Онъ принялъ меня въ своемъ домѣ пріятно и угощалъ монастырійскимъ виномъ. Изъ малолѣтныхъ его сыновей можно было видѣть, что они въ отцѣ своемъ имѣютъ наилутчаго попечителя о ихъ воспитаніи. — На завтре захотѣлось мнѣ видѣть Самуйловича, академическаго отмѣнныхъ дарованій учителя. Онъ принялъ меня сократически: послѣ общихъ изъясненій и общаго разговора, онъ говорилъ о безсмертіи души, а я доказывалъ о тлѣнности тѣла.

Проведя такимъ образомъ въ Кіевѣ дней съ пять, и получа отъ купца Дмитровича — который былъ тогда райцею **) въ магистратѣ — по письму архіерейскому—подкрѣпленіе въ деньгахъ, выѣхалъ на мою бѣлоцерковскую ярмарку чрезъ Васильковскую таможню. Въ Васильковѣ директоръ таможни, Иванъ Никитичъ Болтинъ ***) по письму архіерейскому пропустилъ меня за границу, яко товаръ, не дѣлающій ущерба своему отечеству. Я достигъ Бѣлой-церкви, и нашелъ въ ней дурную деревню, кляшторъ, не помню какого ордена католицкихъ монаховъ, каменную въ развалинахъ церковь, въ одномъ которыя углу отправ-

---

*) Это тотъ самый Яковъ Андреевичъ Масловъ, о которомъ пишетъ Болотовъ въ своихъ запискахъ т. I стр. 178 и друг. изд. «Русск. Стар.» 1870 г. М. С.

**) Ратманъ. Г. Д.

***) Онъ извѣстенъ по сочиненію возраженія на Леклерка. Онъ сочиненіе сіе — будучи въ Сѣвскѣ въ гостяхъ у шурина своего, воеводы Пустошкина,—сообщилъ моему архіерею, и я читалъ его еще въ рукописи. Архіерей сказалъ объ немъ свое мнѣніе: «что оно дышетъ патріотизьмомъ и историческою истиною». Г. Д.

ляется уніатское священнослуженіе. Она построена была извѣстнымъ гетманомъ Иваномъ Мазепою, такъ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли тамошніе жители. Ярмарка довольно была многолюдна; товаровъ было много и дешевы, въ сравненіи съ цѣнами россійскими.

Я въ первый еще разъ увидѣлъ тогда племя еврейское, и въ душѣ моей выработывалась его исторія съ какими-то особливыми чувствованіями. Я воображалъ, что исторія священная, церковная и гражданская насъ не обманываютъ, ибо я теперь вижу потомковъ тѣхъ людей, коихъ имена—хотя не всѣхъ—священны, однакожъ для всѣхъ на земномъ шарѣ, держащихся вѣры христіанской, достопамятны. Я представлялъ себѣ: Ѳару, Авраама, Исаака, Іакова, Ревекку, Рахиль; двѣнадцатерыхъ братьевъ, отъ которыхъ начались 12 колѣнъ; Моисея, Аарона, Іисуса Навина и Халева; веселую Маріанну, смѣлую Юдифъ, любезную Есѳирь и проч.... Самуила и другихъ пророковъ; Самсона и другихъ судей; Саула, Давида, Соломона, Іеровоама и Ровоама; раздѣленіе народа на Іудеевъ и Самарянъ, одерживанныя ими въ теченіи многихъ лѣтъ побѣды надъ непріятелями; ихъ междоусобныя крамолы и неоднократное забираніе ихъ въ плѣнъ вавилонской, гдѣ пѣли они горькую свою пѣснь: «На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона, и проч. Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей! Прильпни языкъ мой гортани моему! и проч. «Дщи Вавилоня окаянная! Блаженъ, иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень *)!»

Видно, имъ тамъ не хорошо было! Я, руководствуясь исторіею, видѣлъ ихъ въ моемъ воображеніи возвращающихся изъ плѣна во свое отечество; потомъ порабощенныхъ игу римлянъ и въ напряженной злости, происходящей отъ ревности къ святому закону, неизбѣжной ни въ какой религіи, и вопіющихъ: «кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Не имамы царя, токмо кесаря», и наконецъ разсѣянныхъ за бунтъ наилутчимъ изъ римскихъ государей по всему земному шару.

Я, всматриваяся въ новыя ихъ для меня лица и одѣянія, желалъ по нимъ проникнуть въ глубину древности, дабы найти:

---

*) Послѣднія строки со слова «дщи» — въ подлинникѣ зачеркнуты. М. С.

не осталось-ли въ нихъ чего-нибудь такого, чѣмъ удовлетворяется любопытство и самое любомудріе; однакожъ ничего другого не достигъ, кромѣ того, что они примѣтно похожи на своихъ предковъ, которые обокрали у египтянъ сребро и золото, по согласію святаго пророка Моисея, который потомъ, ушедши съ ними и съ покражею изъ Египта, прошелъ чудеснымъ образомъ черезъ море, удостоился получить скрижали завѣта, и тогда же ихъ разбилъ, осердившись на народъ, такъ точно, какъ бы генералъ, осердившись на солдатъ, разодралъ данное ему именное царское повелѣніе.

Увы! народъ возлюбленный Вѣчному! — такъ вѣщала мнѣ задумчивость моя—ты, почти непосредственно, говаривалъ съ Богомъ, и безъ чудесъ ничего не начиналъ и не дѣлалъ. Наказаніе египтянамъ за утѣсненіе тебя, раздѣленіе моря для прохода твоего, столпъ огненной ночью и облачной днемъ, остановленіе солнца, паденіе стѣнъ Іерихонскихъ, манна съ неба, вода изъ камня, и проч... суть твоя слава и доказательство, что ты былъ народъ возлюбленный Богу; ты теперь, какъ говоритъ одинъ писатель, занимаешься на ярманкахъ «обрѣзываніемъ червонцевъ!» и, потерявши собственную землю и «царствіе Божіе», обитаешь спокойно на иждивеніи языка, имѣющаго и то и другое.

Окруженъ мрачною неразрѣшимостью временъ, дѣяній, повѣствованій, накупилъ я суконъ, полусуконъ, полотенъ, батистовъ, платковъ, чулковъ и проч... и выѣхалъ обратно.

Въ Васильковѣ получилъ я отъ господина Болтина отвѣтное къ преосвященному письмо, и прозрачную, на подобіе янтарной, табакерку. Сей знаменитой авторъ и пошлино-собиратель, при всякомъ со мною разговорѣ, кормилъ своихъ журавлей. Счастливый даръ природы, который доказываетъ, что великіе люди могутъ въ одну пору заниматься многими дѣлами *).

Въ Кіевѣ митрополита нашелъ я страждущаго судорожными припадками, почему и на письмо архіерея моего отвѣчать онъ

*) Иванъ Никитичъ Болтинъ, впослѣдствіи генералъ-маіоръ, членъ военной коллегіи и россійской академіи, р. 1734 г. Директоромъ васильковской таможни назначенъ въ 1776 г. на каковомъ мѣстѣ пробылъ до 1780 г. Умеръ въ 1792 г. Замѣчательное сочиненіе его: «Примѣчанія на исторію Россію Леклерка»—изд. въ 1788 г. въ 2-хъ томахъ. Извѣстная полемика Болтина съ кн. Щербатовымъ принесла много пользы въ разработкѣ древняго періода отечественной исторіи. М. С.

былъ тогда не въ силахъ. Я повторя, мое свиданіе со всѣми прежними кіевознакомцами и получа, въ знакъ благословенія, Кіевопечерскія лавры отъ отца архимандрита Зосимы Валькевича молитвенникъ и псалтирку, продолжалъ обратной путь.

Возвратившися въ Сѣвскъ, далъ отчетъ о моемъ путешествіи и водворился въ мою отшельническую келью, гдѣ въ теченіе времени часто посѣщала меня мать моя, останавливались пріѣзжавшіе къ архіерею гости, или, по надобностямъ, духовныя и свѣтскія лица; забавлялись съ хозяиномъ гуслями; а скрипка была у меня въ запасѣ, для умѣющихъ. И келья моя и самый образъ жизни были между состояніемъ свѣтскимъ и монастырскимъ. За всѣмъ тѣмъ, я, противъ воли моей, всегда тревожился невѣдомо откуда происходившимъ вопросомъ: «что я теперь? и что буду впредь? и гдѣ мой хлѣбъ насущный?»

Сей непостижимый зародышъ вопроса мучилъ меня безпрестанно, и непримѣтно направилъ на стезю къ непостижимому Провидѣнію, управляющему судьбами человѣковъ. Я обратилъ къ нему мой безпрерывной вздохъ и чѣмъ меньше видѣлъ для себя человѣческой помочи, тѣмъ болѣ находилъ справедливымъ, что человѣкъ, рожденный отъ подобныхъ себѣ и ими оставленный, принадлежитъ къ герольдіи добраго и всеобщаго Отца дѣтей. Мой душевный вопль часто опирался на томъ священномъ и моему состоянію приличномъ словѣ: что, когда люди, будучи по природѣ злы, даютъ просящимъ дѣтямъ своимъ хлѣбъ, то неужели самая Благость откажетъ мнѣ тогда, когда мнѣ попеченіе ея нужно?

Пользуясь свободою времени, читалъ я разныя книги, которыми давно уже запасся. Я сердился на пространство древнегреческой и римской исторіи, но былъ доволенъ переводившимъ оныя господиномъ Тредьяковскимъ, который, на отечественномъ языкѣ, много просвѣтилъ своихъ единоземцовъ. Употребленныя изрѣдка въ переводѣ сего достопочтеннаго мужа, славянскія слова придаютъ много важности и силы историческому смыслу, несмотря на злословіе, истекающее отъ зависти тѣхъ славныхъ насѣкомыхъ, кои ни строкою полезною отечеству не услужили.

Квинтъ Курцій не меньше плѣнилъ меня какъ на девяти-

лѣтнемъ моемъ возрастѣ Бова-королевичъ *). Изъ россійскихъ творцовъ, ни которого я не читалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ Сумарокова. — Я столько къ нему привыкъ, что могъ различать его стихотворенія и узнавать ихъ безъ надписи**), хотя бы ихъ еще и не читывалъ. Въ нѣкоторыхъ романическихъ сочиненіяхъ, мѣста чувствительности и пожертвованія меня поражали. Но описанія обыкновеннаго волокитства приставали ко мнѣ, какъ горохъ къ стѣнѣ. «Чувства мои, говоритъ въ подобномъ случаѣ Фридрихъ Великій, не въ совершенствѣ къ тому сотворены».

Прочитавъ нѣкоторые переводы Лесажа, Волтера и Монтескю, мнѣ внушилось, что проповѣди епископовъ греческаго—Иліи Менятія, россійскаго—Гедеона Псковскаго, суть спасительныя нравоученія, произведенныя усиліемъ навыка, ограниченнаго властью закона. Но сочиненія первыхъ трехъ суть явленія, отверзающія умственной глазъ подобныхъ имъ человѣковъ, и оживотворяющія ощутительно душу мыслящаго существа.

§ XXVIII.

1776 годъ.

1776 года, въ августѣ мѣсяцѣ, собрался преосвященный посѣтить города Трубчевскъ и Брянскъ.

Отъ недавно прошедшей трехдневной моей лихорадки оставшаяся, слабость была мнѣ причиною къ отговоркѣ отъ путешествія, котораго отъ меня архіерей требовалъ.

При самомъ уже выѣздѣ, преосвященный сѣлъ на канапе подлѣ библіотеки, погрузился въ задумчивость и сказалъ: «не помню, когда бы мнѣ столько было скучно и прискорбно, какъ при теперешнемъ моемъ выѣздѣ».

«Сердце, сердце! ты вѣщунъ, губитель мой!
Для чего нельзя не слушать намъ тебя!»
Такъ говорила одна
горькая дѣвушка.

Не прошло еще дней 8 по выѣздѣ, какъ получена въ домѣ преосвященнаго непріятная вѣсть слѣдующаго содержанія:

Преосвященный, будучи у Трубчевскаго воеводы Колюбакина

*) Познакомившись съ хронологіею, мнѣ очень полюбилась шутка одного иностраннаго писателя, который, въ переводѣ на россійскій, говоритъ: «не диковинка выставить предъ свѣтомъ великими дѣла Александра Македонскаго, если онъ имѣлъ при себѣ секретаремъ Квинта Курція». Г. Д.

**) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «между другихъ творцовъ». М. С.

въ гостяхъ съ обѣда до полуночи, разсудилъ для пріятнаго препровожденія времени, или по привычкѣ, назвать хозяина «свиньею», и выплеснуть ему въ глаза покалъ вина. Колюбакинъ, не бывши лихъ, но будучи великъ и силенъ, отвѣсилъ начинщику*) большимъ кулакомъ по уху такой ударъ, что ударенный палъ пластомъ на земь и растянулся. Единый ужасъ штата архіерейскаго, при поверженіи своего владыки, былъ бы недостаточенъ для спасенія. Его подняли и уѣхали изъ дому воеводскаго и изъ города въ Чолнскій монастырь, отстоящій отъ Трубчевска верстъ около семи; чему Колюбакинъ и не препятствовалъ.

По пріѣздѣ,— какъ повѣствовали тогда всѣ исторіографы,— «самовидцы и слуги»—архіерей предпринялъ всѣ предосторожности, дабы не наскочилъ въ расплохъ Колюбакинъ, который мечтался ему съ кулакомъ въ глазахъ.

Колюбакинъ, на другой день, явился не привидѣніемъ, однакожъ и не съ тѣмъ намѣреньемъ, чтобъ бить, но чтобъ просить прощенія и разрѣшенія въ содѣянномъ грѣхѣ. Недопущенъ онъ. Чего ради и сталъ, среди монастыря противъ самыхъ оконъ архіерейскаго покоя, на колѣняхъ, и будучи въ полпьяна, воздѣлъ кѣ верху руки и возопилъ велегласно: «Отче! согрѣшихъ на небо и предъ тобою!» Архіерей, смотря изъ окна, возгласилъ ему:

— «Говори паршивая овца въ стадѣ Христовомъ: сотвори мя, яко единаго отъ наемникъ твоихъ».

Колюбакинъ повторяетъ.

Архіерей: «Гряди сѣмо, сынъ геенны!»

По допущеніи въ покои, архіерей читалъ ему челобитную, заготовленную имъ къ посылкѣ въ Синодъ. Въ ней не позабыты были: Номоканоны, Кормчая книга, отлученіи отъ церкви и самыя анаѳемы. И начались переговоры. Главные оныхъ артикулы состояли **) со стороны Колюбакина въ томъ: что, обѣ договаривающіяся стороны, вмѣстѣ наѣлись, напились, поссорились, подрались, и, кто былъ начинщикъ драки. А со стороны архіерея***) въ томъ, чтобы Колюбакинъ въ теченіи мѣсяца пріѣхалъ

*) Зачеркнуто: «своему непріятелю». М. С.

**) Далѣе зачеркнуто: «.... въ томъ, что Колюбакинъ, съ своей стороны, не пропустилъ включить въ прелиминары, что обѣ договаривающіеся...» и проч. М. С

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «архіерей же, съ своей стороны, включилъ и заключилъ, чтобы Колюбакинъ» и т. д. М. С.

къ нему въ катедральной его Сѣвскій архіерейскій домъ, гдѣ и дастъ онъ грѣшнику совершенное прощеніе и разрѣшеніе. Сіи статьи обѣ договаривающіяся стороны обязались, честнымъ взаимнымъ словомъ, исполнить свято и ненарушимо. Такимъ образомъ преосвященный, посѣтивъ Трубчевскъ, далъ ему свое благословеніе, а самъ получа таковое же отъ Колюбакина, и сдѣлавъ съ нимъ счастливое армистиціумъ, продолжалъ путешествіе свое въ Брянскъ, гдѣ съ нимъ ничего подобнаго не случилось, потому ли, что тамъ не было Колюбакина, или потому, что онъ никому виномъ глазъ не заливалъ и свиньею не называлъ.

По возвратѣ изъ Брянска домой, напрасно преосвященный ждалъ Колюбакина. Уже наступалъ праздникъ Рождества Христова, какъ архіерей позвалъ меня, приказалъ писать, подъ титуломъ пастыря Сѣвскія церкви, запрещеніе, дабы никто изъ священниковъ ни съ какою святынею въ домъ Колюбакина не входилъ.

Сіе запрещеніе собственноручно имъ подписано, запечатано и отправлено, при особомъ повелѣніи, къ Трубчевскому протопопу для объявленія Колюбакину.

Протопопъ, по пріѣздѣ послѣ праздниковъ къ архіерею, донесъ: что «онъ, идучи на самой праздникъ Рождества ко служенію обѣдни, зашелъ къ Колюбакину и объявилъ ему запретительную архіерейскую грамату. Колюбакинъ, въ отвѣтъ угощалъ его чаемъ, котораго протопопу пить было нельзя передъ служеніемъ». Тѣмъ кончилось протопопское посланничество *).

Архіерей, не остановясь на семъ, послалъ Брянскаго протопопа въ Петербургъ, съ изъясненіемъ чрезъ партикулярныя письмы обиды, къ нѣкоторымъ духовнымъ и свѣтскимъ особамъ. Но сіе посольство ничего не произвело, кромѣ смѣха въ такомъ испорченномъ городѣ, который вѣритъ, что зачинщиковъ драки вездѣ бьютъ **). Къ тому же жители столицы, вѣроятно по недостатку любви къ ближнему, толковали, что у архіерея дурное было на мысляхъ прощеніе, если онъ Колюбакина заманивалъ изъ Трубчевска въ Сѣвскъ.

Вскорѣ послѣ сего, писалъ къ нему синодальный членъ, пре-

---

*) Въ подлин. зачеркнуто: «При открытіи Орловскаго намѣстничества Колюбакинъ помѣщенъ членомъ въ какую-то палату суда и поѣхалъ, не безпокоясь, что его земля не приметъ. Архіерей же» и проч. М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «должно быть». М. С.

освященный Самуилъ Миславскій, чтобъ онъ просился на обѣщаніе *), увѣряя, что ему дадутъ въ правленіе такой монастырь, какой онъ самъ пожелаетъ. Нельзя сомнѣваться, что Самуилъ смотря на существо внесеннаго въ Синодъ, произведеннаго коммиссіею дѣла, и зная, сверхъ того, лично Кирилла Фліоринскаго, писалъ къ нему съ согласія и довѣренности всего Синода, дабы поступить съ подсудимымъ снисходительнѣе, по обыкновенію благословенныхъ временъ Екатерины Великія. Но духъ мудреной моего архіерея отвѣтствовалъ на сіе тако: «Если ваше преосвященство не нашли ничего лутчева мнѣ присовѣтывать, то я не жалѣю, что не могу благодарить за такой совѣтъ, которой никуда не годится. Благодареніе Богу, я еще не дошелъ до такого несчастія, чтобъ имѣть нужду въ вашихъ совѣтахъ» и проч.**). Самуилъ не оставилъ гордаго отвѣта безъ отвѣта. Онъ написалъ точными словами, которыя, безъ старанія, во мнѣ затвердились: «весьма вы горячо пишете; ваша горячесть во всякомъ и каждаго сердцѣ производитъ ужасную холодность; вы позабыли нашу русскую ***) пословицу: «тише ѣдешь, далѣ будешь». Берегитесь, чтобъ вы сгоряча не наскочили на братскую порцію»****).

Подобныя симъ и отъ другихъ особъ (дружескія) предложенія, произвели въ моемъ владыкѣ подозрѣніе на весь свѣтъ. Онъ увеличилъ*****) волю своему языку, и умножилъ питіе, не вкушая брашна надлежащей мѣры; отъ чего, натурально, жаръ къ жару. Въ такихъ обстоятельствахъ пришелъ онъ единожды ночью къ моей горницѣ и велѣлъ бить въ сѣнныя двери, которыя были заперты. Я, пробудясь отъ стука и услыша непрерывной крикъ преосвященнаго, узналъ, что сіе нашествіе не есть иноплеменныхъ, но своихъ домашнихъ непріятелей. Прежде всего положилъ я твердое и непремѣнное намѣреніе обороняться всѣми

---

*) Такъ у духовныхъ называется отставка. Г. Д.

**) Въ подобномъ сему случаѣ Гедеонъ, епископъ Смоленскій, сильному въ синодѣ архіепископу Новгородскому Прокоповичу отвѣтствовалъ лаконически изъ Давидова псалма: «пою Богу моему дондеже есмь». Г. Д.

***) Я не знаю почему онъ говоритъ нашу русскую, ибо они оба были малороссіяне. Г. Д.

****) Братская порція въ монастыряхъ—хлѣбъ съ квасомъ, худо свареный борщъ, или щи съ дурною сухою рыбою (или ни съ чѣмъ) да каша. Г. Д.

*****) Вмѣсто зачеркнутаго: «далъ полную волю». М. С.

силами въ моихъ стѣнахъ и несдаваться даже ни на какую капитуляцію. Вслѣдствіе чего схватилъ мое косаговское незаряженное ружье, изъ котораго я никогда не стрѣливалъ, выставилъ его въ окно и призвавъ на помощь духа древнихъ рицарей, (и своихъ россійскихъ) храбрыхъ витязей, возопилъ изо всей силы: «кто только подвинется къ окну, или отважится вломиться въ двери, того перваго встрѣтитъ пуля». Осаждающіе меня были добрые донъ-кишоты, но тактики худые. Глава въ епархіи въ молчаніи сдѣлалъ отступленіе и вся ландмилиція двинулась *) за нимъ. Одинъ только остался, или оставленъ канцеляристъ Матвѣй Самойловъ, для переговоровъ въ нашей странной акціи. Онъ мнѣ сказалъ, что я напрасно ружье выставилъ, а я, припомнивши архіерейской отвѣтъ Самуилу преосвященному, отвѣчалъ ему: что «я еще не дошелъ до этого несчастія, чтобъ имѣть нужду въ вашихъ совѣтахъ».

— «Развѣ вы не знаете, продолжалъ Самойловъ, архіерейскаго нрава? можетъ быть, онъ до сѣхъ поръ уже и заснулъ».

Мой отвѣтъ состоялъ въ требованіи, чтобы и онъ пошолъ спать. Чему онъ и не попротивился.

Къ неожиданному моему удивленію, по утру усмотрѣлъ я, что двери моихъ сѣней съ наружи укрѣплены, и около оконъ ходятъ безсмѣнные часовые, т. е. сторожа; изъ чего понятно мнѣ стало**), что я нахожусь въ осадѣ. Нужно ли разрѣшить загадку, что побудило архіерея къ такому противъ меня дѣйствію? И не имѣлъ-ли онъ правильныхъ, а затѣмъ и побудительныхъ къ сему причинъ? (Отвѣтствую):—нѣтъ, его таково свойство, которое дѣйствуетъ не только при рожденіи мѣсяца, но и при продолженіи пиршества***). Въ такомъ его положеніи, кто первой ему встрѣтится, или вспадетъ ему на мысль, тотъ и бываетъ жертвою его странности, и самой обиды. Въ такомъ его положеніи, часто случалось, что онъ, будучи въ дорогѣ въ зимнюю пору, выскочитъ изъ дормеса****) на морозъ, которой свыше двадцати градусовъ,

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «поволоклась». М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «изъ чего привыкшему мнѣ къ подобнымъ приключеніямъ понятно было, что...» и проч. М. С.

***) Послѣднія двѣ строки были прежде такъ изложены: «нѣтъ, его таковъ характеръ — не только при рожденіи мѣсяца, или при продолженіи пиршествъ, но даже въ трезвомъ положеніи, если онъ чѣмъ нибудь внутреннѣ тронутъ или озабоченъ, или огорчается...» и проч. М. С.

****) Вмѣсто зачеркнутаго: «кареты». М. С.

велитъ пѣть пѣвчимъ, и самъ съ ними поетъ. Всѣ стоятъ среди поля на открытомъ воздухѣ, безъ шапокъ, а онъ попеременно то поетъ, то бранитъ, то бьетъ одного, или другого, и держитъ въ голой рукѣ стаканъ до тѣхъ поръ, пока англійское въ немъ пиво обратится въ льдины; въ семъ послѣднемъ бываетъ тотъ виноватъ, кто подносилъ. Правда, что и самъ онъ часто платилъ недешево за свои подвиги. Онъ получилъ въ ножныя икры ревматизьмъ, а потомъ въ палецъ правой руки онѣмѣлость, или нечувственность *), на которомъ и носилъ, по совѣту лекарей, заячей мѣшокъ, вмѣсто воздержанія отъ напитковъ и сбереженія себя отъ холода; но дѣло не о томъ: я сѣжу въ заключеніи.

Архіерей, проснувшись въ полдень, уѣхалъ обѣдать въ городъ, къ воеводѣ Пустошкину. Уже сближался лѣтній день къ пяти часамъ по полудни, а я нахожусь въ моей фортеціи безъ вкушенія вина и елея, кромѣ хлѣба и воды.

Кто первой сказалъ: «все къ чему-нибудь годится», тотъ былъ въ подобномъ моему приключеніи. Діета натурально очищаетъ мысли; почему и я, послѣ нѣсколькой душевной тревоги, почувствовалъ пріятную унылость и нѣкоторое утѣшеніе. Я нашелся въ состояніи разсуждать, и разсуждалъ не только о прошедшемъ и настоящемъ, но и на будущее время старался что-нибудь прочное для себя примыслить **).

Бѣдное и бѣдствующее твореніе человѣкъ! Его мысль, его рѣзкая, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ какъ и пріятныя иногда минуты и самая жизнь, кажутся ему неограниченными временемъ; но, въ самомъ дѣлѣ, одна уже, во мрачной ужасъ облеченная смерть, достаточна его просвѣтить, что обитаемой нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго! Такъ что-жъ я могъ прочное для себя примыслить ***)?

Сидя въ моей кельи, я такъ не думалъ; но, при писаніи моей повѣсти, разсудилъ изобразить мысль, истину которой, въ

*) Зачеркнуто: «двухъ составовъ». М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «для себя предуготовить....». М. С.

***) Въ семъ мѣстѣ богословы имѣютъ свой долгъ вспыхнуть: «Чѣмъ смерть ужасна? а вѣра гдѣ?» Отвѣтствую: «Вѣра при мнѣ и, непріятность смерти, и чувствованіе горестей въ жизни при мнѣ и при богословахъ» — «Это маловѣріе, это не вѣра!» опять закричатъ. Отвѣтствую: «Споровъ и умствованій на свѣтѣ много, а чувствительность сердца одна. Одна, и столь благородна, что она не любитъ, когда ее съ пути сбиваютъ». Г. Д.

теченіе моей жизни, видѣлъ и осязалъ. А въ тогдашнемъ обстоятельствѣ нужно было скорѣе всего мыслить о способѣ освобожденія себя. И вотъ, что я выдумалъ:

Взялъ алмазной перстень, полученной отъ архіерея, въ знакъ имѣющаго быть сочетанія меня съ его племянницею, завернулъ его въ бумажку, потомъ на другой написалъ слѣдующее: «Преосвященнѣйшій владыко! Пожалованный мнѣ перстень, въ знакъ имѣвшаго быть бракосочетанія моего съ вашею племянницею, возвращаю, въ знакъ вѣчнаго моего разлученія съ нею, съ вами и со всѣмъ свѣтомъ».

Сіе посланіе я, подозвавъ сторожа подъ окно, отдалъ ему съ перстнемъ, завернутымъ въ бумагу и сказалъ: «спѣши отдать самому преосвященному»; а самъ набивалъ въ его глазахъ пистолетъ, будучи въ твердомъ и непремѣнномъ намѣреніи выстрѣлить изъ него послѣ въ рощи, для забавы. Преосвященный,— какъ мнѣ послѣ пересказали,—пробѣжавъ глазами короткое мое письмо, бросился опрометью изъ воеводскихъ покоевъ и, выскоча на крыльцо, кричалъ самъ: «карету-карету!» Всѣ гости и хозяинъ, выбѣжавшіе за нимъ, были въ недоумѣніи, а онъ, не сказавъ имъ ни слова, ускакалъ по-курьерски. Такимъ образомъ, нерѣдко смѣшили мы людей и портили себя. Мы были истинные люди, которые заражаютъ себя и атмосферу.

Не было и часа разстоянія въ 3-хъ верстахъ въ оба пути, какъ застучалъ онъ въ мои двери, которыя, и съ моей стороны, были укрѣплены,—возглашая со стукомъ:

— «Живъ ли ты? полно дурачиться, оттвори, и я вчера дурачился. Полно смѣшить людей, послушай меня, оттвори».

«Я инако не оттворю, какъ на тѣхъ условіяхъ, чтобъ ваше преосвященство уволили меня изъ вашего дому, съ письменнымъ отъ васъ и отъ консисторіи аттестатомъ; въ противномъ же случаѣ, пистолетъ мой всегда при мнѣ».

— «Все сдѣлаю, что тебѣ надобно».

Я впустилъ добраго пастыря въ мою ограду. Онъ долго со мною сидѣлъ, велъ продолжительной и постоянной разговоръ. Мнѣ приписывалъ вспыльчивость, а о себѣ помалчивалъ, какъ будто онъ, прошедшей ночи и прошедшихъ дней, недѣль, мѣсяцевъ и годовъ,—не онъ былъ. Онъ попытался еще здѣлать мнѣ милостивое предложеніе, чтобъ я перешолъ въ его покой и при-

нялся за первую должность, а за сіе послушаніе, поелику я желалъ вступить въ коронную службу, — включенъ я буду, по просьбѣ его и рекомендаціи, въ штатъ при фельдмаршалѣ графѣ Румянцовѣ. Но я, знавъ изъ десятилѣтняго опыта (всего, всю сію) особу и качества, ничего бы простѣе не сдѣлалъ, какъ еслибъ ему повѣрилъ и понадѣялся, почему и отвѣтствовалъ ему большею частію молчаніемъ.

Итакъ, изъ длинной нашей аудіенціи вышло только то, чего я и желалъ, то-есть, я освободился изъ-подъ стражи и остался въ прежней участи даже до тѣхъ поръ, пока пекущееся Провидѣніе, учреждающее все,—какъ говорятъ,—на благой конецъ, перемѣнило ее вотъ какимъ образомъ:

§ XXIX.

1777 годъ.

Невѣста моя, бывши 9 мѣсяцовъ больна, въ великой постъ 1777-го года скончалась. Она рѣшила*) и волю своего дяди и мою колеблемость быть мнѣ зятемъ и мужемъ. Смерть ея перенесъ я неравнодушно, однако-жъ это было больше дѣйствіе чувствительнаго моего отъ природы сердца, нежели страстной влюбчивости, потому что сія потеря рѣшила меня избавиться отъ такого владыки, которой не рожденъ быть ни другомъ, ни благодѣтелемъ. Итакъ, первой шагъ сдѣлалъ я къ моему облегченію**) отъѣздомъ, съ дозволенія преосвященнаго, въ Молчанскую Софроніеву пустынь, отстоящую отъ Сѣвска на 150 верстъ.

Сей монастырь или пустынь, въ разсужденіи возвышеннаго мѣстоположенія, въ разсужденіи четырехъ каменныхъ церквей и другихъ зданій, такъ же окружающаго ея лѣса, садовъ, винограда, и прочихъ пріятныхъ зрѣлищъ и изобилія, было наипрекраснѣйшимъ жилищемъ для любящихъ тишину. И въ сей-то, расхваленой мною, пустыни прожилъ я съ половины великаго поста по 9-е число маія, въ настоятельскихъ кельяхъ и на содержаніи монастыря. Въ продолженіе моего тамъ бытія, жилъ я прямо по-монашески, то-есть, я ничѣмъ не занимался. А по

---

*) Зачеркнуто: «...какъ съ архіерейской, такъ особливо съ моей стороны — быть мнѣ зятемъ преосвященнаго...». М. С.

**) Мѣсто зачеркнутаго: «избавленію». М. С.

открытіи весны, которая, по тамошнему климату, начинается почти съ первыхъ чиселъ апрѣля,—ходилъ по лѣсамъ, по горамъ и по монастырскимъ возвышеніямъ. Все же, вообще, время провождалъ съ настоятелемъ и посѣщалъ монаховъ, изъ которыхъ, правду сказать, ни одного не находилъ занимающагося какимъ-нибудь рукодѣліемъ. Бывалъ я часто у одного изъ двухъ схимниковъ, отца Григорія, которой тѣмъ больше мнѣ полюбился, что жилъ съ хорошимъ запасомъ. У него были разныя водки, настоянныя на разныя лечебныя травы, садовые плоды и медовыя варенья, а сахарными—снабдѣвали его богомольцы, отъ имяни богомольщицъ, ибо надобно знать, что отецъ Григорій, будучи близко семидесяти лѣтъ, лично съ богомолицами никогда не видывался, во избѣжаніе искушенія отъ дьявола. Всѣмъ своимъ запасомъ онъ для меня не скупился, хотя былъ старъ и монахъ.

Къ бо̀льшему его дарованію, онъ охотникъ былъ говорить и судить о слабостяхъ, порокахъ или удовольствіяхъ человѣческихъ снисходительно. Онъ съ сожалѣніемъ самъ о себѣ говорилъ, что не въ силахъ любить своихъ непріятелей, и былъ со мною согласенъ, что дѣлать врагамъ нашимъ добро состоитъ въ нашей волѣ, или возможности; «но любить и не-любить — якоже глаголетъ Сумароковъ — не въ воли состоитъ; ибо сердце наше есть такое нѣжное и своеобычливое дитя, которое не подвергается приказаніямъ». Мой отецъ Григорій по сей матеріи часто приводилъ въ примѣръ, что онъ не можетъ любить схимника Іоанна, понеже Іоаннъ не умѣетъ читать псалтири, и не былъ на Аѳонской горѣ, а думаетъ о себѣ, что онъ великой святой и достоинъ третьего неба. Настоятель той пустыни, по мнѣнію отца Григорія, былъ не лутче схимника Іоанна. Въ протчихъ пустынножителяхъ ненаходилъ онъ подобныхъ пороковъ, потому что всѣ они просили отъ него благословенія.

Пользуясь его угощеніемъ, требовала вѣжливость выслушивать, когда онъ повѣствовалъ мнѣ о своихъ трудахъ и подвигахъ, употребленныхъ имъ, во время младыхъ его лѣтъ, на Аѳонской горѣ, и состоявшихъ, большою частію, въ томъ, что онъ долженъ былъ своеручно выработывать и на своемъ хребтѣ носить ревитъ, маѳрли и стридію, дабы не умереть съ голоду.

«Что такое, батюшка,—спросилъ я его—за пища безсмертія?»

— «Они тоже значатъ, отвѣчалъ онъ, что у насъ въ Малороссіи горохъ, пшеница и чечевица».

Можетъ быть онъ и не вѣрно перевелъ, или я не вѣрно припомнилъ, ни за то, ни за другое не ручаюсь. Знающіе греческой языкъ, могутъ исправить.

«Я — продолжалъ онъ — былъ прежде въ Россіи гусаромъ. Но, оставя всѣ свѣтскія забавы и роскоши, бѣжалъ въ Аѳонскую гору, гдѣ препроводя время почти до старости, переселился наконецъ въ сію пустыню, дабы продолжить и кончить время въ богомысліи и молитвахъ за себя и за другихъ» *).

Слушая отца Григорія, я не сомнѣвался**), что, для пользы общественной и своей, лутче быть схимникомъ и молиться, нежели быть гусаромъ и проливать кровь свою и чужую, для доставленія покоя соотечественникамъ, какъ одинъ изъ молодыхъ и холостыхъ дворянъ г. Бавыкинъ, пріѣхавшій на ту пору въ пустынь больше для гулянья, нежели для моленья, испортилъ мою вѣру разсказомъ слѣдующей повѣсти:

«Недавно предъ симъ,— говоритъ Бавыкинъ,— отецъ Григорій недопустилъ-было меня къ себѣ въ келью, когда я пришелъ къ нему для испрошенія отъ него благословенія. Мнѣ показалось это забавно, и я разсудилъ поусилиться, дабы показать, что имѣю нужду въ его молитвахъ, что я горячій почитатель его особы, и чтобы узнать: за что гнѣвъ и немилость! Вслѣдствіе чего отецъ, Григорій, отверзая дверь толкущему, встрѣтилъ меня жестокимъ выговоромъ, называя, безъ дальнихъ околичностей, «мучителемъ» и проч. и въ жаркомъ своемъ гнѣвѣ, увѣрялъ меня, что ему «о моемъ, по его словамъ, грѣхѣ духъ святый возвѣстилъ». Но какъ отецъ Григорій, въ своихъ ретивыхъ увѣщаніяхъ, наклепалъ на меня много такихъ дѣйствій, которыхъ никогда не бывало и даже природа моя отвращается быть столько злымъ или, лутче сказать, сумасшедшимъ, то я на святаго духа осмѣлился возъимѣть подозрѣніе въ томъ, что онъ кому-нибудь похлѣбствуетъ, потому что отцу Григорію много возвѣстилъ небылицы. Догадка моя была справедлива. Слуга мой, которому я, по выходѣ отъ отца Григорья, погрозилъ, разсказалъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «и подвиги за спасеніе душъ человѣческихъ». М. С.

**) зачеркнутыхъ словъ: «уже начиналъ я вѣрить». М. С.

мнѣ всю-на-все жалобу, которую онъ приносилъ на меня отцу Григорію, за то, что я его за многія шалости, и даже плутни, наказалъ единожды».

Сею повѣстію Бавыкинъ увѣрилъ себя и меня, что въ наши грѣшныя времена не могутъ мѣститься на земли великія чудотворцы *), кромѣ обыкновенныхъ чудодѣевъ.

Возвращеніе мое изъ пустыни не прямо послѣдовало въ Сѣвскъ. Я увѣдомленъ отъ преосвященнаго, что сестра его, а моя недоставшаяся быть тещею, будетъ дожидаться меня въ назначенное время въ Глуховѣ, дабы съѣхавшись, сопутствовать ей въ Ахтырку, для поклоненія чудотворному образу. Но, по прибытіи моемъ въ Глуховъ, нашелъ отъ преосвященнаго другое письмо, въ которомъ увѣдомлялъ меня, что ему разсудилось назначенной прежде путь сократить, и вмѣсто Ахтырки назначить мѣстечко Дубовичи, гдѣ такая же чудотворная икона, какъ и въ Ахтыркѣ, а можетъ быть и полутче, смотря по тому какъ кто помолится.

Тещу мою нашелъ я въ Глуховѣ съ двумя малолѣтными дочерьми и сотовариществующею ей одною дамою, моею же кумою. Такимъ образомъ, собрались мы цѣлою роднею и ѣхали въ самую лутчую весеннюю пору до Дубовичъ. Дубовичи отъ Глухова на день, или меньше ѣзды. Но не припомню точно, къ которому принадлежатъ городу.

Дубовицкой храмъ былъ храмомъ нашего благоговѣнія и поклоненія. Я не знаю, чего которой изъ моихъ сопутницъ хотѣлось выпросить; а я просилъ, чтобы меня Сѣвскій архіерей отпустилъ изъ монастыря, для пріисканія основательнаго и значущаго состоянія, а какого? я и самъ не зналъ и не могъ примыслить. Я, уединившись отъ нихъ, пролилъ обильныя слезы съ колѣнопреклоненіемъ.

Говорятъ, что слезы, въ подобномъ случаѣ, есть даръ Божества, почему и я ощущалъ чрезъ нихъ нѣкоторое утѣшеніе и надежду въ томъ, что я услышанъ.

Возвратяся въ Сѣвскъ, водворился я паки въ мою отшельническую келью. Мать возобновила посѣщенія своему сыну. Мы бесѣдовали съ нею, какъ такіе родные, которымъ общежитіе не

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «святители». М. С.

наскучило, ибо—какъ изъ исторіи моей видно—жребій выпалъ, чтобы отецъ и мать оставили сына въ малолѣтствѣ: первый—отшествіемъ на вѣчность, а другая—разномѣстнымъ со мною обитаніемъ. Говоря все какъ мать съ сыномъ, она припомнила мнѣ дату *), или время своего бракосочетанія и моего рожденія и послѣднія слова отца моего: «Когда сидѣла я съ духовникомъ нашимъ, отцемъ Григоріемъ при головѣ лежащаго на смертномъ уже одрѣ отца твоего и, по тогдашней моей простотѣ и молодости, будучи притомъ въ горькомъ замѣшательствѣ, тревожила его пустыми вопросами: «какъ мнѣ жить безъ тебя? что мнѣ начать? итти-ли мнѣ замужъ или нѣтъ?» онъ отвѣчалъ:—«ты можешь найти мужа, но сыну моему отца не найдешь». Увы! сколь много значилъ для сына такой отвѣтъ! и сколь много было для умирающаго присутствія ума!

Меня посѣщалъ часто капитанъ Иванъ Михайловичъ Лихаревъ, обитавшій въ Площанской пустынѣ, а иногда, съ дозволенія архіерея, я посѣщалъ его въ его обиталищѣ. Онъ былъ лѣтъ около 30-ти, человѣкъ съ природными и приобрѣтенными достоинствами, свѣдущъ во многихъ такихъ вещахъ, о которыхъ многіе и маіоры понятія не имѣютъ. Къ сему успѣлъ уже испытать душевныя скорби и несчастія. Онъ былъ уже въ какой-то крѣпости во время войны противъ турковъ, плацъ-маіоромъ; но за нѣкую съ протчими въ крѣпости оплошность, былъ пониженъ однимъ чиномъ. Сердясь на суровую участь и непостоянство счастія, возжелалъ въ Площанской пустынѣ умножить число набожныхъ жителей; но повидимому и въ семъ духовномъ мірѣ не нашедъ успокоенія **), возвратился—проживши года съ три въ монастырѣ, въ казанскія свои деревни, о чемъ я извѣстился будучи уже въ Бѣлоруссіи. Между тѣмъ какъ онъ жилъ въ стадѣ избранныхъ, былъ онъ наиполезнѣйшимъ для меня собесѣдникомъ.

Еще гонимый злобною судьбою, молодой дворянинъ, по фамиліи Луцевинъ, бывая у меня часто, раздѣлялъ и соединялъ со мною горькую свою участь. Онъ отъ 12-ти лѣтъ своего возраста,

*) Дата, по-польски значитъ то, что по-россійски въ четырехъ рѣченіяхъ годъ, мѣсяцъ, число и день. Эра и эпоха, въ нашемъ языкѣ суть такіе почтенные техническіе гости, которыхъ выжить жаль, а за родныхъ признать нельзя. Г. Д.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «ничего добраго». М. С.

вдругъ, по непонятному движенію, направить полетъ нашъ въ новопріобрѣтенный Бѣлорусскій край.

— «Тамъ—говорилъ онъ—скоро будетъ открываться намѣстничество; тамъ государевъ намѣстникъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ и губернаторъ М. В. Коховскій, по имянному императорскому дозволенію, сами жалуютъ въ штатскіе оберъ-офицерскіе чины, не спрашиваясь сената».

— Поѣдемъ же туда, отвѣтствовалъ я, авось-либо и намъ дадутъ штатскіе оберъ-офицерскіе чины, только мнѣ за бумагами сидѣть не хочется.

— «И мнѣ не хочется, подхватилъ Луцевинъ; мнѣ ужъ онѣ надоѣли въ Путивлѣ и въ Рыльскѣ, хотя мнѣ и 20-ти еще не исполнилось».

— Мнѣ и воинская служба не нравится—говорилъ я,—воинскіе офицеры мечтаютъ о себѣ что они принцы, а голы какъ бубны.

— «Однако-жъ она первая изъ службъ, сказалъ Луцевинъ, хотя мой дѣдъ и въ цѣховые изъ дворянъ записался, когда государь Петръ Великій требовалъ дворянъ на смотръ. Хорошо еще быть,—продолжалъ Луцевинъ,—у богатыхъ подрядчиковъ или откупщиковъ конторщикомъ или письмоводителемъ. Они знакомы съ большими господами и съ генералъ-прокуроромъ, чрезъ которыхъ не только сами для себя выпрашиваютъ чины, но и другимъ имѣютъ случай выпросить, а особливо при заключеніи въ сенатѣ контрактовъ».

— Я желалъ бы—сказалъ я—служить при таможни, тамъ денегъ, суконъ, полотенъ, матерій и всякихъ вещей пропасть, а съ ними подрядчикомъ и откупщикомъ сдѣлаться можно, и выпрашивать чины въ сенатѣ при заключеніи контрактовъ.

— «Хорошо, сказалъ Луцевинъ, теперь въ Бѣлорусской Рогачевской таможнѣ находится директоромъ оберъ-провіантмейстеръ Петръ Савичъ Звягинъ. Онъ изъ одного со мною города. Я зналъ его, когда онъ былъ такимъ же канцеляристомъ, какъ мы теперь. Поѣдемъ въ Рогачевъ».

— Поѣдемъ — подхватилъ я — погоняй поскорѣй! погоняй!

Продолжая съ восторгомъ наше «погоняй», и повторяя его нѣсколько минутъ безпрерывно, мы подняли такой крикъ, что извощикъ почелъ насъ, безъ сомнѣнія, не за послѣднихъ шалу-

новъ, и не замѣтили какъ проскакали 30 верстъ слишкомъ до Серединой-буды, гдѣ остановились у священника кіевской епархіи Ивана Карповича Лузанова, знакомаго архіерею и мнѣ.

Хозяинъ былъ мнѣ радъ, угостилъ насъ ужиномъ, а на завтра въ церкви проповѣдью,—поелику день былъ воскресный, и обѣдомъ. Онъ былъ священникъ съ латинью, съ умомъ и съ нравственностью. Вѣжливъ, скроменъ, веселъ, гостепріименъ. Густые и чорные его волосы скрывали непроницаемо цѣлую половину рясы отъ плечъ по сѣдалище, а окладистая и чрезвычайно густая того же цвѣта борода, расширяясь по груди, примыкалась съ обѣихъ сторонъ къ головнымъ волосамъ; а все сіе совокупно представляло особу самую важную и украшенную особливымъ трудомъ и тщаніемъ природы, которая не поскупилась волосами *). Онъ будучи тогда лѣтъ подъ 40, имѣлъ попадью не старѣ 20-ти лѣтъ, и не выше аршина и 3-хъ четвертей, хотя я и не мѣрилъ. Она чистосердечно за пріятнымъ ихъ обѣдомъ разсказывала, что когда мужъ ея, будучи студентомъ въ Кіевской академіи, искалъ съ нею жениться, то она, не ощущая въ себѣ къ нему ни малѣйшей склонности, всегда его убѣгала. И матери-тещи—не малаго стоило труда возвращать ее къ соблюденію благопристойнаго съ женихомъ обращенія. «А теперь мнѣ кажется,—говорила она,—я одна во всемъ мірѣ такая счастливая изъ женъ, которая имѣетъ столь хорошаго мужа».

Послѣобѣденное време провели мы въ пріискиваніи лошадей; а въ понедѣльникъ послѣ обѣда отправились на Стародубъ.

§ XXX.

Стародубъ и Черниговъ.

Въ Стародубѣ, остановившись на постояломъ дворѣ, имѣли необходимость паки стараться о лошадяхъ, потому что извощики наняты были только до сего мѣста и дальше вести не соглашались. А понеже я жилъ столь долго у средоточія духовныхъ, то и стародубскій протопопъ Зубрицкій, хотя чужой епархіи, былъ мнѣ знакомъ потому, что ему случалось гостить у моего архіерея. Сіе знакомство обязываетъ меня приостановиться надъ отцемъ Зубрицкимъ и его побіографить и по марало-графить.

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «не пощадила волосъ». М. С.

Онъ былъ мужъ старый; сѣдая его борода, оставя совершенно-голыми счоки, начиналась только отъ устъ и подбородка, слѣдственно не шире была двухъ съ половиною вершковъ, и продолжаясь черезъ грудь и брюхо, оканчивалась тамъ, гдѣ природа раздѣляетъ человѣка на двѣ равныя развалины. Слѣдственно, длина въ разсужденіи ширины или ширина въ разсужденіи длины дѣлали ее тясьмо-образною. И толь необычайнаго колибра борода списана была еще въ Сѣвскѣ, по приказанію архіерейскому, домовымъ живописцемъ. «Примѣчанія достойно,—по собственнымъ тогдашнимъ его словамъ,—что гдѣ сія борода ни показывалась, вездѣ ее за рѣдкость списывали», а какъ портреты его изображались всегда въ грудномъ или поясномъ положеніи то и никому не удавалось на портретахъ видѣть конца его бороды, такъ какъ никто не видалъ начала рѣки Нила. Къ такому-то отцу протопопу я явился. Онъ принялъ меня съ моимъ товарищемъ безъ вниманія, и я имѣлъ причину подозрѣвать, что онъ меня не узналъ, почему за нужное почелъ засвидѣтельствовать ему архипастырское благословеніе Сѣвскаго архіерея, не объявляя ему, что я лишилъ себя права развозить благословеніе. Но когда увидѣлъ, что онъ и послѣ сего не любопытнѣе знать ни объ архіереѣ, ни обо мнѣ, то я не счелъ за лишнее напомнить ему, что онъ у сѣвскаго архіерея обѣдывалъ, ужинывалъ, пивалъ вино, пуншъ, англійское пиво и наливки.

— «Да! отвѣчалъ онъ, какъ будто пробудившись, у васъ они есть, а у меня ихъ нѣтъ».

— «Такъ нѣтъ ли у васъ лошадей, батюшка? спросилъ я. Если вы не имѣете, по крайней мѣрѣ знаете гдѣ что въ Стародубѣ есть. Вы здѣшній древній житель, а мы вамъ деньги дадимъ».

— «Деньги! сказалъ Зубрицкій, приподнявши впалые глаза,—за деньги все можно достать. Сынъ мой помоложе, онъ куда-то пошолъ въ городъ; а какъ возвратится, онъ для васъ постарается, а я уже старъ».

«О неблагословенное сѣме Авраамле! сказалъ я, вышедши отъ него, гласомъ архіерейскимъ моему Луцевину; когда исполнится съ вами обѣщаніе Бога, обѣщавшаго вмѣсто этакихъ негодяевъ воздвигнуть отъ камней чадъ Аврааму? Пойдемъ искать

лошадей индѣ. Можно-ль намъ надѣяться на сына, когда у него таковъ отецъ?»

Ходя нѣсколько часовъ по городу безъ успѣха, принуждены возвратиться опять къ протопопу въ надеждѣ, что у него есть сынъ помоложе. Мы нашли на дворѣ человѣка лѣтъ 28-ми, въ худой изношенной синей епанчѣ, съ отвислою губою, пьянаго. Ето былъ сынъ его. Онъ, завидя насъ, сказалъ:

— «А! вамъ-то надобны лошади? Дайте мнѣ 20 руб., я вамъ дамъ лошадей.»

— За что такъ много?

— «За то, что они васъ повезутъ, куда вамъ надобно».

— Нельзя тому статься? мы ѣдемъ въ Бѣлоруссію, которая отселѣ не близко.

— «Вы на нихъ доѣдете хоть на край свѣта».

— Слышишь ли? сказалъ я Луцевину, хоть на край свѣта. Луцевинъ сказалъ: «чего-жъ лутче!»

Между тѣмъ какъ мы съ Луцевинымъ разсуждали, похаживали, и не знали какъ кончить нашу надобность, у пьянаго дуръ изъ головы нѣсколько вышелъ, и онъ насъ увѣрилъ, что онъ почтмейстеръ, что до самой Бѣлоруссіи на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ лошади подъ его вѣдомствомъ, что онъ человѣкъ чиновной, асаулъ, и что ему, по всѣмъ симъ правамъ и преимуществамъ, надобно заплатить напередъ всѣ прогонныя деньги 20 р., а онъ намъ дастъ за своею рукою для проѣзда формальной открытой листъ, называемой: «цѣдула».

Чтобъ не сидѣть въ Стародубѣ, молодая наша неопытность рѣшилась на цѣдулу и я заплатилъ ему 20 сребренниковъ и бездѣльникъ имѣлъ смѣлость начать ее тако: «Ея императорскаго величества цѣдула, по которой слѣдуютъ такіе-то, которымъ давать по всѣмъ станціямъ почтовыхъ лошадей» и проч.

На первой отъ Стародуба почтѣ, требовали уже отъ насъ прогонныхъ денегъ; но мы уповая на цѣдулу, съ нерадѣніемъ отвѣтствовали, что уже заплочены разомъ асаулу. Извощикъ нашъ, безъ сомнѣнія, успокоилъ почту прогонами по наставленію асаула. На второй почтѣ, сколько мы ни увѣряли, что мы заплатили прогоны разомъ почтмейстеру, но намъ отвѣтствовано, что безъ прогоновъ нѣтъ лошадей. Плутъ имѣлъ уловку и имя свое подписать разведеннымъ съ углемъ чернилomъ, которое по первомъ завертѣ бумаги затерлось до безобразія. Итакъ, мы

дополняя недостатокъ нашей цѣдулы, повтореніемъ прогонныхъ денегъ, добрались, противъ чаянія, и безъ надобности до Чернигова, которой намъ отъ Стародуба къ Бѣлоруссіи почти столько же былъ по пути, какъ бы ѣдучи отъ Москвы до Кіева, заѣхать къ Петербургу; въ которой однакожъ нельзя было не заѣхать потому, что насъ такъ везли по цѣдулѣ.

Въ черниговской ратушѣ безъ подорожной ни за какія прогоны не дали намъ лошадей, а надъ цѣдулою нашею смѣялись. Мнѣ весьма досадна была невѣжливость сихъ простыхъ людей, которые шутятъ надъ ближнимъ въ такую пору, когда ему надобно скоро ѣхать. Надлежало бы требовать лошадей на почтѣ, но тамъ подорожная еще нужнѣе, нежели въ ратушѣ. Итакъ, не заводя споровъ за достоинство цѣдулы, спросилъ я у сихъ цѣдуло-борцевъ: «дома-ль преосвященный и Елецкаго монастыря архимандритъ Ероѳей*). Ратушники, оставя цѣдулу и посмотря на меня съ бо̀льшимъ уваженіемъ, отвѣтствовали мнѣ, что архіерея нѣтъ, а архимандритъ дома. Они замѣтили, безъ сомнѣнія, что человѣкъ, которой нарицаетъ столь фамиліарно особъ владѣющихъ великими деревнями и руководствующихъ душами правовѣрныхъ, долженъ и самъ быть немалаваженъ. Не теряя времени или лутче сказать не жалѣя потерять дурное время, пошелъ я къ архимандриту. Я нашелъ его дома. Онъ тотчасъ меня узналъ, и ласковой его пріемъ далъ мнѣ еще болѣе возчувствовать грубость протопопа Зубрицкаго. Архимандритъ, узнавъ отъ меня на сей разъ не больше, какъ только о путешествіи въ Бѣлоруссію, далъ мнѣ тотчасъ свой екипажъ **) до ратуши, дабы я коляску мою препроводилъ въ его Елецкій монастырь, и имѣлъ бы съ сопутникомъ продовольствіе и отдохновеніе въ его настоятельскихъ кельяхъ до выѣзда въ Бѣлоруссію.

Учредя такимъ образомъ, по милости отца архимандрита, наши дѣла, его высокопреподобіе вступилъ со мною въ пространный разговоръ; я увѣдомилъ его чистосердечно, что уволненъ отъ преосвященнаго и отъ консисторіи навсегда.

---

*) Архіерея зналъ я по бытности его на коммиссіи, а архимандритъ знакомъ, потому что посвященъ моимъ сѣвскимъ архіереемъ, по указу синода, во время междуархіерейства въ Черниговѣ. Г. Д.

**) Въ подлин. зачеркнуто: «По-польски поѣздъ, а по-россійски — не знаю какъ. Надобно учинить выправку съ академіею россійскою, которая скупа на словарь. Видно ей много дѣла!». Г. Д.

— «И вы уже не возвратитесь къ преосвященному?» спросилъ скоропоспѣшно архимандритъ.

— Нѣтъ, отвѣтствовалъ я и продолжалъ: теперь въ Бѣлоруссіи открываются два намѣстничества. По новости присоединенія сего края къ Россіи можетъ быть настоитъ больше нужды въ людяхъ для штатской службы, нежели во внутреннихъ губерніяхъ. А еслибы и не нашли ничего для себя полезнаго, то мы имѣемъ пашпорты до Москвы и Петербурга. Когда ничего вѣрнаго не видно нигдѣ, такъ надобно поискать его вездѣ» и проч.

Время нашего разговора сближилось подъ самой ужинъ. Отецъ архимандритъ, выслушавъ изъясненія моихъ намѣреній, пожелалъ мнѣ спокойной ночи, и пошолъ въ дальніе покои, не говоря больше ни слова. Еще я не опомнился хорошенько, и не зналъ за что почесть неожидаемой побѣгъ нашего хозяина, какъ подошелъ ко мнѣ его келейный и сказалъ: что, «его высокопреподобіе кушать не изволитъ, такъ неугодно-ль вамъ откушать съ нами?»

Бывши я почотною особою при сѣвскомъ неуступчивомъ архіереѣ, не почиталъ уже новымъ дѣломъ презирать и самыхъ архимандритовъ; почему и отказался спѣсиво отъ предложенной мнѣ чести *). Вслѣдствіе сего, потащились мы съ Луцевинымъ къ своей коляскѣ, стоящей подъ повѣтью. На столовой припасъ мы не имѣли нужды; но я не помню, ужинали мы, или нѣтъ. Того только нельзя забыть, что мы съ своимъ сопутникомъ, имѣя одни намѣренья, имѣли различныя съ нимъ природныя свойства. Я когда бываю въ душевномъ прискорбіи, тогда не могу спать и ѣсть, а онъ, въ подобномъ случаѣ, погружался въ крѣпкой сонъ. Онъ, пользуясь симъ преимуществомъ, тотчасъ въ коляскѣ успокоился; а я цѣлую, хотя іюльскую ночь, ни глазомъ не сомкнулъ, размышляя почеловѣчески о неизвѣстности будущаго моего жребія, хотя размышленія таковыя приводятъ только въ изнеможеніе душевныя силы; да и для чего бы тревожить себя размышленіями о томъ, чего намъ природа не позволила ни предвидѣть, ни предъузнать? Но съ другой стороны, тотъ же гласъ

*) Тогда носился слухъ, что сѣвскій архіерей переведенъ будетъ въ Черниговъ, а черниговскій—на другую епархію. Архимандритъ, услыша отъ меня, что я уже къ архіерею моему не возвращусь, почувствовалъ для себя тягостію продолжить гостепріимство. Г. Д.

природы всегда мнѣ внушалъ такъ: «ты родился сиротою и живешь ты безъ друзей. Ежели ты самъ о себѣ не потревожишься, то никто другой вмѣсто тебя не потревожится».

Уже на разсвѣтѣ я заснулъ. Но въ самомъ моемъ спокойствіи пробудилъ меня необыкновенной шумъ. Это было вотъ какое дѣйствіе: человѣкъ съ 8-мъ монастырскихъ служителей тащили женщину, которая, изъ-подъ общаго ихъ шума, просила пощады воплемъ,—какъ говорятъ въ монастыряхъ,—до небесъ досязающимъ. Втавщивши ее въ сарай, начали тиранить кнутьемъ. Мученица кричала пока могла. Потомъ вытащили ее изъ сарая и бросили въ пустую тутъ же стоящую избу и повидимому служащую для этакихъ богоугодныхъ употребленій. Вѣрные сіи исполнители милосердія на вопросъ мой отвѣчали, что это попадья, которую его высокопреподобіе приказалъ обсѣчь отъ шеи до пятъ, по жалобѣ келейнаго его хлопца.

Мое сердце, сотворенное къ сугубому состраданію всякой и чужой ранѣ, хотя бы то была и не попадья, остановясь вопрошало само себя: «Всемогущее Провидѣніе! для чего дано человѣку заблужденіе, что мы называемъ преступленіемъ, ежели онъ подвергается за него различнымъ горестямъ и страданіямъ? Для чего не дано ему столько благоразумной осторожности, чтобъ онъ, удаляясь пороковъ или ошибокъ, могъ избѣгать всѣхъ золъ томящихъ краткую его жизнь? и для чего отъ начала міра по нынѣ, отъ нынѣ и до вѣка, сильный злодѣй утѣсняетъ безсильнаго добраго и никому за то не отвѣчаетъ?»—вопрошало, и никто ему не отвѣчалъ!

Мы выхлопотали кое-какъ, при помочи денегъ, лошадей съ почты, представляя, вмѣсто подорожной, наши паспорты. Около полудня, отецъ архимандритъ увидя насъ заботящихся при колясkѣ объ отъѣздѣ, удостоилъ мимоходомъ вопросить: «что, уже на выѣздѣ?» Сей вопросъ придалъ намъ охоты къ выѣзду, и отвратилъ остатки желанія быть на отпускной аудіенціи и благодарить его высокопреподобіе за столь мудреной пріемъ и угощеніе.

Мы достигли Добрянки, гдѣ прежняя граница, раздѣлявшая Россію съ Польшею, была еще не снята. Таможенные досмотрщики приступили-было коляску нашу осмотрѣть; но будучи практики въ знаніи проѣзжающихъ, пожелали намъ благополучнаго проѣзда, не безпокоя насъ разбивкою безполезныхъ для нихъ

вещей. Стоявшіе при рогаткахъ, будкахъ, притинахъ, пакхаузахъ, кланялись намъ мимоѣдущимъ и подставляли руки, чтобъ мы имъ что нибудь бросили. При выполненіи нами сего обряда, Луцевинъ говорилъ: что и въ воеводскихъ канцеляріяхъ сторожамъ такъ же бросаютъ.

Я отвѣчалъ, что въ монастыряхъ, въ праздники, на молебнахъ и попамъ въ церквахъ также кладутъ:

— «Я,—говорилъ Луцевинъ,—будучи въ Рыльскомъ магистратѣ при дѣлахъ, никогда не прашивалъ, и меня за это любили и дарили, и называли добрымъ и честнымъ малымъ».

— Мнѣ, говорилъ я, не было необходимости просить: меня въ архіерейскомъ домѣ просители сами дарили; и я наконецъ взялъ себѣ за обыкновеніе, ниже рубля не принимать, дабы чрезъ сіе показать мое сожалѣніе и услугу тѣмъ людямъ, которые выше рубля подарить не въ силахъ. И мнѣ вслухъ накрикивали, что я доброй человѣкъ».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

§ XXXI.

Бѣлоруссія.

Перевалившись въ новоприобрѣтенный Бѣлорусскій край, мы удивились, увидя безконечную аллею, по которой ѣхали, усаженную съ обѣихъ сторонъ по два ряда березками, и спѣшили добѣжать ея конца; но къ большему нашему удивленію и путевой радости, узнали, что это была большая почтовая дорога, прорѣзанная правильно по распоряженію и повелѣнію бѣлорусскаго тогдашняго главнокомандующаго, а потомъ бѣлорусскаго государева намѣстника графа Захара Григорьевича Чернышева*).

Смотря на проѣзжаемый нами сосновой лѣсъ, на новопостроенные почтовые домы, на исправную почтовую упряжку и хорошихъ лошадей, которыхъ намъ вездѣ запрягали расторопно,

*) Теперь извѣстны уже во всей имперіи бѣлорусскія большія дороги. И хотя они въ послѣдующія времяна довольно измѣнились, однако-жъ вида и основанія своего не потеряли. Сей, златыхъ для Россіи времянъ, вельможа и патріотъ, доказалъ: что, ему легче было созидать, нежели другимъ созданное поддерживать. А можетъ-быть это и потому, что онъ имѣя отъ государыни императрицы полную довѣренность, имѣлъ силу не допущать никого вмѣшиваться въ его распоряженіи. Г. Д.

не говоря напередъ даже ни о прогонахъ, ни о подорожной; на обмундированныхъ въ куртки зеленаго сукна почталіоновъ, съ мѣдными на каскахъ со лба гербами, а съ затылка номерами *), на прочные, и даже красивые, во всю широту дороги, мосты, я столько былъ простъ, что даже и не помыслилъ, что все, видимое нами, есть плодъ дѣятельности и образованнаго вкуса главнокомандующаго россійскаго графа Чернышева. Напротивъ, я изъ сихъ видимыхъ предметовъ, заключалъ, что по пріѣздѣ въ первой бѣлорусской городъ Рогачевъ, мы увидимъ великолѣпныя зданія. Доказательство, что я ни малѣйшаго не имѣлъ свѣдѣнія о политическомъ состояніи польской республики; слѣдовательно и не зналъ, что я въѣхалъ въ край, бывшій недавно подъ владѣніемъ—какъ одинъ свѣту извѣстный писатель сказалъ—ста тысячь королей, кои просвѣщены монахами, укрѣплены союзами съ народомъ іудейскимъ, на счетъ своихъ подданныхъ, дикихъ европейцовъ, непримиримыхъ враговъ труду и трезвости.

Приблизившись къ городу, мы увидѣли обыкновенную деревню, а въѣхавши въ него, нашли лутчее изъ всѣхъ, строеніе: новой почтовой домъ, выстроенной по новому общему плану. Но какъ обстоятельства дѣлъ нашихъ требовали здѣсь приостановиться, то мы едва нашли у одного изъ жидовъ квартиру, въ которой можно было укрыться отъ дождя, но не отъ смраду и не отъ таракановъ.

Я, неимѣя больше чѣмъ заняться, прошолъ и обошолъ раза три городъ, и всегда видѣлъ тѣже мужицкія хижины и жидовскія карчмы, погруженныя въ вѣчную грязь и навозъ. Въ пустомъ замкѣ, заросшемъ высокою травою, одна уніятская церковь, а среди города на песчаномъ бугру, другая; на возвышенномъ берегу Днѣпра, базиліанской деревянной, старой, бѣдной кляшторъ, и баталіонная малая церковь. Все сіе публичное зданіе, бѣдное и ветхое, кромѣ баталіонной церкви, построенной вновь

---

*) Съ 1797 года зеленыхъ куртокъ и касокъ съ гербами уже нѣтъ; а въ 1804-мъ году случилось мнѣ видѣть съ балкона нашего департамента, какъ бѣлорусскій военный губернаторъ Михельсонъ, возвращаясь изъ Могилева ѣхалъ по Витебску. Въ большую ево карету, множество нацѣплено было малыхъ мужичьихъ лошадей, какъ овецъ. Почталіоны въ крестьянскихъ зипунахъ, безъ поясовъ, безъ шапокъ босикомъ. — 1808 г. іюль. Г. Д.

скорою рукою, на подобіе анбара съ окнами, которая кромѣ новости ничего не имѣла. Храмы сіи дополняются прихожанами изъ деревень, а для жидовской синагоги, довольно и городскихъ іудеянъ *) одни только воды даютъ сему мѣсту преимущество предъ многими городами. Съ одной стороны Днѣпръ, а съ другой Друць слилися вмѣстѣ, и при самомъ соединеніи, образовали изъ твердой земли острой клинъ, или по географически мысъ, по-русски носъ, по-бѣлорусски рогъ, отъ чего вѣроятно и городъ, поселившійся на сей много-имянитой земли, получилъ названіе Рогачева. Понеже время сіе было еще до открытія губерній, по образу учрежденія Екатерины Великія, то гражданское правительство состояло изъ провинціальной канцеляріи, въ которой чиновники: воевода, товарищъ, прокуроръ и два секре́таря съ канцелярскими служительми. Въ особой канцеляріи уѣздной коммиссаръ, отправляющій должность полицейскую въ городѣ и въ уѣздѣ, таможня съ чиновниками и служительми, и комендантъ съ семействомъ и малою командою, а баталіонъ по деревнямъ.

Узнавъ, что весь городъ состоитъ на казенномъ жалованьѣ, слѣдовало, по порядку, видѣть кого-нибудь изъ сихъ благородно-кочующихъ, а особливо упомянутаго мною въ первой части г-на Звягина. Мы пошли на другой день послѣ полудни, около 5-го часа, въ его квартиру, и Луцевинъ долженъ былъ принять на себя первенство. При началѣ свиданья со Звягинымъ, онъ напомнилъ о своемъ малолѣтствѣ, о своей фамиліи и знакомыхъ, потому что Звягинъ давно уже съ своей родины отлучился. Потомъ наимяновалъ своего товарища. Звягинъ принялъ насъ довольно пріятно, и мы всѣ трое вступили въ рѣчь. Хозяинъ пожелалъ знать причину путешествія посѣтителей своихъ. Мы объявили, что ищемъ службы и проч. Онъ отвѣчалъ:

— «Вы благоразумно дѣлаете, вы еще люди молодые**), всего

*) Уже въ теченіе долголѣтной моей въ Бѣлоруссіи службы, узналъ я изъ опыта, что въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, пять только городовъ: Могилевъ, Полотскъ, Витебскъ, Невель, Велижъ; протчіе всѣ—довольно похуже Рогачева, кромѣ Орши и Мстиславля, (и Люцина). Г. Д.

**) По моему разсудку: молодой человѣкъ, въ нашемъ климатѣ, лѣтъ отъ 17-ти до 24-хъ. Къ удивленію, меня даже и тогда называли молодымъ человѣкомъ, когда мнѣ было за 35 лѣтъ. Ежели это по моложавому лицу, то не худо. А ежели жаловали меня молодымъ изъ снизхожденія къ молодому разсудку, то неловко. Г. Д.

потомъ, по милости его, получилъ вольность, и чрезъ императорской воспитательной домъ—шпагу. Теперь, какъ видите, я здѣсь при должности*).

Я. Хотя разстояніе времяни не позволило намъ знать васъ въ Сѣвскѣ, однако-жъ мы тѣмъ не меньше счастливы, что теперь, на чужой сторонѣ, находимъ себя между своими. Просимъ насъ полюбить, а мы это будемъ заслуживать.

Послѣ сихъ искренних и для насъ очень нужныхъ изъясненій, мы всѣ трое перецѣловались—какъ водится въ мірѣ— и тотчасъ увидѣли человѣка входящаго въ двери, во фракѣ сѣро-свѣтлаго камлота, волосы у него закачены въ пучокъ съ полъ-фунтомъ пудры, лѣтъ и росту среднихъ, хорошо раскормленнаго, лица бѣлокураго и не сухого, и собою красика. Онъ поклонился нѣсколько мѣховато, и съ нерадѣніемъ.

— «Милости просимъ князь, сказалъ хозяинъ. Гдѣ-жъ погуляли ваше сіятельство?»

— Во славномъ во городѣ Рогачевѣ, отвѣчалъ избалованнообразной человѣкъ.

— Что за дьявольщина—подумалъ я и взглянулъ на Луцевина—городъ похожъ на скотной дворъ, а въ немъ гнѣздятся князья.

— «Это мои земляки, сказалъ хозяинъ, указывая князю на насъ.

— Что не къ намъ-ли пріѣхали? вопросилъ князь.

— «Куда трафится», отвѣчалъ за насъ хозяинъ.

Между тѣмъ подали чай, и мы, выпивши по чашкѣ, откланялись.

Хорошая погода заохотила насъ пошататься еще нѣсколько времяни по берегу Днѣпра, и непримѣтно завернуться и проходить опять мимо квартиры Звягина. Тутъ намъ встрѣтился**) выходящій князь.

— «Что господа пріѣзжіе?—остановилъ онъ насъ вопросомъ—знаете-ль вы князя Алексѣя Ивановича Горчакова? Онъ здѣсь прокуроромъ и съ вами теперь говоритъ.

*) Этотъ Киселевской былъ человѣкъ очень хорошій, пріятной, скромной, вѣжливой; я для того не могъ обойтися безъ сей объ немъ ремарки, что познакомившись съ нимъ дружески и находясь уже при должности въ Могилевѣ, смерть его послѣдовавшую вскорѣ, не могъ я перенесть безъ чувствительной горести.
Г. Д.

**) «Встрѣтился» вмѣсто зачеркнутаго: «наткнулся въ встрѣчу».

— За честь почитаемъ, отвѣчалъ я.

Кн. «Я слышалъ, вы хотите опредѣлиться къ мѣстамъ. Да что вы тутъ сыщете въ провинціальной канцеляріи? тутъ, братъ, за чинки-та надобно кланяться воеводѣ, а въ Могилевѣ будешь ты дарить Алѣевцева. А ежели вы опредѣлитесь къ моимъ прокурорскимъ дѣламъ, такъ я прямо объ васъ напишу къ генералъ-прокурору, и вамъ сенатъ пришлетъ патенты на чины. Вы подлѣ моей квартиры остановились, я знаю, приходите завтре ко мнѣ обѣдать».

Послѣднія его слова похожи были на дѣло; мы поблагодарили его сіятельство, и разстались.

— Какъ ты думаешь объ увѣреніяхъ этова князя? спросилъ я Луцевина.

Луц. отвѣчалъ: «Мнѣ кажется онъ князь простой и на слова его полагаться нельзя».

— Такъ поэтому всего лучше — сказалъ я — что мы завтре будемъ у него обѣдать.

За симъ и вечеръ и ночь протекли.

По утру, вѣжливость требовала быть у князя съ почтеніемъ. Онъ повторилъ намъ приглашеніе къ обѣду. Отъ него разсудили пойтить къ цолнеру Хамкину, единственно для того, что онъ одноземецъ. Хамкинъ, старикъ здоровой и крѣпкой, при первомъ взглядѣ вскричалъ:

— А! здорово молодцы! Я васъ вчера не много не засталъ у Петра Савича Звягина, вы только что передо мною ушли.

Мы рекомендовались ему какъ пришлось. Онъ жилъ съ семействомъ, и скоро спросилъ насъ: «вы канцеляристы? у насъ бывало въ Россіи канцеляристы люди умные, дѣловые, старики, а вы люди молодые».

Мы не знали, какъ думать объ этомъ неясномъ смыслѣ, хвалитъ ли онъ насъ, или бранитъ? Можетъ быть подъ другое мы, по справедливости, ближе бы подходили; но мы на ту пору не расположены были выслушивать ни лжи, ни правды, ни грубости, ни лести. Онъ объявилъ о себѣ, что онъ имѣетъ чинъ губернскаго секретаря и что сынъ его Егоръ, такъ же благородной человѣкъ, провинціальной секретарь. Потомъ протянулъ, онъ руку къ картинѣ, вытащилъ изъ-за рамы пакетъ и читаетъ: «Его благородію Ивану Семеновичу Хамкину».

— «Это отъ Василія Яковлевича Алѣевцева».

Потомъ вытянулъ тѣмъ же порядкомъ другой и тоже повторилъ. Намъ не разсудилось у него пробыть больше, откланялись и пошли.

Луцевинъ, по выходѣ, меня спросилъ: Какъ я думаю о цолнерѣ Хамкинѣ?

Я отвѣчалъ:—Онъ на эту пору счастливой скотъ; и мнѣ кажется, что онъ, съ теперешняго овса и сѣна, скоро сядетъ, по долгу службы и присяги, на ржаную солому.

Луцевинъ отвѣчалъ: «Да, ему надобно этава ожидать».

Пророчествуя такимъ бразомъ, о чужихъ судьбахъ, и не зная своей, добрались мы до квартиры уѣзднаго коммиссара, маіора Вязмитинова. Время было около 10-ти часовъ утра. Мы нашли его еще не причосанаго. Послѣ первыхъ нашихъ ему привѣтствій, онъ тотчасъ узналъ во мнѣ знакомое ему лицо, и припомнилъ бытность въ домѣ его отца Сѣвскаго преосвященнаго со всѣмъ штатомъ. Потомъ сказалъ: «да вы уже третій день здѣсь!» а къ Луцевину: «вы вѣдь самой меньшій изъ братьевъ. Кажется я васъ видалъ маленькаго еще, въ Рыльской канцеляріи,» проч. Потомъ онъ, видя что мы хотимъ откланяться, сказалъ: «вы здѣсь люди заѣзжіе, не отобѣдаете-ль у меня запросто, что Богъ послалъ?»

Я поблагодаря, отвѣчалъ, что «очень жалѣемъ, что принуждены лишиться на этотъ разъ нашего удовольствія; насъ пригласилъ князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.»—«Какъ вы такъ скоро познакомились?» спросилъ Вязмитиновъ съ перемѣною лица. А мы обращая все въ свою пользу, вышедши порадовались, что нами дорожатъ, если ревнуютъ.

Мы отсель пошли на квартиру, и соображая нашими разсужденіями все видѣнное нами въ Рогачевѣ, и такъ же слышанное отъ г-на Звягина, истребили на вѣчныя времена охоту къ должностямъ таможеннымъ.

Между тѣмъ, чѣмъ ближе приходило время къ обѣду, тѣмъ чаще мы посматривали въ окны и напослѣдокъ увидѣли князя, проходящаго изъ канцеляріи домой, и за нимъ выскочили вмѣстѣ съ поклонами.

Князь дома показался намъ еще лутчимъ, нежели вчера на улицѣ; можетъ быть и обѣдъ не мало въ этомъ участвовалъ. На столъ поставлено было только четыре кушанья, но въ найлут-

чемъ вкусѣ, въ изобильномъ количествѣ, и столовой приборъ вообще былъ самой чистой, за которой и бояре царя Владиміра не нашли бы причины къ упрекамъ*).

За столомъ сидѣло насъ четверо: хозяинъ съ нами и его любовница Параша, дѣвка чернобровка, нѣмецкой таліи, греческаго лица; вѣтренаго, слѣдственно и не грубаго свойства. Послѣ обѣда, княжой слуга Никашка заигралъ на гусли, а Параша принялася пѣть, и пѣла довольно хорошо. Пѣсни нѣкоторыя мнѣ были знакомы. Я не пропустилъ случая**) показать, что я по этой части человѣкъ не безъ дарованія. И мы подняли такой концертъ, что князь, Параша и насъ двое разшумѣлись словесно и пѣсненно, какъ будто уже давно были знакомы, или давнее знакомство возобновляли.

Спустя два часа послѣ обѣда, мы откланялись и пошли на квартиру. Луцевинъ, по молодости и по натурѣ, крѣпко заснулъ; а я, по моей натурѣ, пошолъ по городу, по окружавшему его лѣсу, по берегамъ Друци и Днѣпра, и возвращаясь около 6-го часа пополудни, зашелъ къ Вязмитинову. Онъ уже слышалъ отъ Звягина о причинѣ нашего странствованія, а теперь пожелавъ слышать отъ меня самого, былъ благосклоненъ сказать мнѣ:

— «Я охотно-бы вамъ помогъ, но при мнѣ нѣтъ мѣста выгоднаго по штату, кромѣ одного сто-рублеваго, которое, на прошедшей недѣлѣ, очистилось смертію бывшаго при мнѣ канцелярскаго служителя. Ежели-жъ вамъ нуженъ больше оберъ-офицерской чинъ, нежели жалованье, то я вамъ обѣщаю его выпросить. Ежели бы не здѣлали для меня, здѣлаютъ для брата, которой, какъ вы уже знаете, при графѣ генер.-адъютантомъ».

По всеобщему мнѣнію, первымъ счастіемъ браковать не надобно, потому что оно, мстя за себя, въ другой разъ не является; почему и отвѣтъ мой былъ: «извѣстно вашему высокоблагородію, что въ Россіи человѣкъ безъ чина, можно сказать, человѣкъ безъ званія; и ежели будетъ ваша ко мнѣ милость, то я другова мѣста и пособія не ищу».

---

*) Бояре великаго и потомъ равноапостольнаго князя Владиміра, подгулявши у него на пиру, и по образу нравовъ и политики тогдашнихъ временъ, упрекали его, что они ему завоевали много земель съ серебромъ и золотомъ, а онъ ихъ кормитъ на деревянныхъ ложкахъ. Г. Д.

**) Зачеркнуто: «окказіи». М. С.

Вязмитиновъ сказалъ: «Ну, такъ дѣло здѣлано! напиши просьбу по формѣ, завтре подадимъ ее въ провинціальную канцелярію. Она нашлетъ ко мнѣ указъ о опредѣленіи тебя на имѣющуюся при мнѣ ваканцію, а между тѣмъ, я упрежду о семъ воеводу».

— Позвольте намъ, сказалъ я Вязмитинову, съѣздить послѣ подачи просьбы въ Могилевъ.

— «Что тебѣ тамъ дѣлать?»

— Только, чтобы знать свой губернской городъ, и, если случится впередъ туда за чѣмъ, чтобъ онъ былъ знакомѣе; а къ тому же, мы съ товарищемъ хотя и намѣрены были служить при одномъ мѣстѣ, однако-жъ для него здѣсь, повидимому, ничего не случится; то надобно ему постараться о себѣ въ Могилевѣ.

— «Да что ты объ немъ суетишся? Знаешь ли ты его поближе? Я слыхалъ въ Рыльскѣ и въ Путивлѣ, что онъ о сю пору успѣлъ уже заниматься ябедническими дѣлами.»

— Я этова не слыхалъ, однако-жъ это можетъ быть и правда, и быть можетъ, что онъ имѣетъ своихъ недоброжелателей, впротчемъ, мы еще оба съ нимъ не устарѣли. Время научитъ, какъ съ людьми жить на свѣтѣ.

— «Да ты ему не говори — сказалъ мой благодѣдель съ благоразумною предосторожностью — можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ не все правда, что люди врутъ. Ну такъ ѣдешъ въ Могилевъ?..

— Надобно съѣздить.

— «Хорошо, привези же мнѣ оттуда ведро или два вишень; тамъ они нынѣшнее лѣто зародили, а у насъ ихъ никогда нѣтъ.»

Напившись вечерняго чаю, поблагодарилъ я чувствительно моего благодѣтеля, и пришедъ на квартиру, пересказалъ все моему сопутнику, что случилось со мною во время его сна, — исключая мнѣнія объ немъ Вязмитинова. Онъ все слушалъ съ довольнымъ равнодушіемъ, но предположенное путешествіе завтре въ Могилевъ, одобрилъ горячо.

На завтре я пошолъ къ Вязмитинову съ заготовленною просьбою. Онъ мнѣ сказалъ, что воевода упрежденъ отъ него вчерашняго же вечера. Итакъ, одѣвшись, взялъ онъ меня съ собою часу въ 10-мъ въ провинціальную канцелярію, гдѣ принялъ отъ меня воевода просьбу, сидя на своемъ мѣстѣ, и прочитавъ, сказалъ: «Очень хорошо! намъ добрые люди надобны».

Не тратя времени, мы взявши подорожную, севодни-же выѣхали въ Могилевъ, и вездѣ по дорогѣ видѣли тѣже почтовые домы, упряжку, обмундированныхъ почталіоновъ и туже дорогу. Уже мы знали, что все это есть плодъ труда и вкуса графа Чернышева, а потому, изъ одной ошибки, впали въ другую. Намъ казалось, что, гдѣ графъ Чернышевъ, тамъ непремѣнно долженъ быть другой свѣтъ, имъ самимъ образованной, или по штату ему положенной.

Въ Могилевѣ насилу мы нашли квартиру, немногимъ чѣмъ почище рогачевской, потому что лутчія жилища заняты были графомъ со штатомъ, губернаторомъ, штатскими чиновниками, канцелярскими служительми, воинскими чинами, наѣзжими помѣщиками и просительми; въ отдаленныхъ же отъ центра города домахъ намъ останавливаться не хотѣлось.

Мы, по обыкновенію моему, предприняли обозрѣть мѣсто, чтобы знать, гдѣ мы находимся; однако-жъ одного утра для насъ, по причинѣ обширности селенія, было мало, и мы, не кончивши своего курса, почувствовали надобность возвратиться къ заказанному нашей хозяйкѣ обѣду, а послѣобѣденное время употреблено было на окончаніе нашего обозрѣнія. На другой день мы, одѣвшись, хозяйкѣ обѣда готовить уже не заказывали, потому что онъ показался намъ мѣщановатъ; но походивши, пошли въ трактиръ, гдѣ за супъ и за дурной соусъ изъ вчерашняго жаркова, и за жаренаго цыпленка, съ салатомъ, взяли съ насъ тридневное наше содержаніе. Ожогшись платою за обѣдъ дурной, мы уже не кидали мѣщанскаго обѣда.

Сей день послѣобѣденное время употреблено на размышленіе. Три задачи подлежали нашему рѣшенію, три точки были нашими предметами: 1-е) Луцевину нужно было въ настоящемъ времяни вступить въ службу*); 2-е) при открытіи намѣстничества попасть обоимъ въ росписаніе не на низкія въ губернскомъ городѣ канцелярскія мѣста; а, между тѣмъ, 3-е) стараться не упускать случаевъ къ приобрѣтенію чиновъ **). Слѣдующій за симъ былъ день воскресный. Мы одѣвшись, сколь можно, почище, приче-

---

*) Зачеркнуто: «въ должность». М. С.

**) Губернатору, для привлеченія въ новой край къ должностямъ людей, дана была власть жаловать въ штатскіе оберъ-офицерскіе чины до губернскаго—включительно—секретаря. Г. Д.

савшись и припудрившись во всю моду, направили путь свой къ квартирѣ вице-губернатора Воронина, куда, по вчерашнему еще нашему плану, Луцевинъ долженъ взойти съ протчими поклонниками, и дать себя примѣтить, а ежели трафится, то и представить себя и изъясниться *). Исполняя сіи намѣреньи, Луцевинъ взошелъ во 2-й етажъ, а я пошолъ шататься по городскому валу, и ожидать его тамъ по здѣланному условію. Онъ вскорѣ появился.

— Я нетерпѣливо хочу знать, сказалъ я, есть ли что доброе?

Луц. Все хорошо случилось. Дѣло въ шляпѣ!

Я. По этому все сдѣлано?

Луц. Лишь только я выступилъ и поклонился, то вице-губернаторъ взглянувъ на меня, спросилъ: вы не имѣете-ль ко мнѣ дѣла?—Я ищу службы штатской, отвѣчалъ я.

Виц.-губ. Какъ вы по фамиліи?

Луц. Луцевинъ.

Виц.-губ. Луцевинъ? такъ — вы изъ Россіи? а не знаете-ль вы подполковника Луцевина, Петра Алексѣевича?

Луц. Это мой дядя родной.

Виц.-губ. Гдѣ-жъ онъ теперь? здравствуетъ ли онъ?

Луц. Въ Таганъ-Рогѣ, при должности, здравствуетъ.

Виц.-губ. Мы съ нимъ однополчане и пріятели. Да что-жъ онъ обо мнѣ **) позабылъ?

Луц. Я поѣхалъ сюда изъ Сѣвска***), которой отъ Таганъ-Рога въ дальнемъ разстояніи. Отъ сего времени, я надѣюсь, что онъ, по увѣдомленію моему, будетъ имѣть честь писать къ вашему высокородію ****).

Виц.-губ. Служилъ ли ты гдѣ? Имѣешь ли абшитъ отъ команды?

---

*) До открытія въ Бѣлоруссіи намѣстничествъ, вице-губернаторы имѣли 4-й классъ—хотя бы и за-урядъ. Присутствовали вмѣстѣ съ губернаторомъ, и имѣли подъ своею дирекціею и распоряженіемъ канцелярскихъ чиновъ. По сему и поискъ счастья надлежало начать съ вице-губернатора. Г. Д.

**) Зачеркнуто: «про меня». М. С.

***) Зачеркнуто: «изъ Рыльска». М. С.

****) Луцевина послѣ сего добрые люди остерегли, чтобъ онъ впередъ не говорилъ высокородіе, а превосходительство; ибо хотя Воронинъ и бригадиръ, однакожъ «за-урядъ генералъ-маіоръ», почему онъ крайне не любитъ, если его кто величаетъ по чину, а не по мѣсту, и часто за это съ просительми бранится. Г. Д.

— Я канцеляристъ. Имѣю аттестатъ.

Виц.-губ. Хорошо! подай просьбу, будешъ принятъ. А къ дядѣ напиши, что я для него взялся тебѣ помогать, при всякомъ по службѣ случаѣ.

Выслушавъ удачу, неожиданную такъ скоро, повторилъ и я съ восторгомъ: «дѣло въ шляпѣ!»

Между тѣмъ, прозвонили уже давно и мы пошли къ обѣднѣ, въ катедральную архіерейскую церковь. Отъ обѣдни прямо на квартиру, гдѣ отобѣдали тѣмъ съ бо́льшимъ вкусомъ, что одну задачу уже рѣшили. Послѣ обѣда опять по городу и по рядамъ ходить, и зашли въ губернскую канцелярію, посмотрѣть только ея расположенія, въ чаяніи, что тамъ въ праздничный день никого нѣтъ. Вмѣсто того, нашли тамъ множество приказныхъ, и большою частію новопожалованныхъ въ оберъ-офицеры. Секретарей различать было можно по позументамъ на камзолахъ, а протоколистовъ по пуговицамъ на обшлагахъ. Немногіе изъ нихъ писали, другіе сидѣли праздно, а большая часть шатались какъ на рынкѣ, шумѣли, хохотали, бросали другъ на друга пескомъ изъ песочницъ, другъ друга схватывали за воротникъ, за волосы, одинъ за другимъ гонялись, и вскакивали на скомейки. Оставя смотрѣть маневры штатской службы, надобно было на завтрешній день мнѣ возвратиться въ Рогачевъ, а Луцевину остаться въ Могилевѣ, и стараться, во свою пору, о рѣшеніи послѣднихъ двухъ предположеній нашихъ, дѣлая, между тѣмъ, при случаѣ надобности взаимныя сношенія. Я несомнѣвался, что онъ въ силахъ будетъ себя отличить. Онъ былъ малой съ способностью къ приказному дѣлу, зналъ хорошо канцелярской порядокъ, и много помнилъ узаконеній; зналъ часть счетную, но былъ впротчемъ безъ свѣденій и почти безъ нравственности. Любилъ опрятность, но былъ бѣденъ. Я ссудилъ его стомя рублями, пока разбогатѣетъ, и по возвратѣ въ Рогачевъ, отослалъ къ нему въ Могилевъ вещи, съ его человѣкомъ, на наемной повозкѣ.

Я въ Могилевѣ будучи, не позабылъ и о вишняхъ для Вязмитинова; насыпалъ боченокъ ведра въ два. Усердія было довольно, но искусства нашлось очень мало, бѣгучи почтою, я всѣхъ ихъ сколотилъ. Довольно было простоты въ человѣкѣ моего вѣка, если я не собрался этава предвидѣть; и не перело-

жилъ ихъ вишневымъ листомъ, даже недогадался налить французскою водкою, которая тогда въ Могилевѣ продавалась по 4 рубли ведро. Сама справедливость требовала, чтобъ я за мое невѣжество не получилъ спасибо.

§ XXXII.

Присяга на вѣрность службы и проч.

Уже изъ провинціальной канцеляріи получилъ мой благодѣтель указъ, о опредѣленіи меня къ нему, на вышесказанное праздное канцелярскаго служителя мѣсто. Въ слѣдствіе чего, іюля 20 д. 1777 г., присягнулъ я на вѣрность службы, въ баталіонной церкви.

Вязмитиновъ внушилъ обо мнѣ хорошую мысль начальникамъ, а самъ уѣхалъ вскорѣ въ Рыльскъ къ отцу и тестю погостить. Квартиру свою оставилъ мнѣ въ надзираніе, а для меня отведена коморка въ его канцеляріи, состоящей тутъ же чрезъ улицу. Но какъ канцелярія сія была въ избѣ тамошняго мужика, переимянованнаго *) мѣщаниномъ въ одно время съ городомъ по забраніи уже края, то преизобиловала она чорными тараканами, въ которыхъ я хотя ни малѣйшей не имѣлъ надобности, однако-жъ они на ту пору связаны были съ моею службою. Замазавши и заклеивши всѣ отверстыя мѣста, ущелины и стремнины, и отбѣливши стѣны известью съ клеемъ, я лишилъ ихъ совершенно наслѣдственнаго достоянія, коего древнее начало покрыто неизвѣстностію, и зажилъ съ слугою и солдатомъ Юдинымъ, служившимъ за сторожа.

По отъѣздѣ моего благодѣтеля въ Рыльской уѣздъ къ роднымъ, я не зналъ и не находилъ за что приняться. Въ канцеляріи его былъ сундукъ съ бумагами, не связанными въ дѣла, слѣдственно и не внесенными въ опись, которыя остались отъ его и отъ моего предмѣстниковъ. Случавшіяся же при немъ дѣла, отправляемы были провинціальною канцеляріею, по дружбѣ къ нему воеводы Малѣева, старавшагося угождать брату для брата, дабы съ помочью другого, при открытіи намѣстничества, получить мѣсто, согласное желанію и силамъ. Родъ дѣлъ въ канцеляріи коммиссарской былъ почти тотъ же, какой послѣ откры-

*) «Переименованнаго» вмѣсто зачеркнутаго: «названнаго». М. С.

тія намѣстничествъ предписанъ городничему въ городѣ, а нижнему земскому суду въ уѣздѣ. Итакъ, дѣлать мнѣ было нечего! Праздность и скука, говорятъ, изобрѣтательница многова. Правда, что воевода Малѣевъ хотѣлъ и требовалъ, чтобы я, для прогнанія скуки, посѣщалъ провинціальную канцелярію съ протчими на ряду приказными, но онъ скоро узналъ, что я къ фрунтовой службѣ не задоренъ, не вѣдая еще, къ счастью моему, что я и лично не любилъ его за то, что онъ и секретарь его Судейкинъ, всякое дѣло писывали «съ прописаніемъ» и тѣмъ чрезъ чуръ увеличивая работу, мучили себя и всю канцелярію. Мнѣ, вмѣсто такихъ упражненій, понравилось лутче быть, и только что не жить, у князя Горчакова. Тамъ Параша хорошо пѣвала, гуслистъ хорошо игралъ, и я былъ межъ ними человѣкъ не лишній, котораго князь ласкалъ и хорошо кормилъ. У него еще бывалъ часто провинціальной канцеляріи второй секретарь, г. Шпыневъ, ученикъ славнаго Ломоносова. Человѣкъ съ латынью, съ нѣмецкимъ языкомъ и съ стихотворствомъ. Я хотя не былъ знакомъ съ ученостью, однако-жъ различалъ ямбы съ хореями, хореи съ дактилями и проч., постигалъ педесы, или стопы, рифмы долгія, короткія, богатыя, полубогатыя, и проч. Къ сему можетъ быть недоставало миѳологіи и счастливой природы. Но меня сіи малости не заботили. Шпыневъ имѣлъ все, но пилъ не меньше какъ самъ Ломоносовъ, а я былъ трезвъ—какъ Волтеръ. Мы дали волю нашимъ талантамъ. Дѣлали въ домѣ князя, для пріятнаго препровожденія времяни, надписи въ немногихъ строкахъ, на квартиры нѣкоторыхъ обитающихъ въ городѣ, коихъ находили достойными нашего любомудраго пера, и производили въ нашемъ хозяинѣ смѣхъ и хохотъ тѣмъ легче, что онъ не очень ладилъ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которымъ приписывали мы стихи. Я для понятія, какова была наша работа, положу здѣсь хоть двѣ строки, которыя могъ припомнить, и которыми услужилъ Шпыневъ цолнеру Хамкину:

Хозяинъ здѣсь живетъ пространныя гортани,
Во храмѣ Божьемъ что реветъ, безъ всякой дани.

Мы не больше имѣли осторожности, какъ и князь нашъ благоразумія; онъ иногда читывалъ наши стихи, одному или двумъ, посѣщавшимъ его, и всѣ равно хохотали, но не всѣ равно мыслили. Мнѣ иногда всходило на умъ, что это намъ добра

не принесетъ; но съ другой стороны, тихонько вѣщалъ мнѣ мой стихотворческой геній, и мой тогдашній разсудокъ: «Какая тебѣ нужда въ негодованіи чьемъ-бы-то-ни-было? Ежели чрезъ то обнаружатся твои таланты, и всѣ узнаютъ, что ты мастеръ стихи писать!» А за симъ уже:

Врагъ, ненавидяй добра и разрушаяй спокойствіе неосторожныхъ человѣковъ, напустилъ на насъ перваго секретаря, г-на Судейкина. Онъ объявилъ о нашихъ трудахъ и подвигахъ воеводѣ Малѣеву, по долгу присяги. Вслѣдствіе чего, князь тѣмъ скорѣе и безпрепятственно признанъ пристанодержателемъ нашей шайки, что онъ съ воеводою часто ссорился за журналы и протоколы*), какъ деревенскіе попы за блины. А какъ Судейкинъ подозрѣвалъ, что и онъ безъ надписи не обошолся—хотя, въ самомъ дѣлѣ, мы и не вспомнили объ немъ—для того прибавилъ въ своемъ доносѣ, будто бы мы не пощадили въ своихъ епиграммахъ и самого воеводу. Воевода былъ человѣкъ неугомонной, а на сей разъ и невѣжливой; онъ прислалъ къ князю по меня вѣстового тотъ-часъ послѣ обѣда, и, поставя меня предъ собственное судилище, сильно меня бранилъ. Всего чувствительнѣе для меня было, когда онъ кричалъ: «ты обманулъ и Ив. К. Вязмитинова, которой тебя рекомендовалъ какъ честнаго человѣка; а ты у князя только стихи пишешь да поешь съ Парашею, а канцеляріи не знаешь».

Къ счастію моему поддержалъ мою сторону — имянованный уже неоднократно — Петръ С. Звягинъ, случившійся на ту пору у воеводы. Онъ умѣлъ смягчить гнѣвъ воеводской, представляя мое преступленіе не столь**) великимъ, а намѣренье еще меньшимъ. Онъ одобрялъ воеводу яко сокрушителя шалостей, но въ шалостяхъ ничего не находилъ, кромѣ однихъ шалостей, неразрывныхъ съ лѣтами и неопытностью. Онъ меньше оправдывалъ князя и Шпынева, но и для нихъ находилъ отговорку, говоря: что, первой, извѣстной вольной человѣкъ, чувствующій здѣсь свою независимость; а другой, съ привычкою къ университетскому или школьническому перу, равно какъ и къ нетрезвой жизни и проч...

Воевода, мало-по-малу вслушиваясь и уменьшая гнѣвъ, за-

---

*) Зачеркнуто: «резолюціи». М. С.
**) Зачеркнуто: «важнымъ». М. С.

ключилъ снисходительно, чтобъ я посѣщалъ каждодневно провинціальную канцелярію, съ непремѣннымъ наблюденіемъ часовъ, положенныхъ, по генеральному регламенту, и находился въ командѣ у Судейкина, донесшаго воеводѣ, что я охотникъ писать и припѣвать подъ гусли. Я къ нему явился въ канцелярію и засаженъ за столъ съ прочими на ряду исполнять долгъ службы и присяги, «кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, въ которые отъ публичныхъ работъ дается свобода». Всего несноснѣе мнѣ было, что запретили мнѣ посѣщать князя Горчакова. Я сильно былъ недоволенъ, что дѣло пошло не по-моему. «Какъ!»—разсуждалъ я безпристрастно—я хочу быть у князя, а мнѣ велятъ работать въ канцеляріи, чего я крайне не люблю! Гдѣ же та справедливость, о которой говорятъ, будто она въ присутственныхъ мѣстахъ? Это неправда! Она у однихъ только князей и прокуроровъ». Говоря теперь похожее на шутку, чуть ли я и въ правду не былъ тогда близокъ къ подобному разсужденію*)!

Князь, видя что меня обижаютъ и лишаясь концерта, предлагалъ дружески воеводѣ, что я такой человѣкъ, которой больше стоитъ, нежели работать надъ понежемъ. Упрямой воевода слушалъ больше себя и Судейкина, нежели Горчакова; но Горчаковъ, при всякой встрѣчѣ, не давалъ воеводѣ проходу, толкуя ему, что я такой малой, какого со свѣчкою поискать. Время все ослабляетъ. Прошла недѣля и другая, камень каплями пробивается. Прокуроръ воеводу скопытилъ, воевода здвоилъ.

Къ увѣнчанію моего счастія, случилось, когда я одинъ предъ вечеромъ, шелъ изъ города въ поле—въ табельной день—прогнать скуку, то вскликанъ былъ изъ окна княжой квартиры. Я нашелъ въ ней воеводу и первыхъ чиновниковъ нашего городка, въ томъ числѣ и Судейкина; прокуроръ угощалъ ихъ краснымъ

*) Позднѣе, образумился я и видѣлъ, что воевода былъ человѣкъ честной, порядочной, трудолюбивой, знающій службу, и, при всей своей чрезмѣрной вспыльчивости, благотворителенъ и добръ. И хотя онъ слишкомъ пространно писывалъ, но сей пространной недостатокъ, былъ ни что иное, какъ тогдашнее канцелярское обыкновеніе, и знакъ граматѣя тогдашнихъ временъ. Впротчемъ, ежели все къ чему-нибудь полезно, то долгое его въ канцеляріи сидѣнье удерживало нѣсколькихъ безпорядочныхъ канцелярскихъ служителей въ порядкѣ, которые обязаны были службою не выходить преждевременно а) изъ канцеляріи, когда начальники ихъ тамъ. Г. Д.

а) Зачеркнуто: «обще съ порядочными». М. С.

пуншомъ, мнѣ тотъ-часъ дали входжій стаканъ; а примѣтя, что я изъ скромности совѣщусь за него приниматься, стали меня всѣ просить. Окураженъ привѣтливостями и стаканомъ, сталъ я поживѣе. Прокуроръ, повидимому, продолжая начатую еще до входа моего матерію, увѣрялъ воеводу, что я давно уже не дорожу и Шпыневымъ, съ которымъ также не желали, чтобъ я продолжалъ знакомство, какъ и стихотворство*). Въ доказательство чего, выхватилъ онъ изъ-за шпалеръ бумагу, полученную имъ отъ Шпынева, о которой я и не зналъ, что Шпыневъ ему жаловался на меня, яко общему нашему гостепріимцу**), за приписанныя ему отъ меня стихи***), которые приложилъ онъ тутъ же въ оригиналѣ. По требованію и по желанію всѣхъ, я долженъ былъ имъ прочитать:

Что чадна голова, глаза, лицо окисли,
Что брюхо на ноги, чело на носъ обвисли,
Въ смердячей хижинѣ гнилой свой трупъ скрываетъ,
Съ похмѣлья весь дрожитъ, свирѣпо ртомъ зѣваетъ,
То славной мужъ Шпыневъ, что всѣмъ чертитъ стихи,
Не зря на свой порокъ и пьяныя ****) грѣхи.

Всѣ захохотали. Не знаю было-ль чему! но я чувствовалъ удовольствіе, что былъ причиною смѣха. Отъ сихъ поръ участь моя рогачевская поправилась. Мнѣ возвратили мнѣніе и уваженіе. Судейкинъ мнѣ сказалъ: что я во всякую пору, когда только мнѣ заблагоразсудится, могу быть свободенъ отъ сидѣнья въ канцеляріи. Я, хотя воспользовался симъ позволеніемъ, однакожъ разсудилъ употреблять его съ умѣренностію. Мнѣ разрѣшено бывать у князя, но я у него рѣдко бывалъ, и ничего уже не писалъ и не пѣлъ, а потому и князь, видя у себя человѣка, которой степенничаетъ, не требовалъ отъ меня каждодневнаго посѣщенія. Всѣмъ то было въ примѣту, и всѣ меня хвалили, какъ будто всѣ они были моими дядьками.

По первому зимнему пути возвратился благодѣтель мой изъ Рыльска, и скоро отъѣхалъ въ Могилевъ. Предъ отъѣздомъ, я далъ ему идею, что мнѣ желательно бы было съѣздить въ Сѣвскъ, и возвратиться оттуда съ запасомъ, дабы поставить себя въ со-

---

*) Послѣднія двѣ строки въ подлинникѣ зачеркнуты. М. С.
**) Зачеркнуто: «хлѣбосолу». М. С.
***) Зачеркнуто: «приложенныя». М. С.
****) «Пьяныя» вмѣсто зачеркнутаго: «мерзкія». М. С.

стояніе быть благодарнымъ моему благодѣтелю, за его ко мнѣ милости. Догадливой Вязмитиновъ отвѣчалъ мнѣ благосклонно: что, «еще будетъ лутче, если ты въ Сѣвскѣ покажешся съ оберъ-офицерскимъ чиномъ». Сказалъ и устоялъ. Онъ привезъ мнѣ изъ Могилева первой оберъ-офицерской чинъ провинціальнаго протоколиста, и я въ первой разъ, на 26-мъ году моего вѣка, въ декабрѣ мѣсяцѣ, «препоясалъ мечь по бедрѣ моей».

— «Ну, сказалъ онъ, теперь можно ѣхать въ Сѣвскъ. Свези же и письмы въ Рыльскъ, къ отцу моему и къ тестю. Ты обрадуешь моихъ стариковъ. — Многоли у тебя тамъ денегъ?»

— Съ тысячу рублей, отвѣчалъ я, но я не надѣюсь получить ихъ однимъ разомъ, потому что они розданы въ займы на проценты.

— Вязм.: «Я тебѣ совѣтую перевесть ихъ сюда, здѣсь жиды дадутъ тройные проценты».

Итакъ, отправясь изъ Рогачева до Сѣвска, и переѣхавши верстъ около четырехъ—сотъ, обрадовалъ мать мою въ мундирѣ при шпагѣ, видѣлся со всѣми знакомыми и произвелъ моею шпагою разныя у разныхъ движенія. Нѣкоторые меня поздравляли; старики—секретари въ полъ-голоса бурчали, что всѣ въ намѣстничествахъ чины за-урядъ; а отъ чистаго сердца радовалась одна мать. — Архіерей на ту пору былъ въ Орлѣ, о чемъ я и не тужилъ, будучи доброй племянникъ.

Отъѣхавши изъ Сѣвска въ Рыльскъ, для врученія писемъ отцу и тестю, нашелъ ихъ обоихъ по своимъ маленькимъ деревенькамъ. Старики, для писемъ, ради были и письмо-вручителю. Отецъ, старикъ крѣпкой въ здоровьѣ и въ разсудкѣ, принялъ меня—это было въ великой постъ—разными кашицами и сластьми, извинялся и вмѣстѣ пенялъ, для чего я не поспѣшилъ на масленицу.

Тесть, г-нъ Кусаковъ, мужъ чистосердечной. Онъ спрашивалъ меня: есть-ли зятю его отъ коммиссарской должности доходы? отвѣтъ мой его не повеселилъ. «Зачѣмъ-же и служить!» сказалъ лысой Кусаковъ.

Отъ нихъ я, получа отвѣтныя письмы, заѣхалъ въ Молчанскую Софроніеву пустынь, въ которой я когда ни бывалъ, всегда препроводилъ время съ пріятностію. Движеніе чувствъ моихъ требовало, чтобъ я теперешнимъ моимъ посѣщеніемъ при-

несъ ей мою благодарность, и возобновилъ въ памяти проведенное неоднократно въ нѣдрахъ ея время. А великій постъ подалъ мнѣ случай исполнить догматическія должности по закону, въ которомъ я родился. Изъ нея прямо въ Рыльскъ, гдѣ остановился въ домѣ матери и брата пріятеля моего и бывшаго спутника Луцевина. Мать и братъ были мнѣ рады, для сына и брата.

Въ Рыльскѣ у купца Выходцова купилъ я, за пять имперіаловъ, привезенныя изъ Москвы санки и возвратился въ Сѣвскъ; откуда, попрощавшись съ матерью и знакомыми, и наполнивши модныя мои санки бутылками англійскаго пива, пустился въ обратной путь. На пути заѣхалъ въ Серединой Будѣ къ сказанному мною въ 1-й части, отцу Іоанну Лузанову. Онъ принялъ меня ласково и вразумилъ, что я не мастеръ вещей беречь. «Вы умѣли купить—говорилъ онъ—санки модныя и дорогія *) и тащите ихъ привязанными назади вашей кибитки. Вы ихъ чрезъ дальній путь изломаете, или довезете вещь не въ цѣлости». Онъ велѣлъ сыскать въ домѣ простыя рабочія сани и приладить на нихъ мои лакированныя. Ежели мои санки не стоили занять мѣсто въ моемъ повѣствованіи, такъ они годятся для того, чтобъ я себѣ напомнилъ, сколько былъ я простоватъ, даже на 26-мъ году моего вѣка.

Поблагодаря почтеннаго священника, отправился я знакомымъ путемъ въ Рогачевъ, и представилъ себя милостивцу моему Ивану Козьмичу Вязмитинову. Онъ, по принятіи отъ меня писемъ и по первымъ вопросамъ о благосостояніи и здоровьѣ своихъ родныхъ, спросилъ меня: привезъ ли я свои деньги?

Я отвѣчалъ, что на силу могъ только получить отъ должника моего триста рублей, которой извинялся краткостью и незапностію времяни. «Въ награду этого для меня недостатка, примолвилъ я, привезъ я для васъ санки».

— «Ѣзди, братецъ, самъ», отвѣчалъ мнѣ Вязмитиновъ съ невеселымъ лицомъ.

*) Любящіе вѣрной счотъ скажутъ: 5 имперіаловъ составляютъ 50 рубл., такъ чтожъ это за дорогія были санки, если они ограничивались 50 рублями?— Сомнѣніе—первой шагъ къ премудрости, сказалъ одинъ изъ греческихъ систематиковъ. Пусть же сомнѣвающійся, или недоумѣвающій, посмотритъ на 1778 г. и на 1812 г. въ разсужденіи курса монетъ. Г. Д.

Я очень былъ увѣренъ, что онъ обманется въ своемъ мнѣніи, и просилъ его посмотрѣть ихъ.

— «Да гдѣ они?»

— Здѣсь въ большихъ сѣняхъ.

Онъ нашолъ, сверхъ чаянія, такія санки, на которыхъ можно свободно сидѣть двумъ, а третьему—на запяткахъ; и они такъ уютны, что кажутся очень малы, и столь легки, что въ пору для одного бѣгуна. По свѣтло-зеленой краскѣ покрыты лакомъ, и, по приличнымъ мѣстамъ, выложены бронзою. Выбивка, подушка, и на медвѣдяхъ покрывало, изъ лутчаго разноцвѣтнаго рытаго трипа. Мой Вязмитиновъ при первомъ взглядѣ, противъ воли вскричалъ: «Ахъ, какія богатыя!»

Ходя около ихъ и говоря мнѣ спасибо, открылъ онъ покрывало: «для чего-жъ они набиты сѣномъ?»

— Чтобъ не побились бутылки съ англійскимъ пивомъ.

— «Ну братъ, ты великой мастеръ ѣздить въ отпускъ!

А я не меньше былъ собою доволенъ, что лутче умѣлъ сберечь санки нежели — вишни *).

§ XXXIII.

Продолженіе исторіи.

Уже наступила весна 1778 года. Луцевинъ мой въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, спустя свѣтлой праздникъ, навѣстилъ меня изъ Могилева. Мнѣ очень примѣтно было, что онъ уже провинціальнымъ секретаремъ, а я еще провинціальнымъ протоколистомъ, и то, по особому старанію милостивца моего Вязмятинова. Съ открытіемъ весны, наступало открытіе могилевскаго намѣстничества, по законамъ Екатерины II, а мнѣ открылось, что объ участи моей никто столько не обязанъ заботиться, какъ я самъ. Ибо, когда я напомнилъ моему благодѣтелю, что если въ наступающее время онъ не пристроитъ меня къ прочной службѣ, то, можетъ быть, оно не возвратится никогда, или возвращать его достанется съ бо̀льшею трудностью, не получилъ отъ него въ отвѣтъ ничего удовлетворительнаго; напротивъ съ чувствительностію примѣтилъ изъ его движеній, что ему представленіе мое

*) Послѣдняя строка первоначально изложена была такъ: «что ему угодилъ лутче, нежели могилевскими вишнями». М. С.

не было пріятно; а, можетъ быть, я такъ худо изъяснился, что лутчаго отвѣта и не стоилъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько я имѣлъ нужды, во всю мою жизнь, самъ о себѣ заботиться, столько не ловокъ былъ самъ за себя говорить. Моя чувствительность дѣлала меня застѣнчивымъ. Мнѣ живо представлялось, что я никого ничѣмъ не обязалъ, и ничѣмъ никому не услужилъ; такъ почему же я и осмѣливаюсь его просить? но безъ просьбы ничего не дѣлаютъ! При томъ — разсуждалъ я — говоря или прося за другого, можно смѣлѣе его одобрить, но нѣтъ ничего труднѣе, какъ самого себя одобрять. Итакъ, всякой приступъ къ просьбѣ производилъ во мнѣ душевную революцію. Я знаю и ощутилъ, что это свойство самое безпокойное; но не знаю, можно ли его было исправить наставленіемъ или просвѣщеніемъ *).

По повтореніи моей просьбы, получилъ я отъ г-на Вязмитинова согласіе, отпускъ и письмо просительное обо мнѣ въ Могилевъ, къ полковнику Василью Васильевичу Коховскому, брату могилевскаго губернатора. Отправясь туда поспѣшно, квартиру нашелъ у готоваго пріятеля Луцевина.

Снизходительной и скромной Коховскій принялъ отъ меня письмо ласково, и тотъчасъ адрессовалъ меня къ г-ну Алѣевцеву, сказавъ: «бывайте у меня и увѣдомляйте, что съ вами происходить будетъ». Алѣевцева нашелъ я въ губернаторской канцеляріи, сѣдящаго въ особой отъ другихъ коморкѣ, на работѣ, за краснымъ столомъ, на которомъ лежало небольшое число книгъ и бумагъ. Наслышавшись, что онъ любитъ попить, я воображалъ найти въ немъ и лицо соотвѣтственное такому поведенію, но я удивился, найдя совсѣмъ тому противное. Онъ былъ лѣтъ 30-ти, роста средняго, по природѣ чистотѣлъ, бѣлокуръ, въ лицѣ нѣжной румянецъ, и живые лакированные голубые

---

*) По нынѣшнему — воспитаніемъ, хотя воспитаніе и пропитаніе неоспоримо, значитъ: воскормленіе и прокормленіе. Но, понеже вообще въ Европѣ, всякой вѣкъ имѣетъ свой языкъ, свои нравы и свои обыкновенія, для того, всякой настоящій европейской вѣкъ говоритъ о себѣ, что онъ умнѣе прошедшаго; почему и не легко отъискать, въ которомъ вѣкѣ въ Европѣ былъ умъ полутче другихъ вѣковъ? Чего надобно учиться? и какъ разумѣть слова своего языка, по старому или по новому? У китайцевъ нѣтъ другого ума, нѣтъ другого языка, нѣтъ другихъ обыкновеній; слѣдовательно, у нихъ только однихъ можно научиться и привыкнуть къ тому, что служитъ благополучіемъ на всю краткую нашу жизнь. **Г. Д.**

глаза. Круглолицъ, сложенія полнаго, и нѣсколько скудоволосъ, волосы бѣлорыжеватыя, или точно такого цвѣта, каково бываетъ малороссійское пшено. Придавши къ сему мундиръ зеленаго сукна съ краснымъ воротникомъ, это будетъ точной Алѣевцевъ, кригс-цалмейстеръ, Василій Яковлевичъ! Онъ прочитавши записку Коховскаго, спросилъ меня:—«что вамъ надобно?»

Я отвѣчалъ: «чинъ и при открытіи намѣстничества, мѣсто».

— «Очень хорошо! получишъ. Приходи чаще въ канцелярію».

Доволенъ будучи, что дѣло началось по желанію, сообщилъ я весь онаго успѣхъ пріятелю своему Луцевину, и получилъ отъ него на послѣднія Алѣевцева слова, мнѣніе, что, «на обнадеживаніе его полагаться нельзя».

Не выпущая изъ вида замѣчанія Луцевина и исполняя при томъ повелѣніе Алѣевцева, ходилъ я съ недѣлю въ канцелярію, одѣвался сколь можно почище, переписывалъ что мнѣ давали, и, поворачиваясь въ канцеляріи, видѣлъ, что Алѣевцевъ правилъ многотрудными и многочисленными по разнымъ частямъ дѣлами, которыя до открытія намѣстничества, а паче при новомъ забраніи края, были на собственномъ губернаторскомъ отчетѣ. Имѣя столь счастливой даръ природы, онъ, работая перомъ съ удивительнымъ успѣхомъ, не заботился, и почти не думалъ. Стиль его былъ краткословной, ясной, отрывчистой, съ свѣдѣніями гражданскихъ законовъ, и нимало не похожой на стиль воеводы Малѣева и секретаря Судейкина. Губернаторъ слушалъ его какъ оракула, чиновники, отъ вице-губернатора до послѣдняго класса, чтили его за теплаго во всѣхъ нуждахъ заступника и предстателя, а просители покланялись ему какъ золотому тельцу, когда онъ не былъ пьянъ и не сѣдѣлъ подъ карауломъ для истрезвленія.

Прошла недѣля, а я, кромѣ перваго обнадеживанія, ничего не имѣю. Нужно было прибѣгнуть ко средству побудительному. Я далъ Алѣевцеву 50 руб. и тотчасъ помѣщенъ въ росписаніе, приготовляемое къ открытію намѣстничества, на регистраторскую ваканцію при губернаторѣ. И тотъ же часъ возстали противъ меня волненіе, мятежъ, крикъ, вопль. Всѣ находящіеся въ губернаторской канцеляріи, которые были большою частію секратари, требовали отъ Алѣевцева справедливости.

— «За что—кричали они—чортъ изъ болота помѣщенъ при

губернаторѣ? Онъ, безъ году недѣля, какъ показался въ канцеляріи, а мы день и ночь трудились, и размѣщаемся теперь подругимъ присутственнымъ мѣстамъ на меньшія ваканціи!»

Алѣевцевъ отвѣчалъ имъ командирски: «Молчите дураки! вѣдь мнѣ всѣхъ васъ не помѣстить при губернаторѣ на одно мѣсто; а етакой человѣкъ при немъ надобенъ. Посмотрите — показывая имъ переписанную мною бумагу — знаетъ ли хоть одинъ изъ васъ столько правописанія?»

Можетъ быть и въ подлинну мое правописаніе обѣщало больше, нежели я значилъ, почему и не знаю, обманывалъ ли ихъ Алѣевцевъ, или и самъ обманывался? всѣ однакожъ претенданты согласились на то, что при губернаторскомъ лицѣ надобно быть не дураку. Но это не конецъ; мнѣ нужнѣе былъ чинъ, нежели должность. Частыя мои объ немъ просьбы не имѣли успѣха. Я напослѣдокъ прибѣгнулъ къ повторенію 50 рублей,— ибо онъ сиживалъ всегда одинъ въ особой коморкѣ—а онъ въ туже минуту при мнѣ самъ написалъ отъ губернатора предложеніе рогачевской провинціальной канцеляріи, съ одобреніемъ въ немъ моихъ трудовъ, способностей и проч..., которые будтобы самимъ его превосходительствомъ замѣчены, и за которые произвелъ онъ меня губернскимъ секретаремъ—это значитъ чрезъ чинъ—и такое же другое въ могилевскую камерную экспедицію, о вычетѣ съ меня въ казну за повышеніе. Написавши, положилъ подъ сукно и мнѣ сказалъ: «надобно выбрать время поднесть губернатору къ подписанію».

Сказавъ сіе, на другой день запилъ, сказался больнымъ, и не велѣлъ къ себѣ въ домъ—по обыкновенію на такой случай — никого пущать. Я дня съ три съ ряду посѣщалъ запертыя вороты, давалъ привратнику, солдату Данилкѣ, рубль, два, три; но сей церберъ пребылъ неумолимъ. Меня увѣрили уже поздо, однакожъ благовремянно, что онъ за сей пропускъ получаетъ по 25 рублей. Къ этой бѣдѣ увѣдомленъ я, что находящійся между прочими въ губернаторской канцеляріи, малорослой, курносой провинціальной секретарь Теплынинъ, вычистилъ самъ собою изъ списка мое имя и написалъ свое, ибо списокъ не былъ еще подписанъ губернаторомъ—а меня вписалъ на свое мѣсто, на повытческую ваканцію въ будущемъ намѣстническомъ правленіи. Сіе дѣлало для меня разницы классомъ ниже, и шестьюдесятьми

Я очень былъ увѣренъ, что онъ обманется въ своемъ мнѣніи, и просилъ его посмотрѣть ихъ.

— «Да гдѣ они?»

— Здѣсь въ большихъ сѣняхъ.

Онъ нашолъ, сверхъ чаянія, такія санки, на которыхъ можно свободно сидѣть двумъ, а третьему—на запяткахъ; и они такъ уютны, что кажутся очень малы, и столь легки, что въ пору для одного бѣгуна. По свѣтло-зеленой краскѣ покрыты лакомъ, и, по приличнымъ мѣстамъ, выложены бронзою. Выбивка, подушка, и на медвѣдяхъ покрывало, изъ лутчаго разноцвѣтнаго рытаго трипа. Мой Вязмитиновъ при первомъ взглядѣ, противъ воли вскричалъ: «Ахъ, какія богатыя!»

Ходя около ихъ и говоря мнѣ спасибо, открылъ онъ покрывало: «для чего-жъ они набиты сѣномъ?»

— Чтобъ не побились бутылки съ англійскимъ пивомъ.

— «Ну братъ, ты великой мастеръ ѣздить въ отпускъ!

А я не меньше былъ собою доволенъ, что лутче умѣлъ сберечь санки нежели — вишни *).

§ XXXIII.

Продолженіе исторіи.

Уже наступила весна 1778 года. Луцевинъ мой въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, спустя свѣтлой праздникъ, навѣстилъ меня изъ Могилева. Мнѣ очень примѣтно было, что онъ уже провинціальнымъ секретаремъ, а я еще провинціальнымъ протоколистомъ, и то, по особому старанію милостивца моего Вязмятинова. Съ открытіемъ весны, наступало открытіе могилевскаго намѣстничества, по законамъ Екатерины II, а мнѣ открылось, что объ участи моей никто столько не обязанъ заботиться, какъ я самъ. Ибо, когда я напомнилъ моему благодѣтелю, что если въ наступающее время онъ не пристроитъ меня къ прочной службѣ, то, можетъ быть, оно не возвратится никогда, или возвращать его достанется съ бо̀льшею трудностью, не получилъ отъ него въ отвѣтъ ничего удовлетворительнаго; напротивъ съ чувствительностію примѣтилъ изъ его движеній, что ему представленіе мое

*) Послѣдняя строка первоначально изложена была такъ: «что ему угодилъ лутче, нежели могилевскими вишнями». М. С.

отвѣчалъ на послѣдній вопросъ: что, «я ищу чина и мѣста, больше по милости, нежели по заслугамъ. И, что не дальше еще успѣлъ, какъ только дошолъ до сомнѣнія получить то и другое».

Не успѣлъ еще я услышать, что мнѣ скажутъ въ отвѣтъ, какъ вошелъ Коховскій. Онъ, безъ сомнѣнія, счолъ, что по связи братней, интересуется во мнѣ и генералъ-адъютантъ; почему вмѣстѣ почти съ первымъ поклономъ Вязмитинову, сказалъ ко мнѣ: «въ 10-мъ часу подойдите, какъ я вамъ сказалъ». За Коховскимъ вошли еще три чиновника, изъ которыхъ одинъ, позади первыхъ двухъ, закричалъ еще въ сѣняхъ во весь ротъ продолжительнымъ тономъ: «Monsenieur!» Это былъ человѣкъ малорослой, съ большою головою, въ лицѣ цвѣта бѣлосѣроватаго и наклоннаго къ веснушкамъ, съ обширнымъ и высокимъ тупеемъ, по тогдашнему вкусу, на подобіе распущенаго паруса или буфетныхъ ширмовъ, и отчасти*), на подобіе крыльевъ вѣтреной мѣльницы; съ кошелькомъ между плечь, въ темно-вишневомъ кафтанѣ, съ золотыми петлицами, въ башмакахъ, и подъ лѣвымъ плечомъ шапо-ба. Онъ заговорилъ-было по-французски, но Вязмитиновъ спросилъ его по-русски: каковъ ему показался Могилевъ? и проч. Онъ былъ ново-опредѣленный въ намѣстническое правленіе совѣтникъ, по фамиліи Полянскій. Я для того здѣлалъ объ немъ отступленіе, что онъ будетъ въ Могилевѣ играть въ теченіе слишкомъ трехъ лѣтъ, довольно замѣчательную роль, о чемъ болѣ скажется ниже на своихъ мѣстахъ, а теперь довольно одного предисловія.

Я выскочилъ отъ генералсъ-адъютанта безъ обрядовъ отпускной аудіенціи, побѣжалъ въ замокъ, гдѣ было пребываніе губернатора съ его канцеляріею. Предъ замкомъ на площади, встрѣтился съ тремя секретарями—которые, такъ же какъ и я, осачивали участи, чтобы къ открытію намѣстничества не остаться безъ мѣстъ—и съ ними пріостановился. Площадь была не мала. Къ намъ начали стекаться помаленьку люди нашего сорта, и ея наполнять. Матерія у всѣхъ была**) общая. Иной суетился, что не знаетъ куда будетъ помѣщенъ при открытіи намѣстничества; иной больше имѣлъ причины къ суетамъ, что не зналъ, или со-

---

*) Зачеркнуто: «или же». М. С.

**) Зачеркнуто: «почти». М. С.

глаза. Круглолицъ, сложенія полнаго, и нѣсколько скудоволосъ, волосы бѣлорыжеватыя, или точно такого цвѣта, каково бываетъ малороссійское пшено. Придавши къ сему мундиръ зеленаго сукна съ краснымъ воротникомъ, это будетъ точной Алѣевцевъ, кригс-цалмейстеръ, Василій Яковлевичъ! Онъ прочитавши записку Коховскаго, спросилъ меня:—«что вамъ надобно?»

Я отвѣчалъ: «чинъ и при открытіи намѣстничества, мѣсто».

— «Очень хорошо! получишъ. Приходи чаще въ канцелярію».

Доволенъ будучи, что дѣло началось по желанію, сообщилъ я весь онаго успѣхъ пріятелю своему Луцевину, и получилъ отъ него на послѣднія Алѣевцева слова, мнѣніе, что, «на обнадеживаніе его полагаться нельзя».

Не выпущая изъ вида замѣчанія Луцевина и исполняя притомъ повелѣніе Алѣевцева, ходилъ я съ недѣлю въ канцелярію, одѣвался сколь можно почище, переписывалъ что мнѣ давали, и, поворачиваясь въ канцеляріи, видѣлъ, что Алѣевцевъ правилъ многотрудными и многочисленными по разнымъ частямъ дѣлами, которыя до открытія намѣстничества, а паче при новомъ забраніи края, были на собственномъ губернаторскомъ отчетѣ. Имѣя столь счастливой даръ природы, онъ, работая перомъ съ удивительнымъ успѣхомъ, не заботился, и почти не думалъ. Стиль его былъ краткословной, ясной, отрывчистой, съ свѣдѣніями гражданскихъ законовъ, и нимало не похожой на стиль воеводы Малѣева и секретаря Судейкина. Губернаторъ слушалъ его какъ оракула, чиновники, отъ вице-губернатора до послѣдняго класса, чтили его за теплаго во всѣхъ нуждахъ заступника и предстателя, а просители поклонялись ему какъ золотому тельцу, когда онъ не былъ пьянъ и не сѣдѣлъ подъ карауломъ для истрезвленія.

Прошла недѣля, а я, кромѣ перваго обнадеживанія, ничего не имѣю. Нужно было прибѣгнуть ко средству побудительному. Я далъ Алѣевцеву 50 руб. и тотчасъ помѣщенъ въ росписаніе, приготовляемое къ открытію намѣстничества, на регистраторскую ваканцію при губернаторѣ. И тотъ же часъ возстали противъ меня волненіе, мятежъ, крикъ, вопль. Всѣ находящіеся въ губернаторской канцеляріи, которые были большою частію секратари,требовали отъ Алѣевцева справедливости.

— «За что—кричали они—чортъ изъ болота помѣщенъ при

ново, и при томъ*) все на собственномъ его отчетѣ по канцеляріи».

«Вы очень хорошо судите, сказалъ Каменскій, я**) отвѣтъ вашъ доложу губернатору, а васъ предъувѣдомляю, что вы, по желанію вашему, будете въ намѣстническомъ правленіи, а я—при губернаторѣ; я въ этомъ васъ увѣряю смѣло потому, что мнѣ теперь велѣно спросить васъ о точномъ вашемъ желаніи. А того мопсу — секретаря Теплынина — которой имѣлъ глупую дерзость, вычистить ваше имя въ спискѣ, а себя вписать на ваше мѣсто, помѣстимъ къ вамъ же въ правленіе на канцеляристское мѣсто. Онъ намъ надѣлалъ работы, цѣлой листъ надобно перемѣнять въ переплетѣ».

Поблагодаря Каменскаго и разставшись, я нашолъ себя въ одно мгновеніе на ряду съ людьми благороднаго сорта, съ штабъофицерскимъ по камзолу позументомъ, по тогдашнему положенію. Послѣ сихъ первыхъ движеній опомнился, что полковникъ Коховскій еще не выходилъ отъ брата. Я сталъ въ большихъ сѣняхъ, гдѣ стоятъ часовые, и при выходѣ его упалъ ему сиротскимъ образомъ, почти къ самымъ ногамъ. Онъ отвѣчалъ: «благодарите господъ Вязмитиновыхъ». Однако-жъ, мои настоящія обстоятельства требовали, чтобъ я поскорѣе бѣжалъ къ Алѣевцеву для принесенія благодарности, не за то, что онъ предложеніи положилъ подъ сукно и самъ загулялъ, но за то, что написалъ меня въ нихъ черезъ чинъ. Всего же больше нужно было добыть отъ него, чтобъ онъ, по заведенному порядку, приказалъ вписать оба предложенія, отъ слова до слова, въ книгу, которая хранилась у Алѣевцева подъ замкомъ съ протчими важными бумагами, въ столовомъ ящикѣ. Но какъ къ нему дойти? Рѣшившись заплатить Данилкѣ***), установленную имъ****), пропускную 25 рублевую пошлину, разсудилъ исполнить рѣшеніе сіе тогда, когда уже не подѣйствуетъ никакая выдумка. Почему, написалъ цѣдулку, и съ нею пошолъ къ воротамъ; лишь только къ нимъ изъ за угла повернулъ, увидѣлъ вице-губернатора Воронина, стоящаго подлѣ нихъ, и бесѣдующаго сквозь щели воротъ съ

---

*) Зочеркнуто: «однакожъ». М. С.

**) Зачеркнуто: «объ этомъ». М. С.

***) Зачеркнуто: «положенную имъ портовую». М. С.

****) Зачеркнуто: «пограничную портовую». М. С.

Данилкою. Я не дѣлая вида, что и моя цѣль была сюда же, проходилъ прямо по улицѣ, и предъ вице-губернаторомъ, отвалившемъ уже отъ воротъ, сдѣлалъ подобающій поклонъ, а онъ провалилъ мимо меня не пошевеля ни головою ни рукою, и съ такимъ спѣсивымъ видомъ, какъ будто онъ удостоился говорить съ самимъ Алѣевцевымъ!—Мнѣ примѣтно было любочестіе сего начальника; однакожъ я имѣлъ снисхожденіе судить, что можетъ-быть онъ и не знаетъ, что я пожалованъ въ губернскіе секретари, и что я уже не тотъ человѣкъ, которой былъ за часъ предъ симъ. Но дѣло не о спѣсяхъ нашихъ съ вице-губернаторомъ! Что мнѣ дѣлать, думалъ я, когда уже и вице-губернаторъ у Алѣевцева въ такомъ уваженіи, въ какомъ я видѣлъ его бесѣдующаго съ Данилкою? Однако-жъ приступилъ къ воротамъ и ну челобитовать, почти такъ:

§ XXXIV.

Начинается Данилкою, а кончится уткою.

«О великій Данилка! сынъ слѣпого и мгновенно преходящаго случая. О вѣрный стражъ у вратъ великаго письмоводителя! о могущій церберъ! коего лаянія не смѣетъ пренебречь и самъ вице-губернаторъ Воронинъ! внемли: я присланъ съ запискою отъ полковника Василья Васильевича Коховскаго; вотъ отъ него записка, записка очень важная, какихъ еще не бывало отъ начала всѣхъ секретарскихъ воротъ и сторожей Данилокъ».

Я впустилъ записку*) межъ воротныхъ досокъ. А въ ней было написано отъ меня, а не отъ Коховскаго: «Милост. гос! мнѣ нужны только двѣ минуты. Позвольте мнѣ видѣть моего благодѣтеля, и поблагодарить его лично за милость, состоящую въ написаніи предложеній, по которымъ получилъ я севодни чинъ губернскаго секретаря». Между тѣмъ, какъ я дожидался резолюціи, и уже на случай неудачи держалъ на готовѣ 25-ти-рублевую для Данилки ассигнацію, показался изъ-за угла совѣтникъ камерной экспедиціи, назначенный, по росписанію**) въ намѣстническое правленіе, Петръ Ильичъ Сурминъ. Сей доброй по натурѣ человѣкъ, завидя меня еще изъ дали, усмѣхнулся и спро-

*) Зачеркнуто: «сквозь». М. С.

**) Зачеркнуто: «къ переведенію». М. С.

силъ: «что братъ? не впускаютъ! Да и я иду безъ надежды, вице-губернаторъ со мною повстрѣчался, и»... вдругъ загремѣла цѣпь, и ворота отворились. Данилка увидя нечаянно, вмѣсто одного, двухъ, возгласилъ въ торопяхъ Сурмину: «васъ сударь не велѣно пускать». Сурминъ ему отвѣчалъ: «что ты, Данилка, ты видно не знаешь, что назначенъ къ намъ сторожемъ въ намѣстническое правленіе? вѣдь я тебя тогда закатаю». Данилка, не*) постигая словъ человѣка незнающаго ни мстить, ни злобиться, ни браниться съ сторожами, палъ въ ноги командиру. А Сурминъ, сказавши съ Алѣевцевымъ слова два-три въ другомъ покоѣ, пошолъ домой.

Алѣевцевъ непритворно былъ радъ, что я, въ награду, его обо мнѣ нерадѣнія, самъ о себѣ поросторопничалъ. Онъ тотъчасъ велѣлъ позвать къ себѣ секретаря отъ регистратуры, Пестова, и приказалъ ему вписать предложеніе въ книгу не 17 числомъ маія, котораго я произведенъ, но 30-мъ прошедшаго апрѣля, говоря съ усмѣшкою, что «по маій мѣсяцъ кончилась власть губернаторская и моя производить въ чины».

Но въ какое пришелъ я изумленіе! когда онъ, разговаривая, разодралъ одно изъ губернаторскихъ предложеній. Въ окаменѣломъ недоумѣніи, я дожидался такой же участи и другому. Въ остаткахъ памяти мечталось мнѣ: вотъ истинна словъ Звягина, что Алѣевцевъ предложенія губернаторскія деретъ или объявляетъ по своему произволенію.—Но онъ, продолжая равнодушно, говорилъ: «камерная експедиція недовольна губернаторомъ, что онъ не уважилъ ея представленій, коими просила она о произведеніи нѣкоторыхъ изъ ея канцелярскихъ должностныхъ въ оберъ-офицерскіе чины; теперь, еслибы она увидѣла изъ предложенія, что губернаторъ, по прошествіи уже данной ему власти, васъ произвелъ, то могла-бы, когда приѣдетъ графъ, выставить передъ нимъ сей случай къ нарѣканію на губернатора. Положимъ, что етова не случится, однако-жъ, лучше, какъ поберечь Михайла Васильевича. Вы теперь получа предложеніе въ рогачевскую провинціальную канцелярію, скажите тамъ — если она сама не догадается — чтобы прибавили въ резолюціи: «представить рапортомъ въ камерную экспедицію, о вычетѣ съ васъ

*) Зачеркнуто: «понимая». М. С.

въ казну за чинъ». Это будутъ виды, какъ будто бумага объ васъ залежалась въ Рогачевѣ отъ того времяни, когда губернаторъ имѣлъ право производить въ чины. А между тѣмъ, и рапортъ вступитъ не въ камерную уже экспедицію, которая вскорѣ уничтожится, но въ казенную палату, которая откроется вмѣстѣ съ открытіемъ намѣстничества, и большою частію составлена будетъ изъ людей новыхъ».

Воспламеня испуганную радость, и поблагодаря Алѣевцева и свою выдумку, пошелъ я съ ассигнаціею и съ Пестовымъ въ канцелярію губернаторскую, гдѣ, по вписаніи имъ въ книгу заднимъ числомъ двумя недѣлями слишкомъ, моей жалованной грамоты, сирѣчь предложенія — получилъ ея обратно подъ открытою, по просьбѣ моей, печатью. Итакъ, и чинъ въ карманѣ, и мѣсто въ намѣстническомъ правленіи! Послѣ сего спѣшилъ раздѣлить или умножить мою радость съ другомъ Луцевинымъ. Я встрѣтился съ нимъ на большой улицѣ: «друзья — такъ я думалъ — всегда другъ-друга ищутъ». Въ самомъ дѣлѣ, онъ искалъ меня обѣдать, потому что за полдень было уже слишкомъ три часа.

— А угадай, вскричалъ я ему издали: что у меня въ карманѣ? вотъ будешъ великой чародѣй, если угадаешь!..

— «Не знаю, не угадаю»...

— Предложеніе губернаторское въ Рогачевъ.

— «О чемъ?»..

— О томъ, что я пожалованъ губернскимъ секретаремъ, и тотъ-часъ показалъ ему.

Онъ прочитавши, замолчалъ. Потомъ началъ бранить Алѣевцева, губернатора, полковника Коховскаго и маіора Вязмитинова, а потомъ выхвалять свои труды и таланты. Я, послѣ упоеннаго увѣренія себя въ томъ, что онъ мнѣ другъ, насилу могъ опомниться и повѣрить, что онъ бранитъ и меня и всѣхъ моихъ благодѣтелей, за то, что я губернскимъ секретаремъ, а онъ степенью ниже меня.

Я напомнилъ ему, что «я его пріятель, и что по тому самому обязанъ онъ, хотя изъ благопристойности, скрыть свою досаду, которой однако-жъ я никогда не желалъ быть причиною». Потомъ спросилъ его: «что-бы онъ началъ тогда, когда бы вмѣсто меня, непріятель его произведенъ былъ въ чинъ»?

Онъ улыбнувшись принужденно, сказалъ: «правда твоя, я не буду досадовать». Мы обѣдали вмѣстѣ, и казались быть по прежнему пріятельми. — Однако-жъ мало-помалу, свѣтъ, время, и нужда научали меня познавать людей, и, по мѣрѣ познанія чужихъ нравовъ, терять собственную нравственную простоту, и тѣмъ подобиться большинству людскихъ качествъ.

Между тѣмъ, какъ я заботился въ Могилевѣ о чинѣ и о помѣщеніи себя при открытіи намѣстничества въ штатъ правленія, почитая сіе основаніемъ моей службы, и надеждою впредь къ полезному оной для меня продолженію, милостивецъ мой Иванъ К. Вязмитиновъ безперерывно тревожилъ меня изъ Рогачева письмами, кои всѣ были одного содержанія: «что онъ удивляется, для чего я не ѣду къ должности, и къ сдачѣ дѣлъ при уничтоженіи его коммиссарства, по случаю приближающагося открытія намѣстничества».

Я зналъ, что въ коммиссарской его канцеляріи бумагъ было мало, а дѣлъ совсѣмъ ничего, ежели-же какія случались нестоющія названія дѣлъ по своей маловажности и малочисленности, тѣ отрабатываемы были въ провинціальной тамошней канцеляріи по дружбѣ къ нему воеводы Малѣева. А коммиссаръ, находясь между братомъ и воеводою, занимался только переѣздами изъ Рогачева въ Рыльскъ, въ Розсохи—деревни, пожалованныя брату его въ Бѣлоруссіи—въ Могилевъ, и проч... Итакъ, хотя я зналъ, что мнѣ нечего сдавать, и напротивъ зналъ, что ежели бы я въ сію самую пору не постарался самъ о себѣ въ Могилевѣ, то можетъ быть вѣчно бы закоснѣлъ въ уѣздномъ городѣ приказнымъ служителемъ, при такомъ неважномъ мѣстѣ, къ которому отошли дѣла коммиссарскія; однакожъ*) порядокъ службы требовалъ, чтобъ я повиновался. Вслѣдствіе сего, не забывши нашить, по тогдашнему штату, на камзолъ секретарскихъ позументовъ, спѣшилъ по почтѣ къ начальнику рогачевской моей службы, для принесенія ему благодарности за одобреніе меня къ полковнику Коховскому; для врученія воеводѣ губернаторскаго о чинѣ моемъ предложенія, и для забранія вещей моихъ въ Могилевъ, не помышляя болѣ ни о чемъ. Утѣшаясь такими предположеніями, нечаянно нашелъ, что мои позументы не столько были

*) Зачеркнуто: «я не безъ долгу былъ повиноваться требованіямъ». М. С.

пріятны Вязмитинову, сколько мнѣ. Онъ сдѣлалъ мнѣ поздравленіе изъ повторенія тѣхъ же словъ, которыя читалъ я въ письмахъ.

Сколько я ни изъяснялся*), о причинахъ бытности моей въ Могилевѣ, и сколько ни признавалъ, что вѣчно обязанъ его милостію, однако-жъ онъ не пріемля ничего, твердилъ мнѣ, что я понапрасну въ Могилевѣ жилъ, и что долговременная тамъ моя бытность его обидѣла. Симъ самымъ онъ**) напослѣдокъ, какъ кажется, небережно обнаружилъ мѣру желанія***) мнѣ добра, и сколько онъ дорожилъ всѣмъ моимъ счастіемъ. Не въ состояніи будучи увѣрить его о моей чувствительности, за его ко мнѣ первоначальныя благодѣянія, и не находя причинъ къ негодованію на меня, принужденъ былъ подумать и заключить, что мы, всѣ на свѣтѣ, люди.

На другой день онъ отъѣхалъ въ городъ Бѣлицу, куда опредѣленъ былъ городничимъ по новому росписанію. А я, лишь только хотѣлъ послѣдовать его образцу, отправиться также къ новоназначенной должности въ Могилевъ, и уже уклался въ мою колесницу, какъ рогачевскій комендантъ, полковникъ г. Плецъ прислалъ ко мнѣ ординарца съ объявленіемъ, что «ему велѣно принять дѣла рогачевской коммиссарской канцеляріи съ канцелярскими чинами. А какъ, по списку полученному отъ коммиссара Вязмитинова, находится при коммиссарской канцеляріи г. Добрынинъ, то и не безпокоился бы онъ выѣздомъ изъ города ****)».

Мнѣ очень было примѣтно, что я уже принадлежу къ такому въ губерніи главному мѣсту, которое коменданту насылаетъ указы, да и самъ уже не меньше какъ три раза офицеръ, а г. комендантъ смѣетъ такъ нескромно предо мною изъясняться. Имѣя на своей сторонѣ такого рода справедливость, я конечно бы отрекся отъ исполненія его требованій, но выѣздъ изъ города, противъ воли комендантской, былъ для меня дѣломъ сомнительнымъ. Итакъ, подхватя шляпу, явился въ рукахъ съ нею

---

*) Зачеркнуто: «что все получилъ съ его пособіемъ». М. С.

**) Зачеркнуто: «не при послѣднихъ часахъ». М. С.

***) Зачеркнуто: «своего». М. С.

****) Далѣе слѣдовали зачеркнутыя потомъ слова: «понеже г. комендантъ ему запрещаетъ». М. С.

и Торжокъ, въ Сѣвскъ. Его даръ слова лаконической былъ первымъ въ мой слухъ удареніемъ. Онъ имѣлъ даръ*) въ короткихъ словахъ объяснять, просвѣщать, убѣждать, удивлять. Онъ познакомилъ меня съ Пиѳагоровою таблицею, которая открыла мнѣ таинство то**), что я не могъ бы познакомиться съ тройными, обратными, раздробленіями, товарищества, квадратами и кубиками, если бы не узналъ напередъ дважды два. Долговремянная же переписка проповѣдей, и партикулярныхъ его къ разнымъ особамъ писемъ, и чтеніе отъ нихъ получаемыхъ имъ, а, между тѣмъ, и собственныя по сей части упражненія, увѣряютъ меня, что я уже знаю больше, нежели тѣ, которые знаютъ меньше***). Классическія-же науки, преподанныя мнѣ моими дѣдами, каковы бы ни были, однакожъ тѣмъ не меньше благодарность моя къ нимъ, потому, что они отдали мнѣ все, что имѣли и проч. и проч. Потомъ, взглянувши нечаянно на 1752 годъ, въ которомъ я родился... увидѣлъ его мысленно, вздохнулъ, поболѣлъ, что мнѣ уже кончилось 26 лѣтъ, а я только что начинаю считаться въ обществѣ людей! Но мысль, что я уже офицеръ 12-го класса, и мѣсто въ царской службѣ, меня снова успокоили. Мнѣ теперь — размышлялъ я — остается только вести себя по службѣ и по нравственности такъ, какъ благородному, чтобы не дать причины подозрѣвать, что я вчера только сдѣлался благороднымъ ****),

---

*) Зачеркнуто: «объяснять». М. С.

**) Зачеркнуто: «познать». М. С.

***) Зачеркнуто: «и проч., и проч.». М. С.

****) Такъ я разсуждалъ въ тогдашній мой вѣкъ. Но въ дальнѣйшее теченіе жизни испыталъ, что, доказательства благородства суть: 1-е) Французской языкъ, съ худымъ выговоромъ, безъ знанія правилъ грамматики. 2-е) Карточная игра, съ хорошимъ, всякаго рода, обманомъ. 3-е) Танцы, съ объявленіемъ[1]) поединка за даму. 4-е) Стыдъ[2]), говорить по-русски, и обязанность, не умѣть правильно читать и писать на своемъ языкѣ. 5-е) Презирать каждаго кромѣ себя и молодыхъ женщинъ. 6-е) Быть невѣжливу предъ старшими, и дерзновенну предъ начальниками. 7-е) Забыть скромность; стяжать многословіе, а въ поступкахъ наглость. 8-е) Говорить всегда тономъ рѣшительнымъ, а хотя и повелительнымъ. — Такихъ благовоспитанныхъ людей не всякой любитъ; но они вездѣ все скорѣе для себя сыщутъ. Можетъ-быть — скажутъ — я въ моей ремаркѣ изобразилъ превратно благородное воспитаніе. Не спорю, потому что нѣтъ ничего безъ исключенія. Г. Д.

---

[1]) Зачеркнуто: «дуеля». М. С.

[2]) Зачеркнуто: «умѣть правильно чи». М. С.

одѣться по приличію я въ возможности больше, нежели*) другіе мои будущіе сослужители могилевскіе. Могилевъ мнѣ уже знакомъ. Я видѣлъ тамъ людей приготовленныхъ ко вступленію въ должности; они для меня неопасные соперники. А далѣ, служба сама собою потечетъ, и отдастъ каждому принадлежащее. Между тѣмъ, я уже офицеръ въ такомъ классѣ, до котораго въ Сѣвскѣ и старики еще не дослужились. Надобно мнѣ отпроситься въ Сѣвскъ, и тамъ вторично обрадовать мать мою. Ежели тщету людскую обморочиваетъ**) наружность, то***) положенные по камзолу позументы, которыхъ еще въ Сѣвскѣ не видали, будутъ****) свидѣтельми моего достоинства». Словомъ: мечта гоняся за мечтою, увѣрили меня, что я еще никогда не бывалъ благополучнѣе; и, въ семъ пріятномъ себя успокоеніи, я приказалъ ѣхать шагомъ и заснулъ.

Понеже я пишу мою исторію для собственнаго приведенія на память прошедшихъ лѣтъ моей жизни, и такихъ приключеній, которыя, сколь ни маловажны сами по себѣ, но сердцу или малодушію моему стоили много, то и долженъ сказать, по порядку повѣствованія, что пріятной мой сонъ прерванъ былъ самымъ лютѣйшимъ для меня ударомъ и не меньше смѣшнымъ для тѣхъ, которые могутъ убивать животныхъ. Меня разбудилъ, при восходѣ солнца, безперерывной крикъ дикой утки, но разбудилъ уже поздо. Слуга мой съ извощикомъ объявили мнѣ, что утка эта пробиралась съ маленькими утенятами чрезъ дорогу, а они побили утенятъ и поклали въ ящикъ. Сіе варварство меня поразило. Я растерзанъ былъ зрѣлищемъ, какъ она около моей коляски летала, и чуть объ нея не билась, испуская жалобной безперерывной крикъ. Мнѣ казалось, что она, въ горести своей, справедливо меня упрекаетъ и жалуется, что я заснулъ для ея несчастья. Мнѣ казалось, что она, на своемъ языкѣ, изъяснялась: «люди твои кровопивцы, лишили меня дѣтей! Раздираютъ на мелкія части мою утробу, и я, къ большому мученью, умереть не могу. Единое и наивеличайшее изъ утѣхъ, данное природою намъ бѣднымъ тварямъ, у меня уже отнято! Мнѣ не надобно ни

*) Зачеркнуто: «всѣ». М. С.
**) Зачеркнуто: «обольщаетъ надежда». М. С.
***) Зачеркнуто: «шпага и». М. С.
****) Вмѣсто зачеркнутаго: «обнаружитъ». М. С.

и Торжокъ, въ Сѣвскъ. Его даръ слова лаконической былъ первымъ въ мой слухъ удареніемъ. Онъ имѣлъ даръ*) въ короткихъ словахъ объяснять, просвѣщать, убѣждать, удивлять. Онъ познакомилъ меня съ Пиѳагоровою таблицею, которая открыла мнѣ таинство то**), что я не могъ бы познакомиться съ тройными, обратными, раздробленіями, товарищества, квадратами и кубиками, если бы не узналъ напередъ дважды два. Долговремянная же переписка проповѣдей, и партикулярныхъ его къ разнымъ особамъ писемъ, и чтеніе отъ нихъ получаемыхъ имъ, а, между тѣмъ, и собственныя по сей части упражненія, увѣряютъ меня, что я уже знаю больше, нежели тѣ, которые знаютъ меньше***). Классическія-же науки, преподанныя мнѣ моими дѣдами, каковы бы ни были, однакожъ тѣмъ не меньше благодарность моя къ нимъ, потому, что они отдали мнѣ все, что имѣли и проч. и проч. Потомъ, взглянувши нечаянно на 1752 годъ, въ которомъ я родился... увидѣлъ его мысленно, вздохнулъ, поболѣлъ, что мнѣ уже кончилось 26 лѣтъ, а я только что начинаю считаться въ обществѣ людей! Но мысль, что я уже офицеръ 12-го класса, и мѣсто въ царской службѣ, меня снова успокоили. Мнѣ теперь — размышлялъ я — остается только вести себя по службѣ и по нравственности такъ, какъ благородному, чтобы не дать причины подозрѣвать, что я вчера только сдѣлался благороднымъ ****),

---

*) Зачеркнуто: «объяснять». М. С.

**) Зачеркнуто: «познать». М. С.

***) Зачеркнуто: «и проч., и проч.». М. С.

****) Такъ я разсуждалъ въ тогдашній мой вѣкъ. Но въ дальнѣйшее теченіе жизни испыталъ, что, доказательства благородства суть: 1-е) Французской языкъ, съ худымъ выговоромъ, безъ знанія правилъ грамматики. 2-е) Карточная игра, съ хорошимъ, всякаго рода, обманомъ. 3-е) Танцы, съ объявленіемъ[1]) поединка за даму. 4-е) Стыдъ[2]), говорить по-русски, и обязанность, не умѣть правильно читать и писать на своемъ языкѣ. 5-е) Презирать каждаго кромѣ себя и молодыхъ женщинъ. 6-е) Быть невѣжливу предъ старшими, и дерзновенну предъ начальниками. 7-е) Забыть скромность; стяжать многословіе, а въ поступкахъ наглость. 8-е) Говорить всегда тономъ рѣшительнымъ, а хотя и повелительнымъ. — Такихъ благовоспитанныхъ людей не всякой любитъ; но они вездѣ все скорѣе для себя сыщутъ. Можетъ-быть — скажутъ — я въ моей ремаркѣ изобразилъ превратно благородное воспитаніе. Не спорю, потому что нѣтъ ничего безъ исключенія. Г. Д.

---

[1]) Зачеркнуто: «дуеля». М. С.

[2]) Зачеркнуто: «умѣть правильно чи». М. С.

…шую мою колесницу, произвели съ
… улицу. Уже я почти забылъ го-
… начиналъ мечтать, что я древній
… въ Римъ, позволенъ, по край-
…, хотя, въ досаду мнѣ, ни одинъ изъ
… интересовался знать, существую-ли

…дцевина. Онъ принялъ меня по-дру-
… одну коморку, и составили одинъ

…чества собрано уже было въ городѣ
…во*). Уже вышелъ отъ государева на-
…ва церемоніалъ. Вездѣ его читали, и
…рытія намѣстничества, но не знали: когда?
… былъ назначенъ по росписанію на про-
…. въ намѣстническое же правленіе, то и
… туда и оттуда былъ совмѣстенъ**). Наша
не больше что — привлекала намъ знаком-
… мы старались показаться того достойными.
…мѣло, многіе суетились и никто ничего не дѣ-
…немногихъ, напримѣръ:

…ышевъ занимался трудомъ достойнымъ цѣли ве-
…и.

…адъютантъ Вязмитиновъ старался неусыпно, и
…въ службы, угождать вспыльчивости графа и само-
…ни. И за этотъ трудъ и терпѣніе, никого они столько
…къ его; ни къ кому столько не имѣли довѣренности,
…му; и ни въ кого столько влюблены не были, какъ

…смалѣя, правитель канцеляріи по части гражданской,
…непрерывно надъ бумагами и, будучи латинской грама-

…ъ уже пріѣхалъ, и я увѣдомилъ, по условію, рогачевскаго комен-
…любезной Плецъ не продолжилъ со мною своихъ переписокъ. Онъ
… не старѣ лѣтъ 38-ми. Г. Д.

…присутствіе намѣстническаго правленія не было еще открыто,
…льники и канцелярія переведены уже были въ новой корпусъ
… отправляли дѣла по старому еще обряду губернской канце-
…аніи новаго, все уже уставлено было на своихъ мѣстахъ.
Г. Д.

тикъ, старался не пропустить ни коммы, ни точки, ни запятой.

Секретарь Ключаревъ занимался усовершенствованіемъ наклонность свою къ театральному таланту, и часто являлся къ Вязмитинову на пробу.

Г. Нагаткинъ, генералъ-аудиторъ-лейтенантъ, не боялся крика и гнѣва ни графа, ни графини; вездѣ гдѣ хотѣлъ шатался. У себя съ другими и самъ у другихъ обѣдывалъ, ужинавалъ, а больше того пивалъ, и отрабатывалъ въ мигъ письменныя, по части воинской, дѣла, разговаривая и балагуря со всѣми приходящими къ нему.

Дворянство же, исключая магнатовъ, разсыпавшись по корчмамъ, трактирамъ, ѣло, пило, гуляло и въ карты играло.

А прежней эпохи правитель канцеляріи Алѣевцевъ пилъ сидя дома.

Не будетъ лишнимъ, если я приведу себѣ на память шалости сего не глупаго шалуна, бывшія во время управленія его губернаторскою канцеляріею. Онъ былъ охотникъ гулять, но пилъ мало, потому-что скоро обезсиливалъ отъ вина. Его, въ такихъ случаяхъ, сопровождало общество секретарей и другихъ, находившихся при канцеляріи, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Проситель, на счетъ котораго желало сіе братство попировать, обыкновенно привѣтствовалъ: «здѣлайте меня счастливымъ». Алѣевцевъ другого вина на ту пору не пивалъ, кромѣ шампанскаго, тогда оно дешево было въ Могилевѣ — 1 р. 60 к. бутылка.

Гости не требовали меньше на столъ, какъ дюжинами бутылокъ, а смотря по важности дѣла и достатку просителя, особливо же просящагося въ таможню, ставился на столъ и цѣлой ящикъ. Употребленіе пробочника запрещалось; вмѣсто того щеголяли искусствомъ отбивать горло отъ бутылки объ край стола, или объ столовую ножку; будеже бы отъ которой оно не ровно отбилось, или бутылка треснула ниже горла, та выбрасывалась за окно и съ виномъ. Алѣевцевъ видѣлъ, что онъ для сего имѣетъ въ секретаряхъ своихъ хорошихъ сотрудниковъ, а по службѣ худыхъ помощниковъ... (въ семъ мѣстѣ надобно взять терпѣніе и ожидать развязки).

Могилевскій архіерей Георгій Конискій*), мужъ—ему тогда

*) Поправлено изъ «Конецкій». Кстати напомнимъ главнѣйшіе факты изъ жизни этого замѣчательнаго іерарха русской церкви: Георгій Конискій

было за 60 лѣтъ—извѣстной по своимъ достоинствамъ престолу и государству, пріѣзжаетъ къ губернатору Мих. Вас. Коховскому и говоритъ: «мой долгъ и самая совѣсть побудили меня пріѣхать къ вашему превосходительству. Алѣевцевъ заводитъ, пачеже и завелъ, масонію и продолжаетъ въ собраніи сей злокозненной секты цѣлыя ночи. Сіе не только соблазнительно для истинныхъ паствы моея христіянъ, но и для Алѣевцева, съ его послѣдователями, душепагубно. «Ни кто же, вжегъ свѣтильникъ, поставляетъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да входящіи видятъ свѣтъ». Аще убо дѣла масоновъ непорочны, паче же и полезны, не подобаетъ крытися. Аще же укрываются нощію, убо являютъ, яко дѣла ихъ лукави суть. Сія вашему превосходительству открывая, прошу истребить зло въ самомъ его корнѣ. Аще ли же ни? я обовьязанъ буду донесть святѣйшему сvноду».

Губернаторъ отвѣчалъ: «Я никогда бы и не подумалъ, чтобы Алѣевцевъ способенъ былъ къ заведенію какой-либо секты. Мнѣ кажется, это не его дѣло. Мы это сейчасъ рѣшимъ».—Позвоня въ колокольчикъ:—«Пошли Алѣевцева».

Алѣевцевъ является.

Губернаторъ: Какую ты заводишь масонію?

Архіерей: Я доноситель о вашихъ злокозненныхъ дѣяніяхъ; но я вашъ и пастырь, сего ради не устыдитеся, ниже убойтеся, говорите правду.

Алѣевцевъ: Да чего тутъ стыдиться? мнѣ нѣтъ ничего легче, какъ говорить правду. Ваше преосвященство имѣете въ монастырѣ пьяницъ? у меня ихъ въ канцеляріи хотя нѣтъ; однако-жъ шалуновъ и самовольниковъ не меньше, которыхъ, иногда, и трудно*)

р. 1717 г., обучался въ Кіевской академіи, гдѣ потомъ исправлялъ должность ректора и профессора богословія, будучи притомъ архимандритомъ Кіево-братскаго училищнаго монастыря. Въ 1755 г. посвященъ въ бѣлорусскіе епископы. Въ 1757 г. онъ учредилъ въ Могилевѣ семинарію и тогда же завелъ при архіерейскомъ домѣ типографію. Мужество и неутомимая энергія въ оборонѣ православія противъ латинской и уніатской церквей—стяжали Георгію Конискому славное имя въ лѣтописяхъ Западной Россіи. Къ числу многихъ сочиненій, оставленныхъ послѣ себя Конискимъ, относятъ и «Исторію Русовъ», которая однако, по новѣйшимъ розысканіямъ по сему предмету, оказывается не его пера.—Съ Георгіемъ Конискимъ мы еще не разъ встрѣтимся въ «истинномъ повѣствованіи» Добрынина, такъ какъ архіепископъ бѣлорусскій Георгій, до самой смерти своей, въ 1795 г. продолжалъ пользоваться большимъ значеніемъ и почетомъ среди современныхъ ему дѣятелей. М. С.

*) Вмѣсто зачеркнутаго «на случай нельзя». М. С.

различить и съ пьяницами. Ваше превосходительство—къ губернатору—по своему добродушію, ничьему свидѣтельству и просьбѣ не охотники отказывать*), и надѣлали столько секретарей и протоколистовъ, что у насъ ихъ полна канцелярія, а къ дѣлу живой души нѣтъ. Многіе изъ нихъ были-бы дѣловыми людьми, еслибъ не были такъ легко офицерами. Ваше превосход. часто гнѣваетесь, что канцелярія не успѣваетъ исполнять вашихъ приказаній, и что часто въ ней разстроивается общій канцелярскій порядокъ. Я былъ-бы дурной человѣкъ и худой правитель канцеляріи, если-бы не видалъ того же. Да что же мнѣ прикажете съ ними дѣлать? Они слушаютъ меня только тогда, и подражаютъ мнѣ исправно, когда бываютъ со мною въ гостяхъ на пирушкахъ. А трудиться по должности и быть благодарными за полученные не по заслугамъ чины, дѣло для нихъ совсѣмъ постороннее. Они увѣрены, что офицеръ тѣлесно не наказывается; а имъ больше ничего и не надобно. Посадить его въ караульню? у него и квартира не лучше. На хлѣбъ да на воду? у него еще желудокъ неисправился, какъ уже пора его выпустить къ работѣ».

Архіерей: Вы жалуетесь на канцелярію, а васъ не о томъ спрашиваютъ.

Алѣевцевъ: Меня спрашиваютъ: какуюя завожу масонію?—такую, чтобъ исправить шалуновъ. Когда они увяжутся за мною въ гости—къ чему никогда ихъ приглашать не нужно и отъучить нельзя—то я, заваливши имъ по нѣскольку стакановъ вина, провозглашу: что «мы здѣсь всѣ братья масоны, и всѣ равны». Тѣ, которые поумнѣе и знаютъ уже къ чему дѣло идетъ, закричатъ: «любезной братъ! прими отъ насъ лобзаніе», и шалуны то-же кричатъ, не зная къ чему дѣло идетъ, и всѣ другъ-друга цѣлуютъ. Между тѣмъ, какъ продолжаютъ безперерывно во всю мочь: «любезный братъ, прими отъ насъ лобзаніе» шалуна уже раздѣли, и ему нашептываютъ: что по правиламъ масонства, надобно испытать его твердость духа, и кладутъ на скамейку: тѣмъ для него хуже, если онъ не желаетъ.—Приготовленные два или четыре добрыхъ пука ельника, съ иглами, на подобіе банныхъ вѣниковъ, только вдвое подольше**), гуляютъ по немъ, безъ препятствія рубашки, отъ плечь до поясницы, или и до подвязокъ, смотря по

*) Вмѣсто зачеркнутаго «никогда не отказывали». М. С.

**) Послѣдняя строка зачеркнута. М. С.

мѣрѣ его благородныхъ поступокъ. Кричи благородной, сколько и какъ ему угодно, его никто не слышитъ, потому что всѣ безпрерывно кричатъ: «любезный братъ: пріими отъ насъ лобзаніе». А другіе, сидя спокойно по мѣстамъ, воспѣваютъ: «ельникъ, мой ельникъ, частой мой березникъ!» и проч.—простонародная пѣсня.— По испытаніи такимъ образомъ твердости духа, братъ, путеводитель и наставникъ, нашептываетъ ему: что,—это есть масонской обрядъ исправленія нравовъ, и что послѣ этаго надобно всегда быть опрятну, и заниматься такимъ трудомъ, за которой жалуютъ насъ въ оберъ-офицеры, и проч. Потомъ пьютъ всѣ, за здоровье новопринятаго въ порядокъ брата, шампанскимъ виномъ, и онъ долженъ благодарить. Извольте ваше превосходительство переступить въ канцелярію, вы увидите сѣдящихъ сряду трехъ молодыхъ людей, въ позументахъ, въ бѣльѣ, причосанныхъ и подъ пудрою. Они съ недѣлю не ходили въ канцелярію, а только показывались тамъ, куда меня попросятъ въ гости. Съ позавчерашняго вечера масонское просвѣщеніе поставило ихъ въ настоящій порядокъ. Теперь они какъ макъ цвѣтутъ. На будущую ночь, снова мнѣ приниматься за трудъ. Двухъ благородныхъ шалуновъ давно уже пора озарить свѣтомъ масонства. Кстати и окказія готова: торопецкой купецъ Хабаровъ, который, получа по наслѣдству 5000 руб., почти всѣхъ ихъ просадилъ, добиваясь по разнымъ губерніямъ таможенныхъ мѣстъ, и который, стоя у воротъ своей квартиры, проходу мнѣ не даетъ, прося здѣлать его счастливымъ. Пойдемъ къ нему, поможемъ ему добивать пять тысячь руб. Шампанское польется, и мы будемъ имѣть тамъ трехъ счастливыхъ. А ваше преосвященство, если сомнѣваетесь, извольте — хоть инкогнито — сами быть свидѣтелемъ. И вы увидите, что я вамъ не солгалъ».

Архіерей и губернаторъ во все время такого объясненія другъ на друга посматривали, потомъ потеряли важность, и ну хохотать. Потомъ архіерей, подавая руку Алѣевцеву, спрашиваетъ: «а чи не можно и мнѣ отправить къ вамъ съ пару моихъ монаховъ?»

Однакожъ губернаторъ, насмѣявшись довольно, сказалъ: «Я ничего не знаю и знать не хочу. Ты самъ долженъ будешь отвѣчать, не вмѣшивая меня, ежели-бы что случилось съ тобою непріятное въ этихъ сумазбродныхъ дѣйствіяхъ».

Сію сказку слыхалъ я отъ многихъ по открытіи уже намѣстничества; обстоятельнѣе-же и вѣрнѣе, отъ порядочныхъ секретарей и другихъ чиновниковъ, которымъ и самимъ случалось пѣть, но неиспытывать «ельникъ мой ельникъ» и проч. — Бѣдной Алѣевцевъ помѣщенъ былъ въ казенную палату ассессоромъ. Его всѣ почитали и желали имѣть въ немъ надобность; но онъ, будучи обезкураженъ незавидною для него ваканціею и находясь на свободѣ, не могъ самъ собою управлять, пустился пить, отолстѣлъ и вскорѣ умеръ.

Четвертаго числа іюня, 1778 года, былъ день открытія намѣстничества. Но никто этаго не предузнавалъ, даже до тѣхъ поръ, пока въ назначенный по церемоніалу осьмой предъ полуднемъ часъ, на всѣхъ колокольняхъ зазвонили, по улицамъ забарабанили, на башнѣ магистратской затрубили, и все пришло въ движеніе.

Всѣ чиновники приготовленныхъ къ открытію присутственныхъ мѣстъ, со своими канцеляріями, и все знаменитѣйшее дворянство собрались къ государеву намѣстнику въ большую залу, сколько ихъ могло вмѣститься. Протчіе по многочисленности были по другимъ комнатамъ, и даже на крыльцѣ и на площади остановились, къ чему содѣйствовала и прекрасная лѣтняя погода.

Оттуда, въ предшествіи государева намѣстника, со штатомъ по достоинству генералъ-фельдмаршала, шли въ церковь, по отдѣленіямъ каждое присутственное мѣсто и каждой уѣздъ, а по обѣимъ сторонамъ шествія стояли полки въ ружьѣ.

Я не пощадилъ бы себя описаніемъ послѣдовавшихъ за церемоніаломъ баловъ и маскарадовъ. Но церемоніалъ можно читать въ подлинникѣ подъ дѣлами въ архивахъ генералъ-губернатора и губернатора того года, а на балахъ и маскерадахъ, каждому извѣстно чѣмъ занимаются. Развѣ то только припомнить, что графъ самъ игралъ въ вистъ по десяти копѣекъ партію.

По прошествіи уже лѣтъ около 12-ти отъ открытія намѣстничества, случилось мнѣ видѣть и читать въ канцеляріи генералъ-губернатора Пассека книгу имянныхъ въ копіи повелѣній императрицы Екатерины Великія, къ бѣлорусскому государеву намѣстнику графу З. Г. Чернышеву, насыланныхъ съ самаго забранія Бѣлоруссіи, по окончаніе бытности его бѣлорусскимъ государевымъ намѣстникомъ. Книга сія дошла къ Пассеку слѣдую-

щимъ порядкомъ: Пассекъ, по наѣздѣ своемъ на генералъ-губернаторство Бѣлорусское, требовалъ отъ графа Чернышева — который былъ уже главнокомандующимъ въ Москвѣ — чрезъ нарочно-посланнаго всѣхъ имянныхъ повелѣній, дабы изъ оныхъ видѣть и знать, по сему новоприобрѣтенному краю, волю монаршую. Графъ ему отвѣчалъ: что, «онъ, по всѣмъ имяннымъ повелѣніямъ давалъ свои предписанія бѣлорусскимъ губернаторамъ, въ томъ числѣ отчасти и ему Пассеку, слѣдовательно, и можетъ онъ найти таковые въ канцеляріяхъ Могилевскаго и Полотскаго губернаторовъ; однакожъ, между тѣмъ, сообщаетъ къ его превосходительству книгу въ переплетѣ, съ копіями всѣхъ имянныхъ повелѣній». Сія книга есть наилюбопытнѣйшимъ памятникомъ и практическимъ образцомъ, для повелѣвающихъ и исполняющихъ, и не меньше историческою истиною на бѣлорусской край тогдашнихъ времянъ. Но съ нею случилось такъ, какъ иногда и съ людьми, которые не живутъ дома. По соединеніи 1797 г. Павломъ I-мъ Могилевской и Полотской губерніи, въ одну Бѣлорусскую, то-есть въ одну Витебскую, истребована она губернаторомъ Жегулинымъ отъ Пассека въ Витебскъ, по совѣту витебскаго главнаго суда 1-го департамента совѣтника Путимцова, которой прежде былъ, при Пассекѣ, секретаремъ. Жегулинъ ее получилъ; но куда она послѣ того дѣвалась, неизвѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что сего великаго патріота графа З. Г. Чернышева собственной домовой архивъ наполненъ подобными бумагами, изъ которыхъ можно бы воспользоваться и собственною его исторіею, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что она должна имѣть связь со внутренними и внѣшними государственными дѣлами, а можетъ быть и съ семилѣтнею въ Европѣ войною, во время которой графъ былъ взятъ въ полонъ Фридрихомъ Великимъ. Но сей полезной архивъ, ежели не пожертвуетъ собою, по общему порядку вещей, огню или моли, то, можетъ быть, родитъ книгу въ такую пору, когда настоящія наши времяна, содѣлавшись глухою и темною стариною, не столько будутъ интересовать нашихъ потомковъ, сколько бы книга сія интересна была для насъ, которые счастливы были его знать, или служить подъ его начальствомъ.

Послѣ первыхъ въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ засѣданій, назначены графомъ и командированы отъ намѣстническаго

правленія во всѣ уѣздные города чиновники, для открытія и въ оныхъ присутственныхъ мѣстъ, по новому учрежденію о губерніяхъ.

Мнѣ досталось ѣхать, при совѣтникѣ намѣстническаго правленія Полянскомъ, въ города: Мстиславль и Климовичи.

По пріѣздѣ въ оные, открыты нами присутственныя мѣста, съ наблюденіемъ при томъ церковныхъ, воинскихъ и гражданскихъ обрядовъ *). Во Мстиславлѣ угощаемы были мы и вся — какая была изъ дворянъ — публика, знатнѣйшимъ тамошнимъ помѣщикомъ, войскимъ Иваномъ Голынскимъ. Онъ съ братомъ имѣлъ тогда около 4,000 душъ. У него видѣлъ я въ покояхъ никогда немытой полъ, невытираныя стеклы, которыхъ время и нечистота столько закоптили, что на нихъ множество было разныхъ фигуръ, написанныхъ въ разныя времяна, по изволенію, пальцами, ногтями, спичками; иныя изъ сихъ фигуръ похожи были на китайскія литеры, на египетскіе іероглифы. Ежели въ самомъ дѣлѣ были это они, то вѣроятно писаны учеными іезуитами. Вмѣсто стульевъ были скомеечки, съ дирками по срединѣ, одного колибра съ тѣми, какія въ его корчмахъ и мужичьихъ избахъ. Протчая мебель или утварь соотвѣтствовала окнамъ, полу и скомейкамъ. Между множествомъ блюдъ кушанья, были и хорошія; но неопрятность вездѣ играла героическое лицо. При такомъ изобиліи и непорядкѣ, ласковость хозяйская къ шляхетству того уѣзда подбита была гордою благосклонностью и снисхожденіемъ. А губернаторъ или генералъ-губернаторъ, — примѣтно было изъ мимоходныхъ его словъ — должны зависѣть отъ его повелѣній. Совѣтника же Полянскаго почиталъ онъ всеуниженнѣйше, кланялся ему и искалъ его дружбы. У мстиславльскаго мѣщанина Карпиловича приняты были чище.

Въ городѣ Климовичахъ угощены были тѣмъ же Голынскимъ и тѣмъ же порядкомъ, понеже онъ былъ и климовицкій помѣщикъ.

Вездѣ, въ проѣздъ нашъ, ничего я не видалъ лутчаго, какъ дороги, мосты, почтовые домы, обмундированные почталіоны, лошади сытыя, упряжка прочная, и проч. Мой Полянскій часто повторялъ: «это прекрасно, и въ иностранныхъ государствахъ не лутче».

---

*) 1. Всенощная, обѣдня, молебенъ. 2. Штатныя команды при городничихъ. 3. Цехи городскіе и проч. Г. Д.

Онъ, проѣзжая дорогою, не пропущалъ ни одного вида, никакой земли, лѣса, деревни, дома, горы, болота, корчмы, и проч., о которыхъ бы не спросилъ у проходящихъ, проѣзжающихъ, живущихъ, работающихъ: «Какъ сіи виды называются? Кому они принадлежатъ? Гдѣ помѣщикъ?» и проч. Мнѣ непонятно было, для чего онъ себя столько озабочиваетъ. По пріѣздѣ же въ какой-нибудь помѣщичей домъ, въ которой бывалъ запрашиванъ, или въ городъ, или же при случайномъ свиданьи на почтѣ съ какимъ-либо бѣлорусскимъ помѣщикомъ, онъ вступалъ въ разговоръ съ такимъ свѣдѣніемъ о качествѣ бѣлорусскаго грунта земли, о хорошихъ видахъ и о самыхъ помѣщикахъ, имянуя ихъ по фамиліямъ, какъ будто онъ родился въ тѣхъ мѣстахъ, которыя проѣзжалъ. Тутъ уже и мнѣ понятно стало, для чего онъ ничего того не пропускалъ безъ вопросовъ и замѣчанія, что съ нимъ встрѣчалось. Я началъ понимать, что онъ все то прочиталъ, что видѣлъ.

Въ Кричевѣ, мѣстечкѣ, пожалованномъ съ деревнями отъ императрицы князю Потемкину, осмотрѣлъ вновь заведенные симъ княземъ заводы парусинные, канатные, винокуренные, кожевенные, и прочіе, бывшіе тогда подъ смотрѣніемъ и управленіемъ полковника Нефедьева.

Возвратясь въ Могилевъ, нашли въ намѣстническомъ правленіи и другихъ посыланныхъ чиновниковъ донесеніи, объ открытіи ими въ уѣздныхъ городахъ присутственныхъ мѣстъ, по образу учрежденія государыни императрицы. — Такимъ образомъ вся губернія воспріяла, въ шесть дней, новой видъ правленія премудраго, подъ которымъ обѣ бѣлорусскія губерніи, такъ какъ и вся имперія, благоденствовали, покоились, торжествовали чрезъ всѣ счастливые годы ея царствованія, исключая только частныхъ какихъ-нибудь непорядковъ, коими иногда отличались начальники губерній по недовѣдѣнію, или по употребленію во зло данной имъ власти; отчего, однакожъ, вѣроятно нигдѣ и никакое правленіе свободно быть не можетъ. — Твердой любитель отечества и пѣвецъ Екатерины II, кстати, сказалъ въ одномъ извѣстномъ изъ своихъ сочиненій:

А только иногда вельможи,
И такъ и сякъ нахмуря рожи,
Тузятъ иного.....

Впротчемъ, я такъ говорю, будучи чиновникъ подчиненной. Начальникъ же губерніи, можетъ-статься, съ бо́льшимъ-бы основаніемъ заговорилъ: что, подчиненныхъ его можно-бы раздѣлить на десять частей, а имянно: въ первыхъ восьми частяхъ: плуты, невѣжи, нерадивы, моты, слабы, несвѣдущи, подлы, буяны; девятая часть—терпима, десятая—годится. Можетъ-быть, счетъ сей и не вѣренъ; но то вѣрно, что я въ первыхъ девяти частяхъ не хотѣлъ бы себя полагать *).

Итакъ, губернія окрыта. Каждой занялъ свое мѣсто. Вновь выстроенныя каменныя присутственныя мѣста, чистотою своею и выгоднымъ расположеніемъ, облегчали должность трудящагося въ нихъ; по крайней мѣрѣ, я такъ чувствовалъ. Каждой день, съ половины 12-го часа до половины 1-го по полудни — кромѣ субботы и воскресенья — на магистратской башнѣ, по заведенію и повелѣнію графскому, на счетъ городскихъ доходовъ, играли на трубахъ и валторнахъ; а въ торжественные дни, и на другихъ при томъ инструментахъ **), что было знакомъ приближенія часовъ отдохновенія.

Графъ часто самъ присутствовалъ въ намѣстническомъ правленіи. Онъ, въ хорошую лѣтнюю погоду, прихаживалъ пѣшой, предшествуемъ штатомъ, по достоинству генералъ-фельдмаршала, и сопровождаемъ военными чиновниками и знатнѣйшимъ шляхетствомъ губерніи, такожъ молодыми благородными людьми, какихъ каждому генералъ-губернатору и учрежденіемъ позволено имѣть при себѣ по два съ каждаго уѣзда.

Въ небольшомъ разстояніи, предъ крыльцомъ правленія, ожидали его придверники или швейцары: отъ намѣстническаго правленія, отъ трехъ палатъ, отъ совѣстнаго суда, отъ приказа общественнаго призрѣнія, и отъ обоихъ департаментовъ верхняго земскаго суда по одному. Они были въ перевѣсяхъ малиноваго цвѣта, по мундиру синяго цвѣта, и, держа предъ собою мѣдныя булавы, предходили штату государева намѣстника до дверей намѣстническаго правленія, гдѣ графъ входилъ въ присутствіе, а протчіе всѣ оставалися въ залѣ и другихъ покояхъ. Равномѣрно всѣ швейцары обязаны были, въ небытность въ губерніи гене-

---

*) Начиная со словъ: «исключая частныхъ какихъ-нибудь непорядковъ» все это зачеркнуто въ рукописи. М. С.

**) Строка эта въ подлинникѣ зачеркнута. М. С.

ралъ-губернатора, дѣлать такую же почесть и губернатору. Предъ прочими же судьями шелъ только одинъ швейцаръ того мѣста, котораго былъ судья. И для того всѣ швейцары обязаны были быть на большомъ нижнемъ крыльцѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ судьи, каждой во свое мѣсто, соберутся, и такимъ же образомъ предходить при выходѣ судей изъ присутствія. — Таковъ былъ заведенъ графомъ порядокъ, которой, сверхъ пристойнаго вида, внушалъ каждому зрителю: что, «это идетъ членъ присутственнаго мѣста» *).

Вмѣстѣ съ открытіемъ намѣстничества, открылось и несогласіе между генералъ-губернаторомъ графомъ Чернышевымъ и губернаторомъ Коховскимъ. Графъ былъ хотя человѣкъ искренной и охочь дѣлать добро, но былъ горячаго свойства и непобѣдимой слуга и любитель своего отечества; а изъ сего драгоцѣннаго источника изливалось иногда то, что онъ, подъ образомъ службы, скажетъ и губернатору, какъ деньщику. Губернаторъ былъ скроменъ и чувствителенъ. Уже онъ пересталъ присутствовать, и послалъ къ императрицѣ просьбу о возвращеніи его въ воинской службѣ.

Помню, какъ графъ, единожды, во время присутствія, послалъ изъ судейской камеры протоколиста Луцевина въ домъ къ губернатору, не уважая его болѣзни, спросить его о какихъ-то бумагахъ; но медицинскіе чины, сидѣвшіе у дверей губернаторской спальни, посланнаго не допустили, говоря ему: что они имѣютъ долгъ донесть, чрезъ него, его сіятельству, что больной губернаторъ, не спавши цѣлую ночь, теперь только приуснулъ.

Графъ отъѣхалъ во свое подмосковное владѣніе, Ярополчь, а на мѣсто Коховскаго, отправившагося въ члены въ военную коллегію, опредѣленъ въ губернаторы дѣйствительный камеръгеръ, генералъ-порутчикъ и кавалеръ Пассекъ. Мы скоро его увидѣли. Онъ былъ бояроватъ, представлялъ вельможу, но былъ въ долгахъ неоплатныхъ, въ разсужденіи своихъ доходовъ, и былъ такой же вояжиръ, какъ и совѣтникъ Полянскій. Они скоро

*) Съ 1797 года швейцары и булавы не во употребленіи. Мнѣ, будучи уже совѣтникомъ, часто случалось всходить на лѣстницу въ присутствіе, смѣшавшися вмѣстѣ съ заслужеными инвалидами, съ криминальными преступниками, сопровождаемыми блестящими тесаками. Меня эта пестрота и равенство всегда забавляла; но порядокъ всегда оскорбляется тамъ, гдѣ шутки не кстати.

Г. Д.

свели дружбу. Связь ихъ тѣмъ была крѣпче, что Полянскій имѣлъ способность и не меньше того горѣлъ честолюбіемъ управлять, ежели не всѣмъ свѣтомъ, по крайней мѣрѣ Могилевскою губерніею. А Пассекъ ничѣмъ не хотѣлъ заниматься, кромѣ картъ, лошадей, любовницы, побочнаго сына и титула губернаторскаго. И чѣмъ болѣ они каждой своимъ склонностямъ угождали, тѣмъ болѣ другъ-другу нравились, потому что одинъ въ другомъ имѣли нужду. Итакъ, Пассекъ, желая пользоваться перемѣною воздуха, разъѣзжалъ, а Полянскій схватилъ въ руки весло правленія. Вице-губернаторъ Воронинъ, сколько ни былъ неграмотѣй, почувствовалъ оскорбленіе спѣси тѣмъ, что вице-губернаторство его значило меньше совѣтничества. Онъ, не заводя ссоры съ губернаторомъ, попросился благоразумно въ отставку; а Полянскій, почитая его благоразуміе, помогъ ему, чрезъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго — у котораго онъ былъ прежде секретаремъ — получить пенсіонъ по смерть.

На мѣсто Воронина, присланъ, съ предсѣдательскаго въ полотской гражданской палатѣ мѣста, статской совѣтникъ Николай Енгельгардтъ; мужъ ростомъ высокородный, собою видной, здоровой, брюнетъ; любящій до безумія собственную пользу; труду и должности, въ которую опредѣленъ, непримиримой врагъ. На повѣрку выходитъ, что Полянскій въ губерніи самой большой человѣкъ, хотя ростомъ не выше двухъ аршинъ и 2-хъ вершковъ, съ коблуками и съ тогдашнимъ высокимъ тупеемъ, представляющимъ парусъ, или буфетныя ширмы *).

§ XXXVI.

1779 годъ.

1779 годъ прошолъ въ полной Полянскаго славѣ, или, лутче сказать, въ полномъ его желаніи. Италіанской и французской языкъ, которые онъ зналъ какъ природной свой, литтература, танцы, карты, свѣдѣніе о вещахъ, даръ слова, скорая мысль, счастливая память, ловкость отдѣлывать по бумагамъ все скоро, неограниченное его любочестіе, или честолюбіе, и недѣятельность губернатора Пассека давали ему право поступать самовластно**). Онъ сажалъ дерзкихъ и глупыхъ дворянъ въ караульню,

*) Послѣдняя строка зачеркнута. М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «самодержавно». М. С.

неисправныхъ секретарей и канцелярскихъ служителей посылалъ туда же, а съ невѣжами мѣщанами не хотѣлъ и словъ терять, повелѣвая имъ исполнять безмолвно*) всѣ ихъ обязанности; многіе отвѣдывали **) съ нимъ поспорить, но всегда оставалися въ дуракахъ. Ибо на сей случай шутливыя его, и вмѣстѣ язвительныя, критическія и дѣльныя приказанія — безъ потери важности — тѣмъ несноснѣе были тому, къ кому они касались, что всѣ сторонніе, кто бы тутъ ни случился, со смѣха животы надрывали. Почему, всѣ его боялись и почитали. И, къ чести его сказать: порядокъ не нарушался, какъ въ намѣстническомъ правленіи, такъ въ губернскомъ городѣ и во всей губерніи. И за сей порядокъ никто его не любилъ. Его злословили, проклинали, ему желали зла. Его досужество находило для себя праздное время, которое нужно было дополнять упражненіемъ.

Найдено за нужное установить ложу братства вольнаго каменьсчичества, но совсѣмъ не такого, какое было при Алѣевцевѣ. Всему тогдашнему, а можетъ быть, и теперешнему свѣту извѣстно существованіе ордена масоновъ, но ничто столько и не темно, какъ сія извѣстность, почему и я, сказавъ, по порядку моей исторіи, о сей закрытой ясности и не распространяясь дальше, обязанъ умолкнуть.

Въ 1780-мъ году, въ маіѣ мѣсяцѣ, государыня императрица Екатерина II-я и, подъ именемъ графа Фалкенштейна, императоръ нѣмецкій—или римскій—Іосифъ II-й посѣтили Могилевъ.

Мнѣ надлежало бы начать сіе мѣсто подробнымъ описаніемъ приуготовленій, къ принятію вѣнценосныхъ***) посѣтителей. Но, какъ нѣтъ сомнѣнія, что мѣсто сіе написано будетъ историческимъ перомъ вѣка Великія Екатерины, то разсудилъ я коснуться ихъ столько, сколько придутъ они мнѣ въ мысль, по моей исторической матеріи.

Императоръ прибылъ за день прежде императрицы. Извѣстно уже, что онъ имѣлъ обыкновеніе всѣ свои путешествія продолжать инкогнито. Въ Могилевѣ уже это знали, и всякой заботился узнавать время пріѣзда императора и его особу; однако-жъ никто не могъ примѣтить ни время его пріѣзда, ни мѣ-

*) Это слово въ подлинникѣ зачеркнуто. М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго «пыталися». М. С.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «толь знаменитыхъ». М. С.

свели дружбу. Связь ихъ тѣмъ была крѣпче, что Полянскій имѣлъ способность и не меньше того горѣлъ честолюбіемъ управлять, ежели не всѣмъ свѣтомъ, по крайней мѣрѣ Могилевскою губерніею. А Пассекъ ничѣмъ не хотѣлъ заниматься, кромѣ картъ, лошадей, любовницы, побочнаго сына и титула губернаторскаго. И чѣмъ болѣ они каждой своимъ склонностямъ угождали, тѣмъ болѣ другъ-другу нравились, потому что одинъ въ другомъ имѣли нужду. Итакъ, Пассекъ, желая пользоваться перемѣною воздуха, разъѣзжалъ, а Полянскій схватилъ въ руки весло правленія. Вице-губернаторъ Воронинъ, сколько ни былъ неграмотѣй, почувствовалъ оскорбленіе спѣси тѣмъ, что вице-губернаторство его значило меньше совѣтничества. Онъ, не заводя ссоры съ губернаторомъ, попросился благоразумно въ отставку; а Полянскій, почитая его благоразуміе, помогъ ему, чрезъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго — у котораго онъ былъ прежде секретаремъ — получить пенсіонъ по смерть.

На мѣсто Воронина, присланъ, съ предсѣдательскаго въ полотской гражданской палатѣ мѣста, статской совѣтникъ Николай Енгельгардтъ; мужъ ростомъ высокородный, собою видной, здоровой, брюнетъ; любящій до безумія собственную пользу; труду и должности, въ которую опредѣленъ, непримиримой врагъ. На повѣрку выходитъ, что Полянскій въ губерніи самой большой человѣкъ, хотя ростомъ не выше двухъ аршинъ и 2-хъ вершковъ, съ коблуками и съ тогдашнимъ высокимъ тупеемъ, представляющимъ парусъ, или буфетныя ширмы *).

§ XXXVI.

1779 годъ.

1779 годъ прошолъ въ полной Полянскаго славѣ, или, лутче сказать, въ полномъ его желаніи. Италіанской и французской языкъ, которые онъ зналъ какъ природной свой, литтература, танцы, карты, свѣдѣніе о вещахъ, даръ слова, скорая мысль, счастливая память, ловкость отдѣлывать по бумагамъ все скоро, неограниченное его любочестіе, или честолюбіе, и недѣятельность губернатора Пассека давали ему право поступать самовластно**). Онъ сажалъ дерзкихъ и глупыхъ дворянъ въ караульню,

*) Послѣдняя строка зачеркнута. М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «самодержавно». М. С.

темкинъ. Тогда я съ другими лавировалъ по городскому валу съ котораго въ садъ все было видно чрезъ низкую деревянную ограду, и не болѣ отъ вала до нихъ было разстоянія, какъ саженей восемь.

Не разсуждая полнымъ смысломъ о качествахъ и жребіи царей, разсуждалъ я тогда по-своему: возможно ли, думалъ я, чтобы, встрѣтяся съ нимъ, можно было замѣтить, что онъ глава 26-ти милліоновъ знатнѣйшаго на земномъ шарѣ нѣмецкаго народа? и почему природа осмѣливается такъ шутить, что онъ похожъ на нашего могилевскаго столяра Стемлера? Но потомъ, въ теченіе моей жизни, читая вошедшія въ печать его письма къ императрицѣ его родительницѣ, къ Фридриху Великому и другимъ важнымъ особамъ, видѣлъ, что всесильная непостижимость опредѣлила ему высочайшій между смертными степень по достоинству, и достоинства даровала по степени.

Я не вытерплю, чтобъ не написать здѣсь нѣкоторыхъ мѣстъ изъ одного его письма, писаннаго имъ при уничтоженіи монастырей, къ одному кардиналу и читаннаго мною въ переводѣ, между другими пьесами.

«Съ того времени, какъ я взошелъ на престолъ и получилъ первую въ свѣтѣ корону, сдѣлалъ я философію законодательницею моего государства. Мнѣ весьма нужно удалить нѣкоторыя вещи изъ царства вѣры, которыя къ ней никогда не принадлежали. Такимъ образомъ, монахамъ дамъ я отпускную, монастыри оныхъ уничтожу, и проч... Въ Римѣ растолкуютъ сіе оскорбленіемъ правъ божескихъ. Знаю я, тамъ будутъ громогласно кричать: «слава израилева пала! что я отъемлю у народа его защитниковъ и что хочу положить пограничную черту между понятіями о догматахъ вѣры и философіи». А еще болѣе озлобятся, когда я предприму сіе безъ соизволенія его папскаго святѣйшества. Сіи вещи бытіемъ своимъ обязаны паденію человѣческаго разума. Никогда служитель олтаря не согласится, чтобъ правительство поставило его на то мѣсто, куда онъ дѣйствительно принадлежитъ, и чтобъ онъ, кромѣ евангелія, ничѣмъ другимъ не занимался, хотя запрещается даже законами чадамъ левитовъ производить монополію человѣческимъ разумомъ. Правила монашества, начиная отъ Пахомія до нашихъ временъ, были всегда противуположны свѣту разума. Они про-

стираютъ высокопочитаніе къ своимъ установителямъ до безпредѣльнаго благоговѣнія и боготворенія, такъ что мы видимъ въ нихъ воскресшихъ израильтянъ, приходившихъ въ Веѳилію, для поклоненія златому тельцу. Сіи ложныя понятія о вѣрѣ распространяются наипаче на чернь, которая, позабывъ Бога, во всемъ надѣялась на Его намѣстниковъ*) и проч... Такимъ образомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, а не вѣковъ, возстанутъ истинные христіяне. Такимъ образомъ, когда я совершу планъ мой, народы моего государства узнаютъ точныя свои должности, коими они обязаны Богу, отечеству и ближнему. Такимъ образомъ, даже и потомки благословлять насъ будутъ, что мы освободили ихъ отъ властолюбиваго Рима, что показали духовнымъ предѣлы ихъ званія и будущую ихъ жизнь посвятили Богу, а настоящее бытіе—отечеству».

Вотъ образъ мыслей, какого ни одинъ изъ высокихъ предшественниковъ или современниковъ его не имѣлъ или не обнаруживалъ, кромѣ Фридриха Великаго и Екатерины Великой, которая реформою монастырей и монастырскихъ недвижимыхъ имѣній явила свѣту, что мысль ея была единообразна съ сими великими монархами; единообразна, но не подражающа, а подражаема.

Государыня императрица Екатерина II, на другой день прибытія императора Іосифа II, часу въ 12, въ полдень, изволила прибыть въ Могилевъ.

Въѣздъ ея въ городъ былъ съ конвоемъ эскадрона кирасирскаго — не помню, какого полку. Предъ городомъ, за полверсты, на тріумфальныхъ деревянныхъ выкрашенныхъ воротахъ, сдѣланы были золотыми литерами приличныя надписи, съ пріѣзда: Felici Adventui, а на другой сторонѣ: Patent superis, съ означеніемъ время пріѣзда, римскимъ счетомъ: MDICCLXXX**).

Шествіе было мимо присутственныхъ мѣстъ,—при которыхъ

---

*) А развѣ-жъ бы чернь лутчаго изобрѣла бога, если-бъ не внушала ей вѣра того, что духовные ихъ учители суть не меньше, какъ намѣстники Божіи? Кошки, собаки, лукъ, чеснокъ, быкъ, корова, змѣй-гадина-ужака, крокодилъ, развѣ не были жребіемъ заблужденія цѣлыхъ государствъ и народовъ? Государствъ и народовъ, которые были, право, не хуже насъ и всегда ѣли апельсины и ананасы. Мнѣніе мое. **Г. Д.**

) Сіи ворота могли-бы служить памятникомъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 90; но по смерти императрицы въ первой годъ сломаны. **Г. Д.

стояли всѣ мы должностные, отъ губернатора и судьи до канцелярскаго служителя, придверника и сторожа, отдѣльно каждое присутственное мѣсто,—прямо въ соборную церковь, гдѣ преосвященный могилевскій, Георгій Конискій, встрѣтивъ монархиню, съ духовенствомъ и клиромъ, по чиноположенію грековосточной церкви, и ставъ на проповѣдническомъ мѣстѣ, провозгласилъ приличную сему случаю рѣчь. Изъ церкви — въ казенной генералъ-губернаторской домъ.

Ихъ величества пробыли въ городѣ седьмъ дней—включительно пріѣздный и выѣздный — въ продолженіе которыхъ было нѣсколько театральныхъ представленій, воинскихъ внѣ города маневровъ, каждо-ночныя освѣщенія. А евреи воздвигнули, среди площади, между фестонами изъ ельника и пирамидами, оркестръ, съ надписью со входа: «торжествуемъ, яко-же во время Соломона», гдѣ и играли на разныхъ инструментахъ, попеременно, почти денно-ночно.

Государыня-императрица посѣтила первыя четыре присутственныя мѣста: намѣстническое правленіе и три палаты. Ея окружали: министръ императора—при россійскомъ дворѣ—графъ Кобенцель, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Румянцевъ-Задунайскій, графъ З. Г. Чернышевъ, князь Потемкинъ, князь С. Θед. Голицинъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, губернаторъ Пассекъ, и прочіе. А въ праздникъ Вознесенія и въ день воскресный, слушала обѣдню въ соборной церкви при отправленіи священнослуженія могилевскимъ епископомъ Георгіемъ Конискимъ.

Извѣстно, что государыня императрица рождена и воспитана въ законѣ евангелическомъ, а грекороссійскій приняла уже предъ бракосочетаніемъ. Но, съ какимъ достойнымъ зрѣнія благочестіемъ и нравственною простотою, предстала она тогда священному олтарю, и, при важнѣйшихъ дѣйствіяхъ, заключающихъ въ себѣ таинство греко-восточной церкви, изображала на себѣ полной крестъ, и поклонялась столь низко, сколь позволяетъ сложеніе человѣческаго корпуса! Сіе примѣтно было всѣмъ тогда, и единовѣрцамъ, и католикамъ.

Во всю бытность императрицы въ Могилевѣ царствовала, въ ея дворцѣ и въ квартирѣ императора, тишина; видно, что двое на земномъ шарѣ владыкъ имѣли чѣмъ заниматься, кромѣ

стираютъ высокопочитаніе къ своимъ установителямъ до безпредѣльнаго благоговѣнія и боготворенія, такъ что мы видимъ въ нихъ воскресшихъ израильтянъ, приходившихъ въ Веѳилію, для поклоненія златому тельцу. Сіи ложныя понятія о вѣрѣ распространяются наипаче на чернь, которая, позабывъ Бога, во всемъ надѣялась на Его намѣстниковъ*) и проч... Такимъ образомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, а не вѣковъ, возстанутъ истинные христіяне. Такимъ образомъ, когда я совершу планъ мой, народы моего государства узнаютъ точныя свои должности, коими они обязаны Богу, отечеству и ближнему. Такимъ образомъ, даже и потомки благословлять насъ будутъ, что мы освободили ихъ отъ властолюбиваго Рима, что показали духовнымъ предѣлы ихъ званія и будущую ихъ жизнь посвятили Богу, а настоящее бытіе—отечеству».

Вотъ образъ мыслей, какого ни одинъ изъ высокихъ предшественниковъ или современниковъ его не имѣлъ или не обнаруживалъ, кромѣ Фридриха Великаго и Екатерины Великой, которая реформою монастырей и монастырскихъ недвижимыхъ имѣній явила свѣту, что мысль ея была единообразна съ сими великими монархами; единообразна, но не подражающа, а подражаема.

Государыня императрица Екатерина II, на другой день прибытія императора Іосифа II, часу въ 12, въ полдень, изволила прибыть въ Могилевъ.

Въѣздъ ея въ городъ былъ съ конвоемъ эскадрона кирасирскаго — не помню, какого полку. Предъ городомъ, за полверсты, на тріумфальныхъ деревянныхъ выкрашенныхъ воротахъ, сдѣланы были золотыми литерами приличныя надписи, съ пріѣзда: Felici Adventui, а на другой сторонѣ: Patent superis, съ означеніемъ время пріѣзда, римскимъ счетомъ: MDICCLXXX**).

Шествіе было мимо присутственныхъ мѣстъ,—при которыхъ

*) А развѣ-жъ бы чернь лутчаго изобрѣла бога, если-бъ не внушала ей вѣра того, что духовные ихъ учители суть не меньше, какъ намѣстники Божіи? Кошки, собаки, лукъ, чеснокъ, быкъ, корова, змѣй-гадина-ужака, крокодилъ, развѣ не были жребіемъ заблужденія цѣлыхъ государствъ и народовъ? Государствъ и народовъ, которые были, право, не хуже насъ и всегда ѣли апельсины и ананасы. Мнѣніе мое. **Г. Д.**

) Сіи ворота могли-бы служить памятникомъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 90; но по смерти императрицы въ первой годъ сломаны. **Г. Д.

стояли всѣ мы должностные, отъ губернатора и судьи до канцелярскаго служителя, придверника и сторожа, отдѣльно каждое присутственное мѣсто,—прямо въ соборную церковь, гдѣ преосвященный могилевскій, Георгій Кониской, встрѣтивъ монархиню, съ духовенствомъ и клиромъ, по чиноположенію грековосточной церкви, и ставъ на проповѣдническомъ мѣстѣ, провозгласилъ приличную сему случаю рѣчь. Изъ церкви—въ казенной генералъ-губернаторской домъ.

Ихъ величества пробыли въ городѣ седьмъ дней—включительно пріѣздный и выѣздный—въ продолженіе которыхъ было нѣсколько театральныхъ представленій, воинскихъ внѣ города маневровъ, каждо-ночныя освѣщенія. А евреи воздвигнули, среди площади, между фестонами изъ ельника и пирамидами, оркестръ, съ надписью со входа: «торжествуемъ, яко-же во время Соломона», гдѣ и играли на разныхъ инструментахъ, попеременно, почти денно-ночно.

Государыня-императрица посѣтила первыя четыре присутственныя мѣста: намѣстническое правленіе и три палаты. Ея окружали: министръ императора—при россійскомъ дворѣ—графъ Кобенцель, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Румянцевъ-Задунайскій, графъ З. Г. Чернышевъ, князь Потемкинъ, князь С. Ѳед. Голицинъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, губернаторъ Пассекъ, и прочіе. А въ праздникъ Вознесенія и въ день воскресный, слушала обѣдню въ соборной церкви при отправленіи священнослуженія могилевскимъ епископомъ Георгіемъ Конискимъ.

Извѣстно, что государыня императрица рождена и воспитана въ законѣ евангелическомъ, а грекороссійскій приняла уже предъ бракосочетаніемъ. Но, съ какимъ достойнымъ зрѣнія благочестіемъ и нравственною простотою, предстала она тогда священному олтарю, и, при важнѣйшихъ дѣйствіяхъ, заключающихъ въ себѣ таинство греко-восточной церкви, изображала на себѣ полной крестъ, и поклонялась столь низко, сколь позволяетъ сложеніе человѣческаго корпуса! Сіе примѣтно было всѣмъ тогда, и единовѣрцамъ, и католикамъ.

Во всю бытность императрицы въ Могилевѣ царствовала, въ ея дворцѣ и въ квартирѣ императора, тишина; видно, что двое на земномъ шарѣ владыкъ имѣли чѣмъ заниматься, кромѣ

стираютъ высокопочитаніе къ своимъ установителямъ до безпредѣльнаго благоговѣнія и боготворенія, такъ что мы видимъ въ нихъ воскресшихъ израильтянъ, приходившихъ въ Веѳилію, для поклоненія златому тельцу. Сіи ложныя понятія о вѣрѣ распространяются наипаче на чернь, которая, позабывъ Бога, во всемъ надѣялась на Его намѣстниковъ*) и проч... Такимъ образомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, а не вѣковъ, востанутъ истинные христіяне. Такимъ образомъ, когда я совершу планъ мой, народы моего государства узнаютъ точныя свои должности, коими они обязаны Богу, отечеству и ближнему. Такимъ образомъ, даже и потомки благословлять насъ будутъ, что мы освободили ихъ отъ властолюбиваго Рима, что показали духовнымъ предѣлы ихъ званія и будущую ихъ жизнь посвятили Богу, а настоящее бытіе—отечеству».

Вотъ образъ мыслей, какого ни одинъ изъ высокихъ предшественниковъ или современниковъ его не имѣлъ или не обнаруживалъ, кромѣ Фридриха Великаго и Екатерины Великой, которая реформою монастырей и монастырскихъ недвижимыхъ имѣній явила свѣту, что мысль ея была единообразна съ сими великими монархами; единообразна, но не подражающа, а подражаема.

Государыня императрица Екатерина II, на другой день прибытія императора Іосифа II, часу въ 12, въ полдень, изволила прибыть въ Могилевъ.

Въѣздъ ея въ городъ былъ съ конвоемъ эскадрона кирасирскаго — не помню, какого полку. Предъ городомъ, за полверсты, на тріумфальныхъ деревянныхъ выкрашенныхъ воротахъ, сдѣланы были золотыми литерами приличныя надписи, съ пріѣзда: Felici Adventui, а на другой сторонѣ: Patent superis, съ означеніемъ время пріѣзда, римскимъ счетомъ: MDICCLXXX**).

Шествіе было мимо присутственныхъ мѣстъ,—при которыхъ

*) А развѣ-жъ бы чернь лутчаго изобрѣла бога, если-бъ не внушала ей вѣра того, что духовные ихъ учители суть не меньше, какъ намѣстники Божіи? Кошки, собаки, лукъ, чеснокъ, быкъ, корова, змѣй-гадина-ужака, крокодилъ, развѣ не были жребіемъ заблужденія цѣлыхъ государствъ и народовъ? Государствъ и народовъ, которые были, право, не хуже насъ и всегда ѣли апельсины и ананасы. Мнѣніе мое. **Г. Д.**

) Сіи ворота могли-бы служить памятникомъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 90; но по смерти императрицы въ первой годъ сломаны. **Г. Д.

нѣе скажется ниже на своемъ мѣстѣ. Въ такомъ замѣшательствѣ церковь оставалась вчернѣ лѣтъ 15-ть, да отдѣлывалась начисто года три, и освящена, уже по смерти императрицы и по отставкѣ Павломъ I-мъ Пассека. Таково было во всѣхъ частяхъ правленіе генералъ-губернатора Пассека, которой, будучи по природѣ тяжелъ, поддерживалъ себя угожденіемъ сильному князю Потемкину и князю Вяземскому, сильному тогда генералъ-прокурору. Впрочемъ, Пассекъ былъ мужъ не слабомысленной и не злой, хотя и не слишкомъ строгихъ добродѣтелей.

Кромѣ сего мѣста, императора нигдѣ не видно было, совмѣстно съ императрицею, и на маневрахъ онъ былъ одинъ.

Государыня-императрица приказала главнокомандующему Бѣлоруссіею, графу Чернышеву, подать къ себѣ списокъ всѣхъ служащихъ по выбору отъ дворянства, новыхъ своихъ подданныхъ, и пожаловала ихъ чинами тѣхъ степеней, какія они, по выбору, зауряд занимали. Такимъ образомъ, не одному хоронжему, или простому шляхтичу досталось въ рангъ подполковника, то-есть въ надворные совѣтники.

Забавно было слышать, какъ многіе изъ пожалованныхъ, непривыкшіе къ чинамъ россійскимъ, приходя въ намѣстническое правленіе, спрашивали насъ, служащихъ: «что такое титулярной совѣтникъ? что такое надворной совѣтникъ?» Я былъ — одинъ говоритъ — подстолій», другой: «мостовничій»... «коморникъ ржечицкій».... «мечникъ стародубовскій».... «реентъ ошмянскій»... и проч. «За что у насъ вычитаютъ изъ жалованья, ежели насъ подарили чинами?» и проч.; а предсѣдатель верхней расправы г. Курчь предлагалъ на разрѣшеніе каждому, кто хотѣлъ его слушать: «говорятъ, что я въ рангѣ подполковника. Гдѣ-жъ мой полкъ?»

Природные россіяне, служащіе отъ короны, не имѣли причины дѣлать подобныхъ вопросовъ. Имъ ничего не дано; а причиною тому архіерейской крестъ, или игра случая. Предъ выѣздомъ, императрица пожаловала бриліантовой крестъ могилевскому епископу Георгію Конискому, и поручила его князю Потемкину, а князь, вынесши въ залу, вручилъ его графу Чернышеву, яко бѣлорусскому генералъ-губернатору, для доставленія къ преосвященному; но графъ, не отступая ни на волосъ отъ службы, въ которой состарѣлся, спросилъ князя: по какимъ ар-

тикуламъ осмѣливается онъ, будучи генералъ, приказывать фельдмаршалу? Князь хотя отвѣчалъ, что онъ дѣлаетъ это не по долгу генерала, но, по долгу генералъ-адъютанта, исполняетъ повелѣніе императорское; однако-жъ графъ, между тѣмъ, такъ небережно положилъ на столъ крестъ, что онъ отъ одного края добѣжалъ до другого.

Нѣтъ сомнѣнія, что ревнивость къ милостямъ императорскимъ давно уже сдѣлала изъ взаимными непріятелями; но какъ бы то ни было, крестъ пролежалъ на столѣ до тѣхъ поръ, пока графъ, бросивши *) нѣсколько своихъ зарядовъ на князя, вспомнилъ приказать своему генеральсъ-адъютанту Вязмитинову отнесть его къ преосвященному, гдѣ онъ принятъ былъ безпрекословно и, безъ сомнѣнія, съ лутчимъ уваженіемъ, нежели какое оказали къ нему генералы, незнающіе богословіи.

За симъ, графъ остался въ претензіяхъ. Князь его не уважилъ. Государыня, узнавши, была недовольна графомъ, безъ сомнѣнія не за вопросъ, или поступокъ, но что не-въ-пору захотѣлъ поддерживать порядокъ службы.

Все сдѣлалося скучно! все уныло! и списокъ, поднесенной отъ графа о наградѣ служащихъ отъ короны, утонулъ въ волнахъ, воздвигнутыхъ сердитыми богами вѣтровъ.

Всѣ исторіографы, хронографы, моралело-графы, и все то, что кончится на графы, согласно увѣряютъ, что многія великія въ мірѣ произшествія или перемѣны **) случились не отъ важнѣйшихъ причинъ.

Выѣздъ государыни-императрицы изъ Могилева былъ предъ полуднемъ, при колокольномъ звонѣ, при пушечной пальбѣ и при вяломъ стеченіи городского народа, ибо не долженъ я пропустить, что бѣлорусскіе жители, почти всѣхъ состояній, — исключая любопытныхъ жидовъ, когда у нихъ не саббасъ,—смотрятъ на великой и малой предметъ, на печальной и радостной, съ кошечьимъ равнодушіемъ и совсѣмъ не имѣютъ той пріятной наружности, которая раждается отъ внутреннихъ движеній, при случаѣ отличныхъ предметовъ.

Съ государынею въ каретѣ сѣли: императоръ, министръ его

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «выстрѣливши». М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «самыя важнѣйшія въ мірѣ моральныя и политическія перемѣны». М. С.

графъ Кобенцель, придворная дама, ежели не ошибаюсь, графиня Браницкая, сестра князя Потемкина, — Александръ Дм. Ланской и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Очень понятно, что карета была не меньше моего кабинета, въ которомъ я теперь пишу. А графъ Чернышевъ, яко хозяинъ губерніи, скакалъ передъ окномъ верхомъ. По выѣздѣ же за ворота — ахъ нѣтъ! за шлафъ-баумъ!—государыня позволила ему сѣсть въ его карету.

Мнѣ хотя нельзя было пѣшему догонять экипажей, чтобъ быть очевидцемъ, когда графъ садился въ карету, однако-жъ, сказали тѣ, которые тамъ были; и имъ можно вѣрить.

30 верстъ отъ Могилева, въ извѣстномъ бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Шкловѣ, владѣлецъ онаго, генералъ-маіоръ Зоричъ, готовъ уже былъ давно принять вѣнценосныхъ гостей торжественно. Ублагодѣтельствованный и получившій все, что имѣетъ, отъ щедрыя императрицы, не щадилъ онъ ничего. Обѣдъ, ужинъ, маскерадъ, театръ, фейерверкъ, кадетской корпусъ, основанный и содержанный его иждивеніемъ, многочисленной съѣздъ*) во всемъ Шкловѣ дворянства, словомъ: все было у хозяина одушевлено. Государыня имѣла у него ночлегъ; а графъ Чернышевъ неучаствовалъ въ зрѣлищахъ. Онъ, тотчасъ, выѣхалъ впередъ, въ городъ Копысь, къ чему должность хозяина губерній была для него предлогомъ; въ самомъ же дѣлѣ, ссора съ Потемкинымъ мѣшала его удовольствіямъ.

По смерти императрицы, Зоричъ былъ потребованъ въ службу, пожалованъ генералъ-лейтенантомъ, возвращенъ въ Шкловъ. По возвращеніи, театръ его велѣно разломать. Зоричъ разбитъ, Зоричъ боленъ и вскорѣ умеръ, имѣя лѣтъ около 60 своего вѣка, не бывъ никогда ни дряхлымъ, ни скучнымъ. Кадетской корпусъ его велѣно перевести изъ Шклова въ Гродно, изъ Гродно—въ Смоленскъ, изъ Смоленска—въ Кострому. И имя Зорича, достойное вѣчной памяти, изгладилось на вѣки! Имя Зорича, надъ могилою котораго въ Шкловѣ надлежало-бы поставить мраморной монументъ, съ приличными, учрежденному и содержанному имъ на собственномъ иждивеніи кадетскому корпусу, символами; корпусъ наименовать Зоричевскимъ и, по до-

*) Вмѣсто зачеркнутаго: съ [illegible] М. С.

стохвальному патріотическому намѣренію покойнаго, насажденія его содержать вѣчно изъ доходовъ шкловскихъ, ограничивъ кадетовъ тѣмъ самымъ количествомъ, которое нашлось при смерти его. Но люди людей не всегда награждаютъ математически. Какъ бы то ни было, чувствительные люди говорятъ, что сердце имѣетъ свою математику, которая такъ же вѣрна, какъ и классическая. Сія-то сердечная математика сдѣлала Зоричу, давно уже покоившемуся въ землѣ, приличное погребеніе. Ибо, лишь только извѣстно стало, что корпусъ переводится изъ Шклова въ Гродно, родители и сродники воспитывающихся въ немъ, изъ разныхъ губерній*), наводнили пріѣздомъ своимъ цѣлой Шкловъ.

Насталъ день выхода. Всѣхъ кадетовъ было болѣе двухъсотъ, которымъ надлежало выйтить въ церемоніальномъ маршѣ. Пошли прежде въ церковь. Каждой сродникъ, сродница, родители, пріятели родителей и родственниковъ туда же тѣснились, не желая спускать съ глазъ толь близкаго ихъ сердцу. Всѣ растроганы и приготовлены уже были къ слезамъ. Въ такомъ расплохѣ, нападаетъ на нихъ ученой протоіерей Александръ Старинкевичъ; онъ восходитъ на каѳедру, говоритъ приличное сему случаю слово, и возглашаетъ: «Возстани, Зоричъ! воззри на виноградъ, тобою насажденный! Ты, въ жизни своей, говаривалъ, что не имѣешь кому оставить дѣтей твоихъ! Се, монархъ пріемлетъ ихъ подъ свой покровъ и ввѣряетъ ихъ руководству избраннаго имъ мужа — указывая на генералъ-маіора Кетлера». Тутъ природа явила себя въ собственномъ видѣ, безъ прибавокъ и безъ украшеній театральныхъ. Родители, сродники, друзья ихъ, схватили юныхъ за головы, и всѣ до единой души мущины, женщины, малолѣтные, молодые, зарыдали въ голосъ. Много стоило труда кончить проповѣдь, останавливающемуся по сей причинѣ проповѣднику, а больше того выттить всѣмъ изъ церкви. Маршъ съ музыкою и съ барабаномъ всѣ слышали, но никто не исполнялъ, и г. Кетлеръ имѣлъ благоразуміе уступить, на долгое время, движенію сердецъ. Потомъ, во весь остатокъ дня и цѣлую лѣтнюю ночь, слышанъ только былъ непрерывной громъ экипажей, по большой дорогѣ въ оба пути,

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «изъ пяти ближайшихъ губерній». М. С.

подобно какъ въ столичномъ городѣ, по улицамъ, чрезъ шесть верстъ отъ Шклова до деревни Каменки — Мурованка — гдѣ остановился корпусъ на кантониръ квартирахъ*). Чрезъ все сіе время и разстояніе, имя Зорича переносилось громогласно отъ одного къ другому, сопровождаемо выраженіемъ нѣжныхъ чувствованій и благодарности».

Все сіе написалъ я по словамъ одного самовидца сего произшествія, который имѣлъ въ корпусѣ двухъ племянниковъ.

Вѣчная тебѣ память, благодѣтель Зоричъ! долженъ и я отрыгнуть сердцемъ. Прими слезы чувствительной благодарности, пролитыя невольно надъ моими строками. Быть можетъ, что въ чувствительности сей участвуетъ и собственной мой интересъ. Но что же въ родѣ смертныхъ есть безъ интереса? Да не онъ-то ли и есть, подъ различными именами и видами, душа и связь всего міра? — міра моральнаго, натуральнаго и политическаго**). Зоричъ, и изъ моихъ четырехъ питомцевъ, одного воспиталъ на своемъ иждивеніи, которой теперь служитъ съ похвалою отъ начальниковъ и получаетъ отъ государя императора благоволеніе, и которой мнѣ собственной работы — занимающей его иногда, по охотѣ, сверхъ службы — прислалъ картину, съ такими символами, которыхъ достоинъ Зоричъ отъ многихъ губерній россійской имперіи; ибо, хотя Голицынъ, Шереметевъ, Разумовскій и другіе многіе даже превосходятъ его въ благотвореніяхъ человѣческому роду, но при немъ преимущество то, что онъ почти всѣхъ ихъ упредилъ. Миръ твоему праху, благодѣтель бѣдныхъ и сиротъ, Зоричъ! Миръ твоему праху! а въ символъ колода картъ, отъ которыхъ Шкловъ и понынѣ еще не выплатился***).

Уже, по препровожденіи государыни-императрицы изъ Бѣлоруссіи въ Смоленскую губернію, графъ, возвратясь и будучи на обѣдѣ у могилевскаго преосвященнаго Георгія Кониского съ губернскими чиновниками, и подтянувши съ ними несчадно у всещедраго владыки шампанскаго вина, сказалъ съ искреннимъ вздохомъ: «Друзья мои! за мною однимъ, и вы всѣ несчастливы».

---

*) Далѣе зачеркнуто: «или въ кампаментѣ». М. С.

**) Далѣе зачеркнуто: «и какъ кому пришлось». М. С.

***) Мѣсто это подвергалось авторомъ передѣлкѣ; оно находится въ рукописи въ концѣ страницы, и отъ него нѣсколько словъ при переплетѣ отрѣзано. М. С.

§ XXXVII.

Продолженіе.

По семъ, вскорѣ, графъ выѣхалъ въ бѣлорусское свое имѣніе, Чечерскъ, а оттуда въ подмосковное, Ярополчь. Пассекъ, губернаторъ, пожалованъ и взятъ въ сенаторы; на мѣсто его поступилъ вышесказанный мною вице-губернаторъ Енгельгардтъ, а на мѣсто его сѣлъ директоръ экономіи Черемисиновъ; въ директоры же совѣтникъ Веревкинъ, а на мѣсто его братъ его, Веревкинъ же, отставной флота капитанъ-лейтенантъ. Тако изволися Пассеку, который самъ для себя нацѣлилъ въ бѣлорусскіе генералъ-губернаторы, что вскорѣ и получилъ; о чемъ скажется на своемъ мѣстѣ, во свою пору.

Между тѣмъ, какъ все въ нашемъ могилевскомъ мірѣ перемѣняется, дни, недѣли, мѣсяцы протекаютъ и каждой отправляетъ свою должность, мы съ Луцевинымъ пользовалися счастьемъ быть у всего начальства и чиновниковъ въ отличномъ и выгодномъ для насъ замѣчаніи. А дѣятельный Полянскій, наполняя праздное время и будучи 38-ми лѣтъ, влюбился въ дѣвицу фонъ-Бринкъ, и она въ него. Она была лѣтъ 24-хъ, слѣдовательно имѣла уже понятіе, для чего человѣкъ на свѣтъ родится, и забавлялась иногда представленіемъ на вольномъ благородномъ театрѣ лица несчастной любовницы. Потомъ, какъ будто согласно ея роли, бракосочеталась, по принужденію матери, не съ Полянскимъ, но съ генералъ-маіоромъ фонъ-Бринкомъ-же.

Сей генералъ былъ лѣтъ около пятидесяти и, по природѣ, такъ простъ и неопрятенъ, какого не бывало еще отъ начала въ Россіи генералъ-маіорскаго чина, хотя многіе мнѣ въ этомъ противорѣчили и называли легковѣрнымъ. Горячій и предпріимчивый Полянскій, лишась любовницы, ощутилъ всю жестокость рока и истину Сумарокова стиха:

Любовь препятствіемъ и страхомъ возрастаетъ,
И въ крайность ввержена, на все, что есть, дерзаетъ.

Вслѣдствіе сего, составилось двѣ противныя партіи: съ одной стороны Полянскій, замужняя его любовница, и прочіе. Съ другой—фонъ-Бринкъ, порутчикъ баронъ Феличъ и прочіе. Завѣса поднялась: въ первомъ дѣйствіи, несчастная любовница и несчастная жена, во мракѣ горести, печали, утомлённая тоскою,

влитою въ грудь ея отъ матери родной, отчаянная, терзаемая всѣми лютостьми, сколько ихъ на ту пору во всемъ мірѣ случилось, сдѣлала балетной скачекъ, прыгнула антраша!... и очутилась въ другой половинѣ дому пастора своего.

Г-нъ фонъ-Бринкъ проснулся. Проснулся натурально или морально, естественно или нравственно; историки и дикціонаристы, повѣствователи и словаристы на все соглашаются и ничему не противорѣчатъ. Они согласно удостовѣряютъ и о томъ, что онъ, проснувшись съ восходомъ солнца, охватилъ постель, кровать... обозрѣлъ спальню... идетъ въ переднюю, въ лакейскую, въ кухню. Пробуждаетъ одного за другимъ своихъ людей, спрашиваетъ: «Гдѣ генеральша?» и получаетъ единогласной отвѣтъ: «Не знаю». Онъ продолжаетъ шествіе въ садъ, въ бесѣдку, въ каретной сарай, отпираетъ дверцы у кареты, засматриваетъ въ повозки и возвращается въ спальню, гдѣ находитъ тоже, что оставилъ, а генеральши нѣтъ.

Ежели можно вѣрить всему, что тогдашніе повѣствователи гласятъ, то сей простой генералъ, будто бы, въ семъ мѣстѣ воскликнулъ: «Какая контра! Какая контро-дикція! Какая контрарія! Какая контро-позита! Какой контр-астъ! Какая противоположность! Я читалъ, что гдѣ-то, какой-то Тезей оставилъ какую-то Аріадну. Но, чтобы Аріадна оставила Тезея, этого нигдѣ не написано».

Домъ его отъ дома пасторскаго отдѣляла одна только широта узкаго переулка; но ворота пасторскія отъ воротъ его подальше, на заворотѣ, на большую улицу, называемую Вѣтреная. Въ домѣ происходитъ соматоха, часъ, два, три; наконецъ, какимъ-то способомъ узнали, и ему донесли, что ея превосходительство у пастора.

— Какъ такъ рано? и почему такъ поздо? спросилъ равнодушно генералъ. Да что за моленье? скажите, чтобъ она шла въ бесѣдку пить чай, кофе, шеколадъ.

Ему изъяснили, что она уже подъ безопаснымъ, при дверяхъ ея, конвоемъ, приставленнымъ отъ намѣстническаго правленія.

— «Да гдѣ ея двери?» спрашиваетъ Бринкъ.

Въ другой половинѣ пасторскихъ покоевъ, отвѣчаютъ ему.

— «Это неправда,—говоритъ недовѣрчивой Бринкъ. Я знаю

эту половину покоевъ; она пустая, запущенная, забросанная посудою, пасторскими горшками и съ мукою мѣшками».

Ему отвѣчаютъ: Она уже чисто меблирована, полъ потянутъ сукномъ, и соблюдена во всемъ семитрія.

Еще Бринкъ не пересталъ сомнѣваться, какъ вошли къ нему: штабъ-лекарь, Аврамъ Васильевичъ Бычковъ, со своимъ причетомъ и съ полицейскими. Они объявили, что имѣютъ отъ намѣстническаго правленія повелѣніе, съ прописаніемъ въ немъ просьбы молодой генеральши фонъ-Бринкъ, урожденной фонъ-Бринкъ, въ которой не таитъ*) она, что мужъ ея лишенъ того небеснаго огня, по которому одному человѣкъ называется безсмертнымъ, и проч. Они кончили свое объявленіе требованіемъ, чтобъ г-нъ генералъ-маіоръ и кавалеръ святаго Георгія позволилъ себя освидѣтельствовать.

— «Да какъ такъ сошлось въ одинъ зарядъ? спрашиваетъ генералъ, что и жена моя у пастора, и покои для нея меблированы, и просьба для нея написана, и намѣстническому правленію подана, и резолюція готова, и вамъ данъ указъ, и вы пришли меня свидѣтельствовать? И все это поспѣло отъ тѣхъ поръ, какъ я проснулся! Да у насъ, и въ полкахъ, такъ скоро не поворачиваются».

— Разрѣшеніе на всѣ вопросы—отвѣчаетъ Бычковъ—зависитъ отъ поспѣшнаго освидѣтельствованія, послѣ котораго, или генеральша останется въ правѣ защищаться законами въ домѣ непорочности, или вы получите обратно супругу въ свои объятія.

Генералъ: Да нельзя-ли безъ свидѣтельства?

Штабъ-лекарь: Ни подъ какимъ видомъ нельзя, ваше превосходительство. Вы сами знаете, что мы имѣемъ указъ.

Между тѣмъ, генералъ сближалъ уже руку къ штанному поясу; но вдругъ вскричалъ, какъ бы опомнившись, нечаянно: «Да, нѣтъ! можно и не свидѣтельствовать! такъ! точно такъ! можно, можно!—Я, передъ свадьбою моею, выдалъ мою дѣвку за парикмахера Гейслера. Подите къ нему и спросите: сколько его молодая жена привела къ нему дѣтей? Вы увидите тамъ троихъ, почти каждолѣтковъ. Подите-жъ, подите! а не то я васъ всѣхъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «пишетъ она причины, препятствующія ей сожитіе съ мужемъ». М. С.

перековеркою вотъ этимъ прикладомъ» — указывая на карабинъ, которой на стѣнѣ.

Весь свѣтъ вѣритъ: чѣмъ человѣкъ простѣе, тѣмъ слова его вѣрнѣе. Испытатели естества Бринкова не разсудили дожидаться опыта сей вѣрности.

Итакъ, когда генеральша у пастора, когда дѣло ея въ намѣстническомъ правленіи, когда старая мать ея проклинаетъ Полянскаго, и когда Полянскій съ Бычковымъ и другими, а больше того одинъ, посѣщаетъ превосходительную затворницу, Бринкъ, со втораго этажа своего дома, видитъ всегда чрезъ пасторской заборъ, какъ Полянскій проходитъ чрезъ пасторской дворъ къ генеральшѣ, въ прибранные имъ для нея покои. Видитъ, и собирается самъ туда же иттить, отломать Полянскому ребры, дабы здѣлать его неспособнымъ къ продолженію посѣщеній и къ производству по бумагамъ начатаго генеральшею дѣла. Но баронъ Феличъ его недопущаетъ.

Порутчикъ баронъ Феличъ былъ лѣтъ Полянскаго, свойства бѣшенаго, и былъ всегда готовъ бить и рубить всѣхъ тѣхъ, кто ему не понравится. Полянскій давно уже подпалъ подъ гнѣвъ сего правосуднаго человѣка въ карточной игрѣ. И Феличъ тогда же объявилъ ему непримиримую войну. — Онъ служилъ гусаромъ, бывалъ подъ судомъ, былъ разжалованъ, снова дослужился, и вышелъ въ отставку. Не покидая гусарскаго своего мундира, жилъ онъ, по связи прежней службы, у Бринка, какъ пріятель, имѣющій нужду въ кускѣ хлѣба, и командовалъ генераломъ.

«Побойся Бога» — говоритъ онъ ему — «ты надѣлаешь въ городѣ шуму, навлечошь на себя бѣду. Слушай меня; я знаю, какъ удовлетворить справедливости твоего дѣла».

Воинъ воина слушаетъ и отлагаютъ сраженіе; а Полянскій, не находя причины отлагать посѣщеній, обратилъ все свое годовое содержаніе на содержаніе особы, жертвующей ему всѣмъ безъ исключенія.

Порядокъ времяни, котораго я держусь, требуетъ прервать повѣсть Полянскаго, и сказать о себѣ:

Я, въ іюнѣ мѣсяцѣ, взялъ отпускъ на 30 дней. Отъѣхалъ на свою родину и пріѣхалъ туда благополучно. Уже съ годъ, какъ дяди моего епископа Кирилла тамъ не было. Разныя въ жизни обуреванія, неразлучные спутники свойства невоздерж-

наго, нрава крутаго и безпокойнаго, увлекли его въ отставку. Ему позволено имѣть, по желанію его, пребыванія въ Кіевомихайловскомъ монастырѣ, гдѣ онъ, можетъ быть, желалъ найти то спокойствіе, которое ощущалъ, провождая тамъ юношескіе свои лѣты. Но время ничего уже для него не оставило! и въ правленіе монастыря ему не дано; а пенсіи опредѣлено только по 300 р. на годъ.

Я хотя обрадовался, найдя мать мою въ добромъ здоровьѣ и въ тишинѣ монастырской жизни, однакожъ, думаю, что больше ее обрадовалъ. Разпознаватели человѣческихъ сердецъ, бывшіе хорошими дѣтьми и хорошими родительми, удостовѣряютъ, что любовь родительская къ дѣтямъ имѣетъ большой перевѣсъ, въ разсужденіи дѣтской любви къ родителямъ.

Я почелъ за приличное побывать съ почтеніемъ у преемника моего дяди, епископа Амвросія *). Онъ благосклонно меня принялъ, и я видѣлъ въ немъ особу достойную своего сана**). Онъ пожелалъ отъ меня узнать о обрядахъ принятія***), бывшихъ въ Могилевѣ, при случаѣ бытности государыни императрицы и императора Іосифа II, и проч..... И я удовлетворилъ его преосвященство, сколько чего могъ припомнить.

Потомъ, настояла надобность выхлопотать отъ должника Москвитинова деньги, дабы не имѣть необходимости каждогодно къ нему пріѣзжать.

Мать моя, смотря единожды на меня и на всѣ мои заботливости прискорбнымъ лицомъ, сказала мнѣ: «уже ты ко мнѣ не пріѣдешь, и я тебя уже не увижу!»

— «Почему же матушка?»

— «Я вижу это по твоимъ приготовленіямъ». Сказа̂въ сіе, она зарыдала, и мгновенная перемѣна лица ея обнаружила, сколь глубока была внутренняя печаль ея, отъ воображенія не видать никогда сына.

Я долженъ былъ утѣшать ее увѣреніемъ, что я, такимъ же образомъ, буду къ ней пріѣзжать изъ Бѣлоруссіи, какъ уже и

---

*) Епископъ Амвросій былъ потомъ крутицкимъ, а потомъ казанскимъ; а наконецъ митрополитомъ новгородскимъ и санктпетербургскимъ. Г. Д.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «со нравственностію простого». М. С.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «и наружныхъ пріемахъ» М. С.

пріѣзжалъ два раза. Но увы! матернія предчувствія не ошибаются. Она предвѣщала правду, а я обманывался.

Напослѣдокъ, походя по тѣмъ рощамъ, окружающимъ домъ архіерейскій, кои долговременно веселили мою юность, и простяся съ родительницею, отъѣхалъ въ Бѣлоруссію въ третій разъ, аки Колумбъ въ Америку, съ тѣмъ только различіемъ, что я не доросъ до Колумба, а Бѣлоруссія до Америки, исключая простой бѣлорусской народъ, которой очень похожъ на американцовъ колумбовыхъ времянъ.

Умѣренное, или, лутче сказать, недостаточное состояніе мое отвлекало меня отъ времяни до времяни отпроситься еще въ отпускъ для свиданія съ матерью. — Я согласенъ съ людьми просвѣщенными, а еще больше самъ съ собою, не вѣрить снамъ. Но замѣчать все, всякому позволяется. Уже въ 1788 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вижу во снѣ: будто я вхожу въ келью матери моей и вижу ея, при задней стѣнѣ кельи, на кровати лежащую, больную, и говорящую мнѣ слабымъ голосомъ: «для чего ты прежде ко мнѣ не пріѣхалъ?» Печальное сновидѣніе занимало чувствительность мою и возбуждало къ сисканію удобнаго времяни и способовъ побывать у матери. Но чрезъ нѣсколько дней получаю изъ Сѣвска письмо о смерти ея.

NB. Катихизисъ запрещаетъ вѣрить снамъ; но священное писаніе говоритъ: «Ангелъ Господень во снѣ явился Іосифу, глаголя»..... и проч....

Продолженіе приключеній Полянскаго.

Возвратяся въ Могилевъ, видѣлъ я дѣла Полянскаго въ такомъ положеніи, что дѣло жены съ мужемъ пошло уже правомъ и порядкомъ консисторскимъ, о формальномъ разводѣ.

Полянскій и генеральша не желали бы ни на часъ, ни на минуту разлучаться; но служба Полянскаго требовала пробыть ему нѣсколько часовъ утра при должности въ намѣстническомъ правленіи, которое время казалось обоимъ черезъ-чуръ долго, а разстояніе полуверсты казалось безконечнымъ. Для сокращенія того и другого, настояла нужда учредить курьера, которой бы въ эту пору, отъ одной особы къ другой, переносилъ взаимные билетцы, или раппортиціи о благополучномъ состояніи, и проч.... Пасторской тринадцати-лѣтній сынъ признанъ достойнымъ сей

довѣренности. Ему обѣщано доставить вскорости оберъ-офицерскій чинъ. На сей конецъ, принятъ онъ и въ число канцелярскихъ намѣстническаго правленія служителей. — Слушайте, слушайте! такъ кричатъ въ парламентахъ англійскихъ.

Въ одно изъ многихъ утро, маленькой меркурій не доставилъ депешки. Любовникамъ не трудно было догадаться, кто имѣлъ нужду перехватить ихъ естафету. Сомнительно по сей день, въ самомъ ли дѣлѣ баронъ Феличъ уговорилъ, обольстилъ, согласилъ пасторскаго сына, или отнялъ у него насильно карточку, посланную отъ генеральши къ Полянскому — или же самъ пасторъ, наскучивши представлять въ семъ критическомъ дѣйствіи неприличное званію его лицо, приказалъ своему сыну отдать ее Бринку? Но для Полянскаго все равно, какимъ бы образомъ она къ Бринку ни попалась. Полянскій, тотъ-же часъ, велѣлъ пасторскаго сына задержать въ канцеляріи намѣстническаго правленія подъ карауломъ, яко подчиненнаго себѣ канцелярскаго служителя.

Сіе мѣсто и другія нѣкоторыя не дѣлаютъ чести уму Полянскаго; но ежели на всякаго мудреца довольно простоты, то почему же и любовникамъ не впадать въ дурачество?

Вслѣдствіе сего, я былъ самовидецъ, какъ пасторъ съ пасторшею, сцѣпившись рука объ руку, бѣжали послѣ полудни изъ улицы въ улицу, какъ испуганные, къ губернатору Енгельгардту, просить правосудія противъ Полянскаго. Но губернаторъ не рѣшился освободить сына ихъ изъ-подъ караула, опасаясь Полянскаго, какъ такого бойчака, противъ котораго ни сговорить, ни здѣлать ничего нельзя, никакому рядовому губернатору.

Что же осталось дѣлать родителямъ? Они, безъ сомнѣнія, спросилися съ собственными сердцами и вбѣжали въ канцелярію намѣстническаго правленія, гдѣ сынъ ихъ былъ подъ присмотромъ сторожа — это уже было предъ захожденіемъ солнца — схватили его подъ оба плечи, и потащили такъ, что нельзя было отгадать, повели-ль они его, или понесли? сопровождая все сіе дѣйствіе безперерывнымъ крикомъ по-нѣмецки, по-французски и по-русски.

Они кричали: «геръ Полански, ле каналь Полански, а мадамъ Демида, рука сѣчь Полански, женераль-полицмейстеръ Чичеринъ, а Петерсбургъ, а сенатъ».— Это значитъ: что Полянскій, въ Петербургѣ, увезъ отъ г-на Демидова жену, и за дерзновенные по

сему дѣлу отвѣты, на данные ему генералъ-полицмейстеромъ Чичеринымъ вопросы, сенатъ присудилъ отрубить ему руку. О чемъ яснѣе скажется на своемъ мѣстѣ.

И крикъ ихъ былъ смѣшанъ съ неистовствомъ дикихъ, которые полонили своего непріятеля и ведутъ его изжарить и съѣсть.

Итакъ, любовники, будучи встревожены неполученіемъ билета, передачею его въ руки непріятеля, сдѣлали еще вдобавокъ для себя врагами тѣхъ, въ домѣ которыхъ надобно жить. Обстоятельство, которое для нихъ ничего добраго не обѣщало; и шибкой на изобрѣтенія и на промахи Полянскаго духъ не успѣлъ еще ни на что рѣшиться, какъ получаетъ онъ изъ Петербурга извѣстіе, что дѣло о разводѣ генерала съ женою идетъ по желанію Полянскаго, счастливо и что скоро его поздравятъ съ благополучнымъ окончаніемъ. — Что, и въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ воспослѣдовало. Какая перемѣна съ тревоги на спокойствіе! съ печали на радость.

Уже любовница начала изрѣдка выѣзжать въ надежнѣйшіе домы, и у нея появились посѣтители, посѣтительницы, и вечернія бесѣды. Не имѣя ни съ какой стороны опасности, не имѣли уже нужды и въ страхѣ, тѣмъ болѣ, что, по законномъ рѣшеніи дѣла, и пасторъ могъ безнарекательно продолжать свое покровительство.

А Бринкъ остался съ перехваченымъ въ рукахъ билетомъ, котораго не умѣлъ, или не успѣлъ употребить въ свою пользу противъ жалобы, принесенной на него генеральшею въ томъ, что онъ плохъ.

Въ такомъ пріятномъ положеніи дѣлъ, Полянскій не опасаясь ничего, отъѣхалъ почтою съ однимъ слугою, во мстиславльской или чериковской уѣздъ, не помню къ кому и для чего. На третій или четвертый по выѣздѣ его день — слушайте-слушайте! — послѣ полудни часа около пятаго, раздался по всему городу слухъ, что Полянскаго привезли избитаго и едва живаго, а нѣкоторые говорили: мертваго. Мы съ Луцевинымъ спѣшили уже туда, гдѣ бы узнать о вѣрности слуха, какъ встрѣтилъ насъ посланной отъ Полянскаго по Луцевина; ибо Луцевинъ, въ бумагахъ штатскихъ, Полянскимъ былъ употребляемъ, такъ какъ я — въ партикулярныхъ.

Луцевинъ нашелъ у него штабъ-лекаря Бычкова и другихъ.

Полянскій лежалъ безъ движенія въ постелѣ, и едва слышимымъ голосомъ сказалъ ему: «другъ мой, напиши отъ меня челобитную, по формѣ, въ намѣстническое правленіе, что я сегодни измученъ на дорогѣ злодѣемъ Феличемъ и его сообщниками, посланными отъ Бринка. Ежели я и не останусь живъ, такъ—по крайней мѣрѣ—здѣлаю злодѣяніе гласнымъ».

Послѣ сего—говорилъ Луцевинъ—здѣлался онъ столько похожъ на умирающаго, что штабъ-лекарь Бычковъ, которой къ нему имѣлъ дружескую привязанность, не зналъ что думать, однако-жъ, по совѣту подошедшаго туда же дивизіоннаго доктора Кебеке, отворили ему кровь.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, медики объявили, что надежда къ жизни несомнительна; но на выздоровленіе потребно неизвѣстное время.

Нѣкоторые изъ пріязни, а нѣкоторые изъ любопытства, сошлись его видѣть, въ числѣ которыхъ случилось и мнѣ быть. Архіепископъ могилевскій Георгій Конискій, также его посѣтилъ. Онъ, какъ человѣкъ учоной, почиталъ всегда его дарованіи. Больной, кромѣ зрѣнія и языка, почти ничѣмъ еще не владѣлъ; онъ разсказалъ слабымъ голосомъ слѣдующее:

«Лишь только я въѣхалъ въ большой лѣсъ, то появился передъ моею коляскою Феличъ, самъ-третей верхами. Они были всѣ вооружены. Онъ заградилъ мнѣ дорогу, и закричалъ: «ну герой могилевскій! теперь ты въ моихъ рукахъ. Берите его». Я держался сидѣть въ коляскѣ и отвѣчалъ ему: «баронъ! ты будешь несчастливъ, а если хочешь быть правъ, то раздѣлайся со мною такъ, какъ принято въ Европѣ между людьми благородными; ты имѣешь пистолеты, дай мнѣ одинъ». Они, не слушая ничего, прискочили къ коляскѣ, и двое изъ нихъ соскочили съ лошадей, чтобъ меня вытащить. Я схватилъ мой штуцеръ и приподнялся, чтобъ выстрѣлить на злодѣя. Но я того не вѣдалъ, что за коляскою моею, по сторонамъ, стояли еще два злодѣя, одинъ изъ нихъ хватилъ меня прикладомъ по рукѣ и по штутцеру, и однимъ ударомъ руку мнѣ прибилъ и штутцеръ вышибъ; а другой, въ одинъ почти замахъ съ первымъ, далъ такой же ударъ по затылку. Въ сіе мгновеніе показалось мнѣ, что я стою выше лѣса, тутъ уже стоило имъ только поднять меня, ибо я противиться не могъ. Злодѣи потащили меня въ лѣсъ, и тамъ

отбили мнѣ плечи, руки, спину, а особливо бедры и ноги, толстыми плетьми, какими калмыки усмиряютъ своихъ лошадей. Непонятно—окончалъ Полянскій,—какъ человѣкъ можетъ не умереть, перенося столько неизвѣстнаго мученія».

Штабъ-лекарь взялъ его за пульсъ, и преосвященный, очень ко времяни, принялся утѣшать его елеемъ духовнаго врачеванія.

Ему поднесли челобитную; его приподняли, и онъ, съ помочью другихъ, поддерживавшихъ кисть его руки, могъ только написать свое имя: «Василій Полянскій», которое на себя было не похожо и не было бы достойно вѣры, еслибы не было при томъ свидѣтелей.

Нужда настояла, въ намѣстническое правленіе, на мѣсто Полянскаго, командировать предсѣдателя верхней расправы Ахшарумова, потому болѣ, что и первой совѣтникъ правленія г. Сурминъ давно уже лежалъ въ параличѣ.

Полянскій, чрезъ нѣсколько недѣль, вспомнилъ о своей челобитной. Ему принесли ее съ надписью, въ которой сказано: что онъ употребилъ въ ней бранныя слова, называя злодѣями тѣхъ, которые его на дорогѣ измучали и изувѣчили, и что онъ, Полянскій, «не долженъ выступать изъ предѣловъ права челобитчика». Ахшарумовъ и губернаторъ Енгельгардтъ злобились на Полянскаго за то, что его боялись. Они, при настоящемъ случаѣ, имѣя въ рукахъ весло правленія, заблагоразсудили онымъ его добивать.

Полянскій, получа обратно челобитную, послалъ ее въ сенатъ. Сенатъ прислалъ, въ указѣ, намѣстническому правленію строгой выговоръ за то, что оно, говоря о несоблюденіи формы челобитенъ, позабыло о важности злодѣянія. Бринкъ тѣмъ же указомъ исключенъ изъ службы, и велѣно его и Фелича отослать въ Ригу, гдѣ наряжена для нихъ коммиссія военнаго суда. Бринкъ со всѣми сообщниками отправленъ, а Феличъ скрылся, но, по произведеніи публикъ, пойманъ и отправленъ туда же за карауломъ.

Судъ производился очень долго, а между тѣмъ, помню я, какъ, Бринкъ присылывалъ въ Могилевъ съ довѣренностями продавать разныя изъ дому своего вещи; а наконецъ продалъ и домъ. Проживши все, дожилъ онъ до послѣдняго сертука съ продраными локтями. Въ такомъ видѣ—какъ всѣ знавшіе и видавшіе

его говорили—ходя по ригскимъ переулкамъ, совѣстясь показаться въ домы и едва имѣя пропитаніе для поддержанія жизни, умеръ въ печали и въ совершенной нищетѣ. Не помню, что послѣдовало съ Феличемъ; безъ сомнѣнія, всѣ они, съ соглашенными къ злодѣянію сообщниками, или погибли подобною Бринку участью, или подвержены были дѣйствію правосудія,—но челобитчику Полянскому какая польза отъ ихъ погибели?... Его ударилъ параличъ! Для помочи нужно было искусство, трудъ, время. Помогли, облегчили, но не излѣчили. Больной остался съ параличемъ.

§ XXXVIII.

1781 годъ.

Сей параграфъ начинаю я съ мѣста смѣхоплачевнаго, котораго былъ я зритель:

Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ удара, и когда подали Полянскому облегченіе, проѣзжался онъ въ каретѣ по совѣту врачей и захотѣлъ видѣть товарища своего совѣтника Сурмина, которой уже съ годъ, какъ пораженъ былъ такимъ же ударомъ, и котораго Полянскій не видалъ со времяни своихъ приключеній.

Надобно знать, что они другъ друга любили. Оба знали иностранные языки; но Полянскій, при остромъ умѣ и познаніяхъ, былъ свойства горячаго и неуступчиваго. Онъ, когда начиналъ кого осмѣивать, то плѣнялъ собою всю бесѣду, и самые друзья осмѣиваемаго не могли удерживаться отъ громкаго смѣха, потому что острота ума и самая истина были основаніемъ его насмѣшекъ. А такіе люди, извѣстно, ежели бываютъ почитаемы, то еще болѣ ненавидимы. Напротивъ, Сурминъ былъ человѣкъ важной, кроткой, мирной, терпѣливой, и за то былъ всѣми почитаемъ. Но былъ семьянистъ и бѣденъ. Сіе послѣднее, совокупно съ чувствительностью и тяжелымъ его тѣломъ, можетъ быть, и причиною было его удара. Онъ умеръ лѣтъ около 45-ти отъ рожденія.

Сурмину сказали: карета Полянскаго взъѣхала на дворъ. Хозяинъ радъ гостю, выступилъ въ халатѣ въ большую залу, опираясь на толстую подпорку, а гость противъ его выступалъ изъ другихъ дверей съ подобною [illegible]ркой и съ помочью служителя, одинъ и другой чуть [illegible] —и оба хромали. Въ та-

кой позиціи, завидѣвши одинъ другого, ну хохотать со всѣхъ слабыхъ силъ; потомъ сѣли на софу, ихъ обложили подушками, и—смѣхъ ихъ обратился на горчайшія слезы! Насмѣявшись и наплакавшись, они начали разсматривать и дѣлить свои горькія участи.

Полянскій сказалъ: Я самъ всѣмъ моимъ бѣдамъ причиной, и прочее.

Совѣтница Сурмина, къ Полянскому: Что такое Василій Ипатичъ, я этой ночи видѣла во снѣ, будто я у васъ заклеиваю на зиму окны?

Полянскій: Ахъ сударыня! Я, можетъ быть, избѣжалъ бы многихъ золъ, если-бы вы мнѣ ротъ заклеили.

Поговоря много подобнаго сему, разстались.

Иной, слушая эту исторію, можетъ быть давно уже готовъ закричать: «Да любовница-та по сю пору что? Что она дѣлаетъ?» Она горюетъ, плачетъ, терзается, сокрушается, проклинаетъ часъ своего рожденія, и не хочетъ умереть, чтобъ не потерять любовника, которой чуть дышетъ. Впротчемъ, они жили почти уже совокупно; ибо разводъ сдѣлапъ, и простой мужъ, за непростое злодѣяніе, былъ уже—какъ выше сказано—съ сообщниками въ Ригѣ подъ судомъ.

Въ такомъ положеніи, Полянскій, поживъ еще нѣсколько мѣсяцовъ, видѣлъ, что безъ силъ, безъ здоровья, служить нельзя, а безъ службы, въ чужой для него губерніи, жить невыгодно.

Онъ взялъ отставку, и выѣхалъ съ любовницею въ казанскую свою отчину *). Изъ Казани ѣздилъ онъ съ нею, обвѣнчавшись, къ минеральнымъ водамъ. Возвратясь, похотѣлъ еще служить, и былъ совѣтникомъ въ казанскомъ намѣстническомъ правленіи, такъ онъ писалъ къ другу своему штабъ-лекарю Бычкову.

Уже, въ 1798 году, въ бытность мою по службѣ изъ Витебска въ чepisodeрековскомъ уѣздѣ, случилось мнѣ заѣхать на ярманку того же уѣзда въ мѣстечко Костюковичи въ зимнюю пору. Тамъ, увидясь съ незнакомымъ офицеромъ, которой, такъ же какъ и я, покупалъ для себя въ лавкахъ нѣкоторыя мелочи и узнавъ

*) Деревни его, какъ онъ самъ говорилъ, приносили ему денежнаго годоваго дохода 2,400 р., да сверхъ того, онъ имѣлъ мельницу въ самомъ городѣ Казанѣ. Г. Д.

нечаянно, что онъ казанскій помѣщикъ, спросилъ я его: «не знаетъ ли онъ тамъ помѣщика Полянскаго?»

— «Василія Ипатича? отвѣчалъ онъ вопросомъ. Какъ не знать, онъ у насъ былъ совѣтникомъ, а вы почему его знаете?

«И у насъ онъ былъ совѣтникомъ въ Могилевѣ. Здоровъ ли онъ? живъ ли онъ? жена его?»...

— «Я уже нѣсколько лѣтъ, какъ оставилъ Казань, по долгу военной службы. Не думаю, чтобъ онъ по сю пору былъ живъ. Я видѣлъ уже и тогда его въ крайней слабости здоровья; хотя онъ и ходилъ иногда безъ помочи служителя, однако-жъ и часто имѣлъ въ немъ нужду.

Офицеръ, видя что я желаю знать больше, отошелъ со мною въ ближнюю карчму и продолжалъ:

— «Полянскій имѣлъ уже двоихъ дѣтей, которымъ тогда было лѣтъ каждому, напр., отъ 7-до до 8-ми. Онъ, послужа у насъ совѣтникомъ одинъ годъ, сказалъ: «нѣтъ, видно уже я не слуга!» Получилъ отставку и жилъ въ деревнѣ. Тамъ онъ построилъ — не припомню въ домѣ или въ лѣсу — часовню. Поставилъ въ ней крестъ и гробъ, и часто въ нее хаживалъ, или одинъ, или водилъ съ собою малолѣтныхъ своихъ дѣтей. Тамъ онъ становился на колѣни, проговаривалъ нѣсколько молитвъ, которыя повторяли за нимъ его дѣти. Потомъ, приклонялся къ гробу, и въ семъ положеніи проводилъ нѣсколько минутъ, иногда въ глубокомъ молчаніи, а иногда въ слезахъ, и всегда оканчивалъ указывая на гробъ и говоря: «вотъ, дѣти, предметъ, для котораго человѣкъ на свѣтъ родится! Учитеся умирать, и будьте благоразумнѣе и счастливѣе вашего отца».

Такъ мнѣ разсказалъ казанскій дворянинъ, которой слышалъ это отъ жены Полянскаго, и котораго я, по непростительной оплошности моей, не затвердилъ ни имяни, ни фамиліи.

Можетъ быть кто вопроситъ: «На какой конецъ заниматься столько повѣстью неважною, о неважномъ человѣкѣ, которой, кажется, ничего важнаго, или достойнаго объ немъ свѣдѣнія не здѣлалъ? мало ли людей, которые даже и за добродѣтели страдаютъ? мало ли людей, которые одарены будучи соединенными силами природы и науки, дѣлаютъ иногда непростительныя ошибки?» и проч..

Отвѣчаю: Согласенъ. Но и то правда, что героическихъ

и привлекательныхъ чудесъ больше въ романахъ, а я пишу исторію. И мой герой былъ-бы великой человѣкъ, еслибы имѣлъ столько счастья, сколько ума, или столько осторожности и терпѣливости, сколько откровенности и смѣлости *). Французское образованіе его обезобразило. Оно хотя очищаетъ и возвышаетъ умъ, но портитъ сердце и воротитъ съ корня добродѣтель, поселяя на мѣсто ея пороки, которые тѣмъ пріятнѣе принимаются, что преподаются отъ учителей, служащихъ не даромъ. Прибавимъ къ сему, что онъ былъ человѣкъ.

Онъ когда предпринималъ произвести въ дѣйство что-нибудь такое, что коснется его сердца, то рождалась въ немъ тогда же непобѣдимая своеобычливость, съ примѣсомъ безразсудности; безъ чего однако-жъ, говорятъ, человѣкъ неспособенъ къ произведенію и совершенію великихъ дѣлъ. Итакъ, натура и наука снабдили его нужными для великихъ дѣлъ запасами, но судьба не поставила его на своемъ мѣстѣ. Онъ говаривалъ: «Когда я въ какомъ дѣлѣ руководствуюсь собственнымъ разсудкомъ, то всегда оканчиваю начатое съ успѣхомъ (повидимому онъ, понадѣясь на руководство собственнаго разсудка, отнялъ жену у Бринка, и проѣзжалъ чрезъ роковой для него лѣсъ). Когда же послушаюсь совѣтовъ другого, то всегда или проиграю, или здѣлаю слабо. Я никогда себѣ не прощу,—говорилъ онъ, единожды шутя самъ надъ собою—что послушалъ любовницы, которая присовѣтовала увезти себя въ каретѣ въ ту пору, когда я уже готовъ былъ ускакать съ нею въ кибиткѣ».

Здѣсь примкнулось то самое мѣсто, которое разсказать обѣщалъ я въ прежней ремаркѣ. Полянскій, возвратясь изъ чужихъ краевъ въ Петербургъ, и будучи уже секретаремъ академіи, былъ и у сочиненія законовъ, подъ начальствомъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго. Изъ сочиненій его суть: статьи «о совѣстномъ судѣ и его должности», которыя составляютъ XXVI-ю главу учрежденія о губерніяхъ. Въ сіе время, какъ писалъ онъ о совѣсти, влюбился, въ Петербургѣ, въ жену г. Демидова, и увезъ ее уже изъ города. Но, когда полицейскіе на него настигали**), онъ выскочилъ изъ кареты на запятки, велѣлъ гнать лошадей, а самъ, обнажа шпагу, защищалъ двери кареты отъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго «уступчивости». М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго «наскакали». М. С.

полицейскихъ чиновниковъ и служителей, призывая въ помочь духа Карла XII, подвизавшагося въ Бендерахъ, не съ меньшимъ или не съ бо́льшимъ основаніемъ разсудка.

Въ награду за храбрость, ему отвели квартиру въ караульнѣ при сенатѣ. Князь Вяземскій пожалѣлъ его: велѣлъ тамъ прибрать для него комнату. Но генералъ-полицмейстеръ Чичеринъ, здѣлавши ему честь личнымъ посѣщеніемъ, далъ ему по формѣ вопросные пункты. Полянскій, не уважая почестей, написалъ въ отвѣтныхъ пунктахъ столь пространно, что дописался до вершины горъ, на которыхъ сами боги обитаютъ, творя подобная всѣмъ человѣкамъ. Сенатъ за это витійство наградилъ его приговоромъ: «отрубить ему руку». Но великая душа Великой Екатерины сильно смѣялась храбрости, оказанной со шпагою и съ перомъ. Въ тѣ поры, открывались во всей имперіи повремянно намѣстничествы, по законамъ ея. Бѣлорусскій государевъ намѣстникъ, графъ З. Г. Чернышевъ, выпросилъ у государыни Полянскаго на свой отчотъ, и помѣстилъ совѣтникомъ въ могилевское намѣстническое правленіе, при открытіи онаго. Императрица тѣмъ охотнѣе ввѣрила графу героя, что желала сберечь ему руку. А старой графъ увѣрялъ императрицу, что онъ и самъ, въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, былъ похожъ на Полянскаго *).

Сіе повѣдалъ товарищъ его, господинъ Сурминъ, которой, во время сего дѣйствія, служилъ въ штатской службѣ по сенату.

Вотъ потому-то и пасторъ съ пасторшею, оскорбленные за сына кричали — какъ выше сказано: — «геръ Полански, ле каналь Полански, рука сѣчь Полански, а мадамъ Демида», и проч.

Уже, въ 1802-мъ году, начиталъ я о Полянскомъ въ печатныхъ перепискахъ Волтера съ Екатериною Великою. Въ первомъ письмѣ, отъ 25-го дня мая 1771 г., пишетъ г. Волтеръ къ императрицѣ:

«Въ пустынѣ моей теперь находится вашъ подданный г. Полянскій, уроженецъ Казанскаго вашего царства. Не могу я его довольно выхвалить за его вѣжливость, благоразуміе и признательность къ милостямъ вашего императорскаго величества» и проч.

Во 2-мъ письмѣ, отъ 3-го декабря: «Г-нъ Полянскій дѣлаетъ

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «былъ таковъ-же какъ Полянскій». М. С.

мнѣ иногда честь своими посѣщеніями. Онъ приводитъ насъ въ восхищеніе дѣлаемымъ имъ описаніемъ о великолѣпіи двора вашего, о вашей снисходительности, о непрерывныхъ вашихъ трудахъ и о множествѣ великихъ дѣлъ вашихъ, кои вы, такъ сказать, шутя производите. Словомъ: онъ приводитъ меня въ отчаяніе, что мнѣ отъ роду безъ малаго девяносто лѣтъ, и что я потому не могу быть очевиднымъ всего того свидѣтелемъ. Г. Полянскій имѣетъ чрезмѣрное желаніе увидѣть Италію, гдѣ онъ могъ бы болѣе научиться служить вашему императорскому величеству, нежели въ сосѣдствѣ къ Швейцаріи и къ Женевѣ. Онъ сколько очень умный, столько и очень добрый человѣкъ, коего сердце съ истиннымъ усердіемъ привержено къ вашему величеству», и проч.

На сіе императрица отписала: «Господину Полянскому, принятому вами подъ ваше защищеніе, приказала я доставить деньги, потребныя для его путешествія въ Италію, и думаю, что онъ ихъ въ самый сей часъ получилъ», и проч.

Въ 3-мъ, отъ 11 декабря 1772 г.: «Я получилъ печальное извѣстіе, что тотъ Полянскій, который, по воли вашей, путешествовалъ, и котораго я столько любилъ и почиталъ, возвратившись въ Петербургъ, утонулъ въ Невѣ. Если это правда, то я чрезмѣрно сожалѣю. Частныя несчастія всегда будутъ случаться, но общее благополучіе вы устроеваете», и проч.

Въ 4-мъ, отъ 3 дня января 1773 г.: «Г-нъ Полянскій увѣдомляетъ меня, что онъ не утонулъ, какъ мнѣ о томъ сказывали, но что онъ, напротивъ, въ тихомъ пристанищѣ, и что ваше величество пожаловали его секретаремъ академіи», и проч...

Вотъ кто былъ Полянскій! Его знали, знаемый цѣлымъ свѣтомъ знаменитый Волтеръ и Великая Екатерина! Знали не случайно, но по его достоинствамъ. А я за честь себѣ почитаю, что онъ меня и моего Луцевина отличалъ. И сей-то былъ Полянскій, который, при первомъ моемъ его узнаніи, кричалъ еще въ сѣняхъ — когда шелъ съ визитомъ къ Вязмитинову — Monsenieur!

Прошлаго еще 1781 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я, по представленію намѣстническаго правленія, опредѣленъ сенатомъ въ верхнюю расправу стряпчимъ, а Луцевинъ въ намѣстническое правленіе—секретаремъ. Графъ Чернышевъ, какъ будто дожидался

полицейскихъ чиновниковъ и слу ... въ Москву
духа Карла XII, подвизавшагося ... губер-
или не съ большимъ основаніе ... гоне-

Въ награду за храбрость, ...
при сенатѣ. Князь Вяземскі ...
брать для него комнату. Но г ...
здѣлавши ему честь личны ...
вопросные пункты. Поляне ...
отвѣтныхъ пунктахъ сто ...
шины горъ, на которых ... не
всѣмъ человѣкамъ. Се ... ста-
говоромъ: «отрубить е ... тникомъ
терины сильно смѣял ... : «слава-жъ
перомъ. Въ тѣ пор ... : еще мы не все
намѣстничествы, н ... сказалъ, что мы ничего
мѣстникъ, графъ ... народный голосъ и пред-
Полянскаго на сво ... ратимся къ порядку повѣство-
левское намѣст ...
ратрица тѣмъ ... въ губернію, далъ знать намѣст-
ему руку. А ст ... оно нашло для себя въ секретари
въ молодыхъ с ... къ нему, для представленія сенату;

Сіе повѣ ... къ себѣ въ секретари.

время сего д ... Могилевъ, около начала 1782 года, потре-

Вотъ по ... Дуцевина и сказалъ ему: «я тебя обрекъ
сына крич ... зная, что ты хорошо отправлялъ свою долж-
Полянски ... здѣсь губернаторомъ; Полянскій не-однажды

Уже, ...
переписк ... озвратясь отъ него, пересказалъ мнѣ это, и сильно
письмѣ ... которою удостоивали его, не посовѣтовавшись
ператри ... напрасно признавался, что не ловокъ былъ

«Въ ... особамъ, которыхъ велѣнія должно исполнять
ляне ... которыя иногда за неумышленное неисполне-
дов ... велѣнія**), уничтожаютъ въ одну минуту всѣ
тельн ... труды и заслуги.

... ты такъ думаешь, — говорилъ я ему — ты изо-
... самаго дурного вельможу и самаго плохого секретаря.

... зачеркнутаго «прихоти» — М. С.

а не таковы. А ежели-бы ты и принужденъ былъ пере-
олько-нибудь иго самонравія, то противоположи ему то
имущество, что, во всей имперіи, ты будешь имѣть
ачальника, которой, при томъ, силенъ составить
оторой считается не дальше отъ государя, какъ
ами».

алъ съ моимъ мнѣніемъ, но горести вдругъ
ь, и наконецъ сказалъ: «такъ и быть! надобно
аться за работу; авось-либо, второе отъ государя
будетъ составить мое счастье!»
ивши съ нимъ, по обыкновенію, и смѣхъ и горе, раз-

ассекъ, принявши первыя поздравленія, первыя посѣщенія, отрѣвшись дома и заглянувши въ должность, первымъ долгомъ поставилъ удовлетворить требованію природы, по сердечной экспедиціи. Онъ сыскалъ свою любовницу Марью Сергѣевну Салтыкову *) и малолѣтнаго сынка — которой назывался, по отцовскому и по своему имяни, Петромъ, а по нѣжности Пипинкомъ и Панушкомъ — и нѣсколько манежныхъ лошадей, съ конюшни смоленскихъ его деревень. Сіи суть три струны, которыя были пріятнѣйшею въ жизни для его сердца музыкою, и безъ нихъ онъ жить не могъ.

Я, не давая закоснѣть времяни, выпросилъ отъ намѣстническаго правленія представленіе, съ помощью друга моего Дмитрія Романовича Чугаевича,**) къ генералъ-губернатору Пассеку,

*) Марья Сергѣевна Салтыкова была дочь иностранной коллегіи секретаря Волчкова, жена маіора Александра Салтыкова. Она, въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, разладила съ мужемъ, и, въ такомъ горькомъ случаѣ, искала пособія и защиты по Петербургу. Пассекъ тогда былъ при дворѣ камеръ-герромъ. Онъ ей предложилъ свое покровительство, которое показалось для нея тѣмъ надежнѣе, что и онъ, разладя съ женою—изъ фамиліи Шафировыхъ—не меньше имѣлъ нужду въ покровительствѣ себя молодыми и пригожими женщинами. Сей случай двухъ горевавшихъ половинъ, сочеталъ ихъ на всю жизнь. Г. Д.

**) Дмитрій Романовичъ Чугаевичъ былъ учителемъ могилевской семинаріи, а по присоединеніи Бѣлорусскаго края къ Россіи, вступилъ въ статскую службу. При открытіи намѣстничества, помѣщенъ стряпчимъ въ верхнюю расправу; потомъ въ верхній земскій судъ, а меня помѣстилъ—долженъ сказать—онъ стараніемъ своимъ на свое мѣсто, въ такую самую пору, когда пріятель мой Луцевинъ, будучи еще секретаремъ намѣстническаго правленія, цѣлилъ, чтобъ я остался при прежней должности, единственно для того, чтобъ я у

Между тѣмъ, пока Пассекъ возвратится изъ Петербурга, разскажу я одно дѣйствіе, происшедшее предъ прибытіемъ еще его на генералъ-губернаторство, слѣдственно, по порядку времяни, надлежало бы мнѣ написать его прежде.

Въ семъ дѣйствіи случилось и мнѣ съиграть свою роль. И хотя оно ничего въ себѣ отличнаго не заключаетъ, кромѣ легкомыслія, истекшаго отъ корыстолюбія, но поелику оно справедливѣе, нежели какъ кто видѣлъ воскресеніе мертвыхъ, то и опишу я его точно такъ, какъ оно происходило.

§ XXXIX.

Кладорытіе.

Во единъ отъ дней, утру сущу, въ августѣ или въ сентябрѣ, пріиде ко мнѣ другъ мой, Дм. Р. Чугаевичъ, глаголя сице: «внимай любезной братъ! Счастье насъ ищетъ».

— Добро пожаловать.

«Клянись мнѣ: никому объ немъ не говорить, ни писать, ни изображать гіероглифами».

— Клянусь, что я это счастье схвачу въ охапку и не выпущу его, какъ-бы оно ни было склизко.

Посмѣявшись оба на счетъ счастья, о которомъ я еще не слыхалъ, сказалъ онъ мнѣ: «губернаторъ Ник. Богдан. Енгельгардтъ, не находя никого лутче, хотѣлъ поручить мнѣ теперешнюю коммиссію. Я увѣрилъ его: что есть еще и лутче меня. Это вы. Онъ хотя не вдругъ *) повѣрилъ, однакожъ напослѣдокъ **) подтвердилъ мой выборъ. Вотъ же вамъ и секретной губернаторской ордеръ», выхватывая изъ-подъ груднаго кармана.

Въ ордерѣ начиталъ я: «могилевскаго губернскаго магистрата прокуроръ г. Полтавцевъ, удостовѣрясь отъ шляхтича Нор-

---

рыхъ никакая штука не играется. Онъ, пріѣзжая часто въ губернской городъ, препровождалъ время у Пассека и талантомъ своимъ для него не скупился; а люди сихъ свойствъ—прибавя къ тому вѣкъ и заслуги отечеству—во всѣ времяна и во всѣхъ народахъ, скорѣе выигрываютъ все, нежели тѣ важные философы, которые хотятъ, чтобъ ихъ почитали за древнихъ египетскихъ боговъ—что, и въ самомъ дѣлѣ, иногда съ ними случается.— Я сему космополиту такъ-же былъ не неизвѣстенъ, по нѣкоторой цѣпи, связующей воедино добрыхъ людей, а иногда шалуновъ и легкомысленныхъ. Sat. Sap. Г. Д.

*) Вмѣсто «безъ труда.» М. С.

**) Вмѣсто «и самъ». М. С.

кевича, донесъ мнѣ секретно, о немалой и немаловажной поклажѣ, сокрытой въ извѣстномъ ему мѣстѣ. Я предписываю вашему благородію, отправясь съ ними, вынуть оную поклажу изъ того мѣста, гдѣ они покажутъ, и меня объ ней предварительно и секретно увѣдомить чрезъ нарочнаго; о чемъ дано отъ отъ меня и г-ну прокурору Полтавцеву обстоятельное секретное предписаніе», *) и проч. Николай Энгельгардтъ.

Во исполненіе повелѣнія, спѣшилъ я предъ полуднемъ въ квартиру Полтавцева, и горѣлъ любопытствомъ: гдѣ, и какими судьбами посылаетъ намъ Богъ кладъ, положенной неизвѣстно когда, неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно гдѣ?

Я нашелъ его при остаткѣ уже такого завтрека, предъ которымъ съ водкою и за которымъ съ виномъ поступлено было безъ всякаго послабленія. Съ шестеро ѣдуновъ были уже въ пол-пьяна.

Прокуроръ, завидя меня, подбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми руками, и обнимая кричалъ: «вотъ нашъ сотрудникъ! вотъ нашъ другъ! достойный секретныхъ препорученій!» Всѣ протчіе сдернулись изъ-за стола, и подходя ко мнѣ, въ такомъ положеніи какъ нашлись, иной съ ножемъ, иной съ вилкою, съ стаканомъ, съ салфеткою въ рукахъ, повторяли почти то же, чѣмъ привѣтствовалъ меня Полтавцевъ. Въ такой соматохѣ, говорить съ Полтавцевымъ о дѣлѣ было-бы напрасно. Я принялся добирать завтрекъ, осматриваясь, чтобы, сверхъ завтрека, не сравняться во всемъ съ ними, поелику каждой изъ нихъ всесильно старался исполнять добродѣтель гостепріимства.

Отработавшись на тарелкахъ, не вытерпѣлъ я, чтобъ не спросить Полтавцева тихонько: «мы имѣемъ секретное повелѣніе: за чѣмъ-же здѣсь другіе люди, кромѣ Норкевича»?

Отвѣтъ получилъ громогласной: «отруби ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ».

И всѣ воскрикнули почти тоже, и всѣ принялись за стаканы горячего на дорогу пуншу.

Я, желая сколько-нибудь себя просвѣтить, спросилъ еще потише: «гдѣ нашъ кладъ? далеко ли намъ ѣхать? Норкевичъ какое имѣетъ основаніе своему донесенію?» и проч.

Полтавцевъ на всѣ вопросы со всѣхъ силъ закричалъ: «это

*) Вмѣсто «повелѣніе». М. С

все наши пріятели. Отруби ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ». Я уже былъ во искушеніи, бѣжать къ г-ну Чугаевичу и изъяснить ему, что губернаторъ завлеченъ въ обманъ людьми сумазбродными и легкомысленными, которые на пунктѣ корыстолюбія съ ума сошли. Но вспомня, что я еще не вошолъ въ довѣріе остерегать губернатора, и что вся должность моя заключалась въ исполненіи его повелѣнія; къ тому-жъ, погода была хороша, а берлинъ о четырехъ полахъ и кибитка были уже заложены, рѣшился прогуливаться на чужой счетъ. Мы съ Полтавцевымъ и Норкевичемъ сѣли въ берлинъ, а два шляхтича въ кибитку, и отправились изъ города секретно, среди бѣла дня, на большую дорогу, лежащую къ городу Чаусамъ.

Отъѣхавши верстъ съ 15, когда уже спутники мои поосвѣжились, спросилъ я Норкевича: «откуда онъ знаетъ о кладѣ, по которой мы ѣдемъ?»

— «Всѣ старые люди знаютъ, и увѣряютъ», отвѣчалъ онъ.

«Изъ чего онъ состоитъ?»

Тутъ мой Норкевичъ замялся; онъ силился изъяснить важность клада, но не зналъ какъ наимяновать.

«Если старые люди знаютъ, спросилъ я, такъ для чего-жъ они сами не выняли?»

Тутъ Норкевичъ еще больше напоролъ дичи.

«Далеко ли еще намъ ѣхать?»

— «Верстъ съ двадцать, отвѣчалъ Полтавцевъ. Мы отъ Петровичъ *) повернемъ съ большой дороги въ деревню Смолки, а въ Петровичахъ истребуемъ, по силѣ губернаторскаго ордера, отъ управителя Вейделя лопатниковъ, и отправимъ ихъ чрезъ ночь въ Смолки, а сами у него переночуемъ».

По сему распоряженію прибыли мы на другой день въ Смолки, часу въ 9-мъ предъ полуднемъ. Остановились при дорогѣ, между церковью и карчмою, и при самомъ кладбищѣ.

Тутъ нашли мы нашихъ лопатниковъ, стоящихъ въ шеренгу съ заступами и лопатами, которыхъ, къ удивленію моему, насчиталъ я 40 человѣкъ; изъ чего уже не сомнѣвался, что секретное наше дѣло, должно быть, очень обширно, если обрабо-

*) Казенное селеніе, лежащее при большой дорогѣ, гдѣ и домъ почтовой. Послѣ оно подарено генералъ-маіору Ермолову, а отъ него продано г-ну Яншину. Г. Д.

тывать его будутъ сорокъ секретарей. Я, ставши у берлина, разсудилъ ожидать, что будетъ? а Полтавцевъ и Норкевичъ пошли по полю... далѣ къ кустарнику.... ходятъ.... останавливаются, говорятъ между собою и ничего не показываютъ.

Скучивши ожиданіемъ, пошолъ и я къ нимъ. Они такъ-же повернули ко мнѣ на встрѣчу, и Полтавцевъ издали ко мнѣ заговорилъ: «скоро будетъ пора обѣдать, а у насъ еще ничего не готовлено».

— «Надобно объ этомъ позаботиться, отвѣчалъ я: да кладъ-та нашъ что?»

Норкевичъ отвѣчалъ: «треба шўкаць».

— «Поэтому вы не можете показать гдѣ онъ?»

«Отъ тупось подъ упадло», указывая рукою на одно мѣсто.

— «Если по упалымъ и бугристымъ мѣстамъ заключать о кладахъ—сказалъ я—то можно взрыть цѣлой Чаусовской уѣздъ; а намъ, во избѣжаніе такихъ трудовъ, надобно знать точное мѣсто нашего клада, о которомъ знаютъ всѣ старые люди».

«Треба шўкаць», былъ послѣдній отвѣтъ Норкевичевъ.

Полтавцевъ отправился въ корчму, обнадеживъ насъ добрымъ обѣдомъ, а мы, походя нѣсколько времяни тщетно, пошли туда же, и нашли его предъ пылающимъ каминомъ за разною огородною зеленью, мясами, птицами, съ ножемъ, съ кострюльками и горшками, препоясаннаго платкомъ вмѣсто фартука и требующаго наступательно отъ жида, корчмаря, всего того, что онъ имѣетъ самое лутчее. Жидъ извинялся, что у него не трактиръ, а обыкновенная корчма, однако-жъ, обнадеженъ будучи щедрою платою, исполнялъ усердно требованія. Мы съ Норкевичемъ хотѣли-было приняться, изъ вѣжливости, помогать нашему метрдотелю; но онъ не шуточно изъяснился, «чтобъ мы не вмѣшивались въ такое дѣло, котораго не разумѣемъ». Между тѣмъ, я принялся еще вопрошать Норкевича, не скажетъ ли онъ чего-нибудь хоть правдоподобнаго; но всѣ его отвѣты похожи были на прежніе, и коммиссія наша, столько для насъ самихъ была секретна, сколько всѣмъ была извѣстна, такъ что даже никто изъ насъ не вѣдалъ, зачѣмъ мы сюда пріѣхали*).

Обѣдъ нашъ стоилъ лутчей коммиссіи; три или четыре блюда,

---

*) Слова начиная съ слова «такъ» зачеркнуты. М. С.

приготовленныя изъ туземныхъ*) припасовъ, во вкусѣ малороссійскомъ, нельзя было промѣнять на супъ, макароны, кампотъ, спаржу, устрицы, биръ-супъ и супъ-вассеръ. Но Полтавцевъ, когда я хвалилъ его искусство, не былъ еще доволенъ своею стряпнею; онъ на каждое кушанье указалъ, изъясняя, чего къ которому недостаетъ; «но въ томъ, примолвилъ онъ, не его вина. Въ Смолкахъ надобно довольствоваться тѣмъ, что можно было найти у жида арендаря».

Послѣ обѣда Норкевичъ пошолъ на сѣно спать, а я началъ у Полтавцева допрашиваться: за что намъ приниматься? Для чего столь великое число истребовано работниковъ? за чѣмъ мы сюда пріѣхали? и проч. Норкевичъ, говорилъ я, увѣряетъ, что старые люди его увѣряли. Черезъ сѣни противъ насъ, полна корчма мужиковъ разныхъ лѣтъ; спросите ихъ, о чемъ хотите.

Полтавцевъ подошедъ къ одному старику:—«что старинушка? давно ли на свѣтѣ живешь?»

— «А! ужу лѣтъ сотцо съ горою**).

Я спросилъ его: «что-жъ ты на свѣтѣ помнишь? и что знаешь?».

— «Помню, якъ шовъ Піотръ Алексѣевичъ и Репнинъ».

«Какихъ ты лѣтъ тогда былъ?»

— «Ужу сидѣвъ на печцѣ, и чувъ якъ казали: царъ-каже Піотръ Алексѣевичъ».

Я, смѣкнувши времяна россійскихъ и шведскихъ въ Польшу походовъ, въ началѣ XVIII столѣтія, нашелъ, что старику нашему болѣ 70 лѣтъ, однако-жъ не сто слишкомъ.

Полтавц.: Скажи намъ что добринькое***).

Старикъ: Атъ, хвала пану Богу, коли панъ дастъ шаговку, подинькую****).

Полтавц.: А! его надобно покуражить.

Старикъ нашъ выпилъ, ему повторили. Онъ сѣлъ на лавку,

---

*) Прошу не взыскивать за наше родовое слово. Ежели мы знаемъ: иностранецъ или пришлецъ, то должны знать и туземецъ. Такъ называли и писали наши праотцы славяне. (Библ.). Г. Д.

**) Діалектъ бѣлорусскихъ мужиковъ. Значитъ: «лѣтъ со сто слишкомъ». Г. Д.

***) Точныя слова Полтавцева, которыя, отъ сего случая и времяни, вошли въ Могилевѣ въ пословицу и жили долго. Г. Д.

****) Когда баринъ покажетъ двукопѣечную мѣру вина, поблагодарю. Г. Д.

запѣлъ слабымъ и дряхлымъ голосомъ мужичью пѣсню, повалился и заснулъ!—Это было открытіе намъ клада. Между тѣмъ, проснулся и Норкевичъ.

— Показывайте-жъ мѣсто, гдѣ кладъ? спросилъ я Норкевича.

— «Тутъ на кладбищѣ надобно его искать», отвѣтствовали они оба съ прокуроромъ.

Я совершенно былъ увѣренъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ всегда роютъ для умершихъ, невозможно быть кладу, однакожъ, чтобъ чѣмъ-нибудь кончить наше секретное препорученіе, принялъ команду надъ лопатниками, велѣлъ имъ стать попарно одному противъ другого, и рыть посаженно по всему кладбищу, кому гдѣ угодно, и гдѣ только можно.

Земля на кладбищѣ была рыхлая, слѣдственно для копки самая легкая. Въ остатокъ дня до вечера и на завтра въ цѣлый день, надѣлали мы громады шанцовъ, апрошей, цитаделей, крѣпостей, гласисовъ, въ такомъ совершенствѣ, какого не производили ни медвѣди, ни кроты. Мы нарыли костры костей, и даже коснулись мертвыхъ, недавно зарытыхъ, такъ что всѣхъ живущихъ въ окрестныхъ селеніяхъ привели въ ужасъ. Проѣзжающіе останавливаясь при нечаянной сей встрѣчи, вопрошали съ трепетомъ: «Ахъ! что это такое?»

На третій день, по утру, предложено было мною въ общемъ совѣтѣ на разсужденіе: что кладбище все взрыто, что мы уже болѣе не найдемъ, сколько нашли; что надлежитъ теперь опасаться чумы, особливо, если откроется сырая и мокрая погода, что мы все то здѣлали, что надлежало здѣлать чиновникамъ, удостоеннымъ секретной довѣренности и желавшимъ найти кладъ; что счастіе не зависило отъ насъ; ибо извѣстно всѣмъ старымъ людямъ, что «кладъ не всякому дается», и что, во уваженіи всего того, не благоугодно ли будетъ секретной экспедиціи, дабы оная благоволила приказать: все тѣмъ же порядкомъ зарыть, которымъ отрывали, а самимъ отъѣхать домой, тѣмъ же путемъ, которымъ пріѣхали, и донести его превосходительству г-ну губернатору, что, по общему мнѣнію всѣхъ старыхъ корыстолюбивыхъ, легкомысленныхъ и суевѣрныхъ невѣжъ, кладъ нашъ внизъ загремѣлъ.

Предложеніе одобрено общими голосами безъ всякой оппо-

зиціи. Вслѣдствіе чего лопатникамъ дано приказаніе, открытое зарывать и возвращаться по домамъ, а Полтавцевъ принялся за свое дѣло около камина и печи. Экспедиція наша имѣла заключеніемъ обѣдъ превкусной, и безъ нея не зналъ бы я о искусствѣ поваренномъ, которымъ обладалъ прокуроръ Полтавцевъ, не уступая славному греческому Аристиппу.

Въ Могилевѣ, любопытные насмѣшники и балагуры, узнавъ обо всемъ секретѣ, долгое время, при свиданьѣ съ нами, вмѣсто вопроса о здоровьѣ, вопрошали, а особливо Полтавцева: «Скажи намъ что добриньское», Норкевичу припоминали: «треба шукаць». Мнѣ совѣтовали пріятельски, заслугу мою помѣстить въ формальный списокъ, а къ губернатору Енгельгардту вице-губернаторъ и директоръ экономіи приступали съ требованіемъ, чтобъ онъ казеннымъ работникамъ, четыредесятимъ человѣкамъ, заплатилъ за три дни законную на каждой день поденщину.

§ XL.

Около сего времени я купилъ на краю города, при оврагѣ называемомъ Ребръ, противъ горы, называемой Мышьяковка, землю съ садомъ. Построилъ маленькой деревянной на каменномъ фундаментѣ, саженяхъ на $4^1/_2$ въ каждой стѣнѣ, домикъ о 4-хъ покояхъ, пятой на верху*); а кабинетное окно далъ въ садъ. Домовыя принадлежности, какъ-то: баня, ледникъ и проч. соотвѣтствовали главному корпусу, котораго четыре покоя не меньше были 4-хъ вороньихъ гнѣздъ. Всѣ, кто хотѣлъ, хвалили мой вкусъ, мое расположеніе и выборъ мѣста, которое, съ лицевой стѣны, имѣло возвышенное положеніе, и представляя зрѣнію внизу часть города, представляло за тѣмъ луга, пески и лѣсъ. А равнина окружающая домъ съ трехъ сторонъ, осѣнялася моимъ и сосѣдними садами. Угодно-ль знать мѣру земли?— 26 саженей въ длину и 9 въ ширину; это здѣлаетъ квадратныхъ 286 саж., изъ коихъ 88 пошло подъ домъ и подворье**), а протчія остались подъ садомъ.

Возвратившемуся изъ Петербурга генер.-губернатору Пассеку понадобился человѣкъ, которой бы снялъ счетъ съ управляющаго смоленскими его деревнями, адъютанта Крюкова, и сдѣлавъ

*) Зачеркнуто «подъ крышею». М. С.
**) Вмѣсто зачеркнутаго «дворъ». М. С.

описаніе всему, что надлежитъ описывать, сдалъ бы все въ вѣдомство и управленіе другому, его-же адъютанту Томашевскому. Луцевинъ, желая меня приблизить къ генералъ-губернатору, доложилъ ему, что Добрынинъ человѣкъ способный къ исполненію препорученій, не исключая и кладорытія.

Вслѣдствіе чего, явясь къ его высокопревосходительству, получилъ отъ него письменное и словесное наставленіе, и отправился съ Томашевскимъ, на коштѣ его высокопревосходительства, въ смоленскую его вотчину, называемую Яковлевичи.

По пріѣздѣ нашемъ туда, истребовали къ себѣ тотъ-часъ домовыхъ должностныхъ: старосту, земскаго, ключника и проч. Объявили имъ господскую волю, что Яковлевичи имѣютъ новаго управителя; а прежнему поручили пакетъ, по силѣ котораго долженъ онъ дать отчетъ, о чемъ его ни спросятъ, и потомъ явиться въ Могилевъ, къ настоящей своей должности адъютанта.

Въ теченіе недѣль двухъ, все здѣлано со всѣми подробностьми, и къ генералъ-губернатору бумаги отправлены. Ожидаемо было дальнѣйшей резолюціи, но Пассекъ, получа бумаги, позабылъ, что я въ Яковлевичахъ. А я, пользуясь случаемъ забвенія, бывалъ съ Томашевскимъ на обѣдахъ и прогулкахъ у сосѣднихъ дворянъ, и у его брата Ѳедора Богдановича Пассека, въ деревнѣ Беззаботахъ. У него бѣгивали по саду; и его любовница, Марья Ивановна, урожденная Ушакова, имѣя тогда цвѣтущій вѣкъ, имѣла привлекательную вѣжливость указывать намъ дорогу по садовому лабиринту, точно такъ, какъ Аріадна указывала Тезею. Самъ же Ѳедоръ Богдановичъ Пассекъ, будучи еще хотя лѣтъ не старыхъ, но тронутъ ударомъ, продолжающимся около десяти лѣтъ, дожидался насъ всегда, сидя на одномъ мѣстѣ въ бесѣдкѣ, или на открытомъ канапе. Онъ не могъ дозгибать въ колѣнахъ ногъ и ходя передвигалъ ихъ почти прямо; почему садился и вставалъ съ помочью человѣка, хотя ѣлъ и пилъ со вкусомъ, и цвѣтъ въ лицѣ имѣлъ человѣка довольно свѣжаго.— Сія болѣсть обратила его отъ жизни свѣтской на постоянную и набожную. Онъ показалъ мнѣ свой кабинетъ мольбы, или храмъ опредѣленной для молитвы. Въ немъ стоялъ на стѣнѣ образъ Богоматери, называемой Смоленской, въ ризѣ позолоченой, за стекломъ, въ кивотѣ, мѣрою, сколько помню, около аршина и съ кивотомъ. По его словамъ, чрезъ поклоненіе тому образу, съ

котораго сей списанъ, онъ избавленъ чудесно, помощію Богоматери, отъ болѣзни, отъ которой слѣды, какъ-бы для всегдашняго воспоминовенія, остались только въ ногахъ. Онъ читалъ мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ канона благодарнаго Богоматери, сочиненнаго имъ самимъ послѣ болѣзни, для каждодневнаго чтенія утромъ и вечеромъ, предъ образомъ. Гдѣ приходилось имяновать Творца вселенныя, тамъ онъ говорилъ: «Создатель міровъ». «У насъ—говорилъ онъ мнѣ—учатъ: что земля обитаемая нами, есть одна въ поднебесной; но это не правда. У непостижимаго Создателя, въ неизмѣримомъ пространствѣ воздуха безчисленное множество міровъ».

Мнѣніе его не было для меня новизною; но я дивился, что человѣкъ пожилой и тронутой ударомъ соглашается съ истиной, и вмѣстѣ вѣритъ, что онъ исцѣленъ чудесно, и изъясняетъ подробно, какъ это съ нимъ случилось. Дочь его, барышня умная и бойкая, лѣтъ 22-хъ, не горячо вѣря повѣсти отеческой, сказала: «развѣ не можетъ все это присниться?»

Возвратясь въ Могилевъ,—не дождавшись резолюціи—явился я къ своему генералъ-губернатору, повторилъ словесно то, о чемъ уже зналъ онъ изъ писменныхъ донесеній. Отвѣчалъ на то, о чемъ былъ спрошенъ, и наконецъ, получилъ отличную привилегію, чтобъ я «приходилъ всегда къ обѣду, когда вздумаю, не дожидаясь повѣстки зову».

Я водворился въ мой новой домикъ. Между тѣмъ безкрылое время пролетѣло уже шестилѣтнее поприще отъ открытія намѣстничества, или лутче сказать: оно ни пошевелилось, но жизнь наша мгновенно по немъ скользнула. Многое въ губерніи измѣнилось; многое возникло, многое уничтожилось. Секретаря Судейкина,—который послѣ Рогачева былъ въ гражданской палатѣ секретаремъ,—и Малѣева, которой былъ уже въ уголовной палатѣ предсѣдателемъ, ударилъ въ разныя времяна смертельной параличъ. Сотрудникъ мой по стихотворству, секретарь Шпыневъ умеръ въ водяной болѣзни, и проч. и проч. Уничтожилась и рогачевская таможня, и одноземецъ нашъ, г. Хамкинъ давно уже живетъ въ губернскомъ городѣ безъ должности и службы, питаясь оставшимися отъ таможенныхъ приобрѣтеній крохами; онъ еще столько былъ гордъ, что отвергалъ съ презрѣніемъ предлагаемыя ему мѣста и должности. если они были меньше, или

не столько прибыльны, какъ цолнерскія въ таможнѣ. Мы съ Луцевинымъ занимаемъ штатныя мѣста, и видимъ, что Хамкинъ, человѣкъ нѣкогда значившій и достаточной, остался позади насъ, и напослѣдовъ принужденъ былъ горемъ принять то мѣсто стряпчего верхней расправы, съ котораго я поступилъ на большее. Сынъ его, молодой 24-лѣтній, изнѣженный, избалованный, опредѣленъ въ расправу протоколистомъ. Старикъ, не видя въ немъ пути, упросилъ меня, чтобы чадо любезное имѣло въ домѣ моемъ квартиру, авось-либо, говорилъ отецъ, сынъ мой поправится, видя благіе примѣры хозяина дома. «Благодѣтель мой!» говорилъ мнѣ сей искрепной старикъ: «порядѣй въ пользу моего сына; ты жилъ въ Сѣвскѣ при особѣ важной; твоя тамъ слава по нынѣ не исчезла; ты и здѣсь ведешь жизнь приличную честнымъ и добропорядочнымъ людямъ» и проч.

Рѣчь старца, хотя покрытаго сѣдиною, но крѣпкаго — какъ казалось—столько же и въ разсудкѣ, сколько въ здоровьѣ, привела меня въ жалость; я не подозрѣвалъ, чтобъ мое самолюбіе тутъ участвовало, и молодой Егоръ Хамкинъ перебрался ко мнѣ тѣмъ охотнѣе, что надѣялся избѣжать отцовскихъ упрековъ.

Отецъ снабдилъ его столовымъ, чайнымъ и кофейнымъ серебренымъ и фарфоровымъ приборомъ, персонъ на шесть, и всякаго сорта бѣльемъ и платьемъ, а сынъ нашолъ *) къ себѣ во услуженіе вольнаго гусара. Столъ нашъ, по условію, долженъ былъ быть вмѣстной или очередной. Народъ, по штату въ губернскомъ городѣ положенный, заговорилъ: какъ можетъ мѣститься вода съ огнемъ? «Такъ точно—отвѣчалъ остроумно молодой Хамкинъ при одномъ случаѣ—какъ мѣститься въ одномъ горшкѣ кушанье, которое не бываетъ сварено безъ огня и воды». Иные говорили, что старикъ Хамкинъ лучшаго мѣста и способа для исправленія сына своего желать не долженъ, и тѣмъ его поздравляли! Но увы! вездѣ праведнику чортъ мѣшаетъ, и вездѣ грѣшнику соблазнитель сатана помогаетъ! Тогда было въ губерніи генеральное межеванье, и моего Егора испортился порядокъ прежде, нежели солнце протекло Стрѣльца, Козерога и Водолѣя. Онъ сперва началъ отваливать отъ обѣда, или отъ ужина, а потомъ, и цѣлые сутки его нѣтъ. Гдѣ-жъ онъ и чѣмъ занимается? Кар-

*) Вмѣсто зачеркнутаго «нанялъ». М. С.

точною игрою съ землемѣрскою партіею, которая въ деньгахъ никогда скудости не имѣетъ.

Единожды мой Егоръ, въ сіе долгонощное время года, приходитъ за полночь, шумитъ, говоритъ, пробуждаетъ меня; гремитъ деньгами золотыми и сребреными, въ шляпѣ и по карманамъ, всего этого добра составляло рублей съ небольшимъ на двѣстѣ, однако-жъ онъ столько былъ куражевъ, какъ будто-бы получилъ счастье на цѣлую жизнь, изъяснялъ мнѣ свою радость, и былъ въ надеждѣ всегда выигрывать. Я совѣтовалъ ему умѣрить радость. «Игра, говорилъ я, потому и называется игрою, что она непостоянна; а непостоянство, ни въ какомъ случаѣ, не заслуживаетъ нашей радости. Если-же, по мнѣнію древнихъ, нѣтъ ничего безъ исключенія, то игра есть достоинство однихъ только бриліянтовъ, которыхъ мы съ тобою не имѣемъ», и проч.

Мое нравоученіе сильно подѣйствовало. Чрезъ нѣсколько дней слышу, что столовыя ложки въ закладѣ у землемѣровъ.

— «Правда ли это?» спросилъ я моего игрока.

— «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: я только заложилъ роздачную ложку, да и за ту обѣщалъ мнѣ пріятель заплатить хорошую цѣну, если она у него останется. Онъ мой другъ, и я ему вѣрю».

«Надобно, чтобы дружба была безъ залоговъ роздачныхъ ложекъ?»

— «Однако-жъ вы сами, какъ умной человѣкъ, согласны будете, что дружба укрѣпляется пособіями во взаимныхъ нуждахъ».

Видя, что мой Телемакъ и самъ разсуждать и меня хвалить мастеръ, не разсудилъ я больше что ему сказать, какъ: «пусть по твоему».

Въ одинъ вечеръ, приходитъ къ намъ старой Хамкинъ, находитъ меня и сына піющихъ чай, садится на мою постелю и, выпивъ чашку чаю, возглашаетъ: «Сынъ мой! Знаю я непорядочное твое поведеніе... Я пожилъ на свѣтѣ много, былъ на кони и подъ конемъ. Знаю горе, испыталъ счастіе. Можетъ быть худо научился, не могу хвастать. Но для тебя, сынъ мой! я все исполнилъ то, чего требовалъ отъ меня долгъ отца. Я отдавалъ тебя учиться нѣмецкому языку, одѣвалъ тебя прилично воспитанія и моего достатка, опредѣлилъ тебя въ службу, отпустилъ тебя, снабдивши всѣми принадлежностьми. Ты имѣешь оберъ-офицерской чинъ, а поступки твои не хороши; знаю я, не время

тогда гать гатить—плотину починять—когда ее рветъ стремленіе воды. Не запрещаю я тебѣ веселиться, но ты выходишь изъ границъ веселья, ты проигрался, да говорятъ, что съ землемѣрами и подпиваешь. Отстань, покайся, послушай отца! Если не послушаешь, Богъ тебя покараетъ».

Симъ простымъ и искреннимъ наставленіемъ,—которое написалъ я почти точными его словами—онъ произвелъ во мнѣ къ себѣ жалость и почтеніе; но сынъ засыпалъ отца многорѣчивымъ себя оправданіемъ, и чуть не принудилъ старика признаться, что онъ сына обидѣлъ непростительно своимъ наставленіемъ. Между протчимъ, была со стороны сына и часть правды; онъ говорилъ: «Не сами-ль вы, батюшка, меня такъ воспитали? Не вы ли мнѣ говаривали: играй Егоръ въ карты, это дѣло благородное?» и проч.

Такимъ образомъ, зимнее время протекало. У молодого Хамкина явилась гарнитуромъ покрытая шуба небеснаго цвѣта, съ воротникомъ чернобурыхъ лисицъ. Онъ является въ ней по праздникамъ въ соборную церковь и на зрѣлища. За нимъ его гусаръ, порядочно одѣтой. Землемѣры къ нему одинъ по одному подходятъ, съ нимъ говорятъ, его окружаютъ, и, мало-по-малу, дѣлается землемѣрская партія, и вмѣстѣ партія игроковъ. Молодой Хамкинъ, румяной, живой, играетъ въ ней героическое лицо; говоритъ, вопрошаетъ, отвѣчаетъ по-нѣмецки, и заставляетъ о себѣ думать, что ему небезъизвѣстна вся Германія. Низкихъ привычекъ: скромности, осторожности въ словахъ и поступкахъ и уваженія къ старшимъ лѣтами, познаніями и заслугами, онъ не имѣлъ отъ натуры. Отецъ, радуясь цвѣтущему состоянію сына, перемѣнилъ тонъ своего наставленія ему и началъ, при всякомъ случаѣ, гласить: «сынъ мой Егоръ—точныя его слова—ты благородной человѣкъ, благороднаго отца сынъ. Играй въ карты, это дѣло благородное».

Уже прошло нѣсколько мѣсяцовъ, и благородной Егоръ не платитъ ни за столъ, ни за квартиру, однако-жъ когда возвращается—хотя и рѣдко—съ благороднаго упражненія, пользуется тѣмъ и другимъ. Уже гусаръ давно мнѣ доноситъ, что въ сундукѣ господина его очень просторно...

— «Почему ты это знаешь?...»

— «Потому, что у меня нѣтъ ни рубашки, ни сапоговъ, а сундукъ не запертъ».

Въ самомъ дѣлѣ нашли мы въ немъ съ гусаромъ, изъ всего столоваго и чайнаго прибора, одну только ложку да солонку сребреныя, даже бѣлья и платья уже не было.

Вѣрной гусаръ вскорѣ пошолъ туда, гдѣ даютъ рубашки и сапоги; а господинъ его, приходя и выходя безъ поры, и не находя ни обѣда, ни ужина, подхватилъ свою кровать — на которой постеля была еще въ цѣлости — и порожній сундукъ, и сталъ на квартирѣ вмѣстѣ съ однимъ изъ землемѣровъ, равныхъ съ нимъ лѣтъ, которому отецъ изъ Смоленска часто подсылалъ содержаніе. Напослѣдокъ, партія землемѣрская переѣхала въ другую губернію, и съ нею ловля, торговля и промышленность для Егора— благороднаго упали.

Старой Хамкинъ проживши все, что нажито въ таможнѣ, провождалъ жизнь самую бѣдную съ женою, дочерью и съ меньшимъ сыномъ. А старшій, благородный наслѣдникъ, шатаясь съ квартиры на квартиру, и не имѣя пропитанія, возвратился на квартиру къ отцу, и помогалъ съ успѣхомъ умноженію общей бѣдности. Для докончанія повѣсти, нужно нарушить порядокъ лѣточисленія *). Бѣдность старика Хамкина кончилась смертію около 1797 года. А старшій сынъ перебѣжалъ въ Витебскъ, когда, по повелѣнію Павла I-го, Могилевская и Полотская губерніи соединены въ одну Витебскую, гдѣ, послужа площаднымъ писцомъ, попивши гдѣ случилось, и ободравшись, растолстѣлъ, оскорбутѣлъ. Въ такомъ положеніи, отправился въ Петербургъ, для поиска счастія, думая, что въ столицѣ на такихъ людей недостатокъ. Но на одной изъ почтовыхъ станцій — помнится въ Лугѣ—кончилъ тридцатилѣтнюю съ небольшимъ жизнь свою.

На какой же конецъ разсказана эта истинная повѣсть? На тотъ, что это не сказка, а я лутче люблю быль, нежели выдумку; впротчемъ, читатель съ разсудкомъ, и не имѣя чѣмъ лутчимъ заняться, найдетъ что-нибудь вездѣ и во всемъ, какъ Сумарокова пчела:

И посѣщающа благоуханну розу.
Беретъ въ свои соты частицы и съ навозу.

---

*) Послѣдняя строка въ подлинникѣ зачеркнута. М. С.

§ XLI.

Описаніе 1784 и 1785 года.

Вотъ еще исторія, а кто не вѣритъ, пусть выправится въ архивахъ губернскаго города Могилева, — исключая такихъ въ ней мѣстъ, которыя въ приказныхъ бумагахъ невмѣстны, а потому и въ архивахъ ихъ нѣтъ.

Выше сказано въ одной ремаркѣ, что подрядившійся выстроить церковь святаго Іосифа, онъ же и откупщикъ питейныхъ въ Могилевѣ сборовъ, с.-петербургской купецъ Петръ Чирьевъ разладилъ съ покровителемъ своимъ, генералъ-губернаторомъ Пассекомъ; а теперь течетъ тотъ годъ, въ которой дѣйствіе сіе начинается.

Народъ въ городѣ, во время свободной продажи напитковъ, привыкши къ нимъ, возроптал̂ъ на Чирьева, что у него нѣтъ хорошихъ ни водокъ, ни пива, ни меду. Пассекъ сначала защищалъ зло. Мнѣ случилось слышать и видѣть, какъ старой совѣтникъ г. Квасниковскій, за столомъ у Пассека къ разговору сказалъ спроста: «Бывало, у насъ въ Могилевѣ водятся хорошія пива, а нынѣ, по милости г. Чирьева, мы его не имѣемъ». Пассекъ приказалъ дворецкому тотчасъ взять изъ кабака бутылку пива и подать на столъ. Бутылка подана. Пассекъ, наливъ стаканъ и подавая совѣтнику: «Отвѣдай-ка — сказалъ — каково пивцо-то, Иванъ Андреевичъ?»

— «Очень хорошо, отвѣчалъ старикъ, да къ намъ этакое не доходитъ, это видно изъ первыхъ рукъ».

— «Не ужъ-ли ты думаешь, что это изъ моего ледника? сказалъ Пассекъ. Откуда это пиво?» спросилъ онъ у дворецкаго.

— Изъ кабака, отвѣчалъ дворецкой.

Каждой, видя сильную защиту, каждой видя, что казенной палаты совѣтникъ Пестовъ, осмѣлившійся прочитать въ судейской каморѣ газеты, — въ которыхъ публиковано было, что Чирьевъ неисправной подрядчикъ въ Петербургѣ въ постройкѣ какого-то моста — лишился совѣтническаго мѣста; а секретарь казенной палаты Цѣликовскій, переносившій Чирьеву вѣсти, пожалованъ коллежскимъ ассессоромъ. Каждой видя сіи и симъ подобныя явленія, не осмѣливался не воздавать отличнаго почтенія Петру Никифоровичу Чирьеву.

Но когда Чирьевъ, по извѣстнымъ никому больше какъ ему причинамъ, началъ вездѣ открывать противъ Пассека свое неудовольствіе, и грозить явно жалобами на него, и на проживающую — по его словамъ — праздно въ Могилевѣ, маіоршу Салтыкову *), то правительство губернское, вступя во свои правы, взялось возстановить порядокъ; оно осмѣлилось принуждать откупщика, по силѣ контракта, ко взносу въ казенную палату недоимокъ, которыхъ накопилось до 20,000 рублей. Но Чирьевъ, вмѣсто исполненія требованій по контракту, потребовалъ долговъ своихъ отъ генералъ-губернатора и другихъ. За требованіе, произведенное не въ пору, приставили къ нему безъ требованія двухъ солдатъ. Чирьевъ не лишенъ свободы, но солдаты вездѣ за нимъ слѣдовали по пятамъ, а недоимка оставалась недоимкою. Разсудили судить его за ложное показаніе уплаты партикулярныхъ на немъ долговъ; а винной откупъ, отобравъ отъ него, отдали поручителю, надворному совѣтнику Шипневскому **); достройку же церкви—поручителю, коллежскому совѣтнику Маковецкому, по контракту ***).

Чирьевъ не проронилъ времяни. Онъ послалъ жалобу въ сенатъ. Сенатъ указомъ потребовалъ объясненія. Пошла потѣха! Стой бѣда, не лежи!

Забавно было читать приложенныя при сенатскомъ указѣ регистры, письма, записки, карточки,—начиная съ генералъ-губернатора до послѣдняго должника ****),—которые велѣно возвратить при объясненіи въ сенатъ.

Напримѣръ: генералъ-губернаторъ препоручаетъ Чирьеву выписать изъ Петербурга, имянно какихъ вещей для новостроющейся его мызы Пипинберга, для Марьи Сергѣевны Салтыковой,

---

*) Чирьевъ былъ злоязыченъ, невѣренъ, дерзокъ, но на словахъ не дуракъ и рѣзокъ, безхарактеренъ и плутъ; слѣдственно рожденъ на несчастіе. Г. Д.

**) Шипневскій былъ въ Тольчинской пограничной таможнѣ директоромъ. Нажилъ великое имѣніе, и былъ за противозаконный пропускъ товаровъ или за кражу пошлинъ, подъ судомъ въ уголовной палатѣ. По сей причинѣ, не трудно было Пассеку уговорить его къ поручительству по Чирьевѣ, а потомъ и къ принятію на себя всего откупа. Шипневскій долженъ былъ повиноваться въ той надеждѣ, что дѣло его въ палатѣ рѣшится въ его пользу. Г. Д.

***) Предсѣдатель верхняго земскаго суда 2-го департамента, по выбору, и помѣщикъ, которой положилъ въ залогъ за Чирьева недвижимое свое имѣніе, за выписанную ему Чирьевымъ изъ Петербурга карету. Г. Д.

****) Помѣщенное между чертами—въ подлинникѣ зачеркнуто. М. С.

и проч.*). Губернаторъ Енгельгардтъ—для Аннушки своей. Другіе чиновники, наприм. для себя и для женъ: суконъ, шолковыхъ матерій, пудры, помады, тросточекъ, какія во употребленіи въ Петербургѣ, у первыхъ щоголей и щеголихъ; иные: корюхи, ряпухи, пармазановъ, лимбургскихъ, жупановъ, сквозныхъ, ханскихъ, чорныхъ, зеленыхъ, и проч.

Поручителю церковному Маковецкому — карету, директору экономіи, — карету, вице-губернатору — карету.

Городничій Воропановъ въ запискѣ къ Чирьеву, пишетъ: «Не брани, братъ, своихъ людей, за то, что я взялъ изъ твоихъ сѣней обновить твои петербургскія сани, послѣ сочтемся. А водка-то, которую ты заарестовалъ, уѣхала за городъ**)».

Ассессоръ казенной палаты Колбасовъ, прося Чирьева о доставленіи ему изъ Петербурга надобныхъ для него вещей, заключаетъ записку свою сими словами: «А я твою жену въ п....***) поцѣлую». Сенатъ въ своемъ указѣ сказалъ: чтобъ въ требуемомъ, по просьбѣ Чирьева, изъясненіи показано было: «изъ какихъ чиновъ или состоянія ассессоръ Колбасовъ?»

Вопросъ, котораго безъ отвѣта оставить было нельзя, а балагуры догадывались, что сенатъ подозрѣвалъ, не отъ собакъ ли происходитъ Колбасовъ ****).

Все сіе дѣлало людямъ, не замѣшаннымъ въ эту невкусную кашу, смѣхъ; а отвѣтчикамъ говорила пословица: «хоть волкомъ вой». Но ничто такъ не огорчило генералъ-губернатора, какъ изреченіе Чирьева въ поданной въ сенатъ просьбѣ: «проживающая въ Могилевѣ праздно, маіорша Салтыкова». Досада, мщеніе, любовь, оскорбленіе, важность сана, все это совокупясь, слило противъ Чирьева такую пулю, отъ которой бы ему не воскреснуть,

---

*) «И проч.» вмѣсто зачерк.: «для его панушки и для конюшни». М. С.

**) Водка провозима была на ту пору на нѣсколькихъ подводахъ чрезъ городъ. Она принадлежала какому-то помѣщику или жиду. Чирьевъ, по праву откупщика, далъ знать городничему, дабы онъ изслѣдовалъ: не корчемная-ли она? Городничій остановилъ ее, и потомъ выпустилъ безъ изслѣдованія. Чирьевъ, въ просьбѣ своей сенату, изъясняя, что она была корчемная, доказывалъ: что его въ Могилевѣ всякой разорялъ. Г. Д.

***) Въ манускриптѣ послѣднія литеры такъ затерлись, что никакъ прочитать было нельзя, какъ будто для того, что каждому безъ труда догадаться можно по первоначальной литерѣ..... Г. Д.

****) Весь эпизодъ о Колбасовѣ, съ сноской къ нему, въ подлинникѣ зачеркнутъ. М. С.

еслибы она въ него попала. Но, въ человѣческихъ дѣлопроизводствахъ, НО производитъ великія чудеса, которыхъ описаніе слѣдуетъ ниже:

Пока что сдѣлается въ сенатѣ по посланному объясненію, Чирьева содержатъ въ Могилевѣ въ тюрьмѣ за долги. Судятъ за ложныя показанія о уплатѣ долговъ и проч. и присуждаютъ подъ казнь кнутомъ. Уже домъ его окруженъ многочисленнымъ карауломъ; время назначало ему черезъ два или три дни площадь и палача. Губернскій стряпчій Герасимовъ, который и служилъ и жилъ у Пассека и Салтыковой, принялъ на себя изъ усердія обязанность начальствовать надъ карауломъ, окружавшимъ домъ Чирьева. Никто столько не былъ увѣренъ въ его неусыпности, какъ онъ самъ и благодѣтель его Пассекъ. Но увы! въ послѣдній вечеръ передъ страшнымъ для Чирьева утромъ, нужно было Герасимову потанцовать на вечеринкѣ у Салтыковой. Ночь была лѣтняя, самая коротенькая, и окончаніе вечера почти примыкалося къ началу утра. Возсіявшу солнцу, онъ приспѣшилъ *) на мѣсто вѣрной и многочисленной стражи; нашелъ ея въ надлежащемъ порядкѣ. Съ Герасимовымъ былъ городничій Алексѣй Кралевскій, которой, въ преданности и усердіи къ особѣ и къ дому Пассека, не уступалъ Герасимову, потому что, въ малолѣтствѣ и юношествѣ, былъ при сестрѣ Пассека слугою, подъ природнымъ прозваніемъ: Лобуре́нко. Онъ учился, и былъ великой мастеръ кожевенныхъ дѣлъ, на манеръ англійскій, почему и сдѣланы были, подъ особеннымъ его присмотромъ, новые кнутье. Надлежало узника взять и вести въ судебное мѣсто къ выслушанію приговора, а потомъ на мѣсто казни **). Они входятъ въ первую комнату, находятъ жену въ слезахъ, а двухъ малолѣтныхъ дѣтей еще спящихъ; входятъ въ другую и третью, изъ которыхъ выхода никуда нѣтъ, но Чирьева не находятъ. Они остолбенѣли. Опомнившись, приступили къ женѣ. Она отвѣчала: «Я жена несчастнаго мужа, а не караульщица». Многочисленная стража отвѣчала, что колодникъ никуда

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго «явился». М. С.

**) Въ канцеляріяхъ обыкновенно пишутъ: «наказать кнутомъ». Но наказаніе есть слово славянское, и значитъ: наученіе. Сенатъ—въ одномъ только указѣ—сказалъ: что, «публичное тѣлесное наказаніе, не есть уже наказаніе, но сущая казнь». Г. Д.

не выходилъ; но проломанная подлѣ трубы въ потолокѣ твердь, куда они почти нечаянно взглянули, разрѣшила все ихъ сомнѣніе; а побѣгъ караульнаго солдата, находившагося при немъ въ одной горницѣ, открылъ ясно, что Чирьевъ ушелъ не безъ товарища.

Пассекъ, получа отъ нихъ неожиданной рапортъ, не собралъ силъ подняться съ дивана, на которомъ тогда лежалъ. Салтыкова, прибѣжавъ туда же, объявила въ полномъ безпамятствѣ, что она опредѣлила непремѣнно, у Герасимова и Кралевскаго отгрысть великодушно собственными зубами носы и уши.

Пассекъ измученной какъ внутреннею гангреною, имѣлъ еще твердость духа и разсудка, отвлечь ее своимъ совѣтомъ отъ исполненія ея намѣреній. «Неблагопристойно, сударыня, говорилъ онъ, женщинѣ кушать носы и уши мущинъ. Студень такого рода не принадлежитъ ко вкусу благородныхъ. Посудите, что оба виноватые оба же наши и друзья, и что грѣхъ да бѣда на кого не живетъ?» Хотя изъ такой нравоучительной рѣчи не послѣдовалъ плодъ поимки Чирьева, однако-жъ краснорѣчіе, начавши отъ грековъ до римлянъ и англійскихъ парламентовъ, укрощало почти не меньшіе бури и вихри. Городничій и губернскій стряпчій остались по прежнему съ носами и ушми. Не было ничего благоразумнѣе какъ то, что внѣшняя стража не истязывана.

Вскорѣ полученъ отъ сената указъ, чтобы по всѣмъ Чирьева дѣламъ, какого бы они рода ни были, не дѣлать исполненія, но присылать ихъ въ сенатъ на благоразсмотрѣніе, а запущенную до 20-ти тысячъ рублей по винному откупу недоимку взыскать съ членовъ казенной палаты. Послѣ чего, вскорѣ явился и Чирьевъ изъ Петербурга въ Могилевъ, съ вѣрою и надеждою, что его кнутомъ сѣчь не будутъ. Онъ, въ дополненіе своей исторіи, разсказывалъ всякому, кто хотѣлъ его слушать, почти слѣдующимъ образомъ:

«Многочисленный — говорилъ онъ — караулъ при моемъ домѣ и свобода жены моей открыли мнѣ, чему завтре надлежало со мною послѣдовать. Никто не можетъ вообразить, какое непреодолимое отвращеніе чувствовалъ я отъ кнута и палача. Не было еще въ свѣтѣ ни оратора, ни физика, которые могли бы мнѣ доказать и увѣрить, что это зло очень полезно, въ порядкѣ вещей естественныхъ. Я скорѣе согласился бы на то, чтобъ они свои

Вскорѣ мы оба съ Чугаевичемъ потребованы къ генералъ-губернатору, и не сомнѣвались, что намъ хотятъ объявить желанную милость. Мы не простояли предъ кабинетомъ и часа, какъ вышелъ отъ Пассека Шипневскій и, поднявъ руки къ верху, сказалъ намъ дружескимъ тономъ: «Луцевинъ ассессоромъ будетъ. Не пеняйте, я не виноватъ. Самъ генералъ-губернаторъ такъ захотѣлъ». Намъ очень было жаль, что мы не имѣли за что благодарить, и, сказавши: что, «для генералъ-губернаторскаго секретаря ассессорское мѣсто не награда», вышли съ полученіемъ исполненія такой надежды, какова она всегда бываетъ для людей предающихся ей слѣпо, слабыхъ душею и тѣломъ, памятью и разсудкомъ.

Мы во весь путь другъ-друга вопрошали: что это значитъ? Время уже разрѣшило нашъ вопросъ вотъ какъ: Шипневскій—какъ я выше сказалъ — былъ подъ судомъ въ уголовной палатѣ, по дѣлу таможенному; а Луцевинъ не любилъ своей должности. Онъ, безъ сомнѣнія, не достигалъ, что власть и начальство вельможъ связано съ величайшими выгодами для подчиненнаго, умѣющаго терпѣть, переносить, повиноваться, исполнять.

Луцевинъ, по увѣренію Шипневскимъ, мечталъ, что онъ, и будучи въ палатѣ ассессоромъ, будетъ имѣть, при интересныхъ бумагахъ, вліяніе на канцелярію генералъ-губернатора; а Шипневскій былъ взаимно обезпеченъ цѣлымъ въ пользу его голосомъ, по дѣлу въ уголовной палатѣ. Итакъ, двѣ наши подпоры, при взаимныхъ надобностяхъ, заключили союзъ быть другъ-другу полезными, на счетъ нашей стойки передъ кабинетомъ у генералъ-губернатора. Но бездѣльникъ дьяволъ часто мѣшается въ дѣла человѣческія и ихъ разрушаетъ. Надобно дослушать конца.

Луцевинъ сталъ ассессоромъ, двѣ комнаты въ моемъ домѣ для него квартирою, пока неконченной еще имъ домъ его поспѣетъ. Мы зажили опять вмѣстѣ. Шипневскій, богатой, въ долгахъ, жаждущій пріобрѣтать, случайный, подсудимый, уважаемый, не рѣдко насъ посѣщалъ пріятельски, не сомнѣваясь самъ о себѣ, что пріязнь его приемлется за благосклонность, несмотря на то, что онъ меня и Чугаевича об[illegible], а отъ Луцевина ожидалъ. Къ человѣку такихъ качествъ [illegible]ахъ я былъ имѣть истинной привязанности; но поряд[illegible]скаго обращенія требовалъ, чтобъ я не давалъ ему [illegible]ить. Любитель суетъ,

затѣевъ, онъ здѣлался тайнымъ доносчикомъ. Вслѣдствіе чего генералъ-губернаторъ призываетъ Луцевина, и спрашиваетъ его наединѣ:

«Правда-ли, что ты, будучи у меня секретаремъ, взялъ тысячу рублей съ купца Королкевича, котораго я формальнымъ порядкомъ вывелъ въ дворянство?»

— «Правда» — отвѣчалъ Луцевинъ.

«Хорошо, что ты мнѣ признался откровенно, а то бы Шипневскій и Королкевичъ тебя изобличили, и тогда я не въ силахъ былъ бы тебя защитить противъ силы закона. Гдѣ же ты дѣвалъ деньги? Промоталъ, я чаю?»

— «За перстень и табакерку заплатилъ 400 руб. будучи въ Петербургѣ съ вашимъ выс. превосход., а 600 р. употребилъ въ число постройки дома».

«Ну — добро — хотя ты и трудился надъ дѣломъ о выводѣ купца въ дворянство, однако-жъ отъ меня зависѣло поручить этотъ трудъ и другому. Итакъ, справедливость требуетъ, чтобъ ты подѣлился съ моею канцеляріею. Дай ей 400 р.»

Луцевинъ, въ самомъ дѣлѣ не имѣя денегъ, удовлетворилъ канцелярію перстнемъ и табакеркою.

Вскорѣ за симъ дѣло Шипневскаго о пропускѣ имъ безпошлинно чрезъ таможню товаровъ, рѣшено въ уголовной палатѣ въ пользу его большинствомъ голосовъ; а Луцевинъ далъ свое противное мнѣніе. Чѣмъ пристрастнѣе были всѣ судьи, тѣмъ основательнѣе былъ голосъ одного Луцевина.

Пассекъ, призвавъ къ себѣ Луцевина, напалъ на него, при всей бывшей у него публикѣ, такъ неосторожно за разногласіе въ дѣлѣ Шипневскаго, что многіе стали подозрѣвать о участіи его въ безпошлинномъ пропускѣ товаровъ. Онъ кончилъ свой гнѣвъ тѣмъ, что далъ честное слово, при всемъ бывшемъ тогда у него въ залѣ собраніи, выгнать Луцевина изъ службы. — И такъ, Шипневскій выпросилъ Луцевина въ ассессоры, на свою бѣду; а Луцевинъ вышелъ изъ секретарей къ своему огорченію и тревогѣ, (вотъ что дѣлаетъ НО!) *), съ обидою Чугаевича и меня.

На другой день предсѣдатель палаты Енгельгардтъ, братъ губернатора, увѣрялъ Луцевина, что «генералъ-губернатору прі-

*) Восклицаніе это въ подлинникѣ зачеркнуто. М. С.

ятно будетъ, если Луцевинъ приметъ обратно свой голосъ». Луцевинъ отвѣчалъ: «не будетъ пользы, ни для генералъ-губернатора, ни для Шипневскаго, ни для меня, ни для палаты, потому что вся уже публика узнала отъ самого генералъ-губернатора о моемъ, противъ палатскаго опредѣленія, несогласіи. Притомъ сундукъ, препровожденной съ таможенными приобрѣтеніями къ М. С....»

Нельзя кратко сказать, какое изъ сего отвѣта и изъ предобнаруженнаго генералъ-губернаторскаго гнѣва возникло повсемѣстно празднословіе. Каждой наперерывъ старался умножать, раздѣлять, раздроблять, соединять, извлекать, какъ будто они за это получали жалованье и присягали на вѣрность. А между тѣмъ, понеже въ мірѣ, большею частію, пріятели пріятелей несутъ общую участь, то по сему закону и я съ помочью Шипневскаго,— особливо по поводу совмѣстнаго въ одномъ домѣ съ Луцевинымъ обитанія — подоспѣлъ подъ подозрѣніе и подъ худое мнѣніе у генералъ-губернатора, которое и продолжалось до 1787 года, и кончилось такъ, какъ скажется на своемъ мѣстѣ; а теперь надлежитъ приняться за обстоятельство, которое лежитъ на отчотѣ моей памяти и моей чувствительности.

Шипневскій, предположа выстроить для себя въ Могилевѣ домъ, купилъ подлѣ моего—обширную огородную землю съ садами. Земля моя, подъ моимъ домомъ и садомъ, не допускала его здѣлать изъ своей покупки правильной квадратъ. Онъ объявилъ желаніе купить мое жилище, однакожъ всегда удерживался объявить цѣну, а только единожды промолвилъ, какъ говорится, сквозь зубы, что онъ возвратитъ мнѣ издержанное количество съ процентами. Сила его у генералъ-губернатора была для меня опасна; а привычка, приобрѣтать все способомъ таможеннымъ, на лицѣ его была написана. Самъ гласъ природы внушалъ мнѣ, что нѣтъ ничего хуже, какъ попасться между благосклоннымъ приказаніемъ и непобѣдимою алчностью.

Кстати случилось, что маіоръ Веревкинъ *) подоспѣлъ ко мнѣ съ выигранными деньгами, почти нечаянно, и сыпнулъ въ одну минуту почти тройную цѣну. — Дѣло сдѣлано. Шипневскій

---

*) Маіоръ Веревкинъ, Степанъ Ива[illegible] котораго братъ, директоръ экономіи, вызвалъ изъ воинской службы [illegible]ю доставленія ему выгоднаго мѣста въ штатской службѣ чрезъ д[illegible] генералъ-губернатора П. Б.

обидѣлся. Но онъ торжествовалъ; ибо, когда я предпринялъ сдѣлать другой, подобной первому, домикъ и уже на сей конецъ купилъ землю, срубы, лѣсъ, заготовилъ столярную работу, стеклы, двери, замки, печи и проч... и взялъ билетъ и планъ за подписаніемъ городничего и архитектора на постройку, и когда оставалось только приготовленное сложить мастерамъ, то Шипневскій выпросилъ у Пассека повелѣніе, по которому билетъ и планъ у меня отобраны, и строиться запрещено. А Шипневскій, съ дозволенія губернатора Енгельгардта, забралъ мои срубы, говоря: что онъ ихъ, прежде еще меня, приторговалъ на Днѣпрѣ для себя. Вслѣдствіе чего матеріалы или вещи, приготовленные, принужденъ я былъ продать за безцѣнокъ, не полагая въ сіе число огорченія, неразлучнаго съ чувствительностью *). Итакъ, сдѣлавшись бобылемъ, безъ дома, не безъ денегъ за домъ, съ убыткомъ, съ огорченіемъ, нанялъ я квартиру; а Луцевинъ, которой давно уже перешелъ въ свой нововыстроенной домъ, не предвидя ничего для себя полезнаго, подалъ просьбу объ отставкѣ.

Въ началѣ 1785 г. случай позволилъ быть мнѣ въ первой разъ въ Москвѣ. Еще прошедшаго лѣта, главнокомандующій Москвою, бывшій нашъ бѣлорусскій государевъ намѣстникъ, графъ Чернышевъ, скончался. Вдова графиня, и посредствомъ теченія времяни, не уменьшила горести.

Пассека.—Пассекъ, въ самомъ дѣлѣ, сперва принялъ его хорошо, и обѣщалъ «все что можетъ сдѣлать». Но потомъ увидя, что онъ, кромѣ карточной игры, ничего не знаетъ и знать не хочетъ, а требуетъ много, принялъ его въ мотіе и тѣмъ кончилъ «все что могъ сдѣлать.» Г. Д.

*) Шипневскій никогда уже не имѣлъ счастія; откупъ навелъ ему много суетъ, а пользы никакой. Съ Пассекомъ онъ разладилъ, а особливо вотъ за что: Шипневскій имѣлъ въ закладѣ отъ князя Огинскаго за 18 тысячъ руб. мѣстечко Микулинъ и къ нему 1,200 мужеск. пол. душъ. Срокъ закладной прошелъ; но адвокаты считали по закону срокъ часами и минутами, до захожденія или по захожденіи солнца. Пассекъ, властію своею, велѣлъ солнцу зайти поскорѣе и Шипневскому овладѣть закладомъ; а потомъ предложилъ, чтобы Шипневскій уступилъ ему, для Панушки, все завладѣнное за сходную цѣну, почти такъ, какъ Шипневскій хотѣлъ уступки моего дома. Шипневскій давалъ 200 душъ безъ денегъ, но Пассекъ, оскорбясь, что помогалъ человѣку, которой не хочетъ отдать всего—не принялъ ничего. Шипневскій, разстроенный, задолжавшійся, огорченный, принужденъ былъ недостроенный еще домъ свой продать городской думѣ. А деревни продавать по частямъ, кромѣ самаго Микулина. Выѣхалъ въ Петербургъ, и тамъ скончался. Послѣдняя надежда къ счастью, кто ищетъ его въ столицахъ, потерявши молодость! Г. Д.

[illegible]

«есть еще и надъ ними надзоръ, которой можетъ и впредь повторяться».

Сенаторы дали записку, чтобы имѣніе, принадлежащее въ Бѣлоруссіи монастырямъ и церквамъ всѣхъ религій, защищаемо было казенныхъ дѣлъ стряпчими, безъ наблюденія формальныхъ польскихъ обрядовъ и безъ употребленія адвокатовъ, кои высасываютъ изъ вѣрителей своихъ часто не меньше того, чего стоитъ искъ. Сенатъ подтвердилъ сію записку повсемѣстными указами, которые исполняются къ пользѣ и выгодѣ духовныхъ, «даже до сего дне».

Предъ выѣздомъ изъ Могилева, сенаторъ графъ Воронцовъ потребовалъ къ себѣ Луцевина. «Я знаю причину—сказалъ онъ—по которой ты идешь въ отставку. При тебѣ ли твой голосъ?»

— «Нѣтъ ваше с.....»

— «Принеси же».

Луцевинъ сбѣгалъ на квартиру.

— «Читай».

Луцевинъ прочиталъ.

«Согласенъ ли твой голосъ съ истиною дѣла?»

— «Согласенъ ваше с., отвѣчалъ Луцевинъ, безъ того на какой же бы конецъ и мнѣніе писать?»

— «Очень хорошо. Что ты съ собою думаешь сдѣлать по полученіи отставки?»

— «Хочу ѣхать въ Петербургъ».

— «Очень хорошо; по пріѣздѣ покажись ко мнѣ, я тебѣ помогу».

Мой Луцевинъ, пересказывая мнѣ сіе, не дрожалъ отъ радости, но въ глазахъ его сверкало удовольствіе.

Пассекъ, узнавъ о семъ, не пропустилъ сказать графу при отъѣздѣ его: «у вашего сіятельства былъ ассесоръ Луцевинъ, которой......»

Графъ перебилъ: — «онъ, по полученіи отставки, намѣренъ искать службы въ Петербургѣ, просилъ моего пособія. Я велѣлъ ему явиться ко мнѣ, когда пріѣдетъ въ Петербургъ».

По отъѣздѣ сенаторовъ, Луцевину скоро пришла отставка, съ награжденіемъ чина. Онъ продалъ свой домикъ и всѣ мелочи; сбилъ изъ нихъ въ одно мѣсто небольшую свою казну, снарядилъ добрую кибитку. Мы условились другъ къ другу писать, увѣдомлять, и проч... Я проводилъ его за городскія ворота, вер-

большая часть дома обнята была пламенемъ. Усиліемъ многихъ рукъ хозяйскихъ и гостиныхъ слугъ, ускорили разрубить запертые, но свободные еще отъ огня окончины покоевъ той части, въ которой почивали гостья и хозяйка. Онѣ начинали уже душиться дымомъ и терять силы и память. Ихъ успѣли выхватить чрезъ окны, не заботясь о башмакахъ и шубахъ въ трескучій морозъ *).

Уже домъ сгорѣлъ до основанія, дымились только остатки, и малое пламя проскакивало по мѣстамъ. Уже малой день сближался къ полудню, какъ лежащая отъ испуга графиня опомнясь, потребовала къ себѣ всѣхъ своихъ служащихъ. Ей сказали, что управителя ея—маіора Лукса, землемѣра—Дольнера и еще бывшаго съ ними одного молодого офицера не могли отъискать.— Она упала въ обморокъ.

Напослѣдокъ, остатки тѣлъ сихъ несчастныхъ найдены въ горячемъ пеплѣ, собраны въ одинъ мѣхъ, положены въ одинъ гробъ и преданы землѣ.

Графиня оставшейся бездѣтной вдовѣ, майоршѣ Луксъ, опредѣлила по смерть денежную пенсію и деревню.

Послѣ сей тревоги, графиня чрезъ долгое время всѣмъ тѣмъ, кто желалъ чести имѣть ее у себя въ гостяхъ, отвѣчала единословно: «не желайте вы видѣть въ своемъ домѣ несчастную. Я, куда ни пріѣду—всюду бѣдствіе и смерть съ собою привезу» **).

---

*) Физики не упоминаютъ, во сколько онъ былъ тогда градусовъ. А тѣ термометры и барометры, которые имѣла хозяйка, всѣ погорѣли. Г. Д.

**) Когда благородное въ Москвѣ собраніе предположило поставить въ память Екатеринѣ II статую бронзовую и когда, на просьбу свою о томъ, получило уже отъ государя императора Александра I позволеніе, графиня Чернышева, узнавъ о семъ намѣреньи благороднаго собранія, писала къ старшинамъ онаго 1810 г. письмо, изъ котораго я нѣкоторыя мѣста, выписавъ, сообщаю подъ симъ: «Счастіемъ поставляю, что Провидѣніе продолжило мое бытіе до сей эпохи, въ которую и я, преисполненная благодарности къ сей великой государынѣ, могу быть удостоена принесть ей малую лепту отъ ея же щедротъ....... Стыжусь не умѣть излить моихъ чувствованій, коими сердце мое преисполнено..... Съ семилѣтняго моего возраста въ сиротствѣ, принята я и воспитана въ чертогахъ царскихъ Елисаветою I, пожалована во фрейлины Петромъ III, въ статсъ-дамы—Екатериною II, и, въ старости и во вдовствѣ, на одрѣ болѣзненномъ, не забыта Павломъ I, получивъ орденъ св. Екатерины 1-й степени...... Я обливалась слезами, читая описаніе всѣхъ милостей монаршихъ—Александра I, къ древней столицѣ, гдѣ нѣкогда мужъ мой начальствовалъ, котораго духъ еще пребываетъ въ Мо[illegible] я ей славы, коей нынѣ удостоена. Я его лишилась, но его чув[illegible] во мнѣ. Я мысленно слѣ-

Пассекъ, при проѣздѣ императрицы, получилъ отъ щедротъ ея шкатулку съ табакерками, часами, перстнями, для роздачи ихъ служащимъ въ штатской службѣ, коихъ, по его благоразсмотрѣнію, найдетъ онъ достойными сихъ знаковъ монаршаго благоволенія. Благоразсмотрѣніе его нашло человѣкъ съ четырехъ въ городѣ и по губерніи, которыхъ онъ обязанъ былъ наградить изъ собственнаго кармана за услуги, оказанныя и продолжаемыя ему; протчія изъ вещей, 5/6, по всѣмъ правамъ и прерогативамъ, найдены приличными для М. С. *).

«И кто изъ насъ, друзья! въ желаньяхъ не таковъ?» Волт. **).

§ XLII.

Москва.—Танбовъ.

Въ прошедшемъ еще году достались двѣ деревни по наслѣдству, или лучше сказать, по мирному третейскому раздѣлу дѣтямъ Марьи Сергѣевны отъ законнаго брака, въ Танбовской и Пензенской губерніяхъ, куда и посланъ былъ секретарь генералъ-губернатора Счетневъ, для отказа и принятія ихъ законнымъ порядкомъ. Но, будучи на свободѣ, перепился и въ умѣ помѣшался. На мѣсто его понадобился человѣкъ, которой бы не перепивался и въ умѣ не мѣшался. Сіе доброе мнѣніе пало на меня. Вслѣдствіе чего, секретарь генералъ-губернатора Путимцовъ объявилъ мнѣ, что его высокопревосходительство, оставя свое ко мнѣ неудовольствіе, родившееся по причинѣ связи моей съ Луцевинымъ, дѣлаетъ мнѣ честь препорученія, чтобъ я исправилъ въ Москвѣ и въ деревняхъ Пензенской и Танбовской губерній все то, что испорчено, или не кончено Счетневымъ.

Въ 1-мъ часу по полудни генералъ-губернаторъ, принявъ меня благосклонно, сказалъ сими точно словами: «Я на тебя поворчалъ.

довала вездѣ за государемъ и учавствовала въ восторгѣ всѣхъ жителей Москвы. Мнѣ казалось, что графъ мой живъ, и я съ нимъ угощаю толико любимаго государя, котораго удостоилась видѣть въ пеленахъ и на тронѣ. Спасибо жителямъ Москвы, что приняли его сердечно; но жаль, что мало имъ наслаждались..... Пока есть во мнѣ дыханіе, каждой годъ буду вносить охотно, на все должное и полезное, по десяти тысячъ рублей. Сія малость есть искра того пламяни, которымъ пылаетъ душа моя къ отечеству» и проч... Сѣверн. Почта, № 40, 1810 г. марта 19 дня. Г. Д.

*) Маріи Салтыковой. М. С.

**) Цитата эта въ подлинникѣ зачеркнута.

ты это знаешь. Теперь это дѣло уже прошлое. Здѣлай одолженіе для Марьи Сергѣевны. — Путимцовъ дастъ тебѣ цѣлое дѣло о деревняхъ, доставшихся дѣтямъ ея по наслѣдству. Прочитавши его, скажи мнѣ, что ты въ немъ найдешь».

Въ дѣлѣ нашелъ я: 1-е, копію съ формальнаго раздѣла господъ Салтыковыхъ, въ числѣ которыхъ достались и дѣтямъ Марьи Сергѣевны двѣ деревни, Бѣляевка и Шелдаисъ, состоящія невступно изъ 500 душъ, въ Танбовской и Пензенской губерніяхъ; 2-е, принятіе на себя опекунства двомя сенаторами, Обрѣсковымъ и Масловымъ и 3-е, партикулярныя по сей матеріи переписки, предписанія къ Счетневу и отписки отъ Счетнева, и прочія мелочи, какими обыкновенно всякія дѣла наполняются.

Пассекъ, выслушавъ на завтре мой докладъ и не сомнѣваясь изъ него, что я прочиталъ дѣло, взялъ меня за руку, говоря: поди же, я представлю тебя къ Марьи Сергѣевнѣ». Лишь только мы изъ кабинета въ залъ, Марья Сергѣевна туда же изъ гостиной противъ насъ — какъ будто по сигналу — явилась, съ бумагою въ рукѣ. Пассекъ, представляя меня, сказалъ: «Вотъ матушка, господинъ Д., о которомъ я тебя уже предварилъ; на него можно понадѣяться, что онъ все то исправитъ, что нашъ несчастной Счетневъ привелъ въ замѣшательство».

Марья Сергѣевна, вручая мнѣ формальную довѣренность, сказала мнѣ благосклонно: «Я поручаю вамъ мои дѣла, старайтесь хорошенько, я буду помнить».

Въ слѣдующіе за симъ дни, Пассекъ снабдилъ меня письмами въ Москву: къ опекуну, сенатору Маслову, — а Обрѣсковъ умеръ — къ танбовскому губернатору Державину, и къ племяннику своему, бригадиру Полтеву, имѣющему въ Москвѣ свой домъ и пребываніе, дабы онъ позволилъ дать мнѣ въ своемъ домѣ квартиру, гдѣ и другіе, посылаемые отъ дяди, всегда останавливались. Тако-жъ далъ письменную инструкцію и 200 рублей на прогоны и издержки и штатной роты солдата, котораго нужно было выпросить для дороги.

Отправясь, въ іюнѣ мѣсяцѣ, чрезъ Мстиславль, Гжатскъ и Можайскъ въ Москву и подъѣзжая къ ней, я уже смотрѣлъ на столицу, мнѣ не незнакомую. Но прежде нежели искать улицы, въ которой живетъ Полтевъ, заѣхалъ к[illegible] Ключареву *), у котораго

*) Ключаревъ, Өед. Петр[illegible] афѣ Чернышевѣ былъ секретаремъ о Могилевской губерніи, потс[illegible] мъ въ московскомъ губернскомъ

квартировалъ въ зиму 1785 года. Онъ велѣлъ провожатому показать мнѣ домъ Полтева, между тѣмъ, былъ радъ, спрашивалъ о состояніи Могилева, могилевскихъ, о препорученной мнѣ коммиссіи; просилъ, чтобъ я приходилъ къ нему обѣдать, чего я и не забылъ повторять чрезъ нѣсколько дней.

Подходя съ моимъ проводникомъ къ дому Полтева, увидѣлъ туда же идущаго человѣка, маленькаго, толстенькаго, молодого, краснолицаго, круглолицаго, въ сертукѣ песочнаго цвѣта; онъ взглянувъ на меня остановился и вскричалъ: «А!... мы могилевскіе». Это былъ Счетневъ, возвратившійся изъ деревень въ Москву. Я не могъ его знать, потому что онъ въ штатъ генералъ-губернатора поступилъ изъ Полотска, а въ Могилевѣ былъ на короткую пору, единственно для отправленія его въ деревни; а онъ меня узналъ можетъ быть потому, что случилось ему видѣть меня въ Могилевѣ.

Вошедши въ его комнаты, мы другъ-друга о чемъ надобно спросили, что надобно разсказали. А на первой почтѣ писали каждой отъ себя къ генералъ-губернатору о дѣлахъ Марьи Сергѣевны, о которыхъ онъ во всякомъ случаѣ заботился больше, нежели о самомъ себѣ. Онъ былъ наинѣжнѣйшій и наилутчій изъ смертныхъ любовникъ и отецъ.

Хозяинъ, Сергѣй Андреевичъ Полтевъ, получа отъ меня письмо, спросилъ о здоровьѣ дяди и обѣщалъ мнѣ поруководствовать, если бы въ чемъ по Москвѣ коснулась мнѣ надобность.

Бригадиръ Сергѣй Андреевичъ Полтевъ жилъ не женатой, велъ жизнь скромную, и почти уединенную; въ ту пору, какъ я его видѣлъ, былъ онъ лѣтъ подъ 40, а отъ сего времяни года чрезъ два услышали мы въ Могилевѣ, отъ П. Б. Пассека, слѣдующую объ немъ повѣсть: «Мой племянникъ — говорилъ онъ — С. А. Полтевъ пошолъ въ монастырь; онъ сперва сдѣлалъ завѣщаніе и прочія на бумагахъ сдѣлки, велѣлъ заложить коляску;

магистратѣ, а оттуда, по обыкновеннымъ съ служивыми превратностямъ, передвинутъ прокуроромъ же въ Вятку; откуда взявъ отставку, жилъ въ Москвѣ, и пользуясь покровительствомъ и снабденіемъ вдовствующей графини Чернышевой, считался секретаремъ въ штатѣ деверя ея графа Ив. Григ. Чернышева, президента коллегіи адмиралтейства. По вступленіи же Павла I на престолъ, сей Ключаревъ возведенъ въ достоинство дѣйствительнаго статскаго совѣтника, обвѣшенъ орденами и сдѣланъ прежде въ Астрахань, а потомъ въ Москву, главнымъ почтъ-директоромъ.—Нынѣ онъ сенаторъ въ Москвѣ. Г. Д.

взялъ съ собою лучшихъ своихъ слугъ, на вѣрность которыхъ могъ онъ понадѣяться, и поѣхалъ. Подъѣзжая къ монастырю, за нѣсколько верстъ остановился; и указывая людямъ на монастырь, сказалъ: «вонъ гдѣ мое жилище! вы теперь свободны, вотъ вамъ — отдавая имъ запечатанной конвертъ — и законное по формѣ увольненіе. Когда вы его покажете тетушкѣ, то получите отъ ней написанную здѣсь награду; увѣряю васъ, что вы всѣ будете мною довольны. Съ сего мѣста возвращайтеся назадъ въ Москву». Люди облились слезами и просили позволенія слѣдовать за нимъ въ монастырь; но онъ, простясь и разставшись съ ними, пошолъ пѣшой къ монастырю».

Мнѣ очень жаль, что я не могу припомнить названія монастыря, ни губерніи, ни уѣзда, въ которыхъ онъ находится *), однакожъ безъ сомнѣнія, въ Москвѣ и въ другихъ россійскихъ губерніяхъ долженъ быть извѣстенъ такой монастырь, въ которомъ все дворяне, удалившіеся туда или по склонности природы, или имѣя чувствительное сердце, не могли, будучи въ службѣ, перенести самонравія счастія. И такъ же не умѣю сказать: монахи ли тамъ обитаютъ? или свѣтскіе? или только монахи суть тѣ, которые захотятъ вступить въ монашество? Могу только о томъ увѣрить,—что мнѣ самому случилося слышать, — что сослужащіе Полтеву получили ордена, а онъ, будучи старшимъ по службѣ и достойнѣйшимъ по заслугамъ, обойденъ.

Въ другой разъ, П. Б. Пассекъ разсказалъ объ немъ слѣдующее: «Когда я въ послѣдній разъ былъ въ Петербургѣ, докладываетъ мнѣ камердинеръ: что послушникъ какого-то монастыря проситъ видѣться со мною. Мнѣ странно показалось: какую бы могъ имѣть ко мнѣ надобность монастырской послушникъ? и, что за тонъ? видиться со мною! Мое недоумѣніе тотчасъ разрѣшилъ человѣкъ, которой входитъ ко мнѣ въ бородѣ, одѣтъ по-монастырски, однакожъ, не монахъ. Я скоро его узналъ, это былъ родной племянникъ мой Сергѣй Андреевичъ Полтевъ. По первыхъ и родственныхъ дружескихъ разговорахъ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что посланъ въ Петербургъ по монастырскимъ надобностямъ, въ качествѣ повѣреннаго отъ монастыря. «Я — говорилъ П. Богдановичъ — заѣхалъ послѣ къ нему на квартиру. Онъ

*) Слова эти въ подлинникѣ за   М. С.

встрѣтилъ и принялъ меня непринужденно и не совѣстясь перемѣною своего одѣянія. На кровати его постланъ войлокъ; одна кожёная подушка, набитая шерстью *), а въ ногахъ лежалъ свернутой непокрытой ничѣмъ **) овчинной тулупъ. «Не стѣсняетъ ли васъ — спросилъ я его — недостатокъ или строгая жизнь, къ которой, какъ кажется, по воспитанію вашему привыкнуть почти невозможно».—«Ни мало нѣтъ невозможнаго — отвѣчалъ Полтевъ, — въ мірѣ больше заботъ, которыя ни къ чему полезному не служатъ и которыя несноснѣе всякихъ недостатковъ. Здѣсь, печку для себя затопить, и воды принесть, дѣло сколь необходимое, столь и самое простое. Амбиція, потребная въ мірѣ и въ службѣ, здѣсь невмѣстна и была бы смѣшна. Въ пищѣ мы не нуждаемся, два, три кушанья, чисто изготовленныя, довольны къ насыщенію человѣка; мы всѣ здѣсь дворяне и служившіе государю и отечеству, слѣдственно не много между нами разницы въ воспитаніи, а во образѣ жизни и мыслей и того меньше». «Ну что же — говоритъ Петръ Богдановичъ — хоть бы игумномъ што-ли? Стòитъ только сказать митрополиту; вы сегодни-же получите это назначеніе».—«Мнѣ и въ монастырѣ это говорятъ; но быть игумномъ почти тѣ же суеты, что и въ свѣтскомъ состояніи. А мѣнять суеты на суеты, не было бы согласно съ исполненіемъ принятыхъ единожды намѣреній». Я оставилъ его — кончилъ Пассекъ — и отчасти позавидовалъ».

Можетъ быть такъ, какъ Александръ—Діогену.

Изъ простыхъ и скорыхъ разговоровъ Счетнева, изъ порядочнаго и скораго изъясненія на письмѣ, я видѣлъ въ немъ человѣка не дурака и во нравственности больше чистосердечнаго, нежели скрытнаго. Я дивился, какимъ образомъ могло это статься, что Счетневъ перепился и въ умѣ помѣшался? Но въ продолженіи дней 12-ти, въ которые нужно было прожить въ Москвѣ, и въ которые мы съ нимъ поспѣвали быть въ театрахъ, въ греческихъ кофейныхъ домахъ, за Москвою на Воробьевыхъ горахъ, на такъ-называемыхъ Трехъ-горахъ, въ Марьиной рощи и проч. открыли мнѣ, что онъ сумазброденъ, разсѣенъ и когда выпьетъ рюмку крѣпкаго напитка, бываетъ похожъ на сумасшедшаго и начинаетъ говорить тономъ бреда, что его въ деревняхъ крестьяне

*) Послѣднія два слова въ подлинникѣ зачеркнуты. М. С.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «нагольной». М. С.

взялъ съ собою лучшихъ своихъ слугъ, на вѣрность которыхъ могъ онъ понадѣяться, и поѣхалъ. Подъѣзжая къ монастырю, за нѣсколько верстъ остановился; и указывая людямъ на монастырь, сказалъ: «вонъ гдѣ мое жилище! вы теперь свободны, вотъ вамъ — отдавая имъ запечатанной конвертъ — и законное по формѣ увольненіе. Когда вы его покажете тетушкѣ, то получите отъ ней написанную здѣсь награду; увѣряю васъ, что вы всѣ будете мною довольны. Съ сего мѣста возвращайтеся назадъ въ Москву». Люди облились слезами и просили позволенія слѣдовать за нимъ въ монастырь; но онъ, простясь и разставшись съ ними, пошолъ пѣшой къ монастырю».

Мнѣ очень жаль, что я не могу припомнить названія монастыря, ни губерніи, ни уѣзда, въ которыхъ онъ находится *), однакожъ безъ сомнѣнія, въ Москвѣ и въ другихъ россійскихъ губерніяхъ долженъ быть извѣстенъ такой монастырь, въ которомъ все дворяне, удалившіеся туда или по склонности природы, или имѣя чувствительное сердце, не могли, будучи въ службѣ, перенести самонравія счастія. И такъ же не умѣю сказать: монахи ли тамъ обитаютъ? или свѣтскіе? или только монахи суть тѣ, которые захотятъ вступить въ монашество? Могу только о томъ увѣрить,—что мнѣ самому случилося слышать, — что сослужащіе Полтеву получили ордена, а онъ, будучи старшимъ по службѣ и достойнѣйшимъ по заслугамъ, обойденъ.

Въ другой разъ, П. Б. Пассекъ разсказалъ объ немъ слѣдующее: «Когда я въ послѣдній разъ былъ въ Петербургѣ, докладываетъ мнѣ камердинеръ: что послушникъ какого-то монастыря проситъ видѣться со мною. Мнѣ странно показалось: какую бы могъ имѣть ко мнѣ надобность монастырской послушникъ? и, что за тонъ? видиться со мною! Мое недоумѣніе тотчасъ разрѣшилъ человѣкъ, которой входитъ ко мнѣ въ бородѣ, одѣтъ по-монастырски, однакожъ, не монахъ. Я скоро его узналъ, это былъ родной племянникъ мой Сергѣй Андреевичъ Полтевъ. По первыхъ и родственныхъ дружескихъ разговорахъ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что посланъ въ Петербургъ по монастырскимъ надобностямъ, въ качествѣ повѣреннаго отъ монастыря. «Я — говорилъ П. Богдановичъ — заѣхалъ послѣ къ нему на квартиру. Онъ

*) Слова эти въ подлинникѣ зачеркнуты. М. С.

Мнѣ, больше нежели изъ Могилева въ Москву, не хотѣлось выѣзжать въ другую сторону изъ Москвы, то-есть въ Танбовъ и Пензу. Причина нехотѣнію была та, что, по словамъ московскихъ жителей, я поѣду въ дорогу *) преслѣдуемую ворами и разбойниками. Я вѣрилъ этому тѣмъ больше, что пустословіе ихъ согласно было съ моею трусостью. Къ сему подоспѣло одно произшествіе: за день предъ моимъ выѣздомъ, одинъ богатой поселянинъ — позабылъ кому принадлежащій — хозяинъ и содержатель извощиковъ и городовыхъ экипажей, собственно ему принадлежащихъ, имѣлъ обыкновеніе носить опоясанной около себя подъ платьемъ, такъ-называемой черезъ, съ деньгами въ монетѣ и въ ассигнаціяхъ. Въ такомъ убранствѣ легъ онъ спать, видно уже не въ первой разъ, между своими каретами и колясками, которыя обыкновенно ставятся въ Москвѣ внѣ двора, предъ воротами на улицѣ, дабы каждый, желающій нанять, скорѣе ихъ видѣлъ. По утру онъ найденъ убитъ и обобранъ. Мнѣ казалось это худымъ для меня предвѣщаніемъ. Я не суевѣръ, но ощущаю, что человѣкъ есть непостижимая несклакица и смѣсь всего.

Не отвергая, ни утверждая ничего, не долженъ я пропустить въ молчаніи слѣдующаго обстоятельства, которое случилось хотя уже 10 лѣтъ спустя послѣ сего, однако-жъ, по матеріи о предвѣщаніяхъ или предчувствованіяхъ сердца, прилично помѣстить его здѣсь.

Въ 1796-мъ году, осенью, Пассекъ, обвѣнчавшись напослѣдокъ съ Марьею Сергѣевною въ селѣ своемъ — Смоленской губерніи — Яковлевичахъ, возвращался оттуда чрезъ Мстиславль и Могилевъ въ Петербургъ. Нужно знать, что Пассекъ, отъ вступленія на престолъ государыни императрицы, и жилъ и дышалъ какъ воздухомъ милостями царскими, и былъ приверженъ къ императрицѣ и чувствителенъ къ ея милостямъ безпредѣльно. Въ проѣздъ свой, о которомъ говоримъ, остановившись во Мстиславлѣ во дворцѣ казенномъ, уготованномъ для проѣзда еще въ Тавриду государыни императрицы, онъ вдругъ подвечеръ занемогъ. Собраны и собрались всѣ ближайшіе врачи, и даже за другими въ Могилевъ посланъ былъ нарочной. Больной метался

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «въ сторону». М. С.

предпринимали убить, отравить, зарѣзать и проч.; чѣмъ болѣ онъ выпьетъ, тѣмъ чаще повторяетъ объ этомъ подробности. Показываетъ ногу, которую будто бы они обожгли, въ намѣреніи его сжечь, и на которой однако-жъ нѣтъ никакого признака. Уже не трудно было видѣть, что онъ поретъ небылицу, что и въ самомъ дѣлѣ открылось *).

Узнавъ, что танбовской губернаторъ Державинъ былъ на ту пору въ Москвѣ—по случаю возвратнаго отъ Крыма шествія чрезъ Москву государыни императрицы, — явился я къ нему съ письмомъ моего генералъ-губернатора. Онъ, прочитавъ, спросилъ:

— «Почему вы узнали, что я здѣсь?

— «Вся Москва знаетъ о бытности въ ней вашего превосходительства, отвѣчалъ я увѣренъ будучи, что стихотворцамъ лесть не противна».

— «Что вамъ надобно?..»

— «Письмо отъ вашего превосходительства къ уѣздному судьѣ того уѣзда, въ которомъ деревни, слѣдующія къ отказу за малолѣтныхъ Салтыковыхъ».

— «Очень хорошо (записавъ въ книжку дѣло), приходите ко мнѣ въ субботу часу въ 9-мъ поутру».

Отъ него былъ я у сенатора Маслова. Онъ, принявъ меня ласково, позволилъ, яко опекунъ, чтобъ я, отъ имяни его, написалъ для себя довѣренность объ отказѣ деревень, которую онъ, тогда же подписавъ, велѣлъ мнѣ засвидѣтельствовать ее въ московской гражданской палатѣ. «Господа члены палаты — примолвилъ онъ — любя меня и зная лично, надѣюсь, не потребуютъ законной точности, чтобъ я лично въ палатѣ признавалъ мое подписаніе». Однако-жъ, со всею его на нихъ надеждою или увѣреніемъ меня, члены палаты согласились только на засвидѣтельствованіе собственноимяннымъ подписаніемъ, а не формальнымъ отъ палаты и то съ помочью для меня секретаря палаты**), чѣмъ я и долженъ былъ довольствоваться, а въ субботу, по назначенію, получилъ письмо отъ губернатора Державина.

---

*) По прошествіи отъ сего времяни нѣсколькихъ лѣтъ, онъ, пьяной, въ сумашествіи, чуть-было не отхватилъ себѣ ножемъ тѣхъ частей, безъ которыхъ человѣкъ—ни мущина, ни женщина. Г. Д.

**) Секретарь Андр. Дмитр. Прожека, знакомой и пріятель мнѣ, еще въ бытность его при должности въ Могилевѣ, во время генералъ-губернаторства графа Чернышева. Г. Д.

Это былъ Ларіонъ Семеновичъ Жуковъ. Отъ него былъ я у засѣдателя, забылъ какъ его зовутъ. Человѣкъ пожилой, очень доброй, ласковой и гостепріимной; счастье послужило, что и земскаго исправника нашелъ дома. Итакъ, предваря ихъ въ самую короткую пору о существѣ дѣла и о довѣренностяхъ, отъѣхалъ въ деревни Салтыковыхъ, лежащія межъ собою въ десяти верстахъ, по обѣимъ сторонамъ границы, раздѣляющей Пензенскую губернію съ Танбовскою.

Въ обѣихъ деревняхъ нашелъ я крестьянъ зажиточныхъ, порядочныхъ. Они приняли меня на свое содержаніе, и распорядили къ тому всѣ принадлежности весьма проворно. Къ квартирѣ приставили посмѣнную стражу. Квартира мнѣ отведена въ ветхомъ господскомъ домикѣ, состоящемъ изъ одного бѣлаго покоя съ перегородкою и сѣней, доказательство, что господа Салтыковы никогда здѣсь не живали. Мнѣ однако-жъ, особливо въ разсужденіи лѣтняго времяни, было не тѣсно.

Въ теченіе мѣсяца, которой я здѣсь прожилъ, бывалъ я въ маленькихъ уѣздныхъ городкахъ обѣихъ губерній, Спаскѣ и Керенскѣ, въ домахъ тамошнихъ мѣстныхъ чиновниковъ, служащихъ по трилѣтнимъ выборамъ. Сдѣлалъ формальной отказъ деревень за г-жу Салтыкову—такъ мнѣ предписано было, чтобъ отказъ учинить за мать, а не за дѣтей—разбиралъ и рѣшилъ частныя между крестьянами поземельныя ссоры и сосѣдственныя несогласія, -- ибо привилегія, данная человѣку всякаго состоянія, ссориться и драться сколько онъ хочетъ, распространена и на крестьянъ. Собралъ съ нихъ годовой оброкъ. Купилъ нѣкоторымъ, за ихъ деньги, собственно для нихъ, отъ желавшихъ продать, пашенныя земли, на имя госпожи ихъ. Написалъ, разсмотря обстоятельства деревень, наставленіе для бурмистровъ, земскаго и крестьянъ. Наставленіе или законъ, не меньше премудрой *), какой Солонъ написалъ Аѳинянамъ; слѣдственно, совсѣмъ не такой, какой извергъ человѣчества Ликургъ далъ Спартѣ—и, отправился домой съ мечтою законодателя **), чрезъ губернской городъ Танбовъ. Изъ Танбова послалъ, по почтѣ, при письмѣ, оброчныя деньги и копію съ моего наставленія къ моей вѣри-

*) Вмѣсто зачеркнутаго «точь въ точь такой же». М. С.

**) Въ подлинникѣ слова: «съ мечтою законодателя»—зачеркнуты. М. С.

тельницѣ и къ моему генералъ-губернатору, а самъ, вслѣдъ за симъ, отправился на долгихъ обратно на Владиміръ и Москву.

Еще на первомъ моемъ пути желалъ я изъ Владиміра свернуть въ сторону и побывать въ Суздалѣ, чтобъ видѣть тамъ того преосвященнаго епископа **Тихона Якубовскаго**, которой, будучи еще Сѣвскимъ епископомъ, воззвалъ дѣтской мой возрастъ въ домъ архіерейской, о чемъ прежде мною сказано, въ 1766-мъ году. Но сего іерарха, сказали мнѣ, уже не было на свѣтѣ. Онъ умеръ. Я, однако-жъ, на семъ возвратномъ пути не вытерпѣлъ, завернулъ въ Суздаль. Непреоборимое желаніе влекло меня видѣть третій и послѣдній *) его епархіальный городъ, его катедральный домъ и обитанныя имъ комнаты. Остановившись въ городѣ на квартирѣ, полюбопытствовалъ я походить по сему старинному городу. Церквей въ немъ множество, въ разсужденіи малости города, очень часты, и всѣ каменныя, въ чистотѣ и вкусѣ просто-греко-старо-россійскомъ. Смотря на городъ издали, рождается воображеніе, что это часть земли, отвалившаяся со всѣми зданіями отъ Москвы, столь онъ похожъ на нея своими церквами; но въѣхавши въ него, найдешь по улицамъ почти такую же неопрятность, какая въ Константинополѣ. Соборъ достопочтенныя древности просторенъ и богатъ, и похожъ, какъ родной братъ, на соборы московскіе: Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій, которые служатъ доказательствомъ, что греки, сообщившіе намъ планъ и фасадъ истины евангельскія, были въ архитектурѣ публичныхъ зданій великіе невѣжи**). Я трафилъ въ соборъ подъ конецъ вечерни, и наткнулся на стараго мужа, соборнаго протопопа. Онъ, по просьбѣ моей, показалъ въ соборѣ мѣсто, гдѣ погребенъ покойный преосвященный Тихонъ. Оно къ лѣвой сторонѣ олтаря, закрыто тѣмъ же чугуннымъ поломъ, какимъ и вся церковь, и никакого признака не оставлено. Изъ собора былъ въ домѣ архіерейскомъ, который хоть не обширенъ, но весь каменной и со всѣхъ равныхъ четырехъ сторонъ возвышенъ въ два безперерывныя жилья; внутри сего четвероугольника, посреди площадки,

---

*) Онъ архіерействовалъ въ Сѣвскѣ, въ Воронежѣ и напослѣдокъ—въ Суздалѣ. Г. Д.

**) Извѣстно, что, по введеніи въ Россію христіанскаго закона, при построеніи лутчихъ церквей всегда руководствовали греки. Г. Д.

садъ четвероугольникомъ же, обнесенный рѣшеткою, а между ею и сказаннымъ каменнымъ зданіемъ оставлены, порозжія со всѣхъ четырехъ сторонъ, мѣста для ходу, сажени на 3 въ ширину.

Мнѣ показали внутренность всѣхъ покоевъ, кои занималъ покойный преосвященный; удобность была видѣть все, потому что домъ, съ епархіею, присоединенъ уже былъ къ катедрѣ владимірской, почему и оставался необитаемымъ. Осмотрѣвши, въ сродной мнѣ задумчивости, мѣсто, гдѣ обиталъ напослѣдокъ первоначальный виновникъ благъ моихъ, продолжилъ путь въ Москву. На семъ разстояніи видѣлъ въ Коломнѣ архіерейской домъ, которой, такъ же какъ и суздальской, былъ уже упраздненъ и присоединенъ къ вѣдомству — сколько помню — московскаго митрополита, и которой стоитъ того, чтобъ его видѣть. Внутреннее церквей украшеніе богато и со вкусомъ; огромность колоколовъ являютъ богатство мѣста, усердіе къ церкви и тщаніе бывшихъ здѣсь владыкъ. Стѣны и башни возвышенныя, съ крѣпостными зубцами или городками, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ построенныя въ два ряда, одни выше другихъ, подтверждаютъ истину, что сіе зданіе есть произведенія древнихъ россійскихъ удѣльныхъ князей, кои въ семъ зàмкѣ обитали, а потомъ, съ измѣненіемъ времянъ, досталось оно въ казну духовную, на часть іерарховъ, титуловавшихся коломенскими и коширскими.

Въ Москвѣ остановился я въ новоотстроивавшемся домѣ княгини Дашковой, по знакомству мнѣ управителя ея маіора Щербакова.

Ежели празднословіе грѣхъ не слишкомъ смертной, то позабавлюся я имъ нѣсколько: княгиня Дашкова, по ея дарованіямъ и заслугамъ престолу императорскому, почтена достоинствомъ «директора россійской академіи наукъ». Домъ, въ которомъ я остановился, по знакомству мнѣ ея управителя, завистники подозрѣвали, что онъ выстроенъ изъ суммы академической. Неизвѣстный какой-то насмѣшникъ, безъсомнѣнія, не любящій злоупотребленія, если съ нимъ не дѣлятся, написалъ слѣдующіе стишки:

Французской лексиконъ два тома составляетъ,
И сорокъ человѣкъ трудилися полвѣка.
Россійской лексиконъ въ два года поспѣваетъ,
И трудятся надъ нимъ два только человѣка.
Россіянка одна и польской жидовинъ,

Два тома *) камены создали въ годъ одинъ.
Теперь стараются ихъ только переплесть,
Чтобъ пользу тѣмъ себѣ сугубу приобрѣсть.

Нѣсколько дней имѣлъ я удовольствіе зѣвать по Москвѣ, и напослѣдокъ отъѣхалъ въ Могилевъ.

По приѣздѣ, первымъ моимъ дѣломъ было узнать на почтѣ, получены-ль мои бумаги и оброчныя деньги? Узнавши, что оныя получены и уже доставлены къ генералъ-губернатору, явился я къ нему и къ его Марьѣ Сергѣевнѣ, и былъ принятъ не съ меньшимъ благоволеніемъ и уваженіемъ, какъ Колумбъ отъ Фердинанда и Изабеллы, по первомъ его возвращеніи изъ Америки. Вскорѣ за симъ пошло представленіе сенату, о награжденіи меня чиномъ коллегскаго ассессора, съ таковымъ еще мнѣ, чрезъ того же секретаря Путимцова, объявленіемъ, отъ лица генералъ-губернатора, что это мнѣ не вся награда. Сбылось, о чемъ скажется послѣ, а теперь, въ соблюденіе порядка времяни, скажу: что сего 1788 года, августа 14-го, пришелъ я въ катедральной архіерейской соборъ ко всенощной. Тамъ ассессоръ казенной палаты Бояриновъ, знавшій нѣсколько мою исторію, подошедъ ко мнѣ, сказалъ тихонько:

— «Кириллъ Сѣвскій здѣсь».

— «Гдѣ здѣсь?...»

— «Мы видѣли, какъ они съ нашимъ архіереемъ вошли въ олтарь».

Вдругъ отворяются главныя въ олтарѣ двери — называемыя царскія — и я вижу дядю выходящаго изъ олтаря на средину церкви, въ маломъ облаченіи съ пастырскимъ жезломъ, на литію. Это значитъ: онъ принялъ на себя трудъ отслужить всенощную. Видно было по всему, что онъ силился шагъ свой сдѣлать твердымъ, осанку горделивою; въ самомъ же дѣлѣ, на зло бодрости, волочилъ ноги, хотя и не очень былъ сѣдъ; а когда зачиталъ молитву, то еще больше далъ примѣтить, что шестьдесятъ третій годъ его жизни **) требуетъ принадлежащей себѣ дани. Увы! помыслилъ я — сравнивая настоящее состояніе его съ прошедшимъ — куда дѣвались его живость и проворство, какъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго «дома». М. С.

**) По-академически: его возраста. Но дядя мой, не уважая академическаго смысла, давно уже понижался, а не возрасталъ. Г. Д.

онъ, бывало, громогласно во всю церковь бранитъ, свѣчами бороды палитъ и по зубамъ кулакомъ даетъ! Вотъ чего стоютъ подъ старость двѣнатцать лѣтъ, въ которые я его не видалъ! теперь онъ другой человѣкъ!—такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ.

Послѣ литіи, я вошелъ къ нему въ олтарь. Онъ поднялся съ каѳедры, далъ мнѣ благословеніе, и спросилъ:

— «Скажи правду, радъ ли ты мнѣ?»

— «Какъ мнѣ не радоваться, видя ваше преосвященство? да еще и въ благополучномъ состояніи здоровья».

— «Здоровье-то мое не очень въ благополучномъ состояніи. Я для того и ѣду въ Москву, чтобы тамъ полечиться, а въ Могилевъ заѣхалъ для того, чтобъ видѣть вашего преосвященнаго. Онъ былъ въ Кіевѣ мой учитель **), и—видѣть тебя. Въ Москвѣ увижусь съ преосвященнымъ московскимъ Платономъ, ты знаешь, что онъ не имѣетъ причины быть мною довольнымъ***). Всѣмъ надобно умирать, и намъ тоже. Изъ Москвы проѣду чрезъ Орелъ и Сѣвскъ въ Кіевъ. Вотъ кругъ моего путешествія».

— «Это движеніе укрѣпитъ больше здоровье вашего преосвященства...»

— «Дай Богъ».

— «Каковы бѣлорусскія дороги показались вашему преосвященству?»

— «Дороги больше похожи на садовыя аллеи; я думаю, они стоютъ труда и пота здѣшнимъ поселянамъ!»

— «За то и польза для проѣзжающихъ несравненна; да и поселянамъ, сдѣлавши единожды, осталось уже на предбудущее время легче починять, нежели вновь сдѣлать».

Между тѣмъ, какъ мы говорили, преосвященный могилевскій читалъ по книжкѣ, со свѣчкою, молитвы, коихъ обыкновенно въ эту пору читаютъ готовящіеся къ завтрешнему дню на служеніе, и коихъ онъ, читавши не одну тысячу разъ, зналъ безъ сомнѣнія наизусть. Но читавши безъ книги и безъ свѣчи, никто бы не замѣтилъ, что онъ читаетъ.

Я откланялся до завтрешняго свиданья; а завтре по утру, когда я къ нему пришелъ, свиданье началось вопросомъ:

---

*) Синтактическаго класса. Г. Д.

**) Онъ, по натурѣ и по привычкѣ своей, всегда и вездѣ Платона злословилъ, и Платонъ объ этомъ зналъ. Г. Д.

— «Что вы не женитесь?»

— «Здѣсь невѣстъ нѣтъ, польки безъ приданаго».

— «Приданое вы сами можете нажить»...

— «Тогда и женюсь, когда наживу».

Нашему странному разговору помѣшали поздравители съ праздникомъ, секретарь консисторскій и другіе. По краткомъ словѣ, архіерей-дядя спросилъ секретаря:

— «Не занятъ-ли преосвященный? можно-ли у него быть?»

«Можно, ваше преосвященство, теперь только отъ него іезуиты вышли».

— «Іезуиты? а зачѣмъ они здѣсь были? Я ихъ мошенниковъ на порогъ бы не пустилъ».—Потомъ, схватя меня за руку: «пойдемъ къ преосвященному, сказалъ, я тебя зарекомендую».

«Преосвященный меня знаетъ...»

— «Пойдемъ.»

И не выпущая меня изъ рукъ, потащилъ за собою—вошедши: «вотъ, сказалъ, представляю вашему преосвященству, это былъ нашъ».

— Я довольно знаю, и отличаю; онъ былъ вашъ, а теперь нашъ»...

— «Я слышалъ, у вашего преосвященства іезуиты были?»

— Были, съ праздникомъ меня поздравили.

— «Я этихъ поздравителей дубиною бы проводилъ съ крыльца».

Могилевскій архіепископъ не нашелся, или лучше сказать, не хотѣлъ найтися, что отвѣчать ему на эту странность. А я, видя истину пословицы: «Каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку», не разсудилъ уже быть у него въ продолженіи двухъ дней, прожитыхъ имъ въ Могилевѣ, а только прицѣлилъ къ тому времяни, когда у него лошади заложены были къ выѣзду. На претенсію его, что я у него не былъ, извинился я недосугомъ по должности; онъ, безъ сомнѣнія, понялъ мою ложь, но нечего было дѣлать; ему надобно было садиться въ рыдванъ, надобно было проститься, и—мы простились на вѣки! Я, получая каждогодно новой адресъ-календарь, всегда имѣлъ влекущее меня обыкновеніе, посмотрѣть поскорѣе, здравствуетъ ли мой Кириллъ епископъ. Такимъ образомъ, и въ 1795 году кинулся посмотрѣть, но уже его не нашелъ. Я не сомнѣвался, что онъ скончалъ свое теченіе жизни, а вскорѣ потомъ получилъ и увѣдомленіе. Непонятное, но свойственное мнѣ внутрен-

нее движеніе встревожило мою природу. Я долго былъ въ печальной задумчивости, внушавшей мнѣ симъ, хотя обыкновеннымъ, но свѣжимъ событіемъ, что все на свѣтѣ подвержено смерти!

Теперь надобно возвратиться опять къ тому пункту, съ котораго я сошолъ, а имянно, что генералъ-губернаторъ Пассекъ приказалъ своему секретарю увѣрить меня, что представленіе меня въ чинъ не вся награда. Онъ исполнилъ свое слово вотъ при какомъ случаѣ: въ сентябрѣ сего 1788 г. умеръ другъ мой—о которомъ я выше неоднократно упоминалъ — Дмитрій Романовичъ Чугаевичъ, надворный совѣтникъ, верхняго земскаго суда уголовныхъ дѣлъ стряпчій. Генералъ-губернаторъ вспомнилъ обо мнѣ. И хотя многіе за многихъ ходатайствовали, въ томъ числѣ и преосвященный нашъ за своего консисторскаго секретаря, однако-жъ генералъ-губернаторъ, минуя всѣхъ ихъ представилъ сенату обо мнѣ. Эта милость удовлетворяла тѣмъ болѣе моей суетности, что я получилъ ее какъ будто съ бою, забывшись по обыкновенію людей, что я имѣлъ добраго секунданта, то-есть самого генералъ-губернатора.

При окончаніи сего года, открылась еще надобность генералъ-губернатору въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ. Я назначенъ и туда; а чтобы могъ я изъяснить поручаемое мнѣ дѣло обстоятельнѣе, и тѣмъ сдѣлать его полюбопытнѣе, то надобно начать *) его повыше, съ того самаго мѣста, о которомъ я и самъ не зналъ при порученіи мнѣ сей коммиссіи. Оно для меня было закрыто.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Потемкинъ, будучи генералъ-губернаторомъ Екатеринославскимъ, Таврическимъ, Саратовскимъ и другихъ на югѣ губерній, управлялъ всѣми сими пространныхъ степей областьми самовластно, не давая отчота правительству, и, ежели кто зналъ его особу, тотъ легко повѣритъ, что онъ не давалъ отчету ни самому себѣ. Такъ угодно было жребію, чтобъ онъ родился въ рубашкѣ и чтобы никто столько не приобрѣлъ у императрицы довѣрія и вмѣстѣ съ довѣріемъ могущества, сколько онъ. Сказано мною прежде, что Пассекъ старался и успѣлъ приобрѣсть покровительство сего высокаго и толстаго столпа имперіи и другого, князя Вяземскаго, ко-

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «взять». М. С.

торой былъ и генералъ-прокуроръ, и государственный казначей, и управлялъ многими изъ тѣхъ частей, которыя послѣ раздѣлены на многихъ министровъ. Но, съ такими сильными подпорами, Пассекъ почти ничего для себя не получалъ отъ щедротъ монаршихъ, какъ между тѣмъ другіе получали немалыя награды деньгами иль деревнями, хотя и ему сильно хотѣлось и того и другого; во-первыхъ, потому хотѣлось, что промотался, поддерживая санъ генералъ-губернатора и угождая прихотямъ Марьи Сергѣевны, во-вторыхъ, потому, что желалъ ей и любезному отъ ней своему плоду увѣковѣчить что-нибудь вѣрное. Иные говорили, что сія самая его съ г-жею Салтыковою связь и была причиною, что онъ не награждался; другіе, будучи охотники отгадывать загадки и разрѣшать задачи, съ неменьшимъ основаніемъ говорили, что и князь Потемкинъ желалъ услужливаго пріятеля своего держать на уздѣ, и, для какихъ-то политическихъ тонкостей, дарить его иногда отъ себя, а не отъ короны. Вслѣдствіе сего, князь Потемкинъ подарилъ своему Пассеку,— не имѣя самъ формальнаго права, и не давая таковаго Пассеку, кромѣ партикулярнаго письма—казенной дубовой лѣсъ, на разстояніе *) около 2000 десятинъ, называемый — по близлежащему тамъ селенію Маяки **) — Маяцкая засѣка, между Бахмутомъ и Таганъ-рогомъ, гдѣ кромѣ сего лѣса, въ окрестностяхъ, болѣ какъ на двухъ стахъ верстахъ нѣтъ ни дерева. Жители тамошніе по преданію знаютъ, что государь императоръ Петръ Великій приказалъ заклеймить въ сей засѣкѣ болѣе тысячи дубовъ, тогда уже избранныхъ на корабельное строеніе. Вѣроятно, это было въ то время, когда сей великій монархъ заводилъ на Воронежѣ верфь, для флотовъ на Азовское и Черное моря, но потомъ намѣренье свое обратилъ на Балтійское море, гдѣ нынѣ Петербургъ.

Князь Вяземскій узналъ о подаркѣ и, будучи чиноначальникъ штатской, блюститель закона и государственной пользы, зналъ, что казеннымъ добромъ не дарятъ; но съ одной стороны, не желая раздражить всемогущаго Потемкина, а съ другой, не желая огорчить и Пассека, старающагося всѣми возможными силами приобрѣтать милость его, разсудилъ за благо, присосѣ-

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «мѣрою». М. С.

**) Слова эти въ подлинникѣ зачеркнуты: М. С.

диться къ нимъ въ часть, на счетъ Маяцкой засѣки. Онъ повидимому зналъ исторію римскую и тріумвиратъ почиталъ дѣломъ добрымъ.

Тогда на Черномъ морѣ заводился корабельной коронной флотъ, а подрядчикъ на поставку корабельныхъ лѣсовъ былъ орловской купецъ Фурсовъ. Вяземскій рекомендуетъ его письмомъ Пассеку, какъ особѣ имѣющей корабельной лѣсъ, какъ особу, имѣющую нужду въ корабельномъ лѣсѣ. Можетъ быть намекнулъ, что доставшійся такимъ образомъ Пассеку лѣсъ не можетъ быть и проченъ для наслѣдниковъ.

Пассекъ давно уже назначилъ и предувѣдомилъ меня о сей коммиссіи, но не открылъ того, что я выше сказалъ. А напослѣдокъ, въ началѣ декабря 1788 г. призываетъ и ввѣряетъ мнѣ законтрактовать лѣсъ Фурсову, доставя къ нему, генералъ-губернатору, напередъ взаимныя условія, или, по его слову, прелиминары. Даетъ формальную на сіе довѣренность; говоритъ, что трактъ мой лежитъ чрезъ Черниговъ, Нѣжинъ, Харьковъ, изъ Харькова въ Кременчугъ *), потомъ, чрезъ Полтаву и Бахмутъ, въ Таганрогъ, гдѣ живетъ Фурсовъ. Снарядя меня совсѣмъ, даетъ напослѣдокъ на замѣчаніе, чтобъ я съ Фурсовымъ—которой былъ уже изъ купца прапорщикомъ—обошолся, какъ можно, поучтивѣе. Я, не подозрѣвая на себя, чтобы былъ предъ кѣмъ неучтивъ, не имѣлъ равномѣрно понятія и о способѣ приобрѣтенія Пассекомъ лѣса, а узналъ уже такъ поздо, что знаніе мое для меня было безполезно, а для кредитора моего—убыточно. Почему и предосторожность о вѣжливости передъ подрядчикомъ послужила для меня только загадкою. Доказательство, что кого удостоиваютъ довѣрія, отъ того — кромѣ шпіоновъ — скрывать ничего не надобно; о чемъ развязка будетъ на своемъ мѣстѣ.

Отъѣхавъ по вышесказанному маршруту, пріѣхалъ въ Харьковъ и потомъ въ деревню, гдѣ вручилъ управителю Рязанову предписаніе о принятіи меня, о содержаніи, и о дачѣ денегъ на прогоны, куда будетъ надобно. Пробывъ нѣсколько дней въ деревнѣ, отправился въ Кременчугъ, для врученія отъ Пассека письма тамошнему губернатору, Василью Васильевичу Коховскому. Это тотъ Коховскій, по ходатайству котораго получилъ

*) Тогдашній времянный губернскій городъ Екатеринославской губерніи, въ которой и Маяцкая засѣка. Г. Д.

я чинъ губернскаго секретаря, отъ брата его, бывшаго въ Могилевѣ губернаторомъ. Письмо сіе содержало: чтобъ его превосходительство далъ мнѣ свою помочь, если я буду въ чемъ имѣть нужду, поелику порученныя мнѣ дѣла находятся во ввѣренной ему Екатеринославской губерніи.

По прибытіи въ Кременчугъ и по врученіи письма, вѣжливой Коховскій спросилъ:

— «Научите вы меня, чѣмъ я Петру Богдановичу могу служить?»

«Теперь дѣла еще не начаты, а по начатіи, если что откроется, тогда позвольте мнѣ потрудить ваше превосходительство».

— «Очень хорошо! Пишите ко мнѣ какъ къ другу и повѣренному Петра Богдановича».

Я угадывалъ напередъ, что къ нему не случится никакого дѣла, но заѣхалъ для того, чтобъ побывать въ небываломъ городѣ Кременчугѣ и видѣть почтеннаго моего благодѣтеля, почему и не пропустилъ я припомнить ему: «вашему превосходительству нельзя меня замѣтить, потому что я не одинъ былъ, которой вами облагодѣтельстованъ; я, однако-жъ, никогда не долженъ забыть, что, по милости вашего превосходительства, получилъ отъ Михайла Васильевича чинъ губернскаго секретаря».

Онъ былъ нездоровъ, и сидѣлъ за столикомъ на канапе, въ халатѣ и колпакѣ. Выслушавъ меня, онъ снялъ колпакъ и спросилъ: «въ какомъ вы теперь чинѣ?»

— «Титулярный совѣтникъ».

«Препорученія вамъ отъ генералъ-губернатора и повышеніе чиномъ свидѣтельствуютъ, что я услужилъ человѣку достойному. Не отзываю васъ отъ вашего мѣста, но ежели вамъ заблагоразсудится перейти *) къ намъ въ Кременчугъ, будьте увѣрены, что забыты мною не останетесь».

Поблагодаря «за благосклонное обнадеживаніе, которое—сказалъ я—останется навсегда вѣрнымъ залогомъ моего счастія», отправился чрезъ Полтаву и Бахмутъ въ Таганъ-Рогъ.

Необозримая степь, совокупяся съ горизонтомъ, окружала меня бездною снѣжной бѣлизны. Въ Полтавѣ былъ я только переѣздомъ, и ничего не замѣтилъ, кромѣ громкаго имяни Полтавы и

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «перебраться». М. С.

кирпичнаго памятника на побѣду, одержанную Петромъ Великимъ надъ Карломъ XII; впротчемъ плетни да мазанки. Зима въ тотъ годъ такъ была люта, что, подъ тамошнимъ довольно-южнымъ поясомъ широты, все замерзло; почему и мнѣ случилось ѣхать чрезъ 30 верстъ саньми, по заливу Азовскаго моря, надъ которымъ стоитъ Таганъ-Рогъ.

Въ Таганъ-Рогѣ Фурсова я не нашелъ. Онъ, по словамъ жены его, отъѣхалъ въ казанскіе и другіе какіе-то лѣса, для закупки ихъ на корабельныя потребности. Жена его, узнавъ отъ меня всю причину моего пріѣзда, увѣряла меня, что онъ по пріѣздѣ, конечно, поспѣшитъ со мною видѣться или въ Бахмутѣ, или въ Харьковѣ. Притомъ называетъ меня въ разговорѣ моимъ имянемъ. Я удивился, тѣмъ болѣ, что узнать ей было не отъ кого, не спрося меня самого. Она замѣтила, и тотчасъ сказала:

— «Когда вы меня не помните, такъ я васъ не забыла».

«Скажите, сударыня, передъ кѣмъ я виноватъ?».

— «Нѣтъ никакой вины; я тогда была лѣтъ 15-ти, а теперь мнѣ 30-ть, вотъ ужъ сыну 7-й годъ, да Богъ насъ наказалъ: оспа лишила его глазъ».

Въ самомъ дѣлѣ, увидѣлъ я лицо мальчика испорченное, и глазъ ничего нѣтъ. «Ахъ, какое несчастье!» сказалъ я. Но желая поскорѣе узнать почему меня знаютъ.

Она продолжаетъ: «Въ послѣдній разъ бытности вашей въ Орлѣ—1775 г.—при Сѣвскомъ архіереѣ Кириллѣ, вы нашему дому были пріятель; батюшка намъ всегда васъ хвалилъ, и былъ доволенъ вашею къ нему милостью. Я дочь отца Ивана Введенскаго».

— «Ахъ сударыня! вы одна изъ трехъ сестеръ?»

«Точно такъ».

— «Такъ-мы съ вами-та въ жмурки и въ городки карточные игрывали?»

«Точно такъ».

Тутъ мы вступили въ разговоръ, какъ давніе пріятели. Спрашивали взаимно о знакомыхъ, сотовариществовавшихъ, и проч. Я пробылъ здѣсь дни четыре, какъ сыръ въ маслѣ и какъ почки въ салѣ, помня однакожъ десятую заповѣдь: «не пожелай ничего ближняго твоего: ни жены его, ни отроковицы его».

Надобно-ли сказать что о Таганъ-Рогѣ? Скажу *): Дровъ нѣтъ, топятъ тростникомъ. Икры и рыбы много, и очень дешева. Въ безлѣсномъ мѣстѣ нельзя требовать хорошаго строенія. Фортецію можно было видѣть и изъ-подъ снѣга, что отработана по наукѣ **). Портовая таможня была закрыта въ разсужденіи продолжавшейся съ турками войны;—закрыта не для того, чтобъ ихъ опасались, но чтобъ съ товарами не подослали чумы. Тамъ обитаютъ, сверхъ россіянъ, греки и армяне; былъ я въ греческой церкви, которая хотя деревянная, однако-жъ прибрана чисто. Богослуженіе отправляется на греческомъ языкѣ. Но ничто такъ мнѣ не понравилось, какъ постоянное отъ древнихъ временъ и во всемъ единообразное вещей расположеніе греческой церкви съ россійскою, кромѣ разности языка.

Я не забылъ будучи въ Таганъ-Рогѣ, что тамъ должно искать подполковника Петра Алексѣевича Луцевина, дяди моего пріятеля Луцевина. Мнѣ указали его жилище. Я его въ домѣ не нашелъ. Однако-жъ, прежде нежели успѣлъ выйтить изъ дома, онъ возвратился. Это было въ вечеру. Я далъ ему о себѣ знать, увѣдомилъ о племянникѣ, которой тогда уже былъ, какъ я выше сказалъ, подъ покровительствомъ графа Воронцова. Старикъ, лѣтъ за 60, но еще крѣпкой въ здоровьѣ, и съ тридцати-пятилѣтнимъ***)—Владимірскимъ—крестомъ, принялъ меня довольно, въ разсужденіи старика, привѣтливо и угощалъ цимлянскими винами, краснымъ и бѣлымъ, которыя вмѣстѣ съ приходомъ нашимъ привезены къ нему въ двухъ анкеркахъ; и намъ было забавно, что я къ нему, а онъ изъ гостей, поспѣшили какъ-будто на пробу вина. Жена его, лѣтъ съ небольшимъ 30-ти, сухощавая, черноволосая, смугловатая, похожая на армянку, очень было примѣтно, что имъ была любима, и что ее повелительной тонъ былъ старику пріятенъ. Да, можетъ быть, эта самая и была при-

---

*) Слово это въ подлинникѣ зачеркнуто. М. С.

**) Построилъ ее генералъ-инженеръ де-Жедрасъ.—Въ теченіи времяни, когда уже былъ я въ службѣ по Витебской губерніи, случилось мнѣ быть съ другими въ домѣ вдовствующей г-жи де-Жедрасъ въ деревенкѣ Дягилевѣ, при Двинѣ, отъ Витебска верстахъ въ 20-ти, гдѣ она провела остатки дней своихъ, и тамъ скончалась, лѣтъ безъ мала девяноста отъ рожденія, потерявъ напередъ въ одинъ разъ двухъ и послѣднихъ сыновей, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ ихъ, въ войну противъ турковъ. Г. Д.

***) Слова эти въ подлинникѣ зачеркнуты. М. С.

чина, что онъ знать о сродникахъ не слишкомъ горячился. На вопросъ мой, говорилъ онъ, что «въ Таганъ-Рогѣ жить можно безбѣдно человѣку каждаго состоянія, потому что городъ портовой, земля плодородная, на рыбу, на икру изобиліе и дешевизна*), скотоводство превосходное, дичи множество. Посмотрѣли-бъ вы— продолжалъ онъ—какой вчера былъ свадебной ужинъ у нашего баталіоннаго прапорщика: за столомъ сидѣло персонъ до 40 и кушанья было столько—хоть бы и у коменданта»**)!

— «Да не въ долгъ ли это на радостяхъ?»

«Никакъ! Это отъ того, что у насъ съѣстное дешево, да и все, слава Богу, не дорого».

Напослѣдокъ, повидавшись съ добрымъ служивымъ и простившись съ нимъ и съ госпожею Фурсовую, возвращался въ надеждѣ, что г-нъ Фурсовъ со мною увидится.

Въ Бахмутѣ остановившись, спросилъ я, по наставленію г-жи Фурсовой, у моего хозяина: здѣсь ли Фурсовъ? «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ; его уже давно здѣсь видѣли». Итакъ, предоставя свиданье съ нимъ, по словамъ г-жи Фурсовой, къ Харькову, пошелъ я въ церковь къ обѣднѣ. Тогда былъ день воскресный. Доброй мой шагъ не остался безъ награды: тамъ я Фурсова нашелъ, пріѣхавшаго того же утра.

Теперь то самое мѣсто, на которомъ надобно сказать, каковъ Фурсовъ.—Старикъ, лѣтъ подъ 60, сѣдъ, въ здоровьѣ свѣжъ и крѣпокъ. Ознакомившись и поговоря съ нимъ о взаимныхъ нашихъ надобностяхъ, я показалъ ему довѣренность, вслѣдствіе которой сдѣлали мы съ нимъ прелиминарные пункты, изъ которыхъ главнѣшія были: Фурсову на пять мореходныхъ суденъ***) извѣстной величины или колибра—вырубить деревъ, а генералъ-губернатору получить за это 25 тысячъ рублей, въ число которыхъ, при заключеніи контракта 5,000 р., а прочіе при начатіи рубки лѣса. При вырубкѣ лѣсовъ, быть съ обѣихъ сторонъ смотрителямъ, дабы ни лишки, ни недостатка деревъ по контракту

---

*) Я тогда купилъ пудъ икры для посылки въ Могилевъ. Заплатилъ 2 р. 40 к. и мнѣ въ Таганъ-Рогѣ говорили, что я купилъ дорого, потому что она сѣровата, а не черна. Г. Д.

**) Тогда въ Таганъ-Рогѣ комендантомъ былъ Иванъ Петровичъ Касперовъ. Г. Д.

***) На петербургскомъ языкѣ: судовъ. Г. Д.

быть не могло, и проч. Сіи пункты обѣими сторонами подписаны и посланы, при моемъ донесеніи, на аппробацію въ Могилевъ къ моему кредитору, генералъ-губернатору Пассеку.

Я разстался съ Фурсовымъ дожидаться въ Харьковѣ рѣшительнаго приказанія, и получилъ его весною 1789 г., а предъ тѣмъ, для прогнанія скуки заохотился прокататься, по послѣднему зимнему пути, въ Бѣлгородъ, къ тамошнему преосвященному Ѳеоктисту Мачульскому.

Онъ тотъ самой, которой, будучи въ Кіево-михайловскомъ монастырѣ архимандритомъ, угощалъ нѣсколько дней моего сѣвскаго архіерея Кирилла и весь его штатъ, въ 1769 г., а потомъ уже самъ былъ сѣвскимъ архіереемъ, и наконецъ бѣлоградскимъ. Мнѣ же онъ столько знакомъ, сколько бываютъ знакомы почтныя духовныя особы обращающимся въ ихъ сферѣ молодымъ подрослямъ, которымъ они иногда ласковое слово скажутъ, а иногда благословятъ, или яблоко дадутъ. И хотя, соглашаяся съ чувствами благодарности, должно истину сказать, что въ то время такое почтенныхъ и благоумныхъ мужей обращеніе юность куражило; однако-жъ въ настоящее время, когда уже былъ я въ рангѣ царскаго капитана, то, не оскорбляя благодарности, долженъ признаться въ томъ самолюбіи, что я уже и самъ былъ къ тому близокъ, чтобы говорить съ нимъ ласково, и дать ему яблоко, оставя ему только право благословенія.

Отъ деревни Пассека до Бѣлгорода ѣзды на одинъ весенній день, на посредственныхъ лошадяхъ, а не на волахъ. Я пріѣхалъ туда предъ полуднемъ; остановился на постояломъ дворѣ, походилъ по городу, былъ въ большомъ архіерейскомъ пространномъ и зѣло благолѣпномъ соборѣ; но во всемъ вообще городѣ не нашелъ ни слѣда, чтобы въ немъ было что похожее на губернской городъ, изъ какого онъ обращенъ въ уѣздной, при реформѣ городовъ по учрежденію Екатерины II, и присоединенъ къ Курской губерніи. Узнавъ, что преосвященный дома, возвратился на квартиру, позавтракалъ часу въ первомъ пополудни, одѣлся по формѣ и пошелъ прямо въ домъ архіерейской. Домъ каменной, построенъ по старинѣ. Кирпича положено величайшія громады. Выгодъ, для состоянія духовныхъ властей, больше нежели надобно. Внутренность расположена по-монастырски, а наружность — безъ вида и вкуса. Ежели нравственность, скромность,

своеобычливость и критика имѣютъ свое внитіе *) во все, какъ воздухъ и вода, то на семъ мѣстѣ можно сказать: что «древніе наши блюстители вѣры и закона старались не о произведеніи наружныхъ блесковъ, но о внутренцемъ украшеніи: покоевъ чистотою, а души—добродѣтельми». Но архитектура и вкусъ настоящаго времяни, на другой сторонѣ медали моего мнѣнія, дерзновенно напишутъ: что «безобразное строеніе есть произведеніе достойное невѣжества своихъ времянъ».

Знавъ придворныя архіерейскія обыкновенія, и не меньше того помышляя о моемъ красномъ мундирѣ, данномъ на среднюю полосу **) Россіи, вошелъ я храбрымъ шагомъ—какъ будто никогда не бывалъ монастырскимъ питомцемъ—въ залу молитвы и благоговѣнія, и у встрѣтившагося со мною служителя спросилъ: можно ли видѣть преосвященнаго? Онъ мнѣ указалъ на боковой, въ той же залѣ, незатворенной покоецъ, на лѣвую сторону со входа, гдѣ увидѣлъ я преосвященнаго, сидящаго и бесѣдующаго съ однимъ духовнымъ монашествующимъ чиновникомъ. Я подошелъ, а онъ, приподнявшись и подавая мнѣ благословеніе, сказалъ: «намъ, кажется, знакомиться не надобно; однакожъ, я васъ сперва не узналъ. Я слышалъ отъ преосвященнаго Кирилла, что вы служите въ Могилевской губерніи. Какія судьбы завели васъ въ Бѣлгородъ?...

«Мнѣ поручены отъ нашего генералъ-губернатора исполненіи его надобностей, по Екатеринославской и Харковской губерніямъ. Близость Харькова отъ Бѣлгорода умножила мое желаніе видѣть особу вашего преосвященства и возобновить лично мое уваженіе».

— «Очень жалѣю, что мы ускорили отобѣдать, однако.....

«И я обѣдалъ, ваше преосвященство!»

— «Вашъ экипажъ здѣсь?»

«На квартирѣ, ваше преосвященство!»

— «А для чего-жъ вы не прямо ко мнѣ взъѣхали?.......»

Онъ пригласилъ меня переѣхать. И когда, по взаимномъ

---

*) Внитіе, по силѣ новаго слога, значитъ: «Вліяніе». Г. Д.

**) Тогда Россійская имперія раздѣлена была на три полосы: на сѣверную среднюю и южную: на сѣверную положенъ мундиръ синій, на среднюю—красный, на южную — желтовишневой, по-петербургски, фіолетовой; каждая же во всѣхъ трехъ полосахъ губерніи различалась цвѣтами воротниковъ, лацкеновъ, камзоловъ, пуговицъ, подкладокъ, и проч. и проч. Г. Д..

краткомъ разговорѣ, мы поумолкли, то незнакомой духовной сказалъ:

— «А меня Гавріилъ Ивановичъ *) и узнать не хочетъ».

Нечаянной голосъ дернулъ меня въ его сторону какъ электризаціею; но, сколько я ни узнавалъ, принужденъ былъ сказать: «виноватъ, не знаю батюшка, гдѣ мы знакомы».

— «Скажите лучше, говоритъ онъ, что не я, а монахъ и его борода вамъ незнакомы. Вы теперь видите того, котораго прежде звали: панъ-инспекторъ Иванъ Григорьевичъ Трипольскій»**).

— «Ахъ! мнѣ казалось, вы во псковской или петербургской епархіи».

— «Я и былъ и въ той и другой, а теперь здѣсь».

Преосвященный спросилъ: «сколько этому лѣтъ какъ вы разстались?...»

— «Съ 1772 года,» отвѣчалъ я.

— «Восемнадцатой годъ отвѣчалъ патеръ Трипольскій.

Разсуждая, чтобъ не обременить преосвященнаго въ часы отдохновенія, отъѣхали мы, съ отцемъ игумномъ Трипольскимъ въ его Николаевской городской монастырь, съ дозволенія преосвященнаго, гдѣ весь остатокъ дня мы пробесѣдовали про прошедшее, про знакомыхъ, гдѣ кто находится, кто куда дѣвался, что съ нимъ и со мною во время нашей разлуки случилось; между тѣмъ, угощалъ онъ меня чаемъ и закусками. А при свѣчахъ возвратился я къ своему знаменитому хозяину. Онъ уже ожидалъ меня. Разговоръ нашъ начался почти тѣмъ же, какъ и у Трипольскаго. Говорено о епископѣ, бывшемъ сѣвскомъ, Кириллѣ. Я увѣдомилъ, что онъ прошлаго года проѣхалъ чрезъ Могилевъ въ Москву и проч.; а преосвященный наконецъ удостоилъ мене выслушать нѣкоторую часть и его исторіи, изъ которой видѣлъ я въ немъ смертнаго, удалявшагося многократно, отъ предлагаемыхъ ему графомъ Безбородько, бывшимъ тогда въ величайшей довѣренности и силѣ у императрицы, суетныхъ первосвященническихъ блесковъ въ обѣихъ столицахъ и въ Кіевѣ, и предпочетшаго всему спокойствіе въ обитаемомъ имъ уѣздномъ бѣлгородскомъ уголкѣ. Бесѣду кончилъ преосвященный тѣмъ,

*) Здѣсь только впервые читатель узнаетъ, что Добрынина звали Гавріилъ Ивановичъ. М. С.

**) Инспекторъ брата сѣвскаго архіерея Кирилла. Зри 1771 г. Г. Д.

что онъ, уже много сряду лѣтъ, не ужинаетъ, «а вамъ, сказалъ онъ мнѣ, еще рано переставать.» Послѣ сего предисловія я уже во искушеніи былъ подозрѣвать, что онъ хочетъ меня отбаярить такъ же, какъ елецкаго монастыря архимандритъ Іероѳей; однако-жъ, возвратясь въ мой покой, нашелъ я столикъ, набранной чисто; и тотчасъ подали вкусное кушанье, вино и столовой медъ. Все это мнѣ, послѣ дороги, было непротивно, почему и сонъ мой былъ спокоенъ; а по утру, одѣвшись, хотѣлъ лишь пойти къ преосвященному, какъ вдругъ увидѣлъ, что духовный штатъ, съ пѣвчими въ стихаряхъ, и со знаками, принадлежащими архіерейскому достоинству, вошли въ залу. А вскорѣ изъ внутреннихъ покоевъ вошелъ и самъ преосвященный. На него возложили мантію, и онъ, принявъ пастырской жезлъ, пошелъ въ церковь на служеніе, въ предшествіи поющаго хора пѣвчихъ и въ послѣдованіи знатнѣйшими священнослужительми, за которыми слѣдовалъ и я въ церковь. Это былъ день воскресный.

Послѣ служенія, скоро сѣли за обѣденной столъ. Къ обѣду приглашены были трое свѣтскихъ учителей изъ его семинаріи, вчерашній игуменъ, и я. Послѣ обѣда откланялся я доброму пастырю, простился съ Трипольскимъ, и простился на безконечные вѣки.

Имѣя обыкновеніе пересматривать въ каждомъ новомъ календарѣ моихъ знакомыхъ, и не нашедъ его въ одномъ году въ Бѣлгородѣ, нашелъ его уже архимандритомъ въ воронежскомъ Акатовѣ монастырѣ и ректоромъ семинаріи. Но, въ 1808 году не нашелъ его уже нигдѣ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ скончался, по счету моему на 60-мъ году своего вѣка, или—по-академически: своего возраста *).

Возвратясь въ деревню, мы съ Рязановымъ имѣли причину пить за здоровье бѣлогородскаго преосвященнаго, потому что данныя мнѣ отъ него на дорогу двѣ бутылки вина довезены въ цѣлости; а по первому весеннему пути отправился я паки въ Бахмутъ, по силѣ полученнаго на наши прелиминары отъ генералъ-губернатора предписанія; гдѣ и заключилъ съ Фурсовымъ контрактъ, получилъ въ задатокъ 5,000 руб. и возвращался въ деревню съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться къ генералъ-губер-

---

*) Послѣднія слова въ подлинникѣ зачеркнуты. М. С.

натору, и узнать: кому онъ изволитъ приказать исполнять заключенной контрактъ, съ положеннаго въ немъ срока. Но не доѣхавъ еще до деревни, встрѣчаю на пути вѣстника съ письмомъ отъ генералъ-губернатора, въ которомъ сказано: «Я послалъ г. маіора Чаплица продать Фурсову Маяцкую засѣку за 30,000 руб. или за 35,000 руб. и сверхъ того вырубить изъ нея единожды нѣсколько саженъ дровъ и 700 возовъ форосту, для моихъ крестьянъ. Предпочитая столь выгодную продажу законтрактованію, прошу васъ съѣздить съ г. Чаплицемъ въ Кременчугъ, для совершенія крѣпости, а контрактъ, ежели онъ вами заключенъ, уничтожить».

Не было ничего легче какъ исполнить то, что мнѣ приказываетъ акторъ и вельможа; но съ другой стороны судя, — я имѣлъ причину почувствовать обиду, какъ обыкновенно бываетъ, гдѣ два повѣренныхъ, или два главнокомандующихъ, или двѣ невѣстки въ одной избѣ, иль—хоть два кота въ одномъ мѣшку. «Какъ! размышлялъ я: Маяцкая засѣка, которая могла бы три раза быть законтрактована по 25 тыс. руб. и послѣ остаться, съ дровянымъ лѣсомъ и частію строеваго, въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи Пассека; это составило бы до ста тысячъ р., а теперь продается за 35 тысячъ! Развѣ не могъ дождаться, или спросить меня объ этомъ *) мой генералъ-губернаторъ? развѣ онъ не зналъ, что еще Петромъ Великимъ заклеймено въ ней съ тысячу деревъ, о которыхъ знаютъ здѣшніе жители? развѣ нельзя бы продать ее, спрося напередъ моего мнѣнія? Какая ошибка! какой ощутительной убытокъ! болѣе какъ двѣ трети проиграно въ этой продажѣ!»

Такъ я думалъ и сокрушался о чужомъ добрѣ; и, забывая собственную обиду, не сомнѣвался, что мой Пассекъ кѣмъ-нибудь обманутъ; вслѣдствіе чего, по пріѣздѣ въ деревню, предпринялъ донесть ему обо всемъ въ Могилевъ. Управитель Рязановъ, которому я прочиталъ мое донесеніе, подтвердилъ мою мысль и своимъ письмомъ къ Пассеку, удостовѣряя его доказательно, что такая продажа не находка. Но Рязановъ, такъ же какъ и я, не больше зналъ, какъ только, что Пассекъ имѣетъ

*) Послѣдняя фраза въ подлинникѣ зачеркнута. М. С.

засѣку, подаренную отъ князя Потемкина-Таврическаго, и болѣ ничего.

Мы отправили съ бумагами, для поспѣшности, нарочнаго, бывшаго при мнѣ могилевской штатной роты солдата; все это здѣлано скорѣе нежели было надобно. По отправленіи, на другой день увидѣлся я съ Чаплицемъ, которой, во ожиданіи меня, отъѣзжалъ въ Харьковъ поглазѣть, и оттуда возвратился. Я не скрылъ отъ него моего мнѣнія о убыточной продажѣ. Не скрылъ, напослѣдокъ и того, что я послалъ нарочнаго съ донесеніемъ обо всемъ. Политикъ-полякъ похвалилъ мою ревность; «но—промолвилъ онъ—она тогда была бы полезна, когда бы нашъ Петръ Богдановичъ продавалъ собственность, а то, вѣдь —засѣка казенная».

«Какъ такъ?»

— «А такъ, что онъ ни грамоты, ни имянного повелѣнія на пожалованіе не имѣетъ, а только одно письмо князя Потемкина; такъ ему надобно стараться, сбыть ее съ рукъ поскорѣе, за что̀ бы то ни было».

«Ежели такъ, то вѣдь и крѣпости не совершатъ!»

— «Кто поспоритъ, когда въ довѣренности сказано: что засѣка продается, подаренная отъ его свѣтлости князя Потемкина? Къ тому же и самъ Пассекъ, не меньше какъ генералъ-губернаторъ. Впротчемъ, знаетъ про то купецъ да продавецъ. Наше дѣло исполнить по довѣренности, а казна получитъ пошлину».

«За собственной лѣсъ? да будетъ ли это прочно для купца и продавца?»

— «Ну! я ужъ этаго не знаю. Можетъ быть и Фурсовъ поможетъ поплатиться, а можетъ быть и все заплатитъ, а можетъ быть и никто платить не будетъ!»

Услыша новое обстоятельство и причину продажи, жалѣлъ я, что послалъ нарочнаго съ донесеніемъ къ генералъ-губернатору. Однако-жъ, надобно было дожидать отвѣта. Между тѣмъ, винилъ я актора своего уже не за продажу, но за неоткровенность, чрезъ которую онъ потерялъ очень много; съ другой же стороны судя, легче дешевле продать, нежели признаться въ способѣ приобрѣтенія предъ человѣкомъ, выбраннымъ для исполненія препорученій, а не для сообщенія ему секретовъ. Всего же

благоразумнѣе было бы не употреблять такого человѣка въ дѣло, которому недоговариваютъ, или сомнѣваются сказать все.

Чаплицъ, получа отъ меня задаточныя 5,000 р., отправился въ Кременчугъ, къ Фурсову, по сдѣланному сношенію, для совершенія крѣпости, а изъ Кременчуга въ Могилевъ; а между тѣмъ, мы, съ управителемъ Рязановымъ, узнали, что посланной отъ насъ солдатъ запился, деньги прогонныя растерялъ, и едва пѣшой кое-какъ дотащился въ Могилевъ; однако-жъ бумаги доставилъ, и я на мое донесеніе получилъ уже въ іюнѣ письмо слѣдующаго содержанія: «Я далъ довѣренность господину Чаплицу на продажу Маяцкой засѣки; да хотя бы я далъ только и слово, то и того отмѣнить бы не могъ». Очень ясно, что мнѣ надобно было убираться поскорѣе домой.

Я пріѣхалъ въ Могилевъ и явился въ мызу Пипинъ-бергъ, отстоящую отъ города верстъ на пять, гдѣ тогда находился нашъ губернской дворъ, то-есть Пассекъ съ Салтыковою. Уже утро сближалось къ полудню, а генералъ-губернаторъ изъ внутреннихъ покоевъ не выходитъ и меня къ себѣ не требуетъ. Я, шатаясь долго по переднимъ комнатамъ, хотя могъ думать, что обо мнѣ уже знаютъ во внутреннихъ, однако-жъ сказалъ пробѣгавшему неоднократно туда и сюда мальчику, камердинеру Спирькѣ: «Доложи, мой пріятель, обо мнѣ Петру Богдановичу».

— «Я уже давно доложилъ, да самъ не знаю за что выбранили меня какъ собаку».

«Жаль мнѣ, мой пріятель, если я этому причиною».

— «Мы уже къ этому привыкли».

На эту пору входитъ предсѣдатель Маковецкій и, поклонявшись со мною мимоходомъ, пошелъ прямо въ двери къ Пассеку, а я, чтобъ не растворять двухъ разъ дверей тамъ, гдѣ можно войти за однимъ растворомъ, вошелъ за Маковецкимъ.

Пассекъ, мимо Маковецкаго, возгласилъ ко мнѣ: «Ну што вы съ Рязановымъ сулите мнѣ за засѣку золотыя горы, когда уже я ее продалъ; объ этомъ было прежде мнѣ говорить».

«Я съ тѣмъ и возвращался, чтобы донесть вашему высокопревосходительству».

— «Ну—да—во сколько бы я лѣтъ могъ по вашимъ прожектамъ получить? а мнѣ сколько на свѣтѣ жить»?

«Это еще никому неизвѣстно; однако-жъ, мнѣ казалось, что можно еще жить и въ Петрѣ Петровичѣ*).»

Онъ повелъ на меня медленной взглядъ, привздохнулъ, и вдругъ остерегся, заговорилъ съ Маковецкимъ; а я принялъ это сигналомъ отправиться на свою квартиру и явиться въ команду, для отправленія должности стряпчаго уголовныхъ дѣлъ въ верхнемъ земскомъ судѣ. Тѣмъ кончилась посылка меня, которая конечно выгоднѣе бы для моего кредитора исполнена **) мною была, еслибы мнѣ благовременно открыты были причины къ скорой продажи.

Года чрезъ два отъ времени продажи, услышалъ я отъ сына управителя Рязанова, пріѣзжавшаго отъ отца къ Пассеку, что Фурсовъ вырубилъ сколько нужно было по подряду въ казну корабельныхъ лѣсовъ, выбралъ за нихъ вдвое свои деньги, и засѣка осталась по прежнему густа.

По восшествіи же Павла I на престолъ, Маяцкая засѣка, по имянному повелѣнію, возвращена въ казну. Не знаю, однако-жъ, подробностей, кому сіе возвращеніе было чувствительнѣе: Пассеку ли? или Фурсову***)? или обоимъ равномѣрно; ибо я тогда уже былъ въ Витебскѣ при должности. А Пассекъ, отставленной отъ службы, находился въ своей смоленской вотчинѣ Яковлевичахъ, хотя не подъ арестомъ, однако-жъ выѣздъ ему изъ ней былъ запрещенъ ****).

1790, 1791 и 1792 годы протекли безъ значительныхъ для меня происшествій, кромѣ того, что я иногда, сверхъ настоящей моей должности, отправлялъ по губерніи въ разныхъ уѣздахъ, по предписаніямъ губернатора, губернскаго правленія, палаты уголовной, разныя коммиссіи; но сіи коммисіи были ничто какъ дѣла штатскія, требовавшія изслѣдованій, переслѣдованій,

---

*) Сынъ его отъ Салтыковой, тогда лѣтъ 14-ти, котораго отецъ любилъ безпримѣрно. Отдавая всему справедливость, не должно умолчать, что онъ былъ наилутчій отецъ, наилутчій любовникъ и мужъ, доброй и чувствительтельной другъ. Г. Д.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «отправлена». М. С.

***) Князь Потемкинъ скончался еще при жизни императрицы Екатерины II. Онъ счастливо жилъ, и благовремянно умеръ. Г. Д.

****) Павелъ I имѣлъ къ Пассеку неблаговоленіе отъ самыхъ юныхъ своихъ лѣтъ, или лучше сказать, отъ смерти отца своего Петра III и отъ восшествія на престолъ матери своей Екатерины II. Г. Д.

дополненій, поправокъ, развязокъ, поспѣшности и проч., слѣдовательно, больше въ обществѣ надобны и необходимы, нежели стоятъ любопытства. Заботъ съ ними довольно, а блеска ничего. Многія изъ нихъ связаны были съ величайшимъ для меня трудомъ *). Но какая кому о томъ нужда!... Начальство службу безъ постороннихъ помочей или собственныхъ интересовъ **) не всегда награждаетъ, а ближній въ горестяхъ ближняго не всегда принимаетъ участіе; слѣдственно размножать мою исторію напоминаніемъ непріятностей перенесенныхъ уже мною, было бы похоже на то, какъ сочинять особой протоколъ, по которому исполненіе давно уже учинено. Итакъ, оставимъ!

§ XLIII.

1793 годъ.

Претерпѣвая много въ перемѣнѣ и невыгодѣ квартиръ, купилъ я съ публичнаго торгу — въ 1793 году — мѣщанской небольшой домикъ на Борисоглѣбской улицѣ. Но мнѣ никогда ничего неудавалося здѣлать безъ препятствія. Уголовной палаты совѣтникъ Варопановъ, фигурка по виду и понятію своему очень мало значущая, но нигдѣ ничего не пропущающая въ свою пользу, услужилъ мнѣ, подъ образомъ переторжки, надбавкою третей части цѣны, увѣренъ будучи, что мнѣ и домъ надобенъ, и что я заплатить въ силахъ. Онъ и не ошибся; ибо возвышенную имъ и заплаченную мною цѣну раздѣлилъ съ тѣмъ несчастнымъ плутомъ, чей продавался домъ.

Я напередъ уже размѣтилъ, что домикъ, въ разсужденіи недавной постройки и положенія мѣста, удобно было образовать; въ немъ было четыре небольшихъ разной мѣры покоевъ, пятыя и шестыя сѣни. И я обдѣлалъ его сколь можно поопрятнѣе. Двери, окны далъ ему новые, пропорціональныя. Печи, полы, потолки, не мѣщанскіе, обшилъ снаружи досками, по угламъ положилъ рюстики и, гдѣ надобно, пилястры; крыльцо сотворилъ нарядное. Баню здѣлалъ новую; людской флигель и сарай, хотя изъ того же стараго строенія перестроены, но поставлены на

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «огорченіями». М. С.

**) Послѣдвія три слова въ подлинникѣ зачеркнуты. М. С.

приличныхъ мѣстахъ. Вокругъ дома, не на высокомъ заборѣ, штакетъ. Садъ, большою частію вишневой, по положенію своему на горѣ, къ сѣверу; а гора, на разстояніе съ небольшимъ саженью, не домыкалась до главнаго корпуса, такъ что прямо изъ сада можно было, по покрытому досками между домомъ и горою промежутку, всходить на крышу дома*). Въ садъ восходъ былъ горою, по широкой покрашеной лѣстницѣ. Восходящему по ней открывался, по мѣрѣ восхода, или, можно сказать, выросталъ, по мѣрѣ восхода, прямо противъ его, видъ крѣпостцы, и казался сквозь деревье какъ будто въ далекѣ, потому что былъ здѣланъ въ маломъ видѣ. Это была стѣнка или заборъ изъ стоячихъ достокъ, вырѣзанныхъ черезъ одну, на верхнихъ концахъ, на подобіе крѣпостныхъ зубцовъ, и подбѣленыхъ мѣломъ на клею. Въ саду, на возвышенномъ надъ улицею мѣстѣ, бесѣдка изъ желузи, кои вставлены между столбами, поставленными осьмиугольникомъ, и на ней куполообразной, рѣшетчатый верхъ, оканчивающійся поставленнымъ на немъ шаромъ. Много еще было кое-какихъ ребячествъ, представляющихъ разныя возвышенія въ готическомъ вкусѣ и одну башню съ флюгеромъ. А все сіе было ничто иное, какъ стоячіе ряды вырѣзанныхъ вверху достокъ, за которыми скрыты, или повѣть для дровъ, или что того нужнѣе. Площадку всего подворья раздѣлялъ низенькой штакетъ на три отдѣленія: 1-е, на чистой дворъ, усаженной въ приличныхъ мѣстахъ деревьемъ; 2-е, на дворъ, при людскомъ жильѣ и при сараѣ, и 3-е, на огородъ. Начиная отъ главнаго корпуса до послѣдняго строенія и забора, все было покрашено: стѣны бѣлою и сѣрою краскою на клею, а крыши обыкновенно красною муміею на маслѣ, штакетъ — чорною, а бесѣдка — подъ виды бѣло-сѣроватаго жилчатаго мрамора. Всего вообще владѣнія моего, подъ строеніемъ, садомъ, подворьемъ и огородомъ, едва ли было 450 квадратныхъ саженей земли; но тѣмъ лутче все изображалось, что, будучи въ тѣсномъ мѣстѣ, одно другого держалось, и могло быть объемлемо, такъ сказать, однимъ взглядомъ. Вся эта мелочь, или склеенная изъ лос-

*) Всходить не для голубей, но для трубы, при надобныхъ случаяхъ.
Г. Д.

кутковъ картинка, стоила мнѣ, по тогдашнему времени, около полуторы тысячи рублей *).

Никто изъ новопріѣзжихъ въ городъ, если ему случалось проѣзжать мимо моего жилища, необходился безъ того, чтобы не спросить скоропостижно: «это чей такой домикъ?» не зная того, что и самъ иногда хозяинъ, въ лѣтнюю пору, слышитъ сей вопросъ, ходя въ густотѣ деревъ по горѣ надъ улицею.

1793, 1794, 1795 — и почти весь 1796—годы прожиты въ немъ. А отъ ноября мѣсяца 1796-го года по іюнь 1797-го года, хотя и жилъ я въ немъ, но долженъ сказать, что уже ни домъ ко мнѣ, ни я къ дому и къ Могилеву не принадлежали, по всеобщему въ Россіи «измѣненію десницею Вышняго» на престолѣ всероссійской имперіи, о чемъ скажется ниже на своемъ мѣстѣ, а теперь заговорю о томъ, что случилось въ продолженіе сказанныхъ 4-хъ лѣтъ.

По второмъ присоединеніи отъ Польши края, раздѣленъ онъ на губерніи: Минскую, Изяславскую, Брацлавскую и Вознесенскую **). Многіе тамъ уніяты захотѣли, или заохочены, или побуждены обратиться къ церкви грекороссійской. Вслѣдствіе сего, состоялось имянное повелѣніе государыни императрицы, чтобы и въ нашихъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, присоединять желающихъ уніятовъ къ грекороссійской церкви, а буде бы кто изъ помѣщиковъ оказался препятствующимъ, того имѣніе брать въ секвестръ. Тогда былъ въ Могилевѣ губернаторомъ г. Черемисиновъ, человѣкъ ***) молчаливой до безсловесности, упрямой до безконечности. А епископомъ былъ Аѳанасій Вольховскій, которой по натурѣ такъ былъ несчастливъ, что знакомое ему евангеліе не могъ читать безъ ошибокъ и частыхъ медленныхъ остановокъ. Къ нему такъ же было предписаніе отъ си-

---

*) Тогда серебряныя и ассигнаціонныя деньги были почти въ одной цѣнѣ. Четверть ржи — 4 р., овса — 2 р., по сему и прочая разумѣвай.

Съ 1812 года все учетверилось слишкомъ, въ монетѣ, товарахъ, продуктахъ и проч. 1818 г. Г. Д.

**) Впослѣдствіи времени Павелъ I перемѣнилъ сіи названія, какъ и другія нѣкоторыя. Г. Д.

***) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуты слова: «ни въ чемъ не свѣдущій». М. С.

нода, чтобъ они общими силами и согласіемъ нарядили *) въ разные уѣзды разныхъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ и мнѣ достался Сѣннинской уѣздъ, для присоединенія уніятовъ къ церкви грекороссійской. Всѣмъ намъ повѣщено отъ губернатора, явиться въ соборную архіерейскую церковь; гдѣ, послѣ литургіи, сказано намъ было, съ проповѣдническаго мѣста, протопопомъ Михаиломъ Богуславскимъ поученіе — за неумѣніемъ архіерейскимъ — въ такомъ смыслѣ: что мы предъопредѣлены, избраны, воззваны въ достоинство апостольское, и чтобы мы были мудри—яко змія, и цѣли—яко голубіе. Аминь.

Тутъ раждается вопросъ: «какъ это могло статься, чтобы въ царствованіе Екатерины Великія былъ архіерей безграмотной?» Вотъ какъ: государыня императрица, будучи на 7-мъ десяткѣ лѣтъ и уже при истеченіи своего вѣка и царствованія, естественно, не всегда уже видѣла все тамъ, гдѣ прежде умственной и вещественной ея глазъ досязалъ. А графъ Безбородько, будучи при ней и канцлеръ, и министръ, и правитель всѣхъ дѣлъ, хотя былъ достоинъ сихъ почестей и царскаго довѣрія, но онъ имѣлъ мать, лѣтъ 80-ти слишкомъ. Она не давала сыну покоя своими изъ Малороссіи письмами, требуя, чтобы александроневскій намѣстникъ, архимандритъ Вольховскій, непремѣнно былъ здѣланъ архіереемъ. Инако же?—сыну проклятіе. Ну кому же захочется быть прокляту отъ матери? Вотъ и вся сказка, по крайней мѣрѣ, такъ говорили всѣ, ибо каждой лыбопытенъ былъ знать, почему на такую важную степень возведенъ человѣкъ неграмотной, и посланъ въ такую губернію, гдѣ всякой ксіонзъ говоритъ латинскимъ языкомъ, а многіе и другими иностранными, не включая россійскаго и польскаго. Павелъ I, введя въ обычай жаловать орденами духовенство, пожаловалъ и Вольховскому аннинскую ленту; но, любя порядокъ, лишилъ его чрезъ годъ мѣста, и велѣлъ послать въ одинъ изъ малороссійскихъ монастырей, помнится въ Лубенскій, гдѣ онъ и скончался. А губернаторъ Черемисиновъ былъ мужъ избранной по сердцу генералъ-губернатора Пассека; впрочемъ, былъ онъ и человѣкъ хорошій, въ силу принятаго во святыхъ обителяхъ правила: «молчаніе и

---

*) Послѣдняя фраза въ подлинникѣ передѣлана изъ слѣдующей: «почему, оба они общими силами и согласіемъ, или, можно справедливѣе сказать, общимъ недоуміемъ нарядили». М. С.

и голоса, единословно говорили: что губернаторъ, прочитавъ ордеръ генералъ-губернатора, сидя за столикомъ, ударилъ объ него кулаками и заплакалъ; а губернаторша начала проклинать всѣхъ, кого находила достойными праведнаго ея гнѣва. Первое для ней лицо былъ я; второе—канцелярія генералъ-губернаторская, а третье—самъ генералъ-губернаторъ. Слушая сіи вѣсти, я ощутилъ въ себѣ чувствительную жалость къ губернатору и губернаторшѣ. Но, опомнившися, взвѣсилъ и видѣлъ, до какого степени простиралось рвеніе ихъ повредить мнѣ, если неудача была имъ столько чувствительна. Почему и вкушалъ я изъ-подъ-тиха злостную радость.

Уже проходитъ обращенію уніятовъ 5 и 6 мѣсяцовъ, уже оканчивается годъ, уже наступилъ и другой, а посланные изъ уѣздовъ не возвращаются; какъ, между тѣмъ, настоящія ихъ должности терпятъ остановку. Иной доноситъ: обратилъ церковь, двѣ, три. И, лишь только губернское правленіе получитъ такое донесеніе, какъ вдругъ съ противной стороны получаетъ другія — отъ уніятскаго духовенства, отъ прихожанъ, а побочными дорогами и отъ помѣщиковъ — что уніяты принуждены побоями, что церковь отбита насильно, и проч. и проч. Пошли новыя изслѣдованія, секвестры, жалобы въ правленіе, жалобы прямо въ сенатъ, отъ сената строгія требованія отъ намѣстническаго правленія объясненій. И въ намѣстническомъ правленіи здѣлалось цѣлое наводненіе уніятскихъ дѣлъ. Тогда всѣ заговорили, не исключая и губернатора: какой дальновидной человѣкъ Добрынинъ! изъ того уѣзда, гдѣ онъ былъ, нѣтъ ни одного дѣла!

Слѣдующее дѣйствіе также нечаянно послужило въ мою пользу: директоръ экономіи, будучи по должности въ одномъ изъ казенныхъ имѣній въ Быховскомъ уѣздѣ, получилъ тамъ отъ губернатора препорученіе о присоединеніи къ церкви грекороссійской уніятовъ, обитающихъ въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ онъ находится. Вслѣдствіе чего, директоръ собралъ ихъ къ церкви, читалъ, уговаривалъ, соглашалъ; но, недобившись согласія, разсудилъ принудить ихъ силою, какъ начальникъ казенныхъ имѣній, а они, противъ силы здѣлали крикъ, вопль, изъ чего директоръ экономіи прозрѣлъ, что они сердиты. Нѣсколько изъ нихъ взбѣжали на колокольню и ударили въ на-

батъ. На тревогу сбѣгаются прятавшіеся въ лѣсу и по авинамъ. Толпа увеличивалась. Директоръ экономіи удаляется, доноситъ губернатору, что казенные уніяты взбунтовались, и проситъ усмирить ихъ вооруженною рукою.

Тогда въ Могилевѣ квартировала артиллерія. Начальникъ оной маіоръ Амбразанцовъ, по требованію губернатора, даетъ ему пушку и канонеровъ. Канонеры съ пушкою двинулись чрезъ городъ на дорогу быховскую. Запѣли пѣсню; а чрезъ нѣсколько часовъ поднялся за ними, послѣ обѣденнаго стола, и самъ губернаторъ Черемисиновъ, препровожденъ изъ покоевъ застольными друзьями и всею фамиліею, которая вся желала ему, въ слезахъ, счастливой побѣды на бунтовщиковъ и благополучнаго возвращенія.

Дѣйствіе и послѣдствіе похода, котораго весь маршъ состоялъ верстъ слишкомъ на двадцать — были таковы:

По прибытіи предъ селеніе, гдѣ церковь уніятовъ, Черемисиновъ велѣлъ выпалить изъ пушки. Мужики, узнавъ причину неслыханнаго еще ими грома, спрятались*) въ страхѣ и трепетѣ, всѣ до единой души, въ лѣса и авины. Губернаторъ, нашедъ пустое селеніе, не находитъ съ кѣмъ имѣть дѣло. Проходитъ вторая половина дня, наступаетъ и проходитъ ночь. Уже солнце на другой день оканчиваетъ первую половину дневнаго пути, а селеніе пусто.

— «Что намъ дѣлать — говоритъ Черемисиновъ — рано мы, братцы, выстрѣлили! Ну, съ кѣмъ буду я говорить? Кого усмирять? И кого обращать? Бѣжите повсюду въ разныя стороны, и всякаго, съ кѣмъ ни встрѣтитесь, кого ни найдете, и кого ни поймаете, увѣряйте его: что я никого не застрѣлю, только бы они не били въ набатъ и въ меня».

Сильная и любомудрая **) рѣчь имѣла счастливой успѣхъ. Мало по малу, поселяне начали стекаться и собралися къ церкви по назначенію. Губернаторъ вопросилъ:

— Для чего вы бунтуете?

Одинъ выбранной ими старикъ, выступя впередъ, отвѣчалъ: «Ваше великое величество самъ теперь видишь, какъ мы бунтуемъ. Ты выстрѣлилъ, мы и испугались; ты велѣлъ намъ сказать,

*) Вмѣсто зачеркнутаго «ушли». **М. С.**

) Вмѣсто зачеркнутаго «и благоразумная». **М. С.

чтобъ мы не боялись и пришли къ твоему здоровью; мы не боимся, и мы теперь передъ твоею милостью».

Губернаторъ: Для чего вы били тревогу?

Мужикъ: Нѣтъ, мы звонили на нешпаръ *). Тогда былъ вечеръ съ субботы на воскресенье, въ чемъ поставляемъ свидѣтельми своего священника и нѣсколько шляхты, которые тогда пришли въ церковь, Богу молиться.

Губернаторъ: Для чего вы не послушали директора экономіи? Вѣдь вѣра все одна, та же христіанская. Онъ васъ не жидами хотѣлъ здѣлать.

Мужикъ: Добре ваше кажешь, что вѣра все одна, та же христіянская. А-ти, ваше, похваливъ бы тое, капъ я взялъ одинъ крестъ въ руки, а другій бы кинувъ подъ ноги?

Губернаторъ: Да для чего же вамъ не быть со мною одной вѣры?

Мужикъ: Ты, самъ здоровъ, знаешь, уже человѣкъ не молодый! — указывая на губернаторскія сѣдины — капъ тебѣ приказывали принять нашу вѣру, а-ти захотѣвъ бы ты быть уніятомъ?

Черемисиновъ велѣлъ поворотить пушку, и тѣмъ же путемъ и порядкомъ, возвратился домой, доволенъ будучи, что онъ силенъ былъ и разогнать и собрать. Вскорѣ и за сей подвигъ получилъ онъ выговоръ изъ Петербурга отъ генералъ-губернатора. Отъ тѣхъ поръ, когда гдѣ въ гостяхъ заходили жаркіе споры о дѣлахъ уніятскихъ, то, чтобы прервать матерію, стоило только, чтобъ я сказалъ: «я съ пушкою не ѣздилъ», и все умолкнетъ изъ почтенія къ губернатору. Очень ясно, что всѣ были вѣжливы, скромны, благоразумны, подлы и трусы; а я, былъ правдивъ безъ дерзости и своебычливъ какъ квакеръ.

§ XLIV.

Грѣхи.

Славной, но больше того извѣстной, Жанъ-Жакъ Руссо, въ книгѣ исповѣди своей, показалъ свою откровенность, даже до такихъ своихъ дѣйствій, которыя ни ему, ни читателямъ ни къ чему не служатъ, кромѣ соблазна; а нашъ почтеннѣйшій Фонъ-

*) Вечерня. Г. Д.

Визинъ, по видимому изъ подражанія Жанъ-Жаку, назвавъ одно изъ своихъ сочиненій «исповѣдью», исповѣдывается, что «онъ сочинилъ оперу, и для прочтенія оной представленъ былъ къ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II»; какъ будто это такой грѣхъ, которой стòитъ больше исповѣди, нежели фастовства. Для чего же и мнѣ не подражать симъ славнымъ людямъ? Стану и я исповѣдываться, съ тѣмъ только отъ нихъ различіемъ, что моя исповѣдь дѣйствительно во грѣхѣ, а не въ празднословіи соблазнительномъ Жанъ-Жакъ Руссо и не въ фастовствѣ — Фонъ-Визина.

По опредѣленіи меня изъ стряпчаго верхняго земскаго суда въ губернскіе стряпчіе, первымъ въ моей заботѣ было предметомъ, какъ бы мнѣ попасть въ слѣды моихъ предмѣстниковъ, изъ которыхъ одинъ набогатился, и вышелъ въ губернское правленіе совѣтникомъ, положа въ сохранную судную казну витебскимъ езуитамъ 50,000 р., а другой преемникъ его, хотя не успѣлъ набогатиться за скорою кончиною, однако-жъ и въ краткое время примѣтно было, что мѣсто губернскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ было для него полезно. Но я, вступя въ новую для меня должность, искалъ и не находилъ, чѣмъ? и что начать? и за что приниматься? Давно говорятъ и пишутъ, что случай всегда тому встрѣчается, если кто его ищетъ.

Бывшій въ деревняхъ государственнаго казначея управителемъ г. З *), первый мой въ Бѣлоруссіи знакомецъ и пріятель, открылъ мнѣ желанной случай. Онъ, поздравя меня въ новой должности, спросилъ:

Знаю ли я, гдѣ теперь экономіи директора секретарь Б **)?

— «Не знаю»...

— Онъ торгуетъ мачтами, вырубленными изъ казенныхъ лѣсовъ...

— «Это любопытно, скажите яснѣе».

— Въ казенныхъ имѣніяхъ есть мачтовые лѣса; ими часто пользовались арендаторы казенныхъ имѣній и другіе, по милости секретарей директора экономіи; яснѣе вамъ сказать: лѣса сплавливали въ Ригу, подъ именемъ помѣщичьихъ, казенными крестьянами, и получали за то немалыя суммы денегъ, а директоры

*) Вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ «Захар». М. С.

**) Изъ дальнѣйшаго разсказа читатель узнаетъ, что подъ буквою Б. скрыта фамилія Быховецъ. М. С.

этого не видали, или видѣть не хотѣли, или имѣли причину не хотѣть. До этого мнѣ дѣла нѣтъ. Случилось и мнѣ нѣсколько попользоваться, когда я жилъ по сосѣдству съ казенными имѣніями, управляя деревнями государственнаго казначея, однако-жъ промыслъ сей бросилъ, во-первыхъ потому, что онъ, при случаѣ обнаруженія, больше принесетъ несчастія, нежели при удачныхъ случаяхъ прибыли; во-вторыхъ потому, что я уже теперь, слава Богу, доволенъ, ничѣмъ не нуждаюсь; а въ третьихъ потому, что секретарь Б. меня обманулъ. Онъ слишкомъ много воспользовался, а я только былъ на него работникъ. Теперь онъ самъ работаетъ въ казенномъ староствѣ N. N., а тамошній казенный экономъ Ольшевскій погонитъ Двиною казенныя мачты, казенными поселянами, въ Ригу, подъ имянемъ помѣщичьихъ. Они вырученныя за продажу деньги раздѣлятъ, а вы теперь губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій. Вотъ вамъ и яснѣе, заключилъ г. З.

— «Понимаю, сказалъ я, всю силу ясности и всю обиду моего званія. Повѣрьте, что я не дамъ имъ воспользоваться казеннымъ добромъ и моею слабостью, а вамъ благодаренъ за открытіе мнѣ казеннаго воровства».

Вскорѣ Б. возвратился и меня посѣтилъ. Я встрѣтилъ его привѣтствіемъ:

— Что братъ? ѣздилъ торговать казенными мачтами, подъ названіемъ мачтъ Ольшевскаго!..

— «А что? развѣ объ этомъ кто знаетъ?»...

— По крайней мѣрѣ, мнѣ это извѣстно.

— «Ну! эта бѣда не бѣда, когда она извѣстна только одному; а сколько вамъ за это надобно? вотъ задатокъ на пять сотъ рублей, двадцать червонцовъ — и тотчасъ высыпалъ изъ кошелька на столъ — а остальные, какими прикажешь? серебромъ, золотомъ, ассигнаціями? чрезъ двѣ недѣли, получите».

Дѣло здѣлано! и имѣвшій ревность открыть похищеніе съ похитителями поладилъ. Честь, нравственность уступили мѣсто пороку, но уступивши, не оставили меня безъ наказанія, котораго я и былъ достоинъ, ежели это достоинство.

Я долженъ сказать, что не корыстолюбіемъ побужденъ былъ къ нарушенію моей должности, но стыдомъ — можетъ быть ложнымъ—что губернскій стряпчій не въ силахъ имѣть ни стола, ни дрожекъ, а только едва можетъ собраться во что одѣться по

приличію своего званія, какъ, между, тѣмъ нѣкоторые чиновники и секретари щеголяютъ и изобилуютъ; и по сей наружности, начальство цѣнитъ ихъ достоинствы.

Проходятъ вмѣсто двухъ 4 недѣли, проходятъ и два мѣсяца, а уплаты нѣтъ; напоминаніи мои о взаимномъ соблюденіи нашего трактата были тщетны, и я увидѣлъ, что я далъ себя обмануть. Но нечего было дѣлать, какъ только терпѣть, оставаясь въ нѣкоторой надеждѣ, потому что Б. обѣщаетъ. Наконецъ, онъ отъѣзжаетъ на подобной промыслъ, и соглашаетъ меня получить съ секретаря казенной палаты Ш., который ему долженъ, а Б. мнѣ. Всѣ трое согласны; но по выѣздѣ Б., Ш. даетъ мнѣ, вмѣсто 4-хъ сотъ слишкомъ, только 75 р. ассигнаціями. Тутъ мнѣ открылось, что два пріятеля согласились пошутить на счетъ моей слабости, заманя въ свои сѣти, въ которыя я, первоначально, самъ себя позволилъ вести. Я почувствовалъ, въ полной мѣрѣ, сколь тяжело быть дважды обмануту, потому что другой разъ доказываетъ уже непростительную простоту обманутаго. Почувствовалъ—къ несчастью на собственномъ опытѣ—и справедливость мнѣнія: что, когда чорту позволишь себя за волосокъ потянуть, то онъ вцѣпится обѣими руками за всѣ волосы. Но, съ помочью поздаго благоразумія и еще позднѣйшаго наблюденія чести и присяги, я скрѣпился, скрылъ мою предъ Ш. досаду, и сказалъ ему, что я получу мой долгъ отъ самого Б. Уже я пересталъ мыслить и желать о исполненіи нашихъ условій, а пылалъ только мщеніемъ за ту обиду, что я одураченъ, мое честолюбіе оскорблено больше, нежели неудовлетворено корыстолюбіе. Почему, принялъ я упрямое намѣренье, заставить почувствовать и Б., по крайней мѣрѣ столько-же, сколько я огорченъ. Дѣло, по мнѣнію моему, было не маловажно. Цезарь, Антоній, Лепидъ въ Римѣ, Пизарро, Альмагръ и нечестивой попъ Люкъ въ Америкѣ — думалъ я — ни больше, ни меньше имѣли причинъ къ своимъ связямъ и разрывамъ. Разсуждая такъ высокообразно, могъ ли я не заниматься на всякомъ шагу, на всякую минуту приуготовленіями къ пораженію непріятеля?

Но—чудное и непостижимое сплетеніе вещей! и, ежели взять въ замѣчаніе нѣкоторыя прошедшія въ нашей жизни мѣста, которыя насъ интересовали, или заботили, то найдемъ, что дѣйствовала ими какая-то невидимая пружина, которая двигала и распо-

ряжала все по своимъ законамъ съ намѣреніемъ, наприм.: я, замѣшавшись въ шайку людей, неимѣющихъ слабости руководствоваться нравственностью и самою честію, расхорахорился и самъ поправить себя порокомъ мщенія, подъ образомъ должности, и не зналъ съ чего начать; а нечаянной случай указалъ мнѣ путь:

Въ одинъ день, когда я шелъ въ присутствіе, встрѣчается мнѣ на улицѣ куча мужиковъ, человѣкъ 12.—Я отъ роду моего никакого мужика, встрѣчающагося со мною въ городѣ, не спрашивалъ, кто онъ? откуда? куда? а теперь безъ малѣйшаго намѣренья, по непонятному инстинкту, спросилъ.

Они отвѣчали: «изъ казеннаго староства NN».

— Кто у васъ экономъ? гдѣ онъ теперь?

— «Ольшевскій; онъ поѣхалъ въ Ригу, а мы, теперь, туда мачты сплавливаемъ, и зашли съ берега въ городъ купить харчей на путь».

Мачты Днѣпромъ сплавливаются до нѣкотораго разстоянія; а оттуда сухимъ путемъ до рѣки Лучосы, впадающей при Витебскѣ въ Двину, а по Двинѣ весною сплавливаются они въ Ригу.

— Въ чьемъ лѣсу вырублены мачты?

— «Въ казенномъ».

— Кто были работники?

— «Мы, и рубили всею волостью, по приказанію эконома Ольшевскаго».

Я велѣлъ имъ итти за собою въ наше прокурорское присутствіе; тамъ написалъ все ихъ показаніе въ моемъ намѣстническому правленію представленіи, —при которомъ представилъ и поселянъ—требуя, яко губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ, допросить ихъ и дѣло изслѣдовать по законному порядку. Намѣстническое правленіе отослало все въ полицію, а полиція, тотъ же часъ допрося, представила въ правленіе при рапортѣ допросы ихъ, которые оказались во всемъ согласны съ моимъ представленіемъ.

Правленіе, разсуждая изъ допросовъ, что многія мачты уже въ пути, а нѣкоторыя и въ Ригѣ, не остановило хода торговли, отослало допрошенныхъ на мачты, для продолженія сплавки; а рижскому намѣстническому правленію сообщило о наложеніи ареста на всѣ тѣ мачты, о числѣ которыхъ показали казенные поселяне во взятыхъ съ нихъ въ могилевской полиціи, по указу

намѣстническаго правленія, послѣдовавшему на представленіе губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, допросахъ. Нижнему земскому суду того уѣзда, въ которомъ вырублены мачты, строжайше велѣно изслѣдовать о количествѣ похищенія, и въ скорости отослать изслѣдованіе въ уѣздный судъ, для законнаго теченія и приговора—какъ будто нижній земскій судъ не вѣдалъ о публичномъ въ его уѣздѣ воровствѣ.

Б., узнавъ бѣду, прискакалъ въ Могилевъ, но отвращать ее было уже поздо. Ольшевскій изъ Риги успѣлъ уже ему услужить увѣдомленіемъ, что «арестованныхъ мачтъ нельзя ни продать, ни заложить, а совѣтуютъ ему, Ольшевскому, употребить крайній способъ, потопить ихъ въ Двину, дабы не допустить до гнилости». Вотъ совѣтъ — продолжаетъ Ольшевскій — изъ котораго прибыли ни на копейку, а бѣда еще впереди.» Быховецъ сообщилъ мнѣ это письмо въ намѣреніи упрека. Я ему отвѣчалъ: «кто изъ насъ прежде солгалъ и обманулъ, тотъ и самъ обманулся».

Исповѣдавшись такимъ образомъ, надлежитъ признаться, что по закону, по чести, по нравственности, я не меньше грѣшникъ, какъ и Б., ежели не больше. Но, съ другой стороны судя, надобно взглянуть на тѣхъ грѣховодниковъ, которые крадутъ всегда и не раскаяваются никогда. При всемъ томъ, они, на ряду съ праведниками, а не рѣдко скорѣе и важнѣе, награждаются, нежели праведники. — Какъ можно совмѣстить такую нескладицу? Служба есть имя священное; но она же вмѣстѣ и навуходоносоровъ исполинъ, составленный изъ золота, сребра, чугуна и глины.

Исповѣдь кончилась, но чѣмъ кончилось дѣло о мачтахъ — вѣрно сказать не могу, потому что вскорѣ послѣдовала перемѣна престола, а съ нею губерніи Могилевская и Полоцкая соединены въ одну Витебскую, куда и намъ, съ Б. и другими, палъ жребій службы переѣхать къ должностямъ—о чемъ обстоятельнѣе скажется въ 1796-мъ году.

Въ сей соматохѣ и мачтовое дѣло могло уничтожиться, или, можетъ-быть, одинъ только Ольшевскій воспользовался — если сохранилъ свою добычу, по наставленію, отъ сгнитія—а Б. ничего не досталось. Если же сіе дѣло въ Могилевѣ и въ Ригѣ попало въ реестръ нерѣшенныхъ, то вѣроятно, что оно съ другими подобными, по заведенному въ нѣкоторыхъ присутствен-

ныхъ мѣстахъ славному порядку, вѣчно будетъ считаться въ числѣ нерѣшенныхъ, по силѣ всеобщаго для смертныхъ нравоучительнаго мнѣнія: «мы никогда не оканчиваемъ своихъ дѣлъ».

Сей Б. былъ съ счастливымъ умомъ, лѣтъ былъ подъ 30-ть, хорошо отправлялъ свою должность, а лутче того писалъ. Въ кампаніяхъ былъ забавенъ безъ многословія, уступчивъ, терпѣливъ, въ обращеніи гражданскомъ вѣжливъ, смѣтливъ, и вообще пріятенъ. Радъ былъ и умѣющъ каждаго у себя принять и угостить во всякое время. Можно сказать, что онъ, въ продолженіе службы, по достоинству получилъ мѣсто предсѣдателя уголовныхъ и вмѣстѣ гражданскихъ дѣлъ въ Астраханѣ. Но, при всѣхъ сихъ превосходныхъ качествахъ, былъ непостояненъ, невѣренъ, лживъ; чему, кажется, основаніемъ была карточная игра, которая сколько остритъ разумъ, столько глушитъ сердце. Государь императоръ Александръ I, въ имянномъ своемъ повелѣніи, героевъ карточныхъ имянуетъ: «скопищемъ разврата, толпою безчестныхъ хищниковъ» (Зри рескриптъ 1801 г. іюля 1 дня).

Хотя, по разсужденію логиковъ, «въ томъ мало надежды къ исправленію, кто часто исповѣдывается», однако-жъ еще одна исповѣдь лежитъ на моей совѣсти, а именно: по законамъ, состоявшимся около сихъ временъ, позволено было дѣлать водки на вкусъ, или, какъ въ законѣ сказано: — на манеръ французскихъ, съ тѣмъ, чтобъ оныя были непремѣнно изъ винограднаго вина, или изъ виноградныхъ фруктовъ. Заводчики таковой водки обязаны были доставлять ее казеннымъ палатамъ, для испытанія чрезъ медиковъ химически, а палата имѣла обязанность запечатать каждой штофъ, особо здѣланною для сего печатью, и получить въ казну предписанныя пошлины. За всѣми же подробностьми, изъясненными по сей части въ указахъ, обязаны были смотрѣть губернскіе казенныхъ дѣлъ стряпчіе.

Таковымъ позволеніемъ желая воспользоваться, является графъ Аугсбергъ, уроженецъ италійскій, націи германской, житель бѣлорусскій, въ деревняхъ помѣщика Чудовскаго. Явясь, представляетъ казенной палатѣ въ бутылкахъ пробы водокъ, сладкихъ и пуншевыхъ; потомъ, возами ящики, наполненныя водкою въ штофахъ. Палата принимаетъ, печатаетъ и отпускаетъ такъ проворно, что губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ не только ею не увѣдомляется, но лишь т[illegible] лышитъ, то фабрикантъ

графъ Аугспергъ уѣхалъ уже съ водкою изъ города. Послѣ чего я къ которому ни войду въ домъ чиновнику, положенному по штату въ казенной палатѣ и въ намѣстническомъ правленіи, вездѣ имѣю честь и вкусъ видѣть и пить водки красныя, жолтыя, зеленыя, бѣлыя, сладкія, ликерованныя, пуншевыя, и—всѣ они, по словамъ закона, «на манеръ французскихъ». Доволенъ будучи гостепріимствомъ, чувствую и обижаюсь, что не могу самъ такъ же принять, какъ меня принимаютъ. Говорятъ, что зависть есть первородной грѣхъ человѣка. Не отвергая сей истины, смѣю думать, что человѣкъ безъ сего первороднаго грѣха былъ бы на нашемъ земномъ шарѣ тоже, что часы безъ пружины. Къ сему мнѣнію, вспала мнѣ на умъ критическая картинка, здѣланная около 1778 года, когда нѣмецкой императоръ Іосифъ II придвинулъ свои войска къ Голландіи, увѣренъ будучи, что она въ золотѣ не нуждается, и что ему голландскіе червонцы непротивны. Онъ на сей картинкѣ представленъ разрѣзывающимъ на столѣ голландской сыръ *) на части. Наслѣдникъ престола его сметаетъ со стола крохи, одною горстью въ другую. А Фридрихъ Великій, смотря изъ-заплеча Іосифа II-го, говоритъ—въ надписи—«и я люблю ѣсть сыръ голландскій!»

Изреченіе и позиція сего великаго монарха, представленныя на картинкѣ, столь мнѣ полюбились, что я, какъ-будто, сталъ на мѣстѣ его, а графъ Аугспергъ, съ водкою, на мѣстѣ голландца съ сыромъ. Лишь только я думаю, гадаю, съ котораго бы конца приняться за дѣло—homo proponit, Deus disponit, является ко мнѣ, около 5-го часа по полудни, мой товарищъ, уголовныхъ дѣлъ стряпчій Цѣликовскій, человѣкъ рыжій, слѣдственно по физикѣ скорой, предпріимчивой, рѣшительной. Онъ мнѣ все то предлагаетъ, изъясняетъ, разрѣшаетъ, о чемъ я думалъ прежде, но еще не добирался конца.

— «Что же теперь?—вопрошаю я его,—вѣдь водка уже выпущена?»

— «Да, выпущена! А другая впущена, и уже печатается за городскими воротами, въ пустомъ домѣ г-на Голынскаго».

— «А для чего же не при казенной палатѣ? Здѣлана ли предписанная закономъ новая печать? взяты ли опредѣленныя

---

*) Зачеркнуто: «пополамъ, на двѣ равныя». М. С.

въ казну съ каждаго штофа пошлины? Сколько имянно печатается штофовъ? И не свободно ли за городомъ вмѣсто одной тысячи штофовъ, запечатать пять тысячъ?»

— «Обо всемъ этомъ—отвѣчаетъ наставникъ Цѣликовскій—и еще о многомъ узнаемъ мы изъ бумагъ въ казенной палатѣ сегодни или завтре пораньше, а теперь пойдемъ за вороты».

— «Пойдемъ».

За воротами городскими нашли мы въ необитаемомъ большомъ домѣ множество во многихъ комнатахъ ящиковъ, съ наполненною въ штофахъ водкою, которые печаталъ казенной палаты одинъ приказной, съ работниками графа Аугсберга. Вскорѣ явился къ намъ и ассессоръ палаты г. Буровъ.

— «Что вы печатаете за городомъ?» спросили мы его.

— «А вамъ что за дѣло? отвѣчалъ онъ; знаетъ объ этомъ палата казенная».

Послѣ невѣжливаго отвѣта, взялъ я отъ печатавшаго приказнаго служителя печать, и Бурову сказалъ: — «Эту печать должно, по силѣ закона, заклепать, а новую здѣлать съ повелѣнною надписью».

— «Мы имѣемъ честь вамъ сказать — если вы не знали, что мы губернскіе стряпчіе, которые, по словамъ закона: смотрятъ вездѣ; теперь вы, не спрашивая насъ, можете знать, что намъ за дѣло».

Съ печатью пошли мы къ губернскому прокурору, а онъ, узнавъ отъ насъ существо и обстоятельства дѣла, пошелъ вмѣстѣ съ нами къ губернатору, котораго нашли мы играющаго въ карты, въ домѣ зятя своего соляного пристава Познякова. Губернаторъ выслушалъ отъ прокурора все и не сказалъ ничего. Мы, вышедъ отъ него, толкнулись въ палату, дабы прочитать водочныя бумаги, но палату нашли замкнутою. Оттуда шествовали къ городничему, котораго понудили отправить, при себѣ, къ водкѣ конвой, и потомъ—разошлись спать.

По утру сошлись раньше обыкновеннаго въ палату, и не нашли журнала о водкѣ; изъ палаты—въ уѣздное казначейство, гдѣ нашли, что казначей не только не получилъ въ казну пошлинъ, положенныхъ съ каждаго штофа по 10-ти копѣекъ, но и повелѣнія на то отъ палаты не имѣлъ.

Прокуроръ, съ прописаніемъ всего, сообщилъ казенной па-

латѣ, и требовалъ, чтобы отобранная вчера печать была уничтожена, а на мѣсто ея здѣлана новая съ надписью, въ законѣ предписанною, и чтобы водка печатаема была при казенной палатѣ, а не за городомъ. А отъ намѣстническаго правленія, и особо отъ губернатора, требовалъ письменно же, чтобы водка пропущена была въ городъ, гдѣ онъ, прокуроръ, предоставляетъ себѣ открытіе свойства и качества оной. НО

Не буйные вѣтры зашумѣли, не мутная лужа всколебалась, палатные члены всхарахорились.—Натурально! Кому пріятно быть пойману на преступленіи должности!—

Они бросились къ губернатору,
Къ губернатору Черемисину,
И поютъ ему громогласную:
— Какъ матросы встарь на Невѣ рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ —
«Охъ ты, гой, еси, ты нашъ батюшка!
Насъ поймали-то за воротами,
На печатаньѣ водки хлѣбныя,
Прокуроръ Семенъ и со стряпчими,
Какъ со стряпчими со губернскими.
Ты-вѣдь самъ намъ далъ повелѣніе,
Чтобъ печатали за воротами.
Ты, отвѣдавши водки графскія,
Рекъ по книжному: «въ снѣдь добра зѣло».
А теперь они насъ крутятъ вертятъ».
Что возговоритъ Черемисиновъ:
«Охъ вы, гой, еси, вы друзья мои,
Вы друзья мои, два зятья мои,
Позняковъ Захаръ и Наркизъ Вонъ-ляръ,
А за ними ужъ и Бояриновъ.
Мы по всякой день за столомъ однимъ,
За столомъ однимъ хлѣбъ и соль ядимъ.
Не робейте вы и не думайте.
Малорослаго прокурора я,
Кулакомъ однимъ, какъ въ мѣшкѣ, сомну,
Цѣликовскаго рыжевласаго
Толкачомъ столку на блины въ муку.
Философа-та я Добрынина
Не пущу къ себѣ и въ переднюю.
Ой, жена моя Анна Ивановна!
Губернаторша расторопная,
Научи меня какъ судить рядить.
Мнѣ не въ первой разъ тебя слушати,
Твой совѣтъ всегда мнѣ какъ новой чинъ.

Ахъ какъ тягостно быть при должности,
Когда чувствуешь, что и тупъ и глупъ *)».
Что возговоритъ жена добрая,
Губернаторша расторопная:
«Охъ, ты, гой, еси, удалой нашъ зять,
Удалой нашъ зять, ты Наркисъ Вонляръ,
Ты бери скорѣй перо острое,
Что очинено тобой въ корпусѣ,
Пиши грамотку во Санктъ-Петербургъ.
При дворѣ сидитъ благодѣтель нашъ,
Что намѣстникомъ въ Бѣлоруссіи,
Родной дядя твой Петръ Богдановичъ».
Не кавылушка-трава бѣлая
Во чистомъ полѣ забѣлѣлася,
Загорѣлися ретивы сердца;
Прокуроръ Семьонъ и со стряпчими,
Въ свою очередь, ну туда-жъ писать.

Надобно знать, что въ царствованіе Екатерины Великія, государевы намѣстники въ губерніяхъ были сильны, потому что были въ довѣріи; а довѣріе царское, для особъ «природою почтенныхъ, разумныхъ и честныхъ, искусствомъ укрѣпленныхъ» **), есть основаніемъ къ тому, чтобъ они говорили языкомъ истины; почему и сужду: полученное изъ Петербурга въ могилевскомъ намѣстническомъ правленіи отъ генералъ-губернатора Петра Богдановича Пассека, на посланныя къ нему отъ всѣхъ насъ бумаги, предложеніе, копія съ котораго по нынѣ у меня уцѣлѣла, помѣстить здѣсь отъ слова до слова, дабы, во-первыхъ, не здѣлать сокращеніемъ недостатка въ ясности дѣла; во-вторыхъ, чтобы припомнить и повторить себѣ, какой имѣли тонъ главнокомандующіе губерніями въ благополучное царствованіе Екатерины Великой:

«Могилевскому намѣстническому правленію

Предложеніе.

«Разсматривая вступившія ко мнѣ бумаги: 1-е, рапортъ правителя могилевскаго намѣстничества, г-на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Черемисинова, и приономъ, 2-е, могилевской казенной палаты донесеніе, 3-е, могилевскаго губернскаго прокурора Герасимова рапортъ а въ оригиналѣ, поданные ему правителю намѣстничества, 4-е, рапортъ же, помянутаго Гераси-

*) Два послѣднихъ стиха въ подлинной рукописи зачеркнуты. М. С.
**) Сумароковъ въ трагедіи Синавъ и Труворъ. Г. Д.

мова, на имя мое отправленной, съ приложеніями подаваемыхъ имъ въ казенную палату и г-ну правителю намѣстничества и прочихъ бумагъ, въ копіи, относительно обрѣтенной господами губернскими стряпчими за городовыми воротами, въ необитаемомъ домѣ, водки, печатаемой казенной палаты печатью копіистомъ Тимоѳеевымъ, безъ бытности отъ стороны казенной палаты члена, нахожу сказать слѣдующее:

«Какъ указами правительствующаго сената предписано: 1) отъ 9-го октября 1788 г. составляемую заводчиками изъ виноградпаго вина водку, чтобъ продавали ящиками, запечатавъ въ казенной палатѣ каждой штофъ, равномѣрно и содержащимъ погреба объявить, дабы отъ заводчиковъ незапечатанныхъ въ казенной палатѣ штофовъ съ водкою не покупали, подъ опасеніемъ поступленія по законамъ; при чемъ и стряпчимъ казенныхъ дѣлъ отъ намѣстническихъ правленіевъ учинить строгое подтвержденіе, чтобъ они, по силѣ своей должности, начертанной въ высочайшихъ учрежденіяхъ, всемѣрно старались недопускать до подобныхъ злоупотребленій, производя въ таковомъ случаѣ заблаговремянно жалобу, какъ истцы со стороны казенной; 2) отъ 1-го д. августа сего 1795 г. въ 8-мъ пунктѣ изображено: въ привилегіяхъ, данныхъ до изданія высочайшаго устава о винѣ, на заведеніе водочныхъ заводовъ, имянно включалося, чтобъ водки на нихъ дѣлать виноградныя; равномѣрно и онаго устава статьею 59-ю дозволено всякому только дѣланіе виноградпаго вина и виноградной водки, о исполненіи чего и указами сената, отъ 9-го дня октября 1788 г. и отъ 17-го дня ноября 1794 г. подтверждено. Почему и имѣть строжайшее за водочными заводами смотреніе, чтобъ на нихъ водки, по силѣ помянутыхъ предписаній, дѣланы были единственно изъ виноградпаго вина и виноградныхъ фруктовъ. Въ продажу же производить дѣлаемыя на тѣхъ заводахъ вейновыя водки, по указу 1788 г. ящиками, съ казенною на каждомъ штофѣ печатью, съ платежемъ положенной указомъ 1773 г. августа 8-го дня пошлины, а для запечатанія представлять въ казенныя палаты. Въ 9-мъ пунктѣ сказано: для печатанія всѣхъ водокъ, дѣлаемыхъ въ Россіи, имѣть особую печать, съ надписью: «печать для россійскихъ водокъ», для иностранныхъ же водокъ тѣмъ указомъ

велѣно здѣлать особую печать и, по учиненіи нынѣ осмотровъ, оными печатьми всѣ водки запечатывать.

«Слѣдуя выполненію толь ясныхъ предписаній, не нахожу я ничего такого, какъ казенная палата пишетъ, чтобъ поступлено было со стороны губернскихъ стряпчихъ и прокурора противу ихъ должности, но, вмѣсто того, одобряя ихъ дѣятельность, не могу похвалить распоряженія казенной палаты на сей случай здѣланнаго, ибо, изо всего ею пространнаго и обиднаго для прокурора и стряпчихъ объясненія, нисколько не можетъ укрыться содѣланное ею упущеніе: 1) что здѣлавъ журналъ, о принятіи за печатаніе водки въ казну акциза, прежде еще исполненія сего, печатаема уже была водка однемъ копеистомъ въ необитаемомъ за городскими воротами домѣ; что здѣлано такъ же и противъ вышесказанныхъ предписаніевъ, и противу журнала, поелику ассессоръ Буровъ, чтобъ точно находился всегда на мѣстѣ печатанія, того изъ объясненія палаты не видно. А доказательство ею на сіе учиненное, подобно какъ и о сторожѣ казенной палаты, котораго губернской прокуроръ съ стряпчими не нашелъ въ палатѣ, есть странно и непристойно, что одинъ выходилъ для законной своей, а послѣдній, по естественной надобности, на дворъ, и стряпчіе, будто, сего времяни нарочно выжидали; 2) когда и въ какое время казенная палата располагалась печатать водку, надобно было объявить о семъ губернскому казенныхъ дѣлъ стряпчему, а по небытности его и уголовному, поелику они по своей части одинъ другого мѣста занимаютъ; 3) печатаніе производимо было за городомъ, а не при казенной палатѣ, и 4) имѣвши уже доносъ губернскаго прокурора, что водка печатается непозволенная, а здѣланная изъ хлѣба; но и тутъ палата, не уважа доноса губернскаго прокурора, принуждала стряпчего быть при допечатаніи, который больше осторожности здѣлалъ, что къ исполненію сего не приступилъ, не будучи при ея пробѣ, нежели палата, что осмѣлилась за симъ, въ угодность хозяина водки, оную допечатать. Итакъ, симъ объяснивъ содѣланныя по сей части упущенія, рекомендую намѣстническому правленію, доносъ губернскаго прокурора и стряпчихъ обнаружа посредствомъ медицинскихъ чиновъ, находящихся въ Могилевѣ, поступить по предписанію законвъ, а впредь печатаніе оной производить при казенной па-

латѣ; а чтобъ избѣгнуть тѣсноты и траты штофовъ, то ежедневно назначать къ печатанію оной водки штофовъ отъ ста до пятисотъ, приставляя къ оной воинскую стражу, доколѣ будетъ производиться запечатаніе оныхъ, и на тотъ разъ извѣщать о бытіи при семъ случаѣ казенныхъ дѣлъ стряпчего и медицинскихъ всѣхъ чиновъ, находящихся въ городѣ, и наконецъ, нужнымъ почитаю строго подтвердить, имѣть и за водочными сего рода заводами смотрѣніе, чтобъ на нихъ водки, по силѣ помянутыхъ предписаній, дѣлаемы были единственно изъ виноградного вина и виноградныхъ фруктовъ.

Петръ Пассекъ».

Сентября 17-го дня, 1795 г. С.-Петербургъ.

Послѣ сего, графъ Аугсбергъ удостоивалъ всегда факультета прокурорскаго поднесеніемъ, въ ящикахъ или полуящикахъ, своихъ водокъ, для пробы, когда привозилъ ихъ печатать. А мы въ семъ случаѣ поступили какъ полу-честные служивые; ибо хотя графъ не въ силахъ былъ представлять всегда водку, дѣлаемую изъ винограднаго вина и виноградныхъ фруктовъ, однако-жъ и хлѣбной представлять не осмѣливался, а дополнялъ иногда часть доставки водкою, дѣланною изъ туземныхъ садовыхъ фруктовъ.

Теперь очень ясно, что подражаніе Фридриху Великому, который говорилъ: «и я люблю ѣсть сыръ голландскій», не оставило всѣхъ насъ троихъ безъ награды; а мнѣ, сверхъ того, опредѣлено было отъ графа на каждой годъ 360 р., то-есть, повтореніе моего жалованья. Симъ кончилась вторая исповѣдь; но грѣхомъ моимъ не долго я пользовался, такъ что едва ускорилъ получить дважды годовой мой окладъ. Причина сей краткости всеобщее въ Россіи несчастіе для кающихся грѣшниковъ, для закоснѣлыхъ во грѣхахъ и для самыхъ праведниковъ. Несчастіе, которое стихотворцы стали бы изъяснять: взошла мрачная туча и среди-дневной свѣтъ покрыла ночною темнотою. Страшные жерлы ея разродилися въ горизонтѣ, произвели хладное и ужасное во всей имперіи наводненіе. Молнія безперерывно разсѣкала горизонтъ, смертельные громовые удары разили, и проч. Но всѣ таковыя изъясненіи были бы не что иное, какъ тѣнь вмѣсто тѣла, слѣдственно, нѣтъ тутъ нужды ни въ буряхъ, ни въ тучахъ, ни въ молніяхъ, ни въ громахъ, а довольно сказать:

умерла государыня императрица Екатерина II, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1796 г. по тридцати-четыре-лѣтнемъ царствованіи. Вступившій по ней на престолъ государь императоръ.

§ XLV.

Павелъ I — скончался 1801 г. въ мартѣ мѣсяцѣ*).

§ XLVI.

Въ началѣ 1797 года отправленъ я былъ принявшимъ правленіе губернатора обѣими бѣлорусскими губерніями, могилевскимъ вице-губернаторомъ Захаровымъ, по секретной коммиссіи, назначенной по имянному высочайшему повелѣнію, въ городъ Климовичи и во весь уѣздъ. Будучи тамъ, получилъ отъ г-на вице-губернатора письмо слѣдующаго содержанія: «Должности ваши уничтожаются **), но способности при васъ. Я желаю опредѣлить васъ, но вашего желанія не знаю. Есть мѣста: городническія, земскихъ исправниковъ, казначеевъ, и два совѣтника въ главный судъ. Скажите мнѣ съ первою почтою рѣшительно, кромѣ, однако, совѣтничьего мѣста, ибо оно подлежитъ затрудненію, въ которое желаете? Марта 18 д. 1797 г.».

Я выбралъ мѣсто земскаго исправника или, по тогдашнему новому наимянованію, земскаго коммиссара въ Могилевѣ, потому что имѣю тамъ свое гнѣздо, о чемъ и вице-губернатору отписалъ съ благодарностью; но возвратясь въ Могилевъ,—уже послѣ свѣтлаго праздника — услышалъ, что помѣщенъ я въ земскіе коммиссары не въ Могилевъ, а въ Витебскъ; и росписаніе послано уже въ сенатъ, для представленія на высочайшее благоразсмóтрѣніе. Въ Могилевѣ же помѣщенъ на сіе мѣсто товарищъ мой, губернскій стряпчій Цѣликовскій, который, также какъ и я, имѣлъ въ Могилевѣ домъ, и сверхъ того жену и дѣтей, которыхъ я не имѣлъ. Казалось бы, и справедливо! Но, въ самомъ дѣлѣ, не то.

Цѣликовскій просился на такое-жъ мѣсто въ Оршу, потому

---

*) Да не подумаетъ читатель, что мы въ этомъ оригинальномъ § что-либо выпустили: онъ изложенъ точно такъ въ подлинной рукописи Добрынина.
М. С.

**) Со вступленія на престолъ Павла I, во многомъ произошла реформа.
Г. Д.

что тесть его тамъ городскимъ головою. Но почти вся казенная палата приступила къ своему вице-губернатору, прося его исторгнуть меня изъ моего гнѣзда, а Цѣликовскому, равномѣрно, не здѣлать по его желанію, дабы дать намъ почувствовать мщеніе, за вышесказанное печатаніе ею за городомъ хлѣбной водки, въ которой, однакожъ, тогда неучаствовалъ вице-губернаторъ, потому что, во время водочной нашей соматохи, былъ онъ въ Бѣлицкомъ уѣздѣ, при строеніи на Днѣпрѣ баркасовъ, для сплавки ихъ къ Черному морю, по имянному повелѣнію государыни императрицы.

Горько мнѣ было сіе преселеніе, съ большаго класса соступить на меньшій; съ домомъ, въ которой погрузилъ почти все, что имѣлъ, долженъ былъ разстаться. Но то и другое было неизбѣжно. Уже всѣ чиновники и вицъ-губернаторъ отправились къ 1-му числу мая въ Витебскъ, а, я на нѣкоторое время, остался еще въ Могилевѣ, за болѣзнію, больше душевною нежели, тѣлесною *).

Напослѣдокъ — предопредѣленный судьбою; не имѣть ни сродниковъ, ни покровителей, ни пособія пріятелей, кромѣ самого себя и всеобщаго Промысла,—собрался, оставилъ мой домикъ въ присмотръ людямъ, какіе трафились, и выѣхалъ, 1797 г. мая 31-го дня, изъ Могилева въ Витебскъ къ назначенной мнѣ должности.

По выѣздѣ на третій день, въѣхалъ я въ Витебскъ. Первою для меня были встрѣчею: грязь, топь, повсемѣстная нечистота, кривыя узкія улицы, съ долгими отъ кровлей дурныхъ домовъ навѣсами; а внутри сихъ хижинъ — несказанное множество таракановъ, называемыхъ: прусаки.

Въ теченіе лѣтъ 10-ти, Витебскъ отстроился большою частію каменнымъ строеніемъ, такъ что весьма немногіе въ имперіи губернскіе города могутъ съ нимъ сравниться, и прусаковъ уменьшилось, можетъ быть, по причинѣ извести. Внутри же домовъ, образъ жизни хозяевъ — исключая очень немногихъ — не перемѣнился. Если домъ жидовскій, то въ нижнемъ этажѣ— корова; а если христіанскій—то свинья.

*) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: «разсудилъ попросить письмомъ пріѣхавшаго уже изъ Крыма въ Витебскъ витебскаго губернатора С. С. Жегулина, чтобъ онъ перемѣнилъ...» М. С.

На первой случай остановился я на квартирѣ у Б., а на другой день явился къ губернатору, прибывшему недавно изъ Крыма. Безъ сомнѣнія, новость правленія была причиною, что я нашелъ у него набиту полну комнату людей, штатскихъ дворянъ, помѣщиковъ, и другихъ. Онъ лежалъ въ нишѣ на одрѣ — которой былъ родъ дывана — въ бѣломъ халатѣ, лѣвая нога свѣшена, а правая съ нимъ на дыванѣ, курилъ трубку табаку и диктовалъ письмо своему писарю, сѣдящему при столикѣ при его дыванѣ, въ темнозеленой курточкѣ, съ маленькими, чорными, подрѣзаными усиками. Онъ узнавъ, что предъ него явился витебскій земскій коммиссаръ, сказалъ: — отнявши трубку — «вы не поспѣшно пріѣхали къ вашей должности». Я выставилъ въ мое оправданіе болѣзнь, о которой, примолвилъ я, доносилъ его превосходительству. А онъ мнѣ отвѣчалъ приказаніемъ, вступить поскорѣе въ должность, и примолвилъ: «я удостовѣренъ, что вы вашею исправностью наградите пропущенное время».

Лишь только я показался въ мой нижній земскій судъ, то нашло и ко мнѣ народу, почти третья часть противъ губернаторскаго. Жиды, ксензы, помѣщики; всѣ поздравляли, всѣ оказывали, какъ-будто, радость, что пріѣхалъ — по ихъ словамъ — хозяинъ уѣзда *).

Признаюсь, для меня было странно, что когда былъ я на высшемъ степени, тогда меня никто не поздравлялъ, а когда сдвинутъ ниже, тогда явилось много поздравителей. Они принудили меня взять позицію, приличную поздравленій. Но я не могъ себя внутренно пересилить, будучи единожды тронутъ чувствительностью, въ томъ, что перемѣщеніе съ 7-го класса на 9-й столько дѣлаетъ чести въ службѣ, какъ разжалованіе изъ подполковниковъ въ капитаны. Разсужденіе, что я горюю не одинъ, а многіе по всѣмъ губерніямъ, и что я пониженъ не за преступленіе, но по волѣ и распоряженію государя, пекущагося о благѣ своихъ подданныхъ, мало грусть мою облегчало.

Обѣдъ мой былъ у Б. Онъ, казалось, не помнилъ уязвленія, причиненнаго ему мною за обманъ меня по дѣлу мачтовому.

---

*) Земскій капитанъ, или исправникъ названъ въ высочайшемъ учрежденіи о губерніяхъ и хозяиномъ уѣзда. Къ правленію покойной государыни императрицы и новоприобрѣтенной народъ столько привыкъ, что, даже по смерти я, съ удовольствіемъ повторялъ слова ея: «хозяинъ уѣзда». Г. Д.

Но вообще, для каждаго, сталъ онъ спѣсивѣе, потому что, будучи перемѣщенъ изъ секретарей въ ассесоры казенной палаты, управлялъ онъ и губернаторскою канцеляріею. Я спросилъ его: что удерживаетъ губернатора въ такой позиціи, въ какой я его видѣлъ? «Онъ боленъ ногами», отвѣчалъ мнѣ Б.

Въ продолженіе дня видѣлся я почти со всѣми служащими, начиная съ вице-губернатора, и видѣлъ каждаго въ такомъ положеніи, какъ будто и они помѣщены, съ верхней степени на нижнюю, и какъ будто никто еще не зналъ, за что ему приниматься, хотя и всѣ они мѣсяцомъ раньше меня пріѣхали.

Между тѣмъ, нужно было искать квартиры, и я опытомъ удостовѣрился, что, изъ двухъ тысячъ слишкомъ домовъ и лачужекъ, едва ли находилось во всемъ городѣ десятокъ, въ которые бы можно было войти безъ отвращенія, по ихъ нечистотѣ. Однакожъ вездѣ есть люди скорые къ услугамъ, изъ какого-бы источника ни происходила сія добродѣтель. Еврей Давыдъ Шлёмовичъ, узнавъ мою надобность, искалъ со мною видѣться и, встрѣтясь, предложилъ мнѣ квартиру въ своемъ домѣ. Два покоя пригодились для меня тѣмъ лутче, что были на другомъ етажѣ и при самой большой улицѣ. Я нанялъ ихъ за сходную цѣну.

Въ одинъ день предъ вечеромъ, шелъ я по улицѣ и нечаянно узналъ, по входящему въ одинъ домъ народу, что тамъ будетъ играна комедія на польскомъ языкѣ пріѣзжими актерами. Взявши билетъ, вошелъ и я туда, въ такую пору, когда уже публика собралась и театръ ожидалъ только одного губернатора; ибо въ тѣхъ мѣстахъ или городахъ, гдѣ театральной порядокъ не устроенъ, или гдѣ наѣзжіе бываютъ актеры, всегда, для открытія зрѣлищъ, служитъ вмѣсто положенныхъ часовъ самъ начальникъ. Ожидая его, я воображалъ, что онъ нянчитъ свои больныя ноги и что явится въ театръ въ бархатныхъ сапогахъ, опираясь на толстую трость, поддерживаемъ слугою. Но я удивился, увидя какъ его превосходительство вступилъ туда хвацкимъ молодецкимъ шагомъ, расчосанъ, распудренъ, въ башмакахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ, лишь только икры мелькаютъ.

Въ теченіе времени узнано, что онъ былъ великой мастеръ жить на свѣтѣ. Онъ, видя скользкой путь тогдашней службы, не пропущалъ, при всякомъ случаѣ, писать къ знающимъ его въ Петербургъ, что онъ человѣкъ больной, что онъ, изъ единаго вѣрноподаннічес-

каго долга и неограниченнаго усердія къ государю императору, держится при должности; что, по слабости его здоровья и по крѣпости его припадковъ, радъ онъ, на всякое время, оставить службу. Отъѣзжающимъ же изъ Витебска, или переѣзжающимъ чрезъ Витебскъ въ Петербургъ, говаривалъ, лежа на диванѣ и свѣся одну ногу: «вотъ, братъ, каково положеніе управляющаго губерніею! Куда я гожусь? Еслибъ государь императоръ, по милости своей, уволилъ меня съ кускомъ хлѣба — а о томъ смалчивалъ, что отъ покойной государыни императрицы получилъ хорошія деревни — я былъ бы очень доволенъ». А между тѣмъ ѣдалъ, пивалъ, сыпалъ по-богатырски. Если кто его о чемъ просилъ, никому ни въ чемъ не отказывалъ, всякаго отпущалъ довольнымъ и благонадежнымъ, и никому ничего не дѣлалъ. Кто первой сказалъ: что «надежда есть пища дураковъ», тотъ видно зналъ С. С. Жегулина. Въ замѣну того, онъ былъ терпѣливъ, переносилъ все и не былъ мстителенъ, въ противность мнѣнія Гомера, которой говоритъ: «мщеніе есть удовольствіе боговъ». По прошествіи лѣтъ двухъ былъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ, уволенъ, по прошенію съ полною пенсіею, какая милость, въ тѣ поры, очень рѣдко была употребительна.

Отправляя новую должность, привыкалъ я къ ней по возможности. Но, понеже она была такого сорта, что имѣла связь не только съ уѣздными, но и съ городскими иногда жителями всякаго состоянія *), то и нельзя столько быть и дѣятельну и добродѣтельну, чтобы всякой былъ мною доволенъ. Было иногда не безъ жалобъ на меня губернатору; но онъ, сколько мнѣ извѣстно, имѣя въ виду мою дѣятельность, требовалъ только отъ меня объясненій, и тѣмъ оканчивалъ. Напослѣдокъ и люди неугомонные, узнавъ, что я исполнитель больше повелѣній, нежели самовластной дѣлъ рѣшитель, образумились и полюбили, такъ что во всю мою въ сей должности бытность, — съ 1797-го по 1800-й годъ — меня одобряли за скорой разборъ и удовлетвореніе случавшихся между ими, по сосѣдству и общежитію, ссоръ, а отъ начальства — котораго надо мною было довольное число **), не

*) По присоединеніи къ Витебскому уѣзду частей отъ другихъ уѣздовъ всего числомъ жителей, положенныхъ въ ревизію, состояло въ Витебскомъ уѣздѣ болѣе 45-ти тысячъ душъ, и болѣе 50-ти дворянскихъ домовъ, не полагая въ сіе число околичной шляхты. Г. Д.

**) Нижній земскій судъ и земскій комиссаръ подъ повелѣніемъ состоятъ

только я, но и тотъ судъ, въ которымъ былъ я первымъ, при мнѣ ни штрафованъ, ни подъ выговоромъ не былъ.

Въ исходѣ 1798 г., на мѣсто Жегулина присланъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлокопытовъ; человѣкъ очень доброй, и доброй фрунтовой служивой, но, для начальника губерніи, старъ и слишкомъ добросердеченъ и искрененъ. Онъ пробылъ губернаторомъ около полугода, уволенъ съ половиннымъ пансіономъ. На его мѣсто присланъ изъ Петербурга г-нъ Сѣверинъ, тайный совѣтникъ, служившій по артиллерійской части, по гвардіи, членомъ въ военной коллегіи, слѣдственно по службѣ огненъ, а по натурѣ молодъ; скоръ безъ расторопности, рѣшителенъ безъ основательности. Былъ влюбчивъ, и всѣ дѣла шли по страсти. Хорошо зналъ курсъ монеты, ловокъ былъ ея пріобрѣтать, и всегда ему ея недоставало. Часто давалъ на себя подозрѣніе, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ въ замѣшательствѣ. При всемъ этомъ, столько былъ скрытенъ, что никому не далъ себя понять, въ какихъ соотношеніяхъ былъ онъ со нравственностью. Вслѣдствіе сего, вспало ему на умъ очистить мое мѣсто и дать его полезнѣйшему. Я, узнавъ ковы, просилъ его превосходительство, чтобъ онъ мнѣ далъ такое же мѣсто въ Могилевѣ — которое очистилось смертію бывшаго моего въ Могилевѣ по губернскому стряпчеству товарища Цѣликовскаго — но и то занято человѣкомъ полезнѣйшимъ, а мнѣ отказъ. Оба сіи полезнѣйшіе были, при мнѣ, засѣдательми въ нижнемъ земскомъ судѣ, и оба возжелали сдѣлаться мнѣ непріятельми, съ помочью своихъ деревень и родни и губернаторской алчности. А я, въ защиту мою, ничего не имѣлъ кромѣ службы. Посему, будучи въ скукѣ, печали, никѣмъ ни подкрѣпленъ, всегда оставленъ, будучи пришлецъ въ землю чуждую, — я заболѣлъ, въ зиму съ начала 1800 г. епидемическою, тогда, болѣзнію и, болѣе 6-ти недѣль, не могъ выходить изъ горницы. Все сіе было подкрѣпленіемъ къ исполненію Сѣверину своихъ намѣреній.

Тогда, по имянному повелѣнію, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Витебской, ревизовалъ присутственныя мѣста сенаторъ графъ Илинскій. По выѣздѣ его изъ Витебска, при-

губернатора, подъ указами: губернскаго правленія, казенной палаты, двухъ департаментовъ: уголовнаго и гражданскаго, и повѣтоваго земскаго суда.

Г. Д.

слалъ ко мнѣ Сѣверинъ ордеръ слѣдующаго содержанія: «По повелѣнію его сіятельства, графа А. И. Илинскаго, усмотрѣвшаго неисправность вашу по должности, удалены вы отъ мѣста».

Болѣзнь къ болѣзни!—Камень въ воду брошенъ, таскать его трудно! — Болѣзнь къ болѣзни! я заболѣлъ ногами и, еще, продолжалъ сидѣнье дома. Но мало по малу оздаравливая, сталъ, съ помочью очистившагося посредствомъ болѣзни разсудка, помышлять: что мнѣ дѣлать? имѣнія, куда бы уклониться, не было; кланяться обидѣвшему,—человѣку разсѣянному, вельможею или бариномъ не родившемуся (онъ былъ сынъ придворнаго портного мастера или закройщика), замѣшанному на интересѣ, обогащенному пустословіемъ, бѣдному чистымъ смысломъ,—кланяться и просить у него царской службы, я не могъ собраться съ духомъ. Прося же въ сенатѣ, нельзя было скрыть, что губернаторъ меня отрѣшилъ, какъ своего камердинера *), самодержавно. Слѣдственно, прося мѣста, надлежало быть и просителемъ на губернатора, или — что еще хуже — доносителемъ на него, чего мнѣ очень не хотѣлось, не для того, чтобъ я его робѣлъ, но для того, чтобъ какой-нибудь сенаторъ, бывши самъ губернаторомъ не лутче Сѣверина, не закричалъ въ сенатѣ, что проситель человѣкъ заносчивой, если смѣетъ жаловаться на губернатора. Такова есть участь человѣка чувствительнаго и размышляющаго. Онъ мучитъ самъ себя, и никогда не согласится оставить своего мученья на тотъ конецъ, чтобъ имѣть мѣдной лобъ и чугунное сердце. Какъ-бы то ни было, я былъ хуже, нежели въ отставкѣ, потому что былъ безъ аттестата, безъ должности, съ поклепомъ неисправности.

Разсуждая и заботясь какъ-бы себѣ помочь, умѣлъ уже я знать, что чужое горе никого не трогаетъ, и жалоба моя не произведетъ ни въ комъ жалости. Итакъ, положилъ я, къ поправленію моей участи, вотъ какое основаніе: я росписалъ всю причиненную мнѣ обиду самымъ историческимъ и, по возможности моей, короткимъ стилемъ, изъ котораго самъ по себѣ выходилъ смѣшной и забавной тонъ, какимъ я и цѣлилъ его выставить, наимяновалъ мое росписаніе реляціею. Сію реляцію послалъ въ Петербургъ къ пріятелю, которой былъ мнѣ знакомъ

*) Сравненіе это зачеркнуто въ подлинникѣ. М. С.

еще по могилевской службѣ и о которомъ я зналъ, что онъ имѣетъ талантъ вкрадываться въ кабинеты вельможъ. Я не позабылъ туда же всунуть и четырехъ-сотъ рублей ассигнаціями *), дабы возбудить справедливость, которая, безъ денегъ, всегда спитъ.

Въ скоромъ времяни получилъ отвѣтъ, что реляція моя читана генералъ-прокурору П. Х. Обольянинову и возъимѣла свое дѣйствіе. Но какъ въ семъ отвѣтѣ не много было яснаго, а еще меньше удовлетворительнаго, то бросился я съ письмомъ, чрезъ посланнаго, къ генералъ-лейтенанту Петру Ивановичу Боборыкину, обвѣшенному орденами и почтенному лѣтами и службою.

Сей старой генералъ не говорилъ иностранными языками, а службу хорошо зналъ, служа по гвардіи съ самыхъ нижнихъ чиновъ. Онъ не танцовалъ, а имѣлъ инструментальную музыку, охочь былъ принимать у себя гостей, и у него плясали. У него не было иностраннаго повара, а столъ былъ хорошъ. Для него-же онъ тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ больше гостей. Онъ былъ вдовъ, а сына одного и послѣдняго потерялъ, сражавшагося противъ шведа. Не должно пропустить одного его дѣйствія, знаменующаго черту его характера и патріотизьма, о чемъ, въ его время, зналъ весь Петербургъ:

Онъ, будучи гвардіи майоромъ и армейскимъ генералъ-майоромъ, когда узналъ, что сынъ его убитъ на сраженіи, потребовалъ полковую музыку, собралъ гостей, и ну пировать цѣлые сутки. Государыня императрица, замѣтя безперерывной звукъ бубновъ, литавръ, барабановъ, съ пѣсенниками, спросила: «что это за торжество? у кого оно?» Ей донесли, что Боборыкинъ торжествуетъ потерю сына. «Видно старику припалъ сердечной смѣхъ», сказала монархиня съ жалостію. Нѣтъ, отвѣтствовали ей, онъ здоровъ и, въ полномъ присутствіи духа, каждому въ слезахъ говоритъ: что, для благороднаго человѣка, нѣтъ славнѣе мѣста умереть, какъ сражаясь за отечество. Государыня императрица послала, тотчасъ, увѣрить его, что она, хотя не можетъ возвратить ему сына, котораго вмѣстѣ съ нимъ оплакиваетъ, однакожъ пріемлетъ на себя попеченіе, помнить и награждать его потерю во всѣ остатки дней своихъ.

---

*) Тогда рубль серебряной былъ въ рубль десять копѣекъ ассигнаціонныхъ. Г. Д.

Я, знавши эту исторію, когда напомнилъ ему объ ней, онъ мнѣ отвѣчалъ: «Да! потеря сына чуть-ли бы не вогнала меня во гробъ, еслибы не оживила меня своею милостью покойная императрица. А какъ, послѣ того, умерла моя жена, то я два года въ церковь не ходилъ, и не хотѣлъ ничего признавать за святое. Богъ, однакожъ, милостивъ, не далъ мнѣ погибнуть въ отчаяніи, а если ты хочешь знать, я тебѣ скажу случай, когда я чуть не былъ задушонъ радостью и удовольствіемъ; могу побожиться — продолжаетъ старой воинъ, — что ни одинъ генералъ россійскій не былъ столько счастливъ какъ я. Ты, я думаю, и самъ знаешь, что никогда столько, по гвардіи, не пережаловано россійскаго благороднаго юношества въ унтеръ-офицеры и сержанты, какъ за бытность мою въ гвардіи майоромъ. Изъ унтеръ-офицеровъ и сержантовъ, обыкновенно, выпускались въ полевые полки порутчиками и капитанами. Я дѣлалъ это не изъ корыстолюбія, хотя и могъ набогатиться такъ же, какъ другіе, въ другихъ полкахъ, набогащались. Я дѣлалъ это изъ охоты неотказывать, когда меня просятъ; сама государыня императрица знала, что я не корыстуюсь. Преемникъ мой по гвардіи, Александръ Михайловичъ Римскій-Корсакъ удивился, когда я сдалъ ему съ рукъ на руки огромное количество полковой экономической денежной суммы, которую я могъ бы себѣ присвоить, не боясь никого. И когда одинъ изъ добрыхъ генераловъ сказалъ Корсаку предъ государынею императрицею, что вамъ дескать Боборыкинъ оставилъ не полное число въ полку лошадей; тогда Корсакъ отвѣчалъ: «лошадей купить не мудрено, когда Боборыкинъ накопилъ и мнѣ отдалъ огромную экономическую сумму».

— Ваше превосходительство — сказалъ я — хотѣли сказать, какую вы чувствовали радость и удовольствіе, какихъ ни одинъ россійскій генералъ.

— «Да; случилось мнѣ быть въ Москвѣ. Я вошолъ въ театръ и сѣлъ въ партерѣ. Черезъ минуту по всему театру пошолъ гулъ, далѣ-больше, далѣ-больше и вдругъ, во всѣхъ ложахъ и въ партерѣ, ударили въ ладоши, и закричали повторяя: «Петръ Ивановичъ Боборыкинъ! Петръ Ивановичъ Боборыкинъ!» а г-жи княгини, графини, и другихъ знаменитыхъ фамилій, будучи бабушки, тетушки, матушки, сестрицы, во всю мочь кричатъ со всѣхъ мѣстъ: дайте намъ Боборыкиа! покажите намъ благодѣтеля нашихъ дѣтей!

нашихъ внуковъ! нашихъ братьевъ! племянниковъ!» Иныя вскакиваютъ на стулье, на парапетъ, и кричатъ: на руки его! на руки его! Въ жизни моей, я ни прежде ни послѣ не былъ пораженъ такою радостію и удовольствіемъ, какъ тогда».

Напослѣдокъ оказалось, что еслибы я не бросился къ Боборыкину, то сей (смотри выше) пріятель чисто бы меня обманулъ. Онъ успѣлъ высосать отъ меня 700 р. и успѣлъ чрезъ письма стакнуться съ Сѣвернымъ, не сомнѣваясь, что отъ него получитъ больше какъ отъ меня; однакожъ не удалось. Письмо Боборыкина помѣшало. Вотъ каково на свѣтѣ!

Онъ жилъ въ разстояніи отъ города версты на двѣ, въ пожалованномъ ему имѣніи. Близость разстоянія требовала изъясниться лично; но я изъяснился письмомъ, извиняясь, что послѣ болѣзни не могу еще выходить, и проч. Онъ отвѣчалъ: что давно искалъ случая быть мнѣ полезнымъ, и даже сердитъ былъ на меня за то, что будучи я въ моемъ несчастіи не употребилъ его до сихъ поръ въ мою пользу, и что онъ теперь все то для меня радъ здѣлать, къ чему я подамъ ему свою мысль.

Будучи безъ помочи, оживился я отвѣтомъ сего благодѣтельнаго мужа. Когда я къ нему явился, онъ повторилъ лично свои слова, сказанныя мнѣ чрезъ посланнаго.

Послѣ сего, приступили къ дѣлу. Я предложилъ ему мою мысль вопросомъ: «угодно-ли будетъ вашему превосходительству письмо мое, адресованное къ особѣ вашей третьяго дни, вложить въ свой пакетъ при своемъ письмѣ къ генералъ-прокурору Обольянинову? Мы тѣмъ избѣжали бы многихъ изъясненій, которыя уже тамъ помѣщены».

— «Да вѣдь онъ мнѣ внучатной братъ — вскричалъ мой заступникъ — я вѣдь его зналъ, какъ онъ былъ еще ассессоромъ въ № казенной палатѣ, а я и тогда уже былъ тотъ же, какъ ты теперь меня видишь, кромѣ александровскаго ордена. Напиши къ нему отъ меня письмо объ себѣ; вотъ тебѣ — указывая на бюро — и всѣ тутъ потребности». Показавши, самъ пошолъ въ баню, которая тутъ же была въ покояхъ, и въ которой онъ, по причинѣ величайшаго гимороидальнаго припадка, обыкновенно леживалъ на полку, безъ одѣянія.

Написавши, понесъ ему въ баню и прочиталъ. Онъ, взявъ письмо, прочиталъ его самъ и сказалъ: «оно хорошо! да только

ты не изъяснилъ, что Сѣверинъ человѣкъ дурной и безсовѣстной». Дважды я выправлялъ, перебѣливалъ, и ни одно не годилось, для того, что я Сѣверина мало бранилъ. Я употребилъ всю возможность на соглашеніе его, чтобы онъ не писалъ, что Сѣверинъ человѣкъ безсовѣстной, и проч. «Довольно и того — говорилъ я — если мы, объясняя его чудотворенія, выставимъ его человѣкомъ не меньше дурнымъ, какъ и смѣшнымъ, не говоря ни слова хорошъ ли онъ или худъ, честенъ или безсовѣстенъ». И хотя онъ во многомъ меня послушалъ, однако-жъ напослѣдокъ требовалъ, чтобъ я непремѣнно вмѣстилъ собственныя его къ генералъ-прокурору слѣдующія слова:

«Если ваше высокопревосходительство неудовлетворите Добрынина возвращеніемъ ему службы, то я радъ пасть передъ моимъ монархомъ, во удостовѣреніе, что Добрынинъ человѣкъ честной, благородной и исправной по должности, а Сѣверинъ человѣкъ дурной, безсовѣстной, которой Добрынина не терпитъ для того, чтобъ ему съ нимъ не пришлося сѣдеть въ губернскомъ правленіи за однимъ столомъ». Между тѣмъ, каково мнѣ было въ банѣ-то быть одѣтому, если ему въ пору только было лежать раздѣтому? Однако-жъ тогдашній большой жаръ мнѣ ни малѣйшаго не причинялъ безпокойства, потому что было для чего потѣть.

Окончивъ наше письмо, приложили къ нему въ одинъ пакетъ и мое съ распечатаннымъ пакетомъ, писанное къ Боборыкину, и запечатавъ, отправили на почту къ генералъ-прокурору въ Петербургъ.

Въ скоромъ времяни извѣщенъ я отъ того же пріятеля, что «и Боборыкина письмо получено. Оно послужило къ лутчему. Генералъ-прокуроръ приказалъ подать къ себѣ изъ сената донесеніе обозрѣвавшаго Витебскую губернію сенатора графа Илинскаго, дабы согласить оное съ письмомъ Боборыкина и съ приложеннымъ при ономъ въ подлинникѣ вашимъ письмомъ».

Вскорѣ послѣ сего получилъ я — однако-жъ не отъ того пріятеля, а изъ канцеляріи генералъ-прокурора — и копію съ письма генералъ-прокурора Обольянинова, писаннаго къ губернатору Сѣверину, которую здѣсь вмѣщаю:

«Отъ вашего превосходительства поступило въ правительствующій сенатъ представленіе, объ отрѣшеніи витебскаго земскаго комисара Добр... отъ должности за найденную осмат-

ривавшимъ Бѣлорусскую губернію сенаторомъ, графомъ Илинскимъ, неисправность, которой однако-жъ не объяснено, почему онъ подвергается изключенію изъ службы безъ доказательства и обличенія поступка. Кромѣ того, что сей чиновникъ, извѣстный мнѣ съ весьма хорошей стороны, какъ отличный въ немаловременной своей службѣ, въ усердіи и исправности; въ присланномъ нынѣ въ правительствующій сенатъ, отъ упомянутаго, свидѣтельствовавшаго присутственныя мѣста въ Бѣлорусской губерніи сенатора, графа Илинскаго донесеніи, не показана неисправность витебскаго земскаго коммиссара; а, напротивъ, показано медленное и безпорядочное производство дѣлъ, между протчими мѣстами, въ полотскомъ нижнемъ судѣ, котораго коммиссаръ Коссовъ, какъ замѣченный вами исправнымъ, способнымъ и дѣятельнымъ, представленъ къ перемѣщенію въ витебскій нижній земскій судъ, для лутчаго успѣха въ отправленіи въ ономъ дѣлъ. По таковой несогласности въ представленіяхъ, и не видя точно противнаго поступка витебскаго земскаго коммиссара Добрынина, по которому бы подвергался онъ отрѣшенію отъ мѣста и безъ предварительнаго сужденія, долгомъ почитаю, поставя въ виду вашемъ противорѣчущія обстоятельства, просить покорно ваше превосходительство объяснить мнѣ оныя, и въ чемъ состоятъ упущеніи и неисправность его? и обнаружены-ли онѣ? Какъ же по представленію вашему объ немъ въ правительствующемъ сенатѣ еще никакого рѣшенія не сдѣлано, то, въ случаѣ необнаруженнаго проступка его, обратить на него справедливое вниманіе ваше. На что ожидаю увѣдомленія вашего».

23-го дня марта, 1800 г.

Сію копію, получа отъ меня милостивецъ мой, почтеннѣйшій мужъ Боборыкинъ, умножалъ мою радость своею, и раздѣлилъ ее со мною. Итакъ, будучи я въ благонадежномъ ожиданіи конца дѣлу, вздумалъ, для прогнанія скуки, при концѣ апрѣля, съѣздить въ Могилевъ. Я туда пріѣхалъ въ тихую лунную весеннюю ночь. Въ городскихъ воротахъ защитился я отвѣтомъ: что «имѣю здѣсь собственной мой домъ»; безъ того бы меня, въ тогдашнюю строгую пору, не впустили въ городъ безъ пашпорта, котораго мнѣ взять было неоткуда, потому что глава губерніи былъ мой врагъ.

Лишь только я подъѣхалъ къ воротамъ моего дома, то прежде всѣхъ услышалъ мой Дельфинъ, мой непритворной и неизмѣнной другъ, моя собака. Онъ былъ смѣсь легавыхъ съ туземными большими собаками. Онъ, почувствовавши меня обоняніемъ, началъ драть лапами по воротамъ, лаять и визжать. Лишь только я кликнулъ: Дельфинъ! онъ бросился отъ воротъ, вскочилъ по лѣстницѣ въ садъ, добѣжалъ, по ровной горѣ, до забора и спрыгнулъ на улицу съ такой высоты, съ какой никогда непрыгивалъ, перебѣжалъ по улицѣ ко мнѣ прежде нежели отперли мнѣ вороты, прыгнулъ мнѣ на самую шею и началъ снова повторять свою радость лаемъ и визгомъ. Я обнималъ его драгоцѣнную чувствительность, повторяя его имя, и тотчасъ, при въѣздѣ на дворъ, вынялъ отъ столоваго моего запаса хлѣбъ и большой кусокъ жаркова, но его не могъ этимъ занять. Онъ бросился бѣгать по садовымъ тропинкамъ и, возвращаясь многократно ко мнѣ, прыгать на груди, пока наконецъ радость его пришла въ умѣренность, и онъ принялся за свою порцію. Я, неотходя отъ него и почти не выпущая его изъ рукъ, плакалъ по моему малодушію, и въ горести мыслилъ: непостижимое Провидѣніе! Ежели безъ воли твоей ничто не бываетъ и не движится, то на какой конецъ даешь ты мнѣ чувствовать безмѣрное разстояніе между Сѣверинымъ и Дельфиномъ!

Я пробылъ въ моемъ домикѣ три дни, ходя то по саду, то по покоямъ и питая скуку. Въ одну пору, послѣ полудни, выдернулъ я изъ комода ящикъ, почти безъ намѣренья, ибо зналъ, что въ немъ ничего нѣтъ; но, противъ чаянія, нашелъ тамъ прежнюю мою шпагу, обтянутую по ефесу чорнымъ флеромъ, на кончину императрицы, и нѣсколько обрѣзковъ тѣхъ же печальныхъ видовъ. Я сѣлъ при нихъ и пробылъ безъ движенія нѣсколько минутъ, приводя на память и пробѣгая мысленно время, прожитое въ Могилевѣ съ начала открытія намѣстничества и конченное горькою для россіянина смертію матери отечества, Екатерины Вторыя.

Въ семъ, можно сказать, изступленіи, я прилегъ на канапѣ и приуснулъ. Мнѣ приснилось, что я тоскую и пою самымъ унывнымъ тономъ:

Куда ты дѣвалась Екатерина?
Унесла ты съ собою наше благополучіе!

Проснувшись, ощутилъ въ груди моей сильное біеніе. Тонъ, которымъ я пѣлъ во снѣ, такъ сильно въ меня врѣзался, что я не только, проснувшись, повторилъ его въ мысляхъ, но даже и теперь могъ бы положить его на ноту.

Возвратяся въ Витебскъ, получилъ я и съ другаго письма копію, писаннаго отъ генералъ-прокурора къ Сѣверину, слѣдующаго содержанія:

«Изъ отзывовъ вашего превосходительства о витебскомъ земскомъ коммиссарѣ Добрынинѣ, усматривая ваше благосклонное къ нему расположеніе, потому что соглашаетесь доставить ему другое мѣсто, и убѣждаясь я съ хорошей стороны объ немъ, обязанностію поставляю, просить васъ совершить милостивое ваше объ немъ предположеніе, чтобъ, въ самомъ перемѣщеніи, позволить ему воспользоваться собственнымъ выборомъ. Вслѣдствіе сего, здѣланное вами объ немъ и о перемѣщеніи другихъ чиновниковъ, въ правительствующій сенатъ, представленіе, при семъ возвращая, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ».

Сѣверинъ, зная, что меня покровительствуетъ Боборыкинъ, прислалъ къ нему нарочнаго, съ письмомъ, въ которомъ спрашивалъ: «Куда г. Добрынинъ желаетъ? земскимъ-ли коммиссаромъ? или во 2-й департаментъ главнаго суда совѣтникомъ?» Боборыкинъ далъ мнѣ объ этомъ знать; а я, прискакавъ къ нему съ благодарностью, объявилъ желаніе быть совѣтникомъ. Такимъ образомъ, пошло обо мнѣ представленіе отъ губернатора въ сенатъ, противное совсѣмъ первому его представленію.

Между тѣмъ, разсуждая, что я до полученія обо мнѣ изъ сената указа свободенъ, взялъ — во время отъѣзда губернатора по губерніи — отъ вице-губернатора подорожную, въ намѣреніи поѣхать въ Россію, единственно чтобы видѣть обитанныя мною въ малолѣтствѣ и юношествѣ мѣста, съ ними поздороваться, и — проститься! Но не успѣлъ еще прибраться въ дорогу, какъ получилъ отъ вице-губернатора Енгельгардта записку, съ поздравленіемъ меня, по полученному отъ сената указу, совѣтникомъ во 2-мъ департаментѣ, и съ требованіемъ: чтобъ я возвратилъ ему подорожную. Итакъ, съ іюня мѣсяца 1800 года я совѣтникъ.

Сѣверинъ съ полгода еще пробылъ губернаторомъ, и, во все это время, ни однажды не пригласилъ меня къ своему столу,

даже и въ торжественные дни: доказательство, сколь ему чувствительно было помѣщеніе совѣтникомъ человѣка, котораго онъ не желалъ видѣть и на меньшемъ степени. Любящіе всякую повѣсть съ концомъ, можетъ-быть, пожелали бы знать: за что гнѣвъ и немилость губернатора на земскаго коммиссара простирались даже до лишенія службы? На сіе отвѣтствую: знаетъ о томъ купецъ да продавецъ и каждаго уѣзда земскій коммиссаръ Бѣлорусской тогдашней губерніи.

Вдругъ неожиданно получается указъ изъ сената, съ прописаніемъ имяннаго высочайшаго повелѣнія: что «бѣлорусскій губернаторъ Сѣверинъ, за многія смертноубивства, случившіяся въ его губерніи, отставляется отъ службы».

Онъ выѣхалъ въ деревню, пріобрѣтенную трудами губернаторскими, состоящую душъ изъ 400 мужескихъ, и отстоящую отъ Витебска верстъ на 25 *).

На мѣсто его вступилъ генералъ-майоръ Тарбѣевъ, лѣтъ ему было подъ 60. Онъ изъ плацъ-майоровъ — забылъ какой на Балтійскомъ морѣ крѣпости **), — пожалованъ почти вдругъ генералъ-майоромъ, кавалеромъ и витебскимъ губернаторомъ. Человѣкъ былъ хорошій, зналъ службу. Много читалъ, много помнилъ и охотникъ былъ разсказывать о дѣйствіяхъ и поведеніяхъ знаменитыхъ особъ, служившихъ, особливо въ Россіи, которыхъ онъ или зналъ или объ нихъ читалъ. Столовъ и баловъ у него никогда не бывало; но для малаго количества лицъ былъ онъ каждодневно гостепріимчивъ, нескупъ и ласковъ. Жена его, нѣмка, сама присматривала въ кухнѣ, а иногда и занималась; почему каждое на столѣ блюдо было въ наилутчемъ вкусѣ и опрятности. Онъ уже былъ старъ для безпокойной губернаторской должности. Отставленъ съ половинною пенсіею, и умеръ въ деревняхъ, пожалованныхъ ему на 12 лѣтъ.

На его мѣсто присланъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Шишкинъ. Онъ былъ лѣтъ подъ 40, служилъ по гвардіи и потомъ, въ штатской службѣ; былъ вице-губернаторомъ въ Смо-

---

*) Когда, въ 1807-мъ году, избираемы были по баламъ милиціонные губернскіе начальники, тогда дворянство Витебской губерніи положило на сторону Сѣверина только три шара избирательныхъ—изъ трехъсотъ. Г. Д.

**) Аренсбургъ. Позднѣйшая приписка. Г. Д.

Сноска эта сдѣлана авторомъ сбоку рукописи другими чернилами. М. С.

ленскѣ, совѣтникомъ въ государственномъ ассигнаціонномъ банкѣ и, напослѣдокъ, витебскимъ губернаторомъ. Человѣкъ счастливой памяти, зналъ два языка, знакомъ съ литературою и ничего не писалъ. Разсуждая объ людяхъ, умѣлъ ихъ теорически узнавать и различать, но дѣятельно не отличалъ умнаго отъ дурака, ребенка отъ старика. Ловокъ и вѣжливъ въ порядкѣ разговора, и былъ наиприятнѣйшій человѣкъ въ гражданскомъ обращеніи. Физіогномію имѣлъ благородную; нравственность, подкрѣпленная воспитаніемъ, не позволила ему пользоваться отъ должности противозаконными прибытками; но послѣ вышли непріятныя обстоятельства, — которыхъ и ожидать надлежало, — что онъ радъ бы былъ своему горю помочь, откуда-бы то ни было; но никто ему ничего не давалъ, потому что губерніею управлялъ секретарь его, а губернскимъ городомъ—полицемейстеръ. Будучи таковымъ, онъ вѣрилъ отъ всего сердца, что цѣлая губернія, по любви своей къ нему, готова носить его на рукахъ.

Онъ отставленъ въ исходѣ 1807 года, съ полнымъ пансіономъ, какъ человѣкъ хорошій.

Съ 1808 года, на мѣсто его вступилъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Сумароковъ, человѣкъ съ французскимъ языкомъ, съ стихотворствомъ и способностью писать. Два тома сочиненій его съ естампами, подъ названіемъ: «Досуги крымскаго судьи» дѣлаютъ ему честь и обнаруживаютъ его дарованія. Его комическія сочиненія довольно веселы и нравоучительны. Но онъ самъ ни на своихъ, ни на чужихъ никогда не смѣялся и не свисталъ. И для того, нѣкоторые сочинители, которыхъ сочиненія гораздо пониже его сочиненій, его не хвалили *). Во всю бытность губернаторства его—видѣли, что онъ радѣтеленъ, скоръ, взыскателенъ, справедливъ, безкорыстенъ, своеобычливъ, упрямъ, забывчивъ, не всегда вѣренъ, не злопамятливъ, не скупъ; чуждъ непозволительныхъ приобрѣтеній съ просителей, и не самой хорошій плательщикъ долговъ. Былъ любочестивъ и мастеръ принимать у себя большія собранія гостей; но его немногіе любили, потому-ли что немногіе охочи узнавать въ начальникѣ хорошую сторону, или потому, что онъ не сотворенъ при-

*) Вмѣсто зачеркнутаго «не любили». М. С.

ласкать пріятнымъ словомъ и улыбкою. Ежели должно сказать, что онъ во все входилъ и все хотѣлъ знать, то можно сказать, что онъ не меньше хотѣлъ ко всему и ко всякому придираться. При полученіи имъ бумагъ на утвержденіе по части провіантской, подписавшій оныя провіянтскій чиновникъ, на его громкомъ языкѣ, былъ воръ, котораго мало повѣсить. Очень понятно, что онъ доискивался быть пріятелемъ тому только, кто держится чести по правоученію, и вступаетъ въ службу съ чистымъ намѣреніемъ служить. Діогенъ тоже упалъ, когда бѣгалъ со свѣчкою, и его не меньше одобряютъ, какъ и порочатъ; учись же — кто ретивъ — изъ примѣровъ древнихъ и новыхъ *).

Прежде нежели кончу мою исторію, возвращусь ко времянамъ губернатора Тарбѣева и Шишкина. Во время губернаторства Тарбѣева, былъ военнымъ губернаторомъ въ обѣихъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ А. М. Римскій-Корсаковъ. Человѣкъ правосудный, не корыстолюбной, умный, самонравный, неуступчивый, взыскательный; онъ не любилъ ни отъ кого заимствовать мнѣнія, и слушалъ больше самъ себя. Любилъ хорошихъ женщинъ, и мастеръ былъ ихъ выбирать. Онъ личнымъ своимъ государю императору докладомъ удержалъ Витебскъ губернскимъ городомъ, и тѣмъ величайшую сдѣлалъ пользу гражданамъ и поддержалъ водяную и сухопутную комерцію, противъ сенатскаго мнѣнія, которымъ сенатъ полагалъ быть губернскимъ городомъ Полотску. Для пребыванія же своего выбралъ Могилевъ, для того, что деревни генералъ-майора и кав. Ив. Никол. Римскаго-Корсакова состоятъ при Могилевѣ, въ которыя водворился и военный губернаторъ Римскій-Корсаковъ. Но едва побылъ онъ съ небольшимъ годъ въ Бѣлоруссіи, переведенъ въ Вильно военнымъ же губернаторомъ.

Мѣсто его заступилъ И. И. Михельсонъ, человѣкъ вспыльчивой, сердитой, любостяжательной, гостепріимной, любящій вкусъ и изобиліе на столѣ, и порядокъ вездѣ. При этомъ, имѣлъ онъ двѣ души: былъ очень добръ, и былъ очень золъ. Онъ выбралъ мѣстопребываніе въ Витебскѣ, потому что деревни его были въ Витебской губерніи. Онъ губернатору Шишкину исходатайствовалъ аннинскую ленту, а меня представилъ къ полученію ордена

---

*) Послѣднія двѣ строки въ подлинникѣ зачеркнуты. М. С.

владимірскаго. Шишкинъ, изъ благодарности, съ нимъ не поладилъ, а я не получилъ ордена, потому что, во всю жизнь и службу, не былъ ни подъ судомъ, ни подъ штрафомъ, ни подъ выговоромъ. Напослѣдокъ Михельсону высочайше повелѣно командовать арміею противъ турка, гдѣ онъ, оказавъ удачно свои воинскіе подвиги, скончался; а по смерти возвратился чрезъ Витебскъ во свое имѣніе Иваново, въ закупареномъ гробѣ, для вѣчнаго себя успокоенія, въ построенной имъ тамъ каменной церкви.

Окончаніе.

Безсмертное! . . . . непрерывно-умирающее.
Животворящее! . . умерщвляющее.
Безначальное! . . . безконечное.
Некупленное! . . . дражайшее.
Непостижимое! . . . всѣмъ извѣстное.
Неосязаемое! . . . . всѣми ощущаемое.
Неудобозримое! . . . всѣми видимое.
Недвижущееся! . . . скоробѣгущее.

Всегда всесильное!

ВРЕМЕ!

Пора уже мнѣ кончить мою исторію. 1810-й годъ есть тотъ, въ которой вѣка моего оканчивается 59-й годъ, въ томъ числѣ, со вступленія въ службу 36-й. Вся моя протекшая жизнь и служба—похожа на участь того пловца, которой, лишь только приближается къ желаемому пристанищу, и — бурная погода отбиваетъ его паки въ море, волнами обуреваемое. Я уже сказалъ, что всеобщая реформа содвинула меня съ седьмаго степени на девятый *); теперь, проходя десятолѣтіе совѣтникомъ, теряю дав-

*) Ученой скажетъ: 9 больше, какъ 7. Но въ службѣ, чѣмъ больше—тѣмъ меньше, а чѣмъ меньше—тѣмъ больше. Онъ вѣрно вопроситъ: «доказана-ли истина сія закономъ физическимъ, математическимъ, механическимъ?» Доказана табелью о рангахъ. По сему случаю, не могу пропустить одного забавнаго случая, гдѣ штатская служба противъ учености за себя постояла: одинъ учитель народнаго училища написалъ въ прошеніи: «прошу ваше императорское величество, на сіе мое прошеніе рѣшеніе учинить». Полотское намѣстническое правленіе обратило ему просьбу съ надписью, въ которой сказало:

но, по числу лѣтъ службы, мѣсто предсѣдательское. Теряю, потому что предсѣдатели, вмѣсто прежнихъ опредѣлянныхъ отъ короны, избираются отъ дворянства, изъ помѣщиковъ своей губерніи; слѣдовательно, чтобъ быть предсѣдателемъ, не довольно уже стало одной службы безъ деревень! Но довольно ли однихъ деревень безъ постепеннаго прехожденія службы? Объ этомъ разсуждать не наше дѣло.

Въ настоящемъ времяни, предсѣдательское мѣсто для меня уже не награда, когда многіе, съ равныхъ моему мѣстъ, поступили въ вице-губернаторы. Поступили, ежели по достоинству, то не меньше и потому, что они просили. А по слову бывшаго нашего губернатора Шишкина: «просятъ нищіе, а благородный человѣкъ служитъ». По сему мнѣнію есть надежда, что я вѣкъ мой доживу въ качествѣ благороднаго человѣка.

Оставалось два года, по закону государя императора, подождать до чина статскаго совѣтника; но, въ прошедшемъ 1809-мъ году, состоялся законъ, запрещающій производить въ статскіе совѣтники тѣхъ, которые служили, не зная двухъ языковъ иностранныхъ и наукъ; а знающій языки и науки долженъ доказать свое знаніе свидѣтельствомъ отъ университета.

Итакъ, служба кончена, и жизнь скончавается, хотя еще я и живу и въ службѣ нахожуся. Я старѣ многихъ въ моемъ отечествѣ университетовъ и вѣкомъ *) и службою. Долговремянная опытность не обманываетъ меня, что я, для ищущихъ правосудія — пока въ мірѣ семъ продолжится неправда, а для соблюденія по другимъ**) въ государствѣ частямъ порядка, пока въ нихъ продолжаться будутъ замѣшательство и самая монополія, — могу быть полезенъ больше, — кромѣ двухъ моихъ исповѣдей — нежели профессоръ всѣхъ наукъ, который никуда не

«что онъ ошибся въ титулѣ, и чтобъ онъ впредь писалъ: прошу вашего императорскаго величества, о семъ моемъ прошеніи» и проч.... Учитель во вторичной просьбѣ сослался на правила грамматики, доказывалъ падежами, склоненіями, спряженіями, частьми рѣчи и проч., а правленіе въ другой разъ подтвердило ему чрезъ полицію, «чтобъ онъ, въ челобитныхъ, держался предписанной закономъ формы, а не правилъ грамматическихъ». Г. Д.

*) По ученому: возрастомъ, но мнѣ уже безъ мала 40 лѣтъ, какъ я выросъ, и болѣ не росту. Г. Д.

**) Вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ: «по многимъ». М. С.

посылаетъ ни мѣсячныхъ, ни третныхъ, ни полугодовыхъ, ни годовыхъ вѣдомостей о томъ: какую онъ кому здѣлалъ пользу, кромѣ годовыхъ задачь, праздностію порожденныхъ *).

Но воля царя земного, какъ воля царя небеснаго, есть благая и совершенная и творенію нижнихъ созданій непостижимая; убо, я долженъ принимать съ благоговѣніемъ и тотъ насущный хлѣбъ, который отпускается въ жалованьѣ на 365 дней. «Всякое даяніе благо», особливо въ такую пору лѣтъ, когда участь смертнаго не подвержена никакому сомнѣнію въ томъ, что рано или поздо, завтре или севодни, «вечеръ или утро, или въ пѣтоглашеніе» ударитъ послѣдній мой часъ и затылокъ мой стукнетъ о гробовую доску! а ежели не стукнетъ, то **)

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Еще части ***).

Кончен. 1810 г., въ Витебскѣ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

(Въ Витебскѣ).

§ XXXXVI.

Отъ 1810-го до 1823 г.

Счастье и бѣдствіе.

Всеблагому Провидѣнію угодно было продолжить жизнь мою до 71 года отъ моего рожденія, на которомъ я снова принимаюсь за перо — 1822 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ — для продолженія моихъ предположенныхъ записокъ и съ ними вмѣстѣ исторіи моей жизни.

---

*) Послѣдняя строка зачеркнута. М. С.

**) Послѣднія слова въ подлинникѣ зачеркнуты. М. С.

***) Эти два слова написаны рукою автора посреди страницы и имъ же зачеркнуты. М. С.

Въ 1810-мъ году, по всевысочайшему имянному повелѣнію, прибылъ въ Витебскъ, для управленія обѣими бѣлорусскими губерніями, въ достоинствѣ бѣлорусскаго военнаго губернатора, его королевское высочество герцогъ Александръ виртембергскій.

Губернаторъ Сумароковъ далъ для его высочества гостепріимной, обѣденной великолѣпной столъ, и пригласилъ всѣхъ губернскихъ чиновниковъ. Мнѣ случилось сѣсть подлѣ адъютанта герцога, г-на Тургенева.

Благородная фамилія Тургеневыхъ извѣстна мнѣ была еще отъ времянъ мѣстопребыванія моего въ Сѣвскѣ, при дядѣ моемъ тамошнемъ епископѣ Кириллѣ Фліоринскомъ, по стеченію иногда къ нему, по сану его, дворянства съ визитомъ, такожъ и по времянной потомъ моей бытности въ Москвѣ, въ 1785 году. Онъ занялъ меня краткимъ разговоромъ, и порадовалъ, что его высочество предваренъ обо мнѣ съ хорошей стороны въ Петербургѣ, особенно же отъ статскаго совѣтника Паглиновскаго. Паглиновскій, Дмитрій Моисеевичъ, знакомъ мнѣ отъ самаго вступленія моего 1777 г. по штатской службѣ, въ пограничный съ Россіею бѣлорусскій городъ Рогачевъ, гдѣ обучался онъ въ партикулярномъ пансіонѣ, а потомъ въ Могилевѣ, въ которомъ я служилъ 20 лѣтъ.

Правитель канцеляріи герцога, г-нъ Старинкевичъ, знакомъ мнѣ еще отъ Могилева, и бывалъ у меня съ дѣтства при любомудромъ своемъ отцѣ, шкловскомъ протопопѣ, занявшемъ витійство отъ кіевской академіи, и остроумномъ по натурѣ. Качества отца удачно перелились и въ сына, которой, сверхъ домашняго и кадетскаго въ шкловскомъ корпусѣ воспитанія, былъ летучаго ума, а потомъ, изъ Петербурга, достался уже къ герцогу въ теперешнюю должность отъ знаменитаго князя Лопухина.

Тургеневъ имѣлъ счастливый смыслъ со нравственностію; послѣ уже я узналъ, что онъ почерпнулъ много для себя полезнаго въ Виттингенскомъ, извѣстномъ въ Европѣ университетѣ. Онъ былъ нѣсколькими годами постарше двадцати-осьми-лѣтняго Старинкевича. Сіи два мудреца, не были мнѣ лиходѣями. Они, при избраніи иногда, кому? что? гдѣ? препоручить, вы-

ставляли меня первымъ его высочеству на шкловскомъ и эттингенскомъ языкѣ.

Его высочество возлагалъ на меня многія коммиссіи по Витебску и уѣздамъ, за исполненіе которыхъ былъ мною доволенъ.

Въ началѣ 1812 года, былъ я счастливъ получить, по представленію его высочества, орденъ св. Анны второй степени, при всевысочайшемъ, собственноручно подписанномъ рескрибтѣ. Тогда ордена жалованы были очень рѣдко, и я, съ горяча, писалъ къ одному пріятелю, въ Петербургъ, что «теперь уже меня непостигнетъ никакое зло». Въ самомъ дѣлѣ я тогда такъ думалъ и вѣрилъ, забывшись, что никто прежде смерти счастливымъ назваться не можетъ.

Въ одну пору, изъ моихъ домашнихъ рукописей показалъ я Старинкевичу записку. Она была трактатъ или разсужденіе о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ витебской квартирной коммиссіи, которая бѣдныхъ и посредственныхъ гражданъ отягощала постоемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ, и даже прокормленіемъ постояльцевъ; подводами подъ проходящихъ, по требованіямъ городовой полиціи. На имущихъ же и значительныхъ гражданъ, хотя положенъ былъ денежный годовой окладъ, но сборъ онаго зависѣлъ отъ произвола, и коммиссія никому вѣрнаго отчота не давала, хотя и велѣно ей давать отчетъ губернатору.

Я, къ перемѣнѣ сего непорядка на порядокъ, сдѣлалъ такое математическое годовое разчисленіе, такое равновѣсіе, что всѣ обитатели города были бы довольны, еслибы оно состоялось. Евклидъ во своихъ выкладкахъ, Невтонъ во своихъ небесныхъ разрядахъ и Неккеръ въ статистикѣ и финансахъ—не могли быть вѣрнѣе; и это такая неоспоримая правда, которую я самъ пишу!

Старинкевичъ, прочитавши мою записку, заложилъ ее подъ паху, и не сказавъ мнѣ ни слова, улетѣлъ, а чрезъ нѣсколько дней получилъ я отъ его высочества предписаніе, привести ее въ исполненіе. Такимъ образомъ, попался я въ лабетъ; ибо видѣлъ, что скорѣе можно было на досугѣ обдумать и написать, нежели написанное привести во всѣхъ подробностяхъ въ исполненіе, въ такомъ городѣ, въ которомъ слишкомъ двѣ тысячи домовъ не столько достаточныхъ, сколько посредственныхъ, и не столько посредственныхъ, сколько бѣднѣйшихъ; однако-жъ ми-

лость и довѣріе его высочества меня облегчали, и трудъ мой дѣлали удобовозможнымъ. Уже я истребовалъ отъ квартирной коммиссіи и отъ другихъ мѣстъ, къ предлежащему мнѣ предмету, матеріялы, но неумолимое и непобѣдимое время съ нами не согласилось.

Уроженецъ изъ Корсики—по имяни Наполеонъ Бонапарте, по счастію и дѣятельности—императоръ французовъ, по проворному властолюбію—покоритель Германіи, Италіи, Польши, Голландіи, по стеченію обстоятельствъ—увѣнчанный честію и славою быть зятемъ императора нѣмецкаго—приближался уже къ границамъ Бѣлоруссіи. слѣдственно и Россіи.

Недосугъ было думать о нашихъ гражданскихъ занятіяхъ, а надлежало скорѣе схватить на плечи котомку по примѣру троянца Энея, который въ подобномъ случаѣ вынесъ изъ Трои на плечахъ отца своего.

Слѣдующее подъ симъ письмо, писанное отъ меня по изгнаніи уже непріятеля, къ одному пріятелю въ Петербургъ, и напечатанное имъ, безъ воли моей, въ Вѣстникѣ Европы или въ Сынѣ Отечества, съ нѣкоторыми исключеніями, подъ названіемъ: «Отрывокъ изъ записокъ витебскаго жителя», принадлежитъ къ симъ же времянамъ и къ моему повѣствованію.

Письмо.

«Слухъ о приближеніи французовъ къ Витебску навелъ страхъ и ужасъ на всѣхъ мирныхъ жителей. Національные россіяне начали прежде всѣхъ высылать свое имѣніе изъ домовъ и изъ лавокъ, куда кто могъ, а потомъ и сами удалились. Чиновники, находившіеся въ штатской службѣ, имъ послѣдовали, а нѣкоторые и упредили. Въ короткія средилѣтнія ночи, скрыпъ и стукъ по улицамъ повозокъ, заколачиваніе въ домахъ ящиковъ, вопли и гулы рабочихъ и хозяевъ, наводили на мой томной духъ уныніе, когда я—не имѣя ни сна, ни аппетита—ходилъ по дорожкамъ въ моемъ саду, не зная что думать и что начать, разсуждая, самъ не знаю, кстати или нѣтъ, говорилъ я самъ себѣ и каждому: «Я человѣкъ устарѣвшій въ статской службѣ; сражаться мнѣ ни съ кѣмъ не придется, останусь въ Витебскѣ. Здѣсь у меня домикъ съ садомъ, а за городомъ садъ и огородъ съ постоялымъ домикомъ. Все это совокупно приноситъ мнѣ

нажитаго въ мой вѣкъ годоваго дохода до 500 р., ктожъ для меня, въ замѣну этого, что гдѣ приготовилъ? Лучше остаться здѣсь, нежели бѣжать неизвѣстно куда, неизвѣстно для чего. 35 лѣтъ уже какъ я въ Бѣлоруссіи и проч. Останусь, и буду смѣяться тѣмъ, которые, удалясь изъ Витебска, ко мнѣ возвратятся; ибо, быть не можетъ, чтобы достояніе Россіи досталось языку чуждому, дѣтищу мгновенно-преходящаго случая».

Въ ночи противъ 7-го іюля, стучатся ко мнѣ въ двери.

— «Кто тамъ?»

— «Бумага отъ губернатора».

Читаю: «Въ 10-ть часовъ съ полученія сего, выбраться совѣтнику Д. и слѣдовать въ городъ Невель, съ дѣлами и архивою своего присутственнаго мѣста».

На разсвѣтѣ, прихожу въ свой департаментъ, и нахожу почти уже все готовымъ и все разрушеннымъ. На столахъ нѣтъ ни сукон̆ъ, ни зерцала. На стѣнахъ — ни партрета, ни часовъ, ни зеркала. Внезапное зрѣлище и отъѣздъ поразили меня. Я уже давно страдалъ ревматическимъ въ ногахъ припадкомъ, а въ семъ случаѣ, онъ меня тронулъ на подобіе паралича. Какъ-бы то-ни-было, онъ тронулъ меня не въ пору, потому что я уже имѣлъ предписаніе. Когда никто изъ канцелярскихъ служащихъ не хотѣлъ со мною для помочи ѣхать, питомецъ мой, г. Кунцевичъ объявилъ желаніе неотставать отъ меня и беречь архивъ.

Собравшись наскоро, поѣхалъ и повезъ на 14-ти подводахъ дѣла. По дорогѣ и потомъ въ Невлѣ, нашелъ я весь Витебскъ съ подобными транспортами; такъ же: гимназію, семинарію, бѣлое и черное духовенство; а нѣкоторые, выѣхавшіе съ женами и съ грудными дѣтьми, едва имѣли насущные сухари, приправленные горькою судьбою. Все это составило такой унылой маскерадъ, на которомъ танцовать никто не охотился.

По прошествіи 4-хъ дней, которые пробылъ я въ Невлѣ, получено изъ Витебска губернаторское предписаніе, чтобы приказъ общ. призрѣнія возвратился въ Витебскъ со всѣми бумагами. Изъ сего не трудно было разчесть, что и мнѣ можно еще съѣздить въ Витебскъ, и возвратиться въ Невель при случаѣ нужды.

Я, оставя при архивѣ вышеупомянутаго мною Кунцеви-

ча, спѣшилъ забрать послѣднія изъ Витебска вещи, и видѣть оставленнаго при смерти въ домѣ моемъ друга моего, или уже обнять его могилу. Но, не доѣзжая до Витебска 10-ти верстъ, захватили меня, въ домѣ помѣщика Эньки, человѣкъ съ 30 конныхъ французовъ, часу въ 11-мъ предъ полуднемъ. Прежде всего потребовали они отъ хозяина вина, водки. Насандаливши носы. бросились разбивать, въ глазахъ его, сундуки, шкафы, комоды, бюро; потомъ въ анбары, въ конюшню, въ каретной сарай; взяли лошадей, коляску, которую запрягли и нагрузили всѣмъ что легче и дороже, съ помочью нашихъ людей, побуждая ихъ къ тому по плечамъ; и мой кучеръ, Малаховъ никогда такъ проворно не работалъ. Взяли моихъ лошадей съ упряжью, изъ чемодана побрали бѣлье, бритвы съ приборомъ, столовой на одну персону серебреной приборъ и 1500 р. ассигнаціями.

Прочее все, что было въ чемоданѣ, оставили.

Одинъ изъ побѣдоносцевъ, посмотря на мой орденъ, снялъ его съ шеи и уже ладился спрятать. Тогда у меня потемнѣло въ глазахъ; но начальникъ ихъ, взявъ отъ него, возвратилъ мнѣ. Я, перешедши мгновенно отъ удара въ радость, чуть не палъ, изъ благодарности, на колѣни предъ великодушнымъ начальникомъ грабительства.

Въ тотъ день случились у хозяина въ гостяхъ сосѣди съ женами и съ малолѣтними дочерьми; у нихъ такъ же отобраны лошади и дрожки, а со всѣхъ насъ сняты сапоги.

Я предполагалъ уйти изъ дому, но они, попеременно, вездѣ разбѣгались верхами, слѣдственно, вездѣ бы я къ нимъ попался въ руки.

Находившійся при мнѣ одиннадцатилѣтній друга моего сынъ, учившись въ гимназіи и наслышавшись отъ разговоровъ, что Франція произвела многихъ великихъ людей, и что она упредила насъ въ наукахъ, слѣдственно и во нравственности, смотрѣлъ на все безбоязненно; но, одинъ изъ великихъ во нравственности треснулъ его кулакомъ въ високъ, такъ что онъ ударился другимъ о край дверного замка, и пробилъ голову. Малолѣтный, ощутивъ кровь, сказалъ мнѣ:

«Не тревожтесь, мнѣ не больно, только что кровь тече

Я удалилъ его, а самъ скрылся въ темный уголъ карет

сарая, и тамъ, въ полуразломанной каретѣ, просѣдѣлъ до самой ночи, пока они уѣхали.

Всѣ ограбленные и устрашенные, когда я къ нимъ показался, сказали мнѣ, что герои обо мнѣ спрашивали разъ 30. «Гдѣ тотъ баронъ, которой съ крестомъ? Отданъ ли ему крестъ *)?»

Нѣтъ сомнѣнія, что они въ другой разъ хотѣли его отъ меня взять, и что начальника бы ихъ на ту пору уже не случилось.

Несчастной хозяинъ и помѣщикъ отъ насъ скрылся, а мы, въ числѣ человѣкъ 12-ти съ служительми, препровождали ночь въ овинѣ.

На разсвѣтѣ, по общему совѣту, положено пробраться къ одному изъ сонесчастныхъ, витебскому гражданину Симоновичу, версты чрезъ три. За неимѣніемъ нигдѣ лошадей, едва я могъ найти въ мою брику быка; а сами всѣ, босикомъ, достигли, при восходѣ солнца, пристанища, состоящаго изъ одной горнички съ анбаромъ и сарая предъ овиномъ, въ которомъ я скрылся съ брикою моею.

Въ тотъ же еще день посѣтили насъ другіе воины. Мы удалились въ кустарники, въ лѣса и — куда кто умѣлъ; а они забрали у хозяина весь хлѣбъ печеной, одежду, сколько нашли, лошадей, большой и мелкой скотъ, домашнихъ птицъ, взрыли вездѣ полы и сожгли нѣсколько ульевъ пчелъ. Изъ брики моей взяли, на сей разъ, съ половину оставшихся вещей, состоявшихъ въ одеждѣ; прочее все разломали, разодрали, разбросали и удалились.

По удаленіи ихъ, сказали мнѣ многіе единогласно, что хозяинъ Симоновичъ самъ французамъ указалъ мою брику**). Какъ-бы-то ни-было, Симоновичъ, желая спасти себя, совѣтовалъ мнѣ отъ него удалиться, говоря, что брика моя была причиною и его несчастья.

Я, самъ-третей съ моими людьми, перетащилъ облегченную уже брику чрезъ версту, потому что лошадей ни у кого уже не осталось, и водворился въ стоящую близъ перелѣсковъ повѣть,

*) Они всякаго благороднаго или помѣщика называли барономъ; ограбляя и разоряя все и каждаго, они пропасть надѣлали босыхъ бароновъ. Г. Д.

**) Уже спустя три мѣсяца, видалъ я Симоновича, шедшаго въ Витебскѣ въ шинелѣ моего слуги. Г. Д.

принадлежащую крестьянину г-на Энки. Здѣсь дали мнѣ крестьяне, по просьбѣ моей, въ ведрѣ воды, а вмѣсто ковша большую фарфоровую буліонную верхнюю чашку, и ободранные уже краснаго дерева кресла, похищенныя изъ господскихъ домовъ. И здѣсь также, не прерывая заведеннаго въ арміи порядка, посѣщали брику мою чрезъ пять дней солдаты, иногда пѣшіе, иногда конные, но, не находя въ ней ничего, напослѣдокъ, ободрали сукно и часть кожи и, выбросивъ изъ пуховика и подушки пухъ, наволоки обратили въ казну; а я, въ продолженіи сего, съ присовокупившимися ко мнѣ по сему же несчастному жребію нѣсколькими канцелярскими служительми, при каждомъ приближеніи къ намъ просвѣщеннаго народа, бѣгалъ по лѣсамъ и по болотамъ, и тамъ ночевалъ съ ними. Мой малолѣтной телемакъ, раздѣляя со мною горькую чашу, сказалъ единожды:

«Вотъ попались, къ больному батюшкѣ не доѣхали, а въ Невель возвратиться нельзя».

Не имѣя уже что сберегать, пересталъ я скрываться; но одинъ изъ новонаступившихъ героевъ доказалъ мнѣ практически, что я думалъ погрѣшительно; онъ замахнулся на меня саблею и, показывая мнѣ прусскую сребреную монету, требовалъ таковыхъ же; но видя, что я указываю ему на босыя мои ноги, снялъ съ меня шляпу, панталоны и рубашку.

Не трудно примѣтить, что воинъ сей былъ человѣкъ съ разсчетомъ. Онъ, тотчасъ, смѣтилъ, что ему нужнѣе рубашка и панталоны нежели халатъ; мнѣ же, въ моемъ положеніи, халатъ былъ нужнѣе нежели рубашка и панталоны. На семъ благоразумномъ разсужденіи основалъ онъ свое рѣшительное опредѣленіе, и его исполнилъ.

Оставшись въ одномъ халатѣ, получилъ я отъ моихъ слугъ манишку и холстинные панталоны, а одинъ изъ канцелярскихъ служителей снабдилъ меня шляпою. При семъ случаѣ, вспомнилъ я жребій несчастнаго мексиканскаго государя Монтезумы, къ ногамъ котораго бросились, въ слезахъ, его служители, перекладывать хлопчатую бумагу между его тѣломъ и желѣзомъ, когда безчеловѣчные гишпанцы положили на него оковы. Это меня облегчило; а прекраснѣйшее и наиплодоноснѣйшее во всѣхъ прозябеніяхъ — изъ всѣхъ прожитыхъ мною въ Бѣлоруссіи 35-ти — лѣто подкрѣпляло и сохранило жизнь мою.

Въ продолженіи 6-ти или 7-ми дней, видѣли мы изъ лѣсовъ и кустарниковъ, какъ отряды арміи, разсыпаясь, грабили каждодневно все то, что могли найти въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ домахъ, и разоряли, съ удивительнымъ мужествомъ и храбростію, все то, что съ ними никогда не сражалось.

Подобные герои напали на деревню витебскаго помѣщика Лукомскаго, вскочили въ домъ его, начали ломать, разбивать, грабить, схватили его самого. Юный сынъ бросился защищать несчастнаго отца, отецъ схватилъ сына въ объятія, но выпустилъ изъ объятій уже застрѣленнаго. Такимъ образомъ, убитыхъ въ разныхъ мѣстахъ начали-было привозить въ Витебскъ и ставить на площади подлѣ воскресенской церкви, противъ бернардинскаго кляштора; но начальство французское запретило ввозъ военнымъ тарифомъ. Ему легче было позволить убивство и грабежъ, нежели видѣть исполненіе позволенія.

Самъ князь N, квартируя въ Витебскѣ въ домѣ доктора Сварацкаго, обнадеживалъ несчастныхъ на польскомъ языкѣ сими словами: «Вы будете разорены, вы будете бѣдны, но будете имѣть свое отечество». Къ сему спасительному увѣщанію надлежало бы дополнить: вы умрете съ голоду, или будете разстрѣлены, но будете имѣть свое отечество.

Какое имя ты, лесть груба, злу дала!
Убивство и грабежъ геройствомъ назвала.

Сумароковъ.

Нужно ли знать чѣмъ я питался?... Мы ходили самъ-другъ или самъ-третей въ ближайшія деревни, доставали за деньги хлѣбъ, крупу, молоко, и въ лѣсу варили кашицу, имѣя на 6 человѣкъ двѣ деревянныя ложки, ножикъ, горшокъ и болѣ ничего. На семъ мѣстѣ вспомнилъ я аѳинскаго Аристида, и онъ меня утѣшилъ.

Въ артелѣ нашей былъ выше-сказанный одиннадцатилѣтній друга моего сынъ. Онъ, чувствуя зрѣніемъ и вкусомъ недостатокъ пищи, иногда мнѣ повторялъ: «Я ѣсть не хочу, вы только не безпокойтесь». Понимая источникъ его рѣчи, кровь въ жилахъ моихъ останавливалась, и, къ бо́льшему въ моихъ горестяхъ несчастію, не могъ я плакать, подобно больному, которой спать не можетъ.

Въ одинъ день пошолъ я, самъ-третей, добывать пищи. Нахожу въ деревнѣ, принадлежащей нашему губернскому прокурору, полну улицу мужиковъ и женщинъ пьяныхъ, торжествующихъ день расхищенія господскаго съ напитками погреба.

Когда мы вошли къ одному мужику въ сѣни, прося у него и у хозяйки продать намъ хлѣба и молока — женщина поднесла мнѣ стараго венгерскаго вина въ замараной рюмкѣ изъ неполной уже бутылки, при которой былъ изъ бересты ярлычокъ съ надписью 5 ≠ — знакъ ≠ значитъ червонецъ. Мужики требовали, чтобъ я имъ сказалъ, какъ оно называется. Мнѣ разсудилось назвать его имъ дрей-мадера; и они начали повторять, чтобъ не забыть. Добывши отъ женщинъ кувшинъ молока и нѣсколько ломтей хлѣба, испеченаго изъ господской расхищенной муки, лишь только хотѣлъ имъ дать серебреную полтину, какъ одинъ изъ моихъ сопутниковъ, вбѣжавши съ улицы въ сѣни, шепнулъ скоропостижно: «Уйдемъ поскорѣе». И только что я показался на улицу, вдругъ закричали мужики: «Это шпіоны; намъ надобны хлѣбъ и молоко для французовъ». Одинъ изъ нихъ бросился ко мнѣ съ веревкою, вязать, и схватилъ меня за конецъ рукава моего халата, а другіе бросились ломать изъ плетня колье.

Я, вырвавшись, кинулъ имъ пятирублевую ассигнацію, а самъ пустился въ ретираду форсированнымъ маршемъ; сопутники мои здѣлали тоже. Пьяные мужики не могли долго гнаться, можетъ-быть, участвовала въ томъ и пятирублевая ассигнація. Мы скоро вбѣжали въ лѣсъ. Голодъ нашъ былъ больше страха; мы не кинули молока и хлѣба.

Послѣ уже мнѣ сказали, что у нихъ тогда находился французскій офицеръ, и бранилъ ихъ за то, что они бросились меня вязать, и что кричали: намъ надобенъ хлѣбъ и молоко для французовъ. Вѣроятно это былъ полякъ: они, при многихъ случаяхъ, мягкосердечнѣе другихъ народовъ. Другой же націи не могъ бы съ нашими мужиками объясняться.

Въ послѣдніе два дни такой жизни, мы услышали, что Наполеонъ уже въ Витебскѣ и что, въ почесть ему, грабежъ уменьшается. Но это была мечта бѣдствующихъ; ибо грабежъ шелъ своимъ чередомъ.

Напослѣдокъ, мы, для перемѣны воздуха и образа жизни

согласились иттить въ Витебскъ большою дорогою. Собралось насъ, изъ окрестностей лѣсныхъ и болотныхъ, обоего пола, человѣкъ болѣ тридцати. Женщины, иныя съ дѣтьми при грудяхъ, иныя вели ихъ въ рукахъ; мущины старые, средніе, юные имъ предшествовали или послѣдовали, кто какъ попалъ, и почти всѣ были босикомъ.

Когда пробирались мы на большую дорогу, атаковали насъ еще пѣшіе герои въ сѣрыхъ шинеляхъ. Вдругъ является изъ-за кустовъ конный офицеръ и приказываетъ великодушно пропустить насъ, какъ такихъ неподозрительныхъ людей, у которыхъ взять уже нечего.

Мы, проходя по пути чрезъ домъ г-на Енки, видѣли тамъ множество квартирующихъ и фуражирующихъ, между навоза и собственной нечистоты, какъ жуковъ, французскихъ воиновъ, которые насъ не затрогали. Но въ домѣ уже не видно было ни стеколъ въ окнахъ, ни дверей, ни цѣлой огорожи.

При самомъ входѣ въ Витебскъ разночинцы мои разсѣялись, кому куда Богъ послалъ, а мнѣ встрѣтилась маневрирующая конная гвардія. По всѣмъ улицамъ, которыми я проходилъ, видѣлъ, во всякомъ окнѣ дома, набитыхъ французовъ, и каждой домъ, сараи, повѣти, анбары наполнены были ими же. Никого изъ гражданъ по улицамъ не было видно, кромѣ бѣднѣйшихъ и евреевъ. Лавки и винные погреба пусты; двери вездѣ отперты, разломаны, стеклы побиты, затворы оконъ порасколоны, иные висятъ на одномъ крюку въ діоганаль по окну. Церкви, косціолы, кляшторы, наполнены были больными, ранеными и всѣми принадлежностьми, для нихъ и для лошадей. И Витебскъ казался мнѣ совсѣмъ уже не тотъ, въ которомъ я жилъ и служилъ 15 лѣтъ.

Въ три мѣсяца съ лишкомъ бытности ихъ въ Витебскѣ, не слышно было ни колокола, ни пѣтуха. Первой былъ запрещенъ, а второй былъ съѣденъ.

Бываютъ въ жизни мѣста или пункты, которыхъ забыть чувствительность никогда не допуститъ. На Подвинской улицѣ бросился ко мнѣ почти на шею молодой шляхтичъ, вскричавъ на польскомъ языкѣ:

— «Боже? что я вижу? Это нашъ г-нъ совѣтникъ!»

Не кстати мнѣ было спрашивать его кто онъ; но, сколько я ни силился отвѣчать ему знакомствомъ, не больше успѣлъ, какъ только примѣтилъ, что онъ бывалъ иногда въ нашемъ департаментѣ повѣреннымъ отъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ витебской губерніи помѣщиковъ. Мы обнялись и пролили слезы.

«Вамъ нужно теперь, сказалъ онъ, выпить рюмку вина; вотъ моя квартира у гражданина Лопаты».

Вошедши и поблагодаря за доброхотство при нуждѣ, спросилъ я его: «Вы же о чемъ безпокоитесь?» — «А вотъ моя жена— указывая на прекрасную женщину, лѣтъ 20-ти, лежащую въ постелѣ — она скинула мертваго ребенка, испугавшись отъ набѣжавшихъ въ мою комнату съ саблями побѣдителей».

Онъ далъ мнѣ, по желанію моему, рюмку водки, которая, при діетѣ, разлилась по внутренности моей, вмѣстѣ съ незабвеннымъ и достопочтеннымъ для меня имянемъ, г-на Зборовскаго.

Онъ продалъ мнѣ свою новую шинель, которая и была единымъ мнѣ покровомъ, во всю бытность въ Витебскѣ непріятелей. Прокурорша наша приказала сшить для меня рубашку. Миръ ея праху!

Тогда у насъ продавался фунтъ печенаго хлѣба на мѣдь 1 р. 50 к., ведро хлѣбнаго вина 10 р. сер., а рубль былъ серебреной въ 450 копѣекъ мѣдныхъ.

Домой пришелъ я не на радость. Въ немъ квартировалъ генералъ, министръ военной полиціи.

Непростительно мнѣ, что я не припомню его фамиліи; но простительно, потому что я и самъ себя тогда не помнилъ. Впослѣдствіе времяни, видѣлъ я, что физіономія его и обращеніе согласны были со внутреньними достоинствами налучшаго въ немъ человѣка.

Рѣшетки, отдѣляющія садъ отъ подворья, поломаны и разбросаны, вездѣ вокругъ дома и сада проломы. Вездѣ праздношатающіеся служители и солдаты. Садъ обращенъ въ конюшню и пастбище, вездѣ настой и смрадъ. Моя склонная природа къ чистотѣ, порядку и тишинѣ, въ другую бы пору воскипѣла; но, претерпѣвши и потерявши много, я смотрѣлъ уже на все почти равнодушно. Лутче сказать: отъ самой чувствительности я обезчувственѣлъ, окаменѣлъ; особливо тогда, когда друга моего нашелъ я лежащаго въ башнѣ, отчаянно больнымъ, но при здравой

памяти и разсудкѣ. Я утѣшалъ его тѣмъ, что ежели бы я и все потерялъ, ни мало не огорчусь, только бы онъ выздоровѣлъ — хотя и видѣлъ, къ неизобразимому моему несчастію, что ему не выздоровѣть. Онъ также мнѣ обрадовался, сколько болѣзнь ему позволяла, и сказалъ: что мы еще не совсѣмъ несчастны, когда я васъ вижу. Жена его разсказала, что она, предъ первымъ набѣгомъ на домъ партіи непріятельской, схватила въ замѣшательствѣ и почти въ безпамятствѣ нѣсколько паръ чайныхъ чашекъ, банку липцу и другихъ мелочей, и тысячу рублей ассигнаціями, и зарыла на грядахъ. Но солдаты разсыпавшись, тотчасъ примѣтили копаное свѣжее мѣсто; чашки, банку и другія мелочи разбили, а ассигнаціи унесли съ собою.

На другой день прибытія моего, переводчикъ штата генеральскаго служителю моему сказалъ: «Здѣсь квартира для генерала, а въ нея теперь пришолъ человѣкъ неизвѣстной; онъ долженъ явиться къ генералу, а не то, у насъ судъ короткой, его разстрѣляютъ». Романъ мой умѣлъ ему отвѣчать, что господинъ его пришелъ домой въ халатѣ, босой, что ему надобно одѣться и обуться, и что за это его разстрѣлять не слѣдуетъ.

Сюртукъ друга моего и сапоги ко мнѣ пришлись; я явился къ генералу въ орденѣ.

Орденъ, часы, табакерка и 180 руб. ассигнаціями, спрятаны были въ землѣ, подъ дикимъ камнемъ, при той деревнѣ, гдѣ я скрывался и бѣгалъ. Вѣрной мой Романъ, бывшій со мною въ дорогѣ, въ самой еще день прибытія моего въ Витебскъ, убѣждалъ меня послать его за сими вещьми. Сколько я съ нимъ ни спорилъ, что надобно повремянить, потому что теперь на дорогѣ его ограбятъ; однако-жъ онъ одержалъ верхъ, нашелъ гдѣ-то лошаденку и, на другой день на разсвѣтѣ поѣхавши, привезъ подъ вечеръ все, какъ-будто для того, чтобъ я къ нечистой силѣ явился не безъ креста. Чтобъ почувствовать въ полной мѣрѣ, сколь драгоцѣнна въ такомъ случаѣ вѣрность и расторопность въ слугѣ, надобно быть на моемъ мѣстѣ. Я уже лишился сего вѣрнаго человѣка. Онъ умеръ. Горе къ горю!

Генералъ принялъ меня не грубо; подставилъ самъ стулъ и говорилъ со мною чрезъ переводчика. Я, чтобъ его и себя не затруднить, далъ ему о себѣ краткую записку, кто я? и что со мною при окончаніи пути случилось? и откланялся.

Послѣ сего, на третій день, онъ потребовалъ меня къ себѣ ввечеру, и принялъ съ прежнею вѣжливостію; спрашивалъ: какъ называется мой орденъ, какой я имѣю чинъ, какъ давно служу. Переводчикъ не пропустилъ спросить, чего стоитъ мой орденъ? Мой отвѣтъ былъ: «39-ти-лѣтней службы». И, тотчасъ обратясь къ генералу, сказалъ ему, что «я имѣлъ счастіе на мой орденъ получить, отъ моего государя, рескрибтъ».

Онъ угощалъ меня французскимъ виномъ изъ стакановъ моего буфета, и сказалъ:—«Нашъ государь вашему государю другъ; вы, какъ служили одному государю, такъ можете служить и другому; Наполеонъ самъ это подпишетъ на общей бумагѣ, такъ какъ онъ подписалъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ».

Я нашелся бы что ему на это отвѣчать; но какъ участь моя похожа была на Лесажева Жилблаза въ подземельномъ жилищѣ у разбойниковъ, или на волтерова Гурона подъ тремя засовами въ темницѣ, то я, вставъ со стула, благодарилъ его нѣмымъ поклономъ, и при томъ сказалъ: «желалъ бы я, чтобъ записка моя, данная позавчера его превосходительству, была переведена». Онъ отвѣчалъ, что она прочитана, и я въ другой разъ ему поклонился и вышелъ.

Онъ простоялъ въ моемъ домѣ отъ прибытія моего дней 13 и всегда, когда я къ нему ни показывался съ визитомъ, просилъ меня или французскимъ виномъ, или французскою водкою. Но, кромѣ визита, входить мнѣ въ мои покои непозволяли. А служители, штатъ его, солдаты, каждодневныя производили въ домѣ требованія, грабежи; таскали мелочные остатки и сложенныя у меня господъ Коссова, Старинкевича и Зеленки вещи; обдирали стулье, ломали въ саду деревье. Мои экипажи выброшены были въ садъ, и тамъ, на дождѣ, мокли ободраные, а ихъ поставлены на мѣсто моихъ.

Въ одинъ день, генералъ, позвавъ меня спрашивалъ: «Чьи это вещи?» указывая на сложеную мебель и ящики. По отвѣтѣ моемъ, онъ велѣлъ записать имяна и чины сложившихъ. Потомъ спросилъ: «для чего они сложили у васъ, а не у другого кого?»

— «Они были мои пріятели».

— «Что въ этихъ ящикахъ?»

— «Не знаю».

Онъ приказалъ ихъ откупарить, говоря, что имъ кромѣ, на-

питковъ и сахару, ничто не надобно. Адъютантъ запустилъ руку въ сѣно, коимъ перекладены были въ ящикахъ вещи, и не нашедъ напитковъ и сахару, сказалъ, чтобъ люди мои заколотили ящики по прежнему. Но когда я, вышедъ, возвратился посмотрѣть скоро ли мои люди управятся, нашелъ г-на адъютанта занимающагося вновь испытаніемъ ящиковъ. Нѣсколько мелочной столовой фаянсовой посуды выставлено было уже на столъ. Онъ, увидѣвъ меня, казалось посовѣстился, и указавъ на посуду сказалъ: что это имъ не надобно, однако-жъ ящики остались откупареными; а ключи отъ всего отобраны ими были при самомъ еще въѣздѣ въ домъ, и отъ всего хлѣбнаго и другаго столоваго запаса, отъ столовой, чайной, поваренной и буфетной посуды, не осталось въ домѣ ничего.

Наполеонъ каждодневно, и почти всегда въ 7-мъ часу по полудни, выѣзжалъ за городъ въ разныя стороны верхомъ. За нимъ слѣдовало всегда конницы до 700 человѣкъ разныхъ націй. Шествіе замыкали поляки съ значками, трепещущими отъ слабаго дуновенія вѣтра. Я, смотря на это, разсуждалъ самъ съ собою, ибо съ другими разсуждать было опасно: «ежели ему такое количество потребно для показанія величія и славы, то для Витебска слишкомъ много чести, потому что въ немъ знатнѣе меня и доктора Сварацкаго никого нѣтъ; ежели-жъ оно нужно для охраненія его жизни, то участь его незавидна».

Мнѣ очень хотѣлось прочитать его физіогномію; но какъ я по природѣ близоокъ, и въ 6-ти шагахъ не могу съ перваго взгляда узнавать безъ ошибки человѣка въ лицо, а лорнеты мои съ другими вещми французами похищены, то не грѣхъ побожиться, что я его не видалъ.

По выѣздѣ генерала съ Наполеономъ въ походъ, я поспѣшилъ, сколько можно, очистить мои покои и друга моего съ башни перенести въ мой кабинетъ. Вдругъ набѣжала партія солдатъ, разсыпалась по всему дому, и требовала занять всѣ покои. Мнѣ много стоило труда удержать больного въ кабинетѣ, чтобъ его не выбросили. Потомъ выбѣжали изъ дому; явилась другая партія, потомъ третья, и всѣ производили, одна за другою, единообразные свои маневры, разбѣгаясь по покоямъ, по саду, и повсюду. Примѣтно было по ихъ хищнымъ лицамъ и движе-

ніямъ, что имъ хотѣлось серебра и золота *); но бѣдные сіи люди не знали, что у насъ не Гишпанія и не Голландія, не Англія, не Перу и не Мексика.

Я, тотчасъ, пошолъ просить коменданта о соблюденіи порядка. Онъ отвѣчалъ чрезъ переводчика, что пришлетъ ко мнѣ жандарма для квартированія, дабы онъ охранялъ меня и мой домъ отъ набѣговъ и опасностей; однако-жъ это не исполнилось, а между тѣмъ, наскочила еще партія, увела моего человѣка, и я считалъ его уже пропащимъ; но онъ имѣлъ больше вѣрности и привязанности ко мнѣ, нежели похитившіе его расторопности или охоты, чтобъ его удержать. Онъ возвратился ко мнѣ часа черезъ два; а между тѣмъ, лѣкарь и больной капитанъ, со слугами самъ-шостъ и съ пятью лошадьми, остановились у меня сами собою, заняли весь домъ и поддержали нечистоту въ совершенномъ и самомъ отвратительномъ степени. На стѣнахъ, между естампами, развѣшивали сырое мясо, отъ долговремянности котораго смрадъ наполнялъ покои. На фортепіянѣ ставили кострюлки; отъ утра до утра топили печи, трубы не закрывались, двери и окны не затворялись. Имѣя предъ глазами дрова, разбирали заборы, доламывали штакетъ, и въ покояхъ рубили на топленіе печей, въ самую лутчую теплую погоду; а вокругъ покоевъ, чрезъ отверстыя всегда окны, извергалась всякая нечистота и, вмѣстѣ съ воздухомъ возвращаясь, служила питаніемъ больному капитану.

Не лишнимъ почитаю, хоть для примѣра, сказать: какихъ качествъ и познаній людьми, или какою сволочью обогащена была армія великой націи. Въ одинъ день, слышу я трескъ металлической въ томъ покоѣ, въ которомъ лежалъ больной капитанъ. Сквозь досчатую рѣшетку, раздѣлявшую меня съ нимъ, увидѣлъ я, что онъ вывинтилъ изъ стѣны одинъ изъ бронзовыхъ наличниковъ, на которыхъ прежде стояло стѣнное зеркало, и ломаетъ его. На ту пору входитъ къ нему деньщикъ. Капитанъ, показавъ ему свой трудъ, говоритъ: «Это золото». Рыжій деньщикъ, осердясь, что капитанъ его не мастеръ находить золото, схватываетъ изломокъ, бросаетъ его съ размаха на полъ, схва-

*) Передѣлано изъ слѣдующей фразы: «Примѣтно было, что они и сами не знали, что имъ надобно. Вѣрнѣе сказать, что они искали серебра и золота». М. С.

тываетъ скоропостижно со стѣны эстампъ и, въ доказательство капитанской ошибки, показывая ему мѣдныя при рамахъ колечки, удостовѣряетъ его, сердясь, что «и это такое же золото». Бывшій тогда при мнѣ малолѣтный питомецъ, г. Томашевскій перевелъ мнѣ жаркой ихъ споръ, которой довольно показываетъ жадность ихъ и глупость.

Каждый день приносилъ съ собою мнѣ и служащимъ новыя тревоги. Описывать подробно всѣ ихъ злодѣянія потребна была бы цѣлая книга. Многіе изъ разоряемыхъ гражданъ просили, искали удовлетворенія у французскихъ начальниковъ; но правосудіе было оказываемо таково, каково бываетъ для притѣсненныхъ, содержащихъ своихъ притѣснителей на развалинахъ собственнаго иждивенія. Вѣроятно, что начальники и не въ силахъ были удовлетворять, потому что приказаній ихъ никто не слушалъ; похожо, какъ будто они, или всѣ были начальники, или всѣ подчиненные.

Между тѣмъ, какъ сіи общія и частныя горести неуменшаются, августа 11-го посѣтилъ меня рокъ такимъ ударомъ, какого со мною, во всѣ прожитыя мною 60 лѣтъ, еще не случалось. Другъ мой скончался на 33-мъ году жизни, оставя жену и малолѣтныхъ дѣтей. Каждодневное ожиданіе смерти его безсильно было ослабить во мнѣ мученье. Ужаснаго во мнѣ дѣйствія скорби, печали, или малодушія, изъяснить перо мое не въ силахъ. Я вижу прекраснѣйшіе нынѣшніе дни, но ими не наслаждаюсь, и, по чувствамъ моимъ, долженъ сказать: что солнце свѣтитъ уже не для меня. Прошелъ мѣсяцъ послѣ его смерти, а лютая болѣзнь моего сердца все еще на томъ же степени, на какомъ была и въ день смерти его. Можетъ быть, это—по мнѣнію нѣкоторыхъ—и отъ того, что я мало имѣю связи съ обществомъ, въ кругу котораго можно бы разсѣять или уменьшить несносную грусть мою; но это для меня дѣло невозможное; во-первыхъ, потому что у насъ теперь общества нѣтъ; во-вторыхъ, потому что, ежели всякой рожденъ съ собственнымъ темпераментомъ, то и я долженъ сказать, что всякую въ моей жизни горесть общество мнѣ всегда умножаетъ. Мнѣ пріятно въ немъ быть тогда, когда сердце растворено удовольствіемъ.

Душевныя друга моего качествы и способности ко всякому добру, его предусмотрительность во всякомъ дѣлѣ, экономія, ко-

мерція, садоводство, прививаніе оспы, кухня, столярное, фельдшерское, парикмахерское ремесло, сапожничество для меня и его, и проч., чему онъ приучалъ и другихъ моихъ людей; порядокъ и чистота въ домѣ и въ горницѣ; вездѣ достигающій его глазъ, дѣятельная рука и драгоцѣнная его ко мнѣ, въ продолженіи 18-ти лѣтъ, дружеская вѣрность и приверженность составляли — могу сказать — сотвореннаго мною друга моего Михайла Яковлевича Двинскаго. Онъ принадлежалъ мнѣ по крѣпости, но душу имѣлъ благородную, и за достоинства мною увольненъ, а магистратомъ принятъ въ гильдію.

Люди нѣжнаго вкуса, называющіе и собачку «мон-керъ, монъ-ами», имѣютъ свои причины сказать: «какъ это низко, назвать другомъ человѣка, которой былъ его крѣпостной!» Напротивъ сего, я также имѣю свою причину сказать, что онъ самъ съ себя достоинъ былъ начать свое званіе; многіе, получа оное по наслѣдству, сами на себѣ оканчиваютъ.

Давно уже я укрѣпилъ за него городской мой домъ, а за городомъ землю съ постоялымъ домомъ, и пространнымъ, имъ же самимъ геометрически разбитымъ и садовнически разработаннымъ, садомъ и огородомъ, приносившими, почти вначалѣ своемъ, годоваго дохода до 500 рублей и достаточное для дому годовое земляными плодами продовольствіе. Война все опустошила; а остатки растощили, растощенные витебскіе жители.

Такимъ образомъ, возложа все на его честность, способность и преданность, ни о чемъ не заботился, какъ только о должности; а послѣ полудни, оставалось время ходить по саду, поджидая, иногда, небольшого кружка избранныхъ пріятелей, когда табельные дни и годовое время позволяли; и ничѣмъ столько не веселился, какъ каждоминутною и на всякомъ шагу сопровождавшею меня мыслію, что я упрочилъ мою маленькую принадлежность достойному и наилутчему человѣку, которой погребетъ мои кости. Рановремянная его смерть показала мнѣ, что слабый смертный, родившійся въ сей горькой міръ, не властенъ распоряжать своимъ жребіемъ. Скоро наступитъ зима, не знаю, переживу-ль я ее. Когда я воображаю о собственной смерти, смерть друга моего облегчаетъ ее; но малолѣтные его сироты удерживаютъ меня при жизни. Отецъ, потерявшій одного и послѣдняго 12-ти-лѣтняго сына, былъ, повидимому, въ подобномъ

моему сокрушеніи; изреченіе его, вложенное въ его уста счастливымъ піитомъ, или имъ самимъ написанное, прилично и мнѣ:

«Паду какъ бѣдная обитель,
«На столбъ оперша чело,
«На коего, всего рушитель,
«Съ косою время налегло!»

§ XXXXVII.

1812 года. октябрь.

Изгнаніе непріятеля.

Рицари, коихъ въ сіе время въ Витебскѣ оставалось около тысячи человѣкъ, угрожали, что они, въ наступающую зиму, одѣнутся въ женскіе салопы, которыхъ, по ихъ словамъ, осталось еще на ихъ долю. Однакожъ, они ожидали уже своей участи; и, въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль, трикратно нагружали свои повозки и трикратно выгружали. Часто взлѣзали на крыши домовъ и смотрѣли во всѣ стороны.

26-е число, по утру рано, былъ спасительный день изгнанія ихъ изъ Витебска; грекороссійская здѣсь церковь празднуетъ день сей каждогоднымъ Господу Богу молебствіемъ.

Непріятель въ Витебскѣ раздѣлился на три неравныя произвольныя части; одна выпалила изъ двухъ пушекъ и изъ мелкаго ружья по нѣскольку зарядовъ, съ лѣвой на правую сторону Двины, противъ наступившихъ нашихъ. Другая, разсыпавшись по городу, докапывала спокойно на огородахъ картофель и бураки. Въ тотъ годъ и октябрь былъ столько же хорошъ, какъ августъ. Отъ непріятелей запрещено было хозяевамъ собирать плоды садовые и огородные. Отъ рановремяннаго употребленія первыхъ, множество ихъ погибло кровавымъ поносомъ. Свидѣтельствуютъ о томъ каски, оставшіяся отъ нихъ по оврагамъ, а тѣла растощены звѣрьми и собаками.

Третья (часть) тотъ же часъ бросилась въ бѣгство изъ города во всѣ стороны; всѣ они взяты въ полонъ, комендантъ ихъ не далеко отъ города отбѣжалъ. При взятіи его, одинъ изъ нашихъ воиновъ зацѣпилъ за его карманные часы, но столь неповоротливо, что комендантъ успѣлъ обнажить саблю и дать ему смертельную рану, отъ которой непроворной солдатъ черезъ сутки умеръ, какъ будто въ наказаніе за то, что прежде принялся за часы, нежели за комендантскую саблю.

Извѣстно уже и безъ моей повѣсти, что изъ всѣхъ мѣстъ Россіи, начиная отъ Москвы до Германіи, прыгали непріятели балетъ съ променадомъ и, гдѣ прилично было, аплодированы русскими пулями и штыками. Самъ Наполеонъ поспѣшилъ сыграть на свою долю два бенефиса на островахъ Ельбы и св. Елены.

Изъ полмиліона, или — какъ тогдашнее время гласило—изъ милліона регулярной саранчи, Наполеонъ успѣлъ увести съ собою только 40,000. Прочіе всѣ: иные остались въ плѣну, иные потомъ замерзли на снѣгахъ, въ лютую тогдашнюю, какъ будто для нихъ принаровленную и вдругъ наступившую зиму, иные погибли *) отъ голода. Въ семъ послѣднемъ случаѣ—по увѣренію самовидцевъ—подмосковной простой народъ, незнающій тактики и стратагемы, запрашивалъ ихъ въ пространныя избы, снабденныя хлѣбомъ и молокомъ, и, вмѣстѣ съ избами, сожигалъ ихъ скоропостижно. Такое вѣроломное гостепріимство, въ другомъ случаѣ, раздирало бы нравственную и чувствительную душу; но мнѣ, въ тогдашнемъ моемъ положеніи, оставалось только удивляться и благоговѣть къ постоянному порядку, существующему непрерывно отъ язычества до христіянства, отъ христіянства до Америки, отъ Адама до сего дня; въ чемъ не дадутъ солгать ассиріяне, персы, греки, римляне, мавры, моголы, чингисъ-ханы, аттилы, магомеды, пизарры, кортецы, римскіе понтификаты и самъ Каинъ съ Авелемъ; не говорю уже о народѣ возлюбленномъ, который въ царствованіе Тиверія Кесаря и управленіе Іудеею Пилата, торжественно отозвался: «кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ». Московскій же простой народъ въ правѣ былъ думать, что не онъ начинщикъ драки: «На починающаго Богъ» сказано предъ войною въ высочайшемъ манифестѣ. Сказано и исполнилось.

Фридрихъ Великій, въ собственноручной «Исторіи своего времяни», сказалъ, какъ-будто для нашего времяни, что «непріятели вступили какъ римляне, а выступили какъ татаре».

Губернаторъ Сумароковъ, за нѣсколько времяни предъ войною, переведенъ на такую же должность въ Великій Новъ-Градъ.

Вскорѣ возвратился въ Витебскъ и г. гражданскій нашъ губернаторъ Лешернъ. Я встрѣтилъ его въ его квартирѣ. Онъ меня сперва не узналъ, потому что парика уже на мнѣ не было.

*) Зачеркнуто: «отъ угара въ бѣлорусскихъ карчмахъ». М. С.

Зимою онъ препоручилъ мнѣ сожженіе и зарытіе мертвыхъ непріятельскихъ тѣлъ въ Невлѣ и въ Велижѣ. Въ сихъ двухъ городахъ, въ домахъ и окрестностяхъ, найдено ихъ болѣе тысячи, въ военныхъ мундирахъ. Они, по предписанію, сожжены и зарыты въ пространныя ямы. Народъ оживился упованіемъ и даже почувствовалъ, что онъ весною свободенъ будетъ отъ моровой язвы.

Не долго мы видѣли нашего добраго начальника Лешерна, онъ переведенъ въ Гродно, а должность его, по случаю смерти вице-губернатора г-на Сушки, заступилъ губернскій прокуроръ Маньковскій. Я не долженъ пропустить въ молчаніи того, что онъ въ сіе, хотя краткое, но еще смутное и отчетистое время, показалъ себя неусыпнымъ и взыскательнымъ, съ благоразуміемъ, котораго ему по натурѣ не недоставало. Къ нему прислана изъ Петербурга складочная отъ сердобольныхъ сердецъ денежная сумма въ пользу разоренныхъ, собранная подъ особеннымъ попеченіемъ и съ пособіемъ всевысочайшей фамиліи, съ поимяннымъ росписаніемъ, кому сколько вручить. Я получилъ на мою долю 1500 р. ассигнаціями. Состояніе мое поправилось; и въ тоже время прибылъ въ Витебскъ губернаторомъ Петръ Петровичъ Тормасовъ, человѣкъ свѣтской, обходительной и снисходительной. Столъ его для всякаго, по приличію, былъ открытъ, и каждой принятъ былъ отверстымъ сердцемъ, а особливо тотъ, кто игралъ въ карты.

Вскорѣ за симъ, былъ я счастливъ получить изъ Петербурга, отъ его королевскаго высочества, герцога Александра Виртембергскаго, благосклонное письмо, извѣщающее о перемѣщеніи меня изъ совѣтниковъ въ прокуроры. Хотя же постъ сей не возвысилъ меня ни жалованьемъ, ни классомъ, но отличное благоволеніе особы, которая по крови не чужая всѣмъ почти европейскимъ престоламъ, радовало меня. Все, казалось, пошло своимъ чередомъ, и мнѣ оставалось только оправдывать милости и не терять, или паче возвысить всеобщее о себѣ хорошее мнѣніе.

Но, не вступивъ еще въ мою должность, я заболѣлъ и, съ октября мѣсяца до новаго 1815 г. не могъ выходить изъ комнаты. Я чахнулъ, слабѣлъ, обезсиливалъ со дня на день, не могъ ни ѣсть, ни спать, и кашлялъ отъ сверботы въ грудяхъ. Многіе полагали, что у меня послѣд[illegible]нь чахотки, да я и

самъ былъ бы къ этому мнѣнію близокъ, но у меня грудь и внутренность ни мало не болѣли. Нѣкоторые въ мысль мою вѣрнѣе попадали, что это былъ остатокъ, или послѣдствіе претерпѣнныхъ горестей. Я не принималъ лѣкарствъ и ни жалѣю; вода, чай, бульонъ, кашицы и иногда кофій были моимъ безвкуснымъ почти питаніемъ. Я изрѣдка принималъ исландской мохъ и конской щавель. Единожды только г. Тизингаузенъ, полотскій полицемейстеръ, случившійся на ту пору въ Витебскѣ, убѣдилъ меня принять лѣкарство отъ проѣзжавшаго изъ Вильны чрезъ Витебскъ въ Москву знакомаго ему доктора, г. Лебошица, увѣривъ меня, «что докторъ сей и отецъ его извѣстные академики и превосходные врачи. Сей гипократъ — говорилъ онъ — не будетъ томить васъ химическими смѣсями, а дастъ единожды такое лѣкарство, отъ котораго вамъ сдѣлается легче. Я къ вамъ его соглашу, и самъ съ вами пополамъ приму его лѣкарство».

Кто тонетъ, тотъ за бритву хватается; а дружеское отъ сердца предложеніе не есть бритва; оно для меня было небесною музыкою, которой я не слыхивалъ.

Г. Лебошицъ осмотрѣлъ меня и далъ лѣкарство. Я часа съ четыре заснулъ спокойно и безъ кашля, чего со мною съ два мѣсяца не бывало. Чрезъ недѣлю, я уже могъ выттить; однакожъ кашель и чрезмѣрная слабость не совсѣмъ меня покинули.

Отъ сего времяни, я, на 63-мъ году отъ моего рожденія, началъ чувствовать старость.

Въ сіе время возвратился и его высочество, послѣ военной противъ французовъ экспедиціи, изъ Петербурга въ Витебскъ. Я не въ силахъ еще былъ явиться; вскорѣ пришелъ ко мнѣ адъютантъ его высочества, г. Шулепниковъ спросить о здоровьѣ. Его высочество милостивъ былъ сказать чрезъ него, чтобъ я не спѣшилъ выходить.

Надобно-же, по порядку, сказать, кто былъ сей г. Шулепниковъ. Мнѣ не рѣдко такіе попадаются, о которыхъ ежели бы я умолчалъ, то лишилъ бы себя наилутчихъ мѣстъ въ моей исторіи. Онъ, по натурѣ, скромной философъ, образованной европейскими языками. Онъ, съ настоящею своею должностью, притащилъ въ Витебскъ и часть своей библіотеки, изъ которой я — потомъ — узналъ, въ первой разъ, что и Англія на своемъ языкѣ имѣетъ энциклопедію. О французской же я внушенъ еще въ младолѣт-

ствѣ моемъ, и могъ тогда же постигать, что она расположена по алфабетному порядку дватцати четырехъ литеръ, и составлена вся — или продолжается — изъ тѣхъ же самыхъ литеръ, безъ которыхъ она не могла бы существовать. Имѣя столь достаточное объ ней понятіе, я остаюсь по нынѣ въ забавномъ на себя подозрѣніи, что она мнѣ какъ-будто столько же знакома, сколько всѣмъ академикамъ, которые ее не переводятъ на нашъ отечественный языкъ.

Я не забылъ, какъ славнаго нашего Сумарокова племянникъ, Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, бывши у насъ въ Витебскѣ губернаторомъ и будучи самъ литераторъ и любитель отечественнаго слова, сказалъ единожды: «Отечество наше просвѣщается и имѣетъ къ тому всѣ пособія отъ самодержавной власти, а всего на свой отечественной языкъ не переводитъ».

На вопросъ мой: «Развѣ-же можно все перевести на нашъ отечественной языкъ?»

Онъ отвѣчалъ: «Это одна энциклопедія, за покупку которой издерживаемъ мы немалую сумму денегъ за границу, а сами не переводимъ. Сословіе учености, можетъ-быть, скажетъ: что, энциклопедію надобно читать въ оригиналѣ, а не въ переводѣ; жалѣю. Нельзя лутче, или слабѣе выдумать отговорки отъ занятія себя полезнымъ трудомъ».

Отбившись отъ настоящей матеріи Шулепниковымъ и его энциклопедіею, возвращаюсь къ моему дѣлу.

Предъ новымъ, 1815-мъ годомъ, могъ я явиться къ его высочеству, милостиво былъ принятъ и вопрошенъ: «кто былъ мой лѣкарь?»

Я отвѣчалъ: «Лебошицъ».

— «А! знаю».

Изъ сего могъ я замѣтить, что посланной ко мнѣ Провидѣніемъ Тизингаузенъ, не напрасно мнѣ славилъ сего медика. Его высочество, замѣтя мою слабость, милостиво мнѣ повторилъ, чтобъ я не спѣшилъ выходить; однакожъ, вскорѣ послѣ сего, я часто приглашаемъ былъ къ обѣденному столу, который, вмѣстѣ съ куражемъ, былъ мнѣ послѣ болѣзни непротивенъ, и я уже надѣялся скоро сказать о себѣ такъ же, какъ, въ подобномъ случаѣ, сказалъ о себѣ въ Лесажевомъ романсѣ Жилблазъ, что онъ

«съ рожи сталъ похожъ на бернардинскаго монаха». Но надежда — цыганка.

Въ одинъ день, когда я шелъ къ обѣду отъ моего жилища, которое разстояніемъ не болѣе ста шаговъ отъ обитанія герцога, вдругъ заревѣлъ преужасной бурной вѣтеръ, или сухопутной орканъ, и понесъ меня какъ перо. Человѣкъ, бывшій за мною, не могъ мнѣ дать помочи. Я старался упасть на землю, но жестокая буря, шпага и гололедица не допускали меня. Я цѣлился попасть на какой-нибудь опоръ, но площадь и потомъ улица не имѣли поперечныхъ для меня преградъ; и послѣдняя оканчивалась низкою пропастью или оврагомъ къ рѣкѣ Витьбѣ, куда меня несла буря. Къ счастію моему встрѣтился полотскій еврей, находившійся въ Витебскѣ по своимъ дѣламъ, именно Куклинскій. Онъ подхватилъ меня, взвалилъ на свои санишки и привезъ ко мнѣ домой. Некогда было думать о обѣдѣ. Отъ испуга и движенія, открылась у меня горломъ кровь. Все къ лучшему; послѣ крови, мнѣ здѣлалось легче. Я раздѣлся. Ко мнѣ вошелъ адъютантъ его высочества Александръ Ивановичъ Козминъ, по дошедшей полицейской рапортиціи, что губернскаго прокурора чуть-было не вздернуло живого на небо, какъ праотца Еноха, или не сбросило съ утесистой горы, какъ съ Тарпейскаго камня, на Витьбу. И хотя я въ силахъ уже былъ посмѣяться съ Козминымъ на счетъ моего приключенія, однакожъ, за всѣмъ тѣмъ, имѣлъ необходимость посидѣть еще съ недѣлю дома.

Благосклонность и довѣренность ко мнѣ герцога продолжались постоянно; а въ 1817 году, нашлись при герцогѣ люди, которыхъ зависть давно уже обижалась. Я почувствовалъ неблаговоленіе, и лишенъ довѣрія и столовъ. Тургенева и Старинкевича тогда уже не было, да и неутральной по натурѣ Шулепниковъ скоро отдѣлился въ Петербургъ. Я остался съ однимъ моимъ языкомъ, на которомъ изъясниться не могъ, да и не зналъ въ чемъ изъясняться. Нечего было дѣлать. Надлежало повиноваться времяни. Я принялъ жизнь уединенную, и нигдѣ уже не показывался, кромѣ присутственныхъ по должности мѣстъ, къ чему согласенъ былъ и мой *) седьмой десятокъ лѣтъ.

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «чего отъ меня требовали не меньше политика какъ и». М. С.

По 1822 годъ, положеніе мое было единообразно. Тихая, но терзающая меня жизнь была для меня не лестна. Въ теченіе сего времени находившійся при его высочествѣ армейской полковникъ, г. Шубинъ, ознаменованный орденами, знакомой съ иностранными языками, съ горною наукою, рожденный съ добрымъ сердцемъ и съ твердостію духа, слѣдственно не простой фрунтовой *) воинъ, принялъ меня прежде въ свое знакомство, а потомъ даже во уваженіе, котораго, однакожъ, я по сю пору, по всей справедливости принять на себя не смѣю. Я нерѣдко у него бывалъ и—какъ водится—обѣдывалъ. Новобрачная его супруга, изъ знатнаго россійскаго дворянскаго рода, принимала меня привѣтливо. Они, замѣтя во мнѣ, что я человѣкъ не безъ способности отгрызаться, давали иногда мнѣ счелчки на счетъ моей молодости. Мало-по-малу, связь сдѣлалась дружескою, а отсутствіе его высочества со всею фамиліею, по высочайшему дозволенію, изъ Витебска въ Германію, давало къ тому свободу.

По возвратѣ въ Витебскъ изъ вышесказаннаго путешествія, его высочество не проронилъ сказать г-ну Шубину: «а я знаю вашихъ пріятелей». И наименовалъ меня.

— «Да знаете-ль вы его?» отвѣчалъ г. Шубинъ, скорымъ вопросомъ, съ вольностью французскаго языка.

— «Какъ же! знаю».

— «Нѣтъ».

— «Что-жъ вы въ немъ находите?»

— «Я въ немъ нахожу человѣка съ хорошимъ и чувствительнымъ сердцемъ, со смысломъ и изъясненіемъ лаконическимъ и критическимъ. Нѣтъ, ужъ воля ваша—заключилъ г. Шубинъ—я этого человѣка не кину».

Самъ г. Вольтеръ остался бы въ нерѣшимости, кому изъ нихъ ближе принадлежитъ, опредѣленной въ одномъ его сочиненіи въ награду за героическія достоинства, золотой кубокъ: тому ли, кто осмѣлился одобрять впадшаго въ немилость, или тому, кто смѣлаго одобренія не почелъ за оскорбительную дерзость?

Для меня они оба хороши. Пусть только не погнѣваются на золотой кубокъ, у меня его нѣтъ.

Диверсія полковника похожа была на нападеніе въ расплохъ. Неблаговоленіе уничтожилось.

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «храбрый». М. С.

Вскорѣ, изъ того же путешествія возвратилась въ Витебскъ и ея королевское высочество герцогиня. Малая наша публика явилась въ дозволенную пору съ поклономъ. Это было уже при свѣчахъ. Я сталъ позади нѣсколькихъ, для того, чтобъ не быть напереди. Дщерь ихъ высочествъ, принцесса Антонета Фридерика, проходя по комнатѣ тихимъ шагомъ, подходила къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ; всѣ посторонились, и я здѣлалъ движеніе въ сторону; но ея высочество, приостановясь, изволила мнѣ на россійскомъ языкѣ сказать: «я васъ узнала».

— «Счастіемъ почитаю».

— «Каково ваше здоровье?»

— «Пора умирать, мнѣ уже семидесятой годъ».

— «Лицо ваше не показываетъ этого. Будьте здоровы, я васъ узнала», повторила ея высочество.

Всѣмъ примѣтна была сія отличность; а питомецъ Марса и Минервы, г. Шубинъ, въ полголоса, на французскомъ, дополнилъ: «ваше высочество старца-та оживили».

Я въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ оживленіе; жалѣлъ только, что не собрался съ отвѣтомъ; а можетъ быть это и къ лучшему. Не рѣдко бываетъ, что желающіе дать хорошій видъ своему дѣлу сами его портятъ, ежели слишкомъ заврутся.

Стихотворцы, въ подобномъ моему восторгѣ, сдернули бы съ Парнасса и Олимпа всѣхъ боговъ, богинь и всѣхъ музъ, заняли бы ими цѣлыя страницы, и отдали бы въ типографію г. Греча; но я довольствуюсь только тѣмъ ощущеніемъ, что во весь мой вѣкъ ничего драгоцѣннѣе не слыхивалъ.

Вскорѣ ея высочество герцогиня изволила отъѣхать въ Петербургъ; а за симъ и самъ герцогъ, по высочайшему имянному повелѣнію, отправился туда же, для принятія главнаго управленія по водяной коммуникаціи, съ увольненіемъ отъ управленія бѣлорусскими губерніями.

Не задолго предъ отъѣздомъ своимъ, его высочество за обѣденнымъ — партикулярнымъ уже — столомъ, изволилъ спросить: «знаетъ ли прокуроръ, что я представилъ его къ награжденію бриліянтовымъ орденомъ?»

— Знаетъ, отвѣчалъ нашъ вице-губернаторъ, которой тогда же еще отъ меня о семъ узналъ, когда правитель канце-

ляріи герцогской, г. Борейша сообщилъ мнѣ, въ подлинникѣ для прочтенія, подписанное уже отношеніе къ министру юстиціи.

А при самомъ выѣздѣ въ Петербургъ, его высочество, подозвавъ меня изъ среды пришедшихъ на отъѣздной поклонъ, далъ мнѣ руку и сказалъ: «будьте спокойны, берегите свое здоровье, а я, по новой моей обязанности, надѣюсь и еще посѣтить Витебскъ». Благодарность моя была въ краткомъ словѣ, и поклонѣ и въ глубочайшихъ сердца чувствованіяхъ.

Теперь его высочество находится въ своей сферѣ, а мнѣ 28-е число марта рѣшило, чтобъ я былъ обрадованъ полученіемъ, при высочайшей граматѣ, бриліянтоваго ордена св. Анны второй степени.

Слѣдственно, мнѣ теперь остается ожидать одного только деревяннаго креста на могилу, которую я завѣщалъ загладить такъ, чтобъ видовъ ея не оставалось.

Апрѣля 28 д. 1823 г.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Послужной списокъ Г. И. Добрынина.

Чтобъ имѣть о Добрынинѣ свѣдѣнія внѣ тѣхъ, какія находятся въ его запискахъ, мы обратились въ мѣсто послѣдняго его служенія—въ Витебскъ. Николай Романовичъ Щулепниковъ съ полнѣйшею обязательностью сообщилъ намъ слѣдующую копію съ формулярнаго о службѣ Добрынина списка:

„Губернскій прокуроръ, коллежскій совѣтникъ Гавріилъ Ивановъ сынъ Добрынинъ, 69 лѣтъ, орденовъ св. Анны 2 класса съ алмазными украшеніями и св. Владиміра 4 степени кавалеръ.

Изъ Малороссійскихъ дворянъ.

Имѣетъ дворовыхъ 4 мужскаго пола души.

Канцеляристомъ въ Сѣвскую духовную консисторію 1773 г. въ октябрѣ.

Продолжая службу въ бывшемъ Могилевскомъ намѣстничествѣ произведенъ провинціальнымъ протоколистомъ 1777 г. въ декабрѣ.

Губернскимъ секретаремъ 1778 г. въ апрѣлѣ.

Опредѣленъ въ могилевскую верхнюю расправу стряпчимъ 1782 году въ сентябрѣ.

Награжденъ чиномъ коллежскаго секретаря.

Титулярнаго совѣтника 1783 г. въ февралѣ.

Опредѣленъ стряпчимъ въ могилевскій верхній земскій судъ 1787 г. въ декабрѣ.

Награжденъ чиномъ коллежскаго ассесора 1788 г. 31 декабря.

Опредѣленъ могилевскимъ губернскимъ стряпчимъ 1795 г.

По соединеніи обѣихъ бѣлорусскихъ губерній въ одну Витебскую въ витебскій нижній земскій судъ коммиссаромъ —1797 г. 1 мая.

Главнаго суда во 2 департаментѣ совѣтникомъ 1800 г. 7 іюня.

Награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника 31 декабря.

Коллежскаго совѣтника 1807 г.

По представленію бѣлорусскаго военнаго губернатора, герцога Александра Виртембергскаго, пожалованъ орденомъ св. Анны 2 класса 1812 г.

Опредѣленъ губернскимъ прокуроромъ 1814 г. 10 сентября.

За 35-ти-лѣтнюю службу въ классныхъ чинахъ всемилостивѣйше пожолованъ орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 4 степени 1817 г. 12 ноября.

Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 2 класса съ алмазными украшеніями 1823 г. 13 февраля".

Вмѣстѣ съ симъ Н. Р. Щулепниковъ увѣдомилъ, что въ 1824 году Добрынинъ уже значиться умершимъ и на его мѣсто назначенъ новый прокуроръ. Такимъ образомъ желаніе Гавріила Ивановича, выраженное въ послѣднихъ строкахъ записокъ, о томъ, чтобы скорѣе умереть,— исполнилось очень скоро: еще въ апрѣлѣ 1823 года онъ оканчивалъ свое „Повѣствованіе", а уже въ іюлѣ 1824 года его небыло на свѣтѣ.

Сообщенная изъ Витебска справка любопытна, между прочимъ, тѣмъ, что Добрынинъ значится въ ней „изъ малороссійскихъ дворянъ". Очевидно, что таковая отмѣтка могла явиться въ формулярѣ лишь со словъ Добрынина, между тѣмъ, какъ изъ „Истиннаго повѣствованія" видно, что онъ былъ изъ духовнаго сословія.

М. С.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

и

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

Ш.

Щ.

Э.

Я.

Ѳ.

